Красавцы советского кино

Федор Раззаков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Советский кинематограф оставил заметный след в мировой культуре не только великолепной игрой, внушительными батальными сценами и аллегорией, маскирующей отчаянные диссидентские и протестные выпады против системы. Советское кино явило миру удивительно красивых актеров и актрис, которые своим внешним и внутренним обаянием, своими великолепными природными данными могли дать фору растиражированным голливудским звездам. Красота советских актеров будоражила и сводила с ума миллионы поклонников и поклонниц; героям киноэкранов подражали, зрители пытались выглядеть, говорить и вести себя так, как их кумиры. И конечно, жизнь этих очаровательных людей представлялась всем до головокружения счастливой, как в сказке. На самом деле судьба не баловала лучезарных кумиров; их жизнь порой складывалась трагически, а печать несчастья преследовала красавцев до самого последнего вздоха…

- Федор Раззаков
  - Его звали не Роберт
  - Легендарный Штирлиц
  - Мустангер-беглец
  - Тот самый Адъютант
  - Первый красавец (Олег Янковский)
  - Тот, кто победил «пиратов XX века»
  - По прозвищу Абдула
  - Блондин-гардемарин
  - Российский мачо

Федор Раззаков
Красавцы советского кино

Его звали не Роберт

Олег Стриженов родился 10 августа 1929 года в городе Благовещенске на Амуре в семье военного. Его отец — Александр Николаевич — воевал на фронтах Гражданской войны в рядах Красной армии, имел несколько боевых наград. В начале 20-х, волею судьбы, он полюбил жену своего непосредственного начальника Ксению (она в свое время окончила Смольный институт благородных девиц). Произошло это, можно сказать, случайно. В один из дней Ксения должна была с мужем пойти в театр. Однако муж выбраться туда так и не смог и перепоручил это дело своему подчиненному — Александру Стриженову. С того вечера и начался их роман. Длился он несколько месяцев и завершился вполне счастливо: муж Ксении оказался человеком с пониманием и, видя, что молодые действительно любят друг друга, дал свое согласие на развод. Ксения взяла с собой маленького сына Бориса и переехала жить к Александру Стриженову. В последующем у них родились еще два сына: сначала Глеб (21 июля 1925 года), а затем — Олег.

В 30-е годы семья Стриженовых перебралась в Москву. Когда началась война, Олег и Глеб вместе с матерью остались в столице, а отец и старший брат Борис ушли на фронт. В одном из боев под Сталинградом Борис погиб смертью храбрых. В то же время решил уйти добровольцем на фронт и Глеб Стриженов. Приписав себе в метрике лишних пару лет, он был признан годным к военной службе и вскоре очутился на передовой. Однако повоевать ему так и не удалось: в первом же бою он был тяжело контужен, и после лечения в госпитале его комиссовали.

Стриженов Олег в те годы учился в средней школе и был весьма одаренным учеником. По словам его друзей, он уже тогда был наделен множеством талантов: прекрасно читал стихи, прозу, рисовал. Причем последнему занятию он отдавал особенное предпочтение и в будущем мечтал стать профессиональным художником. Именно поэтому в конце 40-х годов он поступил на художественно-бутафорский факультет Московского театрально-художественного училища.

Между тем в 1949 году его брат надумал идти в актеры и стал усиленно склонять к этой же профессии и Олега. Тот какое-то время колебался, но поддался уговорам и подал документы в Театральное училище имени Б.В. Щукина при Театре имени Вахтангова (Глеб — в Школу-студию при МХАТе). Экзамены для нашего героя прошли удачно, и он был зачислен на первый курс (класс профессора И. Толчанова и доцента В. Москвина). На

студенческой сцене Стриженов играл самые разные роли: Емелю в водевиле Д. Ленского «Простушка и воспитанная», Ромео в «Ромео и Джульетте», Самозванца в «Борисе Годунове», Жадова в «Доходном месте» и др.

Окончив училище в 1953 году, Стриженов был распределен в Таллинский театр русской драмы. Там ему сразу досталась главная роль — Незнамова в «Без вины виноватых» А. Островского. Спектакль имел большой успех у зрителей именно благодаря исполнителю главной роли — Олегу Стриженову, которого таллинские театралы тут же нарекли восходящей звездой. Вполне вероятно, что впереди нашего героя ждала счастливая театральная карьера, если бы в один из дней в дело не вмешался его величество Случай.

В 1952 году известный кинорежиссер с «Ленфильма» Александр Файнциммер (в 1949 году он выпустил в свет кассовый боевик «Константин Заслонов») решил экранизировать роман Этель Лилиан Войнич «Овод». Для роли отважного Артура ему требовался молодой и красивый актер из числа дебютантов. Чтобы найти этого актера, помощникам режиссера пришлось объездить многие учебные заведения страны и просмотреть огромное количество молодых людей. Во время одной из таких поездок в Москву в училище имени Б.В. Щукина режиссер А. Тубеншляк попала на спектакль «Ромео и Джульетта», где одну из главных ролей играл наш герой — Олег Стриженов. Его игра настолько понравилась режиссеру, что она тут же попросила у руководства училища дать ей фотографию этого актера, чтобы показать ее Файнциммеру. Но тот, повертев ее в руках, остался совершенно равнодушен к изображенному на ней красавцу. Короче, в первый раз Стриженов впечатления на режиссера не произвел.

Съемки «Овода» в 1952 году так и не начались из-за каких-то производственных неурядиц. Их перенесли на следующий год. К тому времени Стриженов был уже далеко от Москвы — в Таллине, где блистал в роли Незнамова. И надо же было такому случиться, но в Таллине проездом оказался второй режиссер фильма «Овод» Николай Акимов. Естественно, он не мог пройти мимо шумной премьеры в местном драмтеатре и в один из дней посетил спектакль «Без вины виноватые». Игра Стриженова произвела на него хорошее впечатление, и он уехал в Ленинград с чувством, что, кажется, нашел актера на роль Артура.

Когда Файнциммер услышал, что в Таллине объявился талантливый молодой актер, он спросил его имя. «Олег Стриженов», — ответил Акимов. «Где-то я уже слышал эту фамилию», — задумчиво произнес режиссер. И тут внезапно

вспомнил, что год назад фотографию человека с такой фамилией приносила ему А. Тубеншляк. Заинтригованный таким совпадением вкусов двух своих ассистентов, Файнциммер тут же распорядился вызвать молодого актера на «Ленфильм» для проб.

В Ленинград Стриженов приехал в начале 1954 года, в душе мало надеясь на то, что его утвердят на главную роль. В своем красном свитере и коричневых брюках он выглядел как мальчик и на всех участников съемочного процесса произвел грустное впечатление. Внешне в нем совершенно невозможно было разглядеть бесстрашного и несгибаемого Артура. И многие тогда посчитали, что кандидатура этого актера отсеется сама собой после первой же пробы. Тем более что другими кандидатами на эту роль были более маститые актеры, например: С. Бондарчук, Ю. Панич. Однако произошло совершенно неожиданное. Видимо, не привыкший отступать, Стриженов решил не уступать другим кандидатам роль без боя и показать все, на что он был способен как актер. На пробах он был чрезвычайно собран, от его мальчишества не осталось даже намека. А. Файнциммер был откровенно поражен игрой молодого актера и заявил, что больше никаких проб не будет. Так наш герой был утвержден на главную роль. В марте 1954 года начались съемки картины.

Фильм «Овод» вышел на экраны страны в 1955 году и занял в прокате 3-е место (35,16 млн. зрителей). Успех был ошеломляющий. Олег Стриженов стал знаменитым. Как писала позднее критик Л. Тихвинская:

«Первая роль Стриженова — Артур Риварес в «Оводе» — привлекла пафосом революционной борьбы, судьбой героя, ищущего правду, за нее сражающегося. Неожиданно герой этого фильма оказался в ряду героев революционных лент второй половины пятидесятых годов. Такие произведения, как «Тревожная молодость», «Павел Корчагин», «Они были первыми», воскрешали революционные страницы, раскрывали героические судьбы хотя и далеких по времени, но близких по духу людей…

Стриженов органично чувствовал себя в условиях, предложенных ему режиссером. Всему, что происходило в душе Артура, он находил эффектное внешнее выражение, наглядное и доходчивое. Зрителя увлекали резкие смены душевного состояния героя — от раздирающих душу рыданий до раздирающего душу сатанинского хохота».

Чем еще памятен для нашего героя этот дебют в кино? Тем, что на съемках картины он полюбил исполнительницу роли Джеммы, актрису с редким именем Марианна и вскоре женился на ней. В этом браке спустя год у них родится дочь Наталья.

Блестяще сыгранная роль Овода привлекла к Стриженову

внимание других советских кинорежиссеров. Так, Владимир Каплуновский в качестве своего режиссерского дебюта (до этого он работал как художник) решил экранизировать Джека Лондона. Его фильм назывался «Мексиканец», и Стриженову досталась в нем главная роль. Фильм имел хороший прием у зрителей, однако критика его откровенно ругала. Например, критик Р. Соболев писал:

«Мексиканец» — беспомощное повторение голливудских вестернов. Фильм получил резко отрицательную оценку общественности, но на мексиканца — Стриженова ни у кого «рука не поднялась». Он отнюдь не был джек-лондоновским героем, он оказался героем романтическим, обаятельным и, в известной мере, мексиканским, с чертами характера мексиканского революционера, которые представлял из прочитанных книг и просмотренных фильмов. Во всяком случае, Ривера оказался в «Мексиканце» единственным героем и единственным живым человеком».

Одновременно с «Мексиканцем» Стриженов в 1955 году снимался еще в одном фильме — у Григория Чухрая в «Сорок первом». Причем утверждение его на главную роль было не таким уж простым. Дело в том, что руководитель «Мосфильма» Иван Пырьев хотел, чтобы в роли Говорухи-Отрока снимался другой молодой актер — Юрий Яковлев. Однако Чухрай был против этой кандидатуры и настаивал на Стриженове. В конце концов точка зрения режиссера победила, и наш герой получил еще одну роль, принесшую ему заслуженную славу.

Фильм «Сорок первый» вышел на экраны страны осенью 1956 года и имел большой успех у зрителей. Вот что писал об этой роли Стриженова все тот же Р. Соболев:

«Об этом образе Стриженова можно писать исследование, специальную книжку… Актер показал поручика правдиво, таким, каков он есть, — культурным, красивым, бесстрашным и верным своему долгу человеком. Образ оказался сложным и противоречивым. Стриженов, не поступаясь правдой жизни и не отступая перед трудностями задачи, показал не только поэтические и привлекательные стороны характера поручика, но и его ограниченность, его духовную бедность по сравнению с наивной и, казалось бы, темной Марюткой. (В этой роли снялась И. Извицкая.) Собственно, в том и состояло творческое дерзание авторов «Сорок первого», что они через лучшего, духовно самого красивого представителя старого мира показали бесплодие и обреченность этого мира».

После триумфального успеха «Сорок первого» (картина была отмечена призом в Каннах) спрос на актера Олега Стриженова

резко возрос. В конце 50-х он был одним из самых снимаемых актеров советского кино. Правда, почти все фильмы, в которых он тогда снимался, были экранизациями различных литературных произведений. Например, в 1956–1958 годах он снялся сразу в пяти экранизациях: «Капитанская дочка» (главная роль — Гринев) и «Пиковая дама» (главная роль — Германн) по А. С. Пушкину, «Хождение за три моря» (главная роль — Афанасий Никитин) по А. Никитину, «Белые ночи» (главная роль — Мечтатель) по Ф. Достоевскому, «Северная повесть» (главная роль — Павел Бестужев) по К. Паустовскому (последний фильм вышел в прокат в 1960 году и занял 6-е место — 31,34 млн. зрителей).

Как видим, во всех этих картинах Стриженову доставались главные роли, что, несомненно, работало на его популярность у зрителей, а с другой стороны — позволяло критике дотошно копаться в каждой из них. Вот, например, что пишет об этих ролях Р. Соболев:

«За некоторые роли Стриженов брался и работал над ними без должной требовательности к себе. Например, трудно понять, чем привлекла его роль Бестужева в фильме «Северная повесть» — роль заведомо ходульная. Может быть, это произошло под гипнозом литературного первоисточника — чрезвычайно эмоционального и лирического произведения К. Паустовского? Это можно понять: но если это так, то удивительно, что актер ничего не сделал, чтобы оправдать свой выбор. Бестужев Стриженова оказался старым знакомым для зрителя: что бы он ни делал и ни говорил — внешне все правильно, все хорошо, но исполнено это с ложным пафосом, с многозначительностью, которая раздражает, ибо ничего за собой не содержит…

Без серьезных творческих поисков сделан актером и интересный образ Гринева в «Капитанской дочке». Гринев многим напоминает прежние роли Стриженова. А отличается только одним — он глуповат. Создается впечатление, что актер слишком прямолинейно воспринял слова дядьки Савельича, называющего барича «дитятей».

В «Капитанской дочке» мы впервые увидели, как прекрасный актер обкрадывает сам себя, используя привычные, проверенные «на публике» приемы. И видеть это было обидно и тревожно. Про Гринева не скажешь — здесь нечего играть. В списке побед Стриженова есть роли несравненно беднее по материалу, по возможностям, например Афанасий Никитин в «Хождении за три моря»…

С большим успехом по экранам прошла «Пиковая дама»… Стриженов — Германн, по общему мнению, затмил всех актеров и героев фильма.

Все так, Стриженов, бесспорно, великолепен в роли Германна. Но это скорее внешнее великолепие… В образе, созданном Стриженовым, нет философской наполненности, нет и переклички с современностью. По форме это, повторяем, блестящая работа, но ее содержание весьма тривиально…»

А вот что писал другой критик — Р. Юренев — о фильме И. Пырьева «Белые ночи» и роли Стриженова в нем:

«Из повести Достоевского можно понять, что рассказывающему Мечтателю лет сорок, что он не утратил свежести чувств, яркости воспоминаний. Красивого артиста О. Стриженова загримировали дряхлым, пьяным, беззубым стариком, шлепающим мокрыми губами, дрожащими руками наполняющим стакан. Зачем столь неэстетическое изображение распада личности? Чтобы доказать бесплодность мечтаний?.. В результате — отталкивающая, пьяная старость, сентиментальная беспомощная молодость и обывательская безвкусица мечтаний — и это один из чистейших и трогательнейших образов Достоевского, предтеча Мышкина. Преодолеть эту неверную трактовку артист Стриженов, конечно, не смог. Его огромная в те годы популярность лишь увеличила «широкопотребную» трафаретность образа».

Главную женскую роль в «Белых ночах» исполняла молодая актриса Людмила Марченко. Так получилось, но киношная любовь ее героини к герою в исполнении Стриженова продолжилась и за пределами съемочной площадки. Правда, ни к чему хорошему это не привело. Вот как вспоминает об этом сестра Людмилы Марченко Г. Дорожкова:

«Однажды, придя домой, Люся объявила, что уходит от нас — будет жить в Малом Демидовском переулке.

— Разве тебе плохо здесь? — наивно спросила я.

— Я и Олег Стриженов любим друг друга и будем жить вместе.

— Что?!!

Мама вскрикнула, как от удара, встала из-за стола и подошла к двери, словно решив показать, что никуда дочь не пустит. Сраженная наповал таким сообщением, она на некоторое время даже потеряла дар речи. Пауза затянулась — все переваривали новость.

— Ты думаешь, что делаешь? — наконец заговорила мама.

— Думаю.

— Но ведь он женат!

— Олег сказал, что будет разводиться. Он не встречается с женой.

— «Олег сказал, Олег сказал»… — повторила мама. — И ты

веришь?!

— Конечно. Мама, ведь ты сама учила, что надо верить!

— Учила. Но это не тот случай. Ты молода и еще плохо разбираешься в людях, ты мало знаешь его. Для него это развлечение!

— Я знаю его хорошо. Я все обдумала.

— Это ошибка, Люда, послушай меня.

— За свои ошибки я буду расплачиваться сама. Ты не понимаешь, он любит меня!

— Если он любит, а не дурит, — почти закричала мама, — почему же прячется по углам и не зайдет к нам, как делают другие, по-настоящему любящие тебя?!

— Он не прячется. Посмотрите, вон — он ждет меня.

Мы подошли к окну и увидели Олега Стриженова, дефилирующего вдоль Моссовета, напротив нашего дома. В изнеможении мама села на диван и заплакала. Я давно не видела ее такой, с тех далеких дней нашего детства, когда принесли похоронку на отца. В квартире хлопнула входная дверь — Люда ушла к нему…»

То, что мама была права, Марченко поняла уже спустя несколько месяцев. Она забеременела и, счастливая, сообщила эту новость Стриженову. А тот, вместо того чтобы радоваться, стал уговаривать ее сделать аборт. Говорил убедительно: дескать, ты еще молода, у тебя только-только начинается карьера в кино, а тут — ребенок… Да и у меня, дескать, дела не слишком хороши: с женой пока не развелся, дочери Наташе всего три года. Короче, уговорил. А чтобы не было огласки, нашел знакомого врача, который сделал Людмиле операцию прямо у себя дома. Но сделал варварски.

И вновь послушаем рассказ Г. Дорожковой: «По приезде из Ленинграда, после съемок, Люда пришла к нам. Мама проверяла тетради учеников, бабушка что-то готовила на кухне. Увидев сестру, я очень обрадовалась, подошла к ней, поцеловала и обняла. Вдруг почувствовала, что она, горячая и бледная, сползает из моих объятий вниз, теряет сознание. А потом вдруг рухнула на пол, как подрубленное деревце.

Мама выбежала из комнаты:

— Людочка, Люда, что с тобой?

Охваченные страхом, мы подняли ее и отнесли на кровать. Бабушка вызвала «Скорую». Приехали пожилой врач с молоденькой сестричкой. Люда по-прежнему лежала в полуобморочном состоянии, с закрытыми глазами и ни на какие вопросы не отвечала. Врач осмотрел ее (у Люды была большая потеря крови), сделал какой-то укол и, взглянув на симпатичное,

почти детское личико, спросил:

— Сколько девочке лет?

— Девятнадцать… скоро, — ответила мама. (Людмила Марченко родилась 20 июня 1940 года. — *Ф.Р.*)

— Первый аборт?

— Да.

— Почему не обратились в больницу? — сразу разгадав предысторию теперешнего недомогания, продолжал он. — Что, ваш мальчик не хочет жениться? Зачем вы это сделали?

Наступило краткое молчание.

«Этому мальчику, — думала я про себя, — четвертый десяток лет. Ничего себе мальчик, представитель тайных эротических забегов на короткие дистанции!»

— Первый аборт грозит бесплодием, — продолжал врач. — Да и зачем это было нужно, ведь все равно потом приходится обращаться к настоящим врачам?!

Он отошел к столу, что-то прошептал маме, оставил рецепты на лекарства и уехал. «Отчий дом» он, наверное, не видел, а «Белые ночи» на экран еще не вышли. Лицо Люды было одним из тысяч, встретившихся ему. Слова его оказались пророческими: детей у сестры больше так и не было, и это стало одной из причин, сломавших ей жизнь. Главную в жизни женщины роль, роль матери, ей, к сожалению, сыграть не довелось. Не стало ребенка, и ее любовь к Олегу улетучилась так же быстро, как и возникла…»

В конце 50-х Олег Стриженов был одним из самых популярных актеров советского кино, поэтому фильмы с его участием собирали множество призов как у себя на родине, так и за ее пределами. Например, фильм «Белые ночи» в 1959 году был удостоен наград на фестивалях в Киеве, Эдинбурге и Лондоне (1960). Картина «Капитанская дочка» в том же году получила призы в том же Киеве, Локарно и Ванкувере (1960).

Критик Э. Лындина справедливо отмечала: «Стриженов становился кумиром, его имидж идеально вписывался в контекст ломки середины 50-х годов. Шла смена караула, хотя Стриженов никоим образом не близок социально озабоченным «шестидесятникам». Он всегда жил в искусстве сам по себе. Сила и острота реакции пробуждающегося нашего общества по-своему сварьировала близкие Стриженову мотивы. Тогда его порой называли «русским Жераром Филипом», сравнивая с французом, завоевавшим мировой экран. В этом сравнении можно отыскать некую долю истины, если вернуться к идее рыцарской. Но Стриженов все-таки не был эквивалентом французского Сида и Фанфан-Тюльпана, победительно сыгранных Жераром Филипом.

И слава богу: он остался собой, с российской болезненной самоуглубленностью, нашим извечным стремлением вступить в бой, чреватый гибелью, с устремленностью к страданию как моменту высшего очищения…»

Тем временем свою первую роль современника Стриженов сыграл все в том же конце 50-х. Летом 1958 года (сразу после съемок в «Капитанской дочке») Стриженов начал сниматься у режиссера Николая Розанцева в фильме «В твоих руках жизнь». Он сыграл в нем роль капитана саперов Дудина. Картина рассказывала о том, как через пятнадцать лет после войны саперы, рискуя жизнью, разминировали склад боеприпасов, оставленный фашистами в жилом районе города. В этом же фильме одну из ролей играла и жена нашего героя Марианна Стриженова. Как писал об этой роли актера уже знакомый нам Р. Соболев:

«Стриженов разбил предубеждение, что он может играть только «книжных» героев, создав душевно красивый и полнокровный образ советского офицера — нашего современника. Заметим при этом, что никаких предшественников в этом у него не было. В кино немало создано ярких и запомнившихся образов офицеров Советской армии, но исключительно в фильмах, рассказывающих о событиях Великой Отечественной войны. В картинах же о мирных буднях армии мы видели преимущественно плохих солдат, которых перевоспитывают в солдат хороших этакие «голубые» и «розовые» офицеры-резонеры. После выхода «В твоих руках жизнь» воины Советской армии с удовлетворением писали, что впервые они увидели в фильме правдивый и близкий им образ офицера».

Отмечу, что в том же 1958 году в творческой карьере Стриженова могла состояться еще одна прекрасная роль. Уже знакомый артисту режиссер Г. Чухрай приступал к съемкам фильма «Баллада о солдате» и предполагал отдать роль Алеши Скворцова именно Стриженову. Однако судьба распорядилась по-своему, и нашему герою сыграть в этом фильме так и не довелось. Но стоит ли об этом жалеть, если эта картина открыла нашему кинематографу другого замечательного актера — Владимира Ивашова.

В 1962 году Стриженов оказался выдвинутым на получение Ленинской премии. Шансы получить столь высокую награду у актера были, что называется, «фифти-фифти». Однако после того, как по нему «проехалась» газета «Советская культура», и эти шансы улетучились, словно дым.

Статья в упомянутой газете была опубликована 6 февраля, называлась «Пожалуй, это преждевременно…» и принадлежала

перу М. Крыловой. Приведу ее с некоторыми сокращениями:

«Среди деятелей искусства, выдвинутых на соискание Ленинской премии, я увидела фамилию киноартиста Олега Стриженова. Эта новость и обрадовала, и огорчила меня. Да, обрадовала и огорчила, как ни покажется странным соединение таких, казалось бы, несоединимых эмоций. Обрадовала потому, что Олег Стриженов один из любимых моих киноартистов. И не только моих. Он вообще один из самых популярных мастеров советского экрана. Он на редкость самобытный артист. Его яркий и сильный талант покорил многих. Любое появление Олега Стриженова на экране, даже в относительно слабых фильмах, всегда вызывает большой интерес зрителей.

Почему же тогда выдвижение Стиженова на соискание высокой награды за творческий труд может кого-либо огорчать? Ответ прост. Потому, что любимый артист не получит этой награды. Мы в этом почти не сомневаемся. Больше того, он не должен ее получить. Его последние работы в кино не дают ему такого права. Само выдвижение О. Стриженова в число кандидатов на Ленинскую премию кажется нам случайным. Видимо, художественный совет музыкальных и театральных факультетов заочного народного университета искусств Министерства культуры РСФСР (а это он выдвинул киноартиста) чего-то тут не продумал.

Да, встреча со Стриженовым на экране всегда интересна, но не всегда его игра — подлинное открытие, новое слово в художественном творчестве.

Вероятно, талант артиста еще не раскрылся полностью, вероятно, мы еще будем свидетелями большого творческого взлета молодого мастера кино.

На Ленинскую премию О. Стриженов выдвинут за исполнение ролей Германна в фильме-опере «Пиковая дама» и капитана Дудина в фильме «В твоих руках жизнь». «Пиковая дама» — хороший фильм. Он успешно справляется с главной задачей, во имя которой, надо думать, и был создан: донести до самых широких зрительских масс гениальное творение П. И. Чайковского. «Пиковая дама» — фильм-опера, то есть произведение прежде всего музыкальное. Нисколько не умаляя значения изобразительного ряда в фильме (работа оператора, художника) и игры драматических актеров, надо все же признать, что в отрыве от звукового ряда, от музыки, от игры оркестра и пения оперных солистов данный фильм оценивать нельзя. И как бы удачно ни играл драматический актер, но, если он лишь открывает рот, а поет за него другой, — это серьезное препятствие для полной и объективной оценки актерского

творчества. Вряд ли можно правильно судить об игре драматического артиста, не слыша его голоса. Речь ведь идет не о пантомиме! О. Стриженов играет Германна. Вокальную партию ведет З. Анджапаридзе. Образ, созданный киноартистом и певцом, бесспорно, интересен. Но, право же, работа Стриженова — выполнение всего лишь частичной задачи.

Что касается картины «В твоих руках жизнь», то это в целом произведение довольно среднего художественного уровня. Игра в ней Стриженова, скорее всего по не зависящим от актера обстоятельствам, ничем особенно не блещет. Сказалась здесь слабость сценария и режиссуры. Как бы доброжелательно ни относились мы к фильму «В твоих руках жизнь» и труду всех творческих работников, участвовавших в его создании, но против фактов не пойдешь. А факты таковы: фильм этот не оставил заметного следа в отечественном киноискусстве; со времени его выпуска на экран не прошло и трех лет, но он, если говорить честно, уже забыт.

Все сказанное ни в коей мере не зачеркивает большой и плодотворной деятельности Олега Стриженова в кино. У меня и в мыслях не было хоть как-то опорочить артиста. Эта заметка — лишь отклик на непродуманное предложение о выдвижении на Ленинскую премию. Олег Стриженов — талантливый киноактер, дарование оригинальное, самобытное. Когда-нибудь (и, возможно, очень скоро) он будет удостоен этой почетной награды. Хочется только пожелать, чтобы кинодраматурги, работая над своими сценариями, и режиссеры, готовясь к постановке фильмов, почаще вспоминали, что есть у нас такой прекрасный киноартист — Олег Стриженов».

Не стояла на месте и личная жизнь героя нашего рассказа. Разведясь с первой женой — Марианной Стриженовой (они прожили вместе четыре года), — Стриженов долгое время ходил в холостяках. Но это отнюдь не значило, что он был обделен женским вниманием — отнюдь. О его романе с Людмилой Марченко мы уже рассказывали. Однако следом за ним последовал еще один. Дело было так.

Летом 1960 года судьба забросила Стриженова в Ялту — ему предстоял двухнедельный отдых перед съемками фильма «Дуэль». И там от своих коллег-кинематографистов он услышал о красивой юной актрисе, студентке ГИТИСа, которая в Ялте в те дни снималась в роли Стеллы в фильме «Вольный ветер». Заинтригованный, Стриженов решил познакомиться с этой актрисой поближе. Но как? Выход невольно подсказала второй режиссер фильма Наталья Птушко, которая, случайно встретив Стриженова на набережной, пригласила его в порт на завтрашние

съемки.

Каково же было удивление Олега, когда в «таинственной незнакомке» он узнал девушку, с которой впервые столкнулся шесть лет назад в Одессе, на съемках фильма «Овод». Звали девушку Лионелла Скирда. Во времена «Овода» ей было 17 лет, и она, впервые попав на съемочную площадку (возвращалась из театрального кружка домой и случайно наткнулась на съемочную группу), мгновенно и безоговорочно влюбилась в Стриженова. Тот тоже тогда красавицу приметил и даже оставил ей свой гостиничный телефон в надежде, что девушка ему позвонит. Но Лина испугалась, не объявилась, а через день киноэкспедиция отбыла на теплоходе уже в другой город…

И вот теперь, спустя шесть лет, судьба вновь свела Олега и Лину (или Ли, как он назвал ее еще во время их первой встречи). Однако пообщаться поближе им опять не довелось: Стриженову пора было уплывать в Сочи, на съемки «Дуэли». Узнав, что Лина учится в ГИТИСе, он дал себе слово обязательно разыскать ее по возвращении в столицу.

Однако обещание свое актер выполнил только полтора года спустя. В январе 1962 года Стриженов вернулся с очередных съемок (снимался в Киеве в фильме «В мертвой петле») в Москву и вместе со своим приятелем актером Владимиром Сошальским отправился в ресторан ВТО. Там за одним из столиков он внезапно увидел Лионеллу Скирду. Больше они уже не сдерживались: прилюдно обнялись и расцеловались. И потом на протяжении четырех месяцев практически не расставались. Лина даже летала к Олегу в Киев, на съемки, несмотря на то что Стриженов тогда снова вернулся в семью, к первой жене Марианне. Однако теперь он готов был опять уйти, чтобы жить только с Лионеллой. Он сам ей так об этом и сказал, когда летом 62-го им пришлось на время расстаться: Олег уезжал на съемки в Киев, а Лина с Театром имени Станиславского — в Куйбышев. Но Лионелла предпочла не разрушать семью. Ей еще бабушка наказывала не иметь дел с женатыми мужчинами: «На чужом несчастье счастье не построишь». И поэтому, пока Олег снимался, Лина быстренько вышла замуж за человека, который давно ее добивался. Когда Стриженов узнал об этом, он был потрясен. Самое интересное, но Олег и Лионелла в итоге все равно поженятся, правда, случится это чуть позже, о чем мы обязательно расскажем.

В 60-е годы Стриженов продолжал активно сниматься в кино в ролях самого разного плана. Например, он играл персонажей классических произведений («Дуэль», 1961, главная роль — Иван Андреевич Лаевский; «Три сестры», 1965, Николай Львович

Тузенбах), современников («Перекличка», 1966, главная роль — космонавт Алексей Бородин), реальных исторических деятелей («В мертвой петле», 1963, летчик Сергей Уточкин; «Третья молодость», 1966, главная роль — П. И. Чайковский).

Фильмов с участием Стриженова могло быть тогда значительно больше. Дело в том, что во время съемок в нескольких картинах отношения нашего героя с режиссерами внезапно портились, и роль уходила к другому исполнителю. Причины у этих конфликтов были самые разные: начиная от нарушения режима самим актером и заканчивая его чрезвычайной требовательностью к режиссерам. Так, в 1962 году Стриженов отказал самому Сергею Бондарчуку, когда тот предложил ему роль князя Болконского в фильме «Война и мир». Как это получилось? Послушаем самого О. Стриженова:

«Я Бондарчука подвел, послал его перед самой съемкой. За что? За то, что меня никогда не пробовали! Режиссер просто обязан знать, кто ему нужен на главную роль. И уважать актера обязан. Такой великий человек, как Пырьев, не гнушался подойти к артисту и сказать: «Я знаю, ты сейчас свободен. И нужен мне. Хочешь у меня сыграть? Придешь?» И никаких проб — такой это был художник!

Бондарчуку я решил напомнить, что мы оба артисты, друзья и на равных! Да ведь он мне год голову морочил. Предложил роль Долохова, я согласился, а он тем временем на роль Болконского пробовал всю страну, ко всеобщему удивлению не предлагая ее только мне. А я же Лев, я же гордый! Я ждал звонка и думал: «Эх, Серега, — царствие ему небесное! — как же ты роли распределяешь? Какая из твоей жены Элен?» И когда звонок раздался: «Старик, нет Болконского», — я выдвинул Бондарчуку условия. Первое. Я слышал, говорю, что ты пробы актерские взаперти с женой смотришь и никто другой их не видит. Так вот, ты мне покажешь все пробы, все, что наснимал. А во-вторых, в моих пробах ты сам мне будешь подыгрывать. Ну а третье условие я тебе потом скажу, когда результат увижу. Договорились. Я отсмотрел все пробы, прохохотал: «Боже, бедный Толстой!» И с упоением отыграл в своих пробах. Мой Андрей не был «остолбеневшим князем», как потом о Тихонове писали.

Он был разным, живым. И когда Бондарчук это признал, тут-то я ему и объявил о своем третьем условии — у тебя как у режиссера я играть никогда не буду!

Что тут началось! Ведь газеты и журналы уже дали анонсы. Кто меня только не уговаривал! Но самое интересное продолжение эта история получила у Фурцевой. Однажды я сплю, окна зашторены, и тут звонок: «Это Фурцева!» Кокетливым тоном.

А я спросонья не пойму — день или ночь. И решил, что это кто-то из девочек киношных, знаете, вокруг фильма всегда полно каких-то писюх, решил меня разыграть. И понес на нее чуть ли не на нашем фольклоре. А потом бросил трубку. Она перезванивает. Слышу, в голосе низы появились: «Олег Александрович, это действительно Екатерина Алексеевна говорит…» Короче, через пару часов я был у дверей ее кабинета. По коридору туда-сюда ходит Бондарчук. Только я подумал: вот, может, мы сейчас с ним поговорим, и я его прощу, — а тут секретарша Фурцевой меня к ней на ковер вызывает. За столом — целая коллегия. От Сергея Герасимова до чиновников всяких. Ну ясно. На испуг будут брать. Но я же Лев! Никого не боюсь… И вдруг слышу из уст Фурцевой гневное: «Я не понимаю, почему вы не хотите играть любимый образ нашей молодежи?!» А я и говорю: «Екатерина Алексеевна, я окончил два учебных заведения — художественное училище и театральное. И только и слышал, что у нашей молодежи всего два любимых героя: Овод и Павка Корчагин. А вот то, что князь Андрэ стал любимым образом молодежи, я впервые от вас слышу. Но не печалюсь, ведь Овода я сыграл». Герасимов, сидевший напротив меня, просто заплясал на стуле и с хохотом выбежал из кабинета. А Фурцева многозначительно стала расспрашивать, как я живу. Попроси я тогда орден, звание, другую квартиру — уверен, дали бы. Но я ответил, что живу, мол, себе потихонечку, чего и всем желаю!»

А вот еще один случай актерской строптивости Стриженова. В режиссерском дебюте поэта Г. Поженяна фильме «Прощай» (1967) актер должен был играть одну из главных ролей — Олега Старыгина. Однако действия режиссера-дебютанта на съемочной площадке так не понравились нашему герою, что, отснявшись в нескольких сценах, он вскоре самовольно покинул съемки (фильм снимался в Одессе) и уехал в Москву. В итоге от главной роли остались одни ошметки.

О сложности характера нашего героя наглядно говорит и другая история — с фильмом «Его звали Роберт», который снимался на «Ленфильме» в конце 1966-го — начале 1967 года.

Картину снимал молодой режиссер Илья Ольшвангер, и Стриженов играл в ней сразу две роли — робота Роберта и его создателя, ученого Сергея Сергеевича Куклина. Какое-то время съемки фильма шли вполне благополучно, после чего начались конфликты между Стриженовым и режиссером: сначала творческие, потом переросшие в личные. В итоге, когда до конца съемок оставались считаные недели, Стриженов сорвался. Вот как это было отражено в документах — в докладной записке директора «Ленфильма» И. Киселева руководству Госкино,

датированной январем 1967 года:

«Прибыв в Ленинград на съемки 9 — 10 декабря, Стриженов, будучи в нетрезвом виде, отказался приехать на работу, грубо оскорбил приехавшего за ним в гостиницу старшего администратора. На телефонный вызов — непристойно оскорбил ассистента режиссера, а поехавшего за ним директора картины — не впустил к себе в номер. 16 декабря он явился на съемку объекта «квартира Геннадия» пьяным, а на вечернюю съемку инфраэкрана явиться отказался, несмотря на предварительную договоренность. 21 декабря на вызов группы отказался приехать на съемки из Москвы, сославшись на заболевание, а на телеграмму директора студии с требованием сообщить сроки приезда и представить больничный лист — Стриженов ничего не ответил и бюллетень не представил. 27 декабря, прибыв на съемку объекта «туалетная комната», по телеграмме МХАТа, после съемки в тот же день выехал в Москву на 28 декабря, а на 29–30 декабря приехать отказался, несмотря на договоренность дирекции студии с режиссерским управлением МХАТа.

Вновь согласованный с артистом Стриженовым план дальнейших съемок был сорван из-за отказа Стриженова приехать на съемки в согласованный срок. 18 января 1967 года Стриженов прибыл в Ленинград для съемок последнего объекта «театр» с участием более 400 человек массовки и многих актеров, но до 15 часов в студию не явился и не звонил, после чего за ним был специально послан заместитель директора картины Гумберто О. В. На всевозможные уговоры и просьбы приехать на съемку Стриженов ответил грубой бранью в адрес всей группы и дирекции, а также всяческими нецензурными словами оскорбил заместителя директора Гумберто и от съемок отказался. Студия была вынуждена трудовое соглашение с артистом Стриженовым расторгнуть».

В результате этого скандала Стриженова наказали по полной программе: объявили ему строгий выговор с предупреждением, удержали 1/3 его месячной зарплаты и полностью лишили постановочного вознаграждения. Кроме этого, актера сняли с учета актерского отдела киностудии «Ленфильм» и категорически запретили всем съемочным группам студии приглашать Стриженова для участия в съемках. Что касается фильма «Его звали Роберт», то Стриженова все-таки обязали досняться в нем, несмотря на то что он сильно этого не хотел. Однако и сопротивляться давлению Госкино было опасно: в таком случае актера вообще вышибли бы из профессии (такие случаи в советском кино редко, но случались: например, актера Владимира Трещалова, сыгравшего роль Лютого в «Неуловимых

мстителях», за проступки, идентичные тем, что совершал Стриженов, выгнали с работы, и он в течение нескольких лет работал… водителем троллейбуса, ходившего по маршруту от киностудии «Мосфильм» до Киевского вокзала).

Кстати, фильм «Его звали Роберт» получился не таким уж и провальным, во всяком случае, в прокате он пользовался большим успехом и собрал почти 20 миллионов зрителей. Более того, он был отмечен призами на фестивалях в Триесте (1968) и Милане (1969). И, глядя на игру Стриженова в этом фильме, никто из зрителей даже не мог себе представить, каких мук стоило актеру участие в этой непритязательной комедии.

Тем временем в 1967 году Стриженов после долгого перерыва возвращается на театральную сцену. Он приходит в труппу МХАТа. Выбор этого театра был не случаен для актера: еще в 1964 году он сыграл на его сцене роль Тятина в спектакле «Егор Булычев и другие». Теперь ему предстояло сыграть Мортимера в «Марии Стюарт» Шиллера, Треплева в чеховской «Чайке» и другие роли. Приход в театр изменит и личную жизнь актера. Здесь он встретит актрису Любовь Земляникину, которая станет его второй женой, родит ему сына Александра (6 июня 1969 года).

В год рождения сына Стриженову будет присвоено звание народного артиста РСФСР. А спустя год после этого произойдет новый всплеск зрительской любви к этому артисту. В тот год на экраны страны выйдет фильм Владимира Краснопольского и Валерия Ускова «Неподсуден», в котором наш герой сыграет главную роль — летчика Сергея Егорова, которого подло оклеветал его друг (в этой роли снялся Леонид Куравлев). О том, как проходили съемки этой картины, рассказывают сами режиссеры.

В. Усков: «Когда мы приглашали Стриженова, у него уже был конфликт с Госкино, был даже приказ, запрещающий его снимать, — он сорвал несколько картин. Он мог плюнуть и уйти со съемок. Очень крутой человек. Потом мы его поняли. Дело не в нервном характере пьющего человека, а в том, что он страшно не любил халтуру. Как только он чувствовал режиссерскую немощь или убогость замысла, он говорил: «Jamais». И уходил. Для него было важно, чтобы ему было интересно работать. Если этого не случалось, он сразу становился скучным, грустным и грубым».

В. Краснопольский: «Однажды он устроил скандал в костюмерной из-за того, что художник по костюмам после длительного перерыва в съемках дала ему не ту рубашку, а он — профессионал, он помнит, какая у него была рубашка».

В. Усков: «Он помнит, на какой ноте закончил сцену: картина через месяц снимается, и он тут же подхватывает тот же уровень

темперамента… Когда он надевал костюм летчика и выходил из костюмерной, все затихали. Он был настоящий герой-любовник. Умел любить, умел смотреть, умел слушать. Хотя начинал он, говорят, не очень складно. В массовке. Режиссер кричал: «Это кто такой белобрысый сидит в кадре? Уберите его — он кадр портит».

Фильм «Неподсуден» вышел на экраны страны в августе 1969 года и занял в прокате 4-е место (43,3 млн. зрителей). По опросу, проведенному среди читателей журнала «Советский экран», Стриженов стал лучшим актером советского кино в 1970 году.

Тогда же на широкий экран вышел и другой фильм с участием Стриженова — «Миссия в Кабуле» Леонида Квинихидзе (роль Романа Лужина). В нем наш герой снялся вместе со своим старшим братом Глебом. Это была их вторая совместная картина: до этого они блестяще сыграли в эпизоде картины С. Самсонова «Оптимистическая трагедия» (1963).

Несмотря на то что начало 70-х годов было весьма многообещающим для актера Стриженова, все-таки в целом назвать их творчески удачными можно едва ли. Его актерский потенциал так и не был тогда раскрыт по-настоящему. Из наиболее заметных работ актера в тот период назову следующие: в картине В. Дормана «Земля, до востребования» он сыграл советского разведчика Л. Маневича (в прокате 1973 года картина заняла 19-е место — 23,8 млн. зрителей); в фильме В. Мотыля «Звезда пленительного счастья» — роль князя Волконского (в прокате 1975 года картина заняла 20-е место — 22 млн. зрителей); в фильме П. Тодоровского «Последняя жертва» (1976) — роль Вадима Дульчина.

На съемках последней картины Стриженов встретил свою старую любовь — актрису Лионеллу Скирду (она сыграла там небольшую роль графини Круглой). Как мы помним, еще в начале 60-х между ними вспыхнул роман, который так и не привел их к свадьбе. Вместо этого Лионелла вышла замуж за известного кинорежиссера Ивана Пырьева. Однако Стриженов продолжал оказывать знаки внимания своей бывшей возлюбленной. 25 декабря 1965 года, будучи в Париже, он пишет ей любовное письмо. В нем были такие строчки:

«Тебя нет, и Мир рухнул!

Мне безумно тебя не хватает. Без тебя тошно и пусто. И все теряет интерес и смысл. Я не хочу ничего вспоминать и вдаваться в подробности: «Кто прав, кто виноват?» Да и в этом ли дело?..

Я тоскую без тебя. Я люблю тебя как прежде. О дальнейшем не задумываюсь. Ты же знаешь, что я никогда ничего не задумывал. И не из боязни что-то сглазить. Просто я всегда должен во что-то верить! Сейчас я почему-то верю, что ты любишь

меня и что мы скоро опять будем вместе. О Господи! Прости. Куда меня занесло! Ты слишком хороша для такого дурака, как я!..»

Поскольку Лионелла была замужем, Стриженов отправил письмо не ей лично, а на имя ее подруги — актрисы Маргариты Гладунко. На конверте написал: «Для Лины». Однако ответа он так и не дождался — уходить от мужа Лионелла не захотела: она знала, что такой поворот событий мог стоить жизни любящему ее всем сердцем и душой Пырьеву.

В феврале 1968 года И. Пырьев скончался. Казалось бы, Стриженов и Пырьева могли наконец воссоединиться, но этого не последовало, поскольку Стриженов на тот момент уже успел жениться. Поэтому каждый из них продолжал жить своей жизнью. Так, Лионелла записала на свой счет несколько фильмов, среди которых наиболее известными были: «Братья Карамазовы» (1968; фильм снял И. Пырьев), «Хозяин тайги» (1969) и «Опасные гастроли» (1970; в двух последних лентах она играла любимых женщин Владимира Высоцкого).

В 1975 году судьбе было угодно снова свести Стриженова и Пырьеву: они оба получили роли в фильме «Последняя жертва». Бывшие любовники искренне обрадовались такому стечению обстоятельств (отметим, что за год до этого наш герой успел развестись со своей второй женой). Но их настоящее сближение произошло чуть позже, в Одессе.

Однажды приятель Стриженова из Театра-студии киноактера Эдуард Машкович предложил Олегу выступить в их заключительном концерте. А чтобы не оставить другу никаких путей к отступлению, как бы невзначай обронил: «Лина тоже участвует». Стриженов, конечно же, согласился. Во время антракта они с Пырьевой уединились за кулисами и проговорили несколько минут. В конце разговора Стриженов пригласил Пырьеву отужинать с ним в ресторане гостиницы «Лондонская». Лионелла возражать не стала, только предупредила, что придет не одна, а с подругой Аллой Ларионовой.

Далее послушаем рассказ самого О. Стриженова: «В «Лондонской» я сидел за своим любимым столиком в самом углу, возле оркестра. Принесли холодные закуски, холодное шампанское с коньяком и, конечно же, цветы. Я не спускал глаз с парадной двери. Наконец она распахнулась, и они вошли — Лина и Алла в сопровождении Эдика. Весь зал обернулся в их сторону. Гуляющие одесситы аж зааплодировали, кто-то даже встал…

Девочки действительно были прекрасны — нарядны и очень красивы. Я бы даже сказал, очень эффектны в своих легких длинных вечерних платьях. Да! Вошли настоящие звезды, ничем не уступающие западным.

Я усадил Лину рядом с собой. Глядя на мою девочку Ли, я просто пьянел и балдел… Я кивнул своим приятелям-оркестрантам, и они, зная мое желание, заиграли наш любимый знаменитый «Маленький цветок». Лина как-то по-детски тихонько захлопала в ладоши и весело сказала, обращаясь к нам с Эдиком:

— Ну что ж, будем танцевать и даже пить! Мужчины, я разрешаю вам выпить по рюмке коньяку!

Глядя на нее, я подумал, что ее избаловало мужское внимание и что у нее появилась какая-то новая привычка становиться центром внимания. И мне на минуту вспомнилась та одесская девочка Ли, что стояла за веревочным оцеплением возле Оперного театра и которую не пускали дальше любопытной толпы… Невольно улыбнулся.

— Ты чему?

— Ничему. Просто смотрю на тебя и любуюсь. Ты красива как никогда.

Я не скрывал своего восхищения, чем, вероятно, доставил ей удовольствие. Она протянула ко мне свой бокал и тихо сказала:

— За нас.

Вечер прошел прекрасно и незаметно быстро. Я проводил их из «Лондонской» в «Красную», где они остановились…»

Расставаясь, влюбленные договорились встретиться в Москве, на озвучании «Последней жертвы». Ждать пришлось недолго — 12 ноября Стриженов и Пырьева встретились в тон-ателье «Мосфильма». И там при всей съемочной группе Олег сделал своей Ли предложение. Она ответила «да». С тех пор они живут вместе.

Творческая активность Стриженова продолжалась до середины 80-х годов. В то время он снялся в нескольких фильмах, среди которых значились: т/ф «Карл Маркс. Молодые годы» (1980, Ламенне), «Юность Петра», «В начале славных дел» (оба — 1981, роль князя Голицына), «Приступить к ликвидации» (1983, главная роль — полковник милиции Иван Алексеевич Данилов). Последняя картина заняла в прокате 20-е место, собрав на своих сеансах 23,2 млн. зрителей. Это был последний ощутимый успех Стриженова в кино. За период 1984–1991 годов актер снялся всего лишь в пяти фильмах, однако ни один из них не принес ему настоящего творческого удовлетворения. Так как список этих картин не столь велик, назову их все: «Господин Великий Новгород» (1984, главная роль — Алексей Бородин), «Мой любимый клоун» (1986, Дим Димыч), «Акция» (Валентин Николаевич Кареев), «Оглашению не подлежит» (князь Ухтомский) (оба — 1987), «Снайпер» (1991).

В 1988 году О. Стриженову было присвоено звание народного

артиста СССР.

В тот период Стриженов практически перестал сниматься в кино, все свободное время отдавая предпочтение живописи. В одном из своих интервью в конце 90-х он горько резюмировал:

«Я прошел по «Мосфильму»: гримерный цех уничтожен, в павильоне, где я снимался, склад коробок с итальянской лапшой. Людей, составляющих гордость нашего искусства, забыли. Мне не прислали даже билета на открытие последнего кинофестиваля. Этот билет мне что — по рангу не положен? Я, конечно, могу и без билета пройти, но я хочу — под руку с женой, и сказать: «Меня пригласили». Раз такое отношение, буду продолжать писать картины маслом, а с кино — все!»

Что касается старшего брата нашего героя — Глеба Стриженова, — то он скоропостижно скончался 3 октября 1985 года, незадолго до этого (в июле) отметив свое 60-летие. Он был женат на актрисе театра Лидии Антоновой, в этом браке у них родилась дочь Елена. В отличие от родителей, она не стала актрисой, а закончила киноведческий факультет ВГИКа. Зато ее сын избрал профессию деда и бабушки — окончил актерский факультет РАТИ (бывший ГИТИС).

Дочь О. Стриженова от первого брака, Наталья, — актриса, работает в одном из театров. Сын от второго брака, Александр — актер, режиссер, продюсер. В 1988 году у них родилась первая дочь, а спустя 12 лет, в декабре 2000 года, еще одна. В честь отца девочку назвали Александрой.

В самом начале нового тысячелетия Стриженов сделал попытку вернуться в большой кинематограф, приняв предложение супружеской четы Владимира и Ольги Басовых сыграть главную роль в их фильме «Вместо меня». На этот раз Стриженову предстояло перевоплотиться в бывшего гражданина России Александра Сергеевича Гагарина, покинувшего родину вскоре после революции. Он стал англичанином, сильно разбогател, однако всю жизнь мечтал побывать в родных его сердцу местах. И вот, наконец, его мечта сбывается. На теплоходе он отправляется в круиз по России, где знакомится с молодым театральным режиссером Дмитрием (Сергей Безруков), которому нужны деньги на постановку спектакля «Борис Годунов». Гагарин обещает Дмитрию дать денег на его спектакль, но взамен ставит условие — во время круиза режиссер должен выполнять все его прихоти. Дмитрий соглашается, но уже очень скоро начинает жалеть об этом.

Фильм «Вместо меня» не остался не замеченным критиками. На кинофестивале «Золотой Пегас — 2000» Олегу Стриженову был вручен приз «Золотой Пегас» как исполнителю лучшей

мужской роли. Однако эта награда так и не стала поводом к тому, чтобы и другие молодые (и не очень) режиссеры принялись гоняться за Стриженовым и предлагать ему новые роли. В итоге в том десятилетии он записал еще на свой счет всего лишь одну картину, да и ту снятую в Украине: детектив «Пять звезд» (2004, главная роль) по А. Хейли.

Тем временем в течение 2003–2004 годов Стриженов перенес две утраты: сначала умерла его дочь от первого брака Наталья, а потом (в мае 2004-го) из жизни ушла и ее мама Марианна Стриженова.

В августе того же 2004 года, в дни 75-летия О. Стриженова, его сын Александр дал интервью газете «Московский комсомолец» (номер от 9 августа, автор — Д. Мельман). Приведу из него небольшой отрывок:

«**Вопрос**: Как считаете, вы в отца?

Ответ: Ну я вспыльчивый тоже. Честно говоря, хотелось бы верить, что умный.

Вопрос: А это значит в отца?

Ответ: А это значит: не обязательно наступать на те же самые грабли. Не все в жизни папы мне хотелось бы повторить, но его карьере можно только позавидовать. И мечтать, чтобы хоть как-то приблизиться к этому уровню.

Вопрос: Вам тяжело общаться с папой?

Ответ: Нет. Мне стыдно лишь за свою какую-то нетерпимость в отношении его, за невнимание. Я понимаю, что ему очень не хватает общения со мной.

Вопрос: Нечасто ему звоните?

Ответ: К сожалению, я могу пропадать.

Вопрос: Обижается?

Ответ: Обижается. Хотя все понимает. Иной раз говорю ему: «Мне было некогда, почему ты сам не звонишь?» Отвечает: «Ну если ты такой занятой, чего же я буду тебя отвлекать?»

Осенью 2006 года в еженедельнике «Мир новостей» (номер от 5 сентября, автор — А. Колобаев) было опубликовано большое интервью с О. Стриженовым и Л. Пырьевой. Вот как последняя обрисовала их совместное житье-бытье:

«Все, что вы видите в этой квартире, нажито и появилось здесь еще при советской власти, до перестройки. Раньше я задумывалась: хочу я это купить или не хочу, а сейчас — могу или нет. Мы не курим, алкоголя не пьем, в круизы не ездим. От личного автотранспорта отказались еще в середине 80-х. Живем достаточно скромно — на пенсию (муж получает еще президентскую надбавку), работаем в театре, никогда не отказываемся от творческих встреч со зрителями. Все свободное

время Олег Александрович пишет маслом картины…»

В августе 2009 года О. Стриженову исполнилось 80 лет. Естественно, этому событию уделили внимание многие российские СМИ: было опубликовано несколько интервью с ним и его супругой. Так, в газете «Московский комсомолец» (номер от 10 августа, автор — А. Мельман) Пырьева рассказала следующее:

«Пишут, что у Олега Александровича тяжелый характер. Ничего подобного! Это добрейший человек. Тяжелый он с хамами. Вот они и раздули про него такие слухи. Конечно, с ним непросто. Он же по гороскопу Лев. А значит, человек независимый и вспыльчивый. А я — Рыба. По идее, это два абсолютно несовместимых знака. Звезды говорят, что мы вообще не должны жить вместе, но живем же! Уже 33 года.

Рыбы все держат в себе. Так и я никогда не выплескиваю на других свой негатив. Если с Олегом Александровичем мы в чем-то не поладим, я сделаю паузу, отойду в сторонку и точно знаю, что все перемелется. Так что врут гороскопы. Мы давно уже с Олегом одно целое: думаем одинаково, да и поступаем так же. У нас общие привычки, вкусы. Правда, он еще любит рисовать, и очень хорошо это делает. А я — нет. Зато я компенсирую это кулинарными талантами…

Его сын Саша приезжает к нам, когда у него есть время. Да не один, а с женой и детьми. Мы их обожаем. Старшая, Настенька, учится в Лондоне. Сашенька, которой 8 лет, тоже у нас бывает.

Распорядок дня у нас с мужем такой. Утром легкая зарядочка, потом пьем крепкий зеленый чай и идем прогуливаться. Вот такой моцион. Ходим на Гоголевский бульвар. На Калининском проспекте бываем, общаемся с благодарными зрителями. Все-таки Олега Александровича еще узнают…

Еще у нас есть кот Тихон… Мы приписаны к ЦКБ и два раза в год ложимся туда, проверяемся. Слава богу, все бесплатно. Заслужили, наверное».

Легендарный Штирлиц

Вячеслав Тихонов родился в городе Павловский Посад Московской области 8 февраля 1928 года в простой семье, которая не имела никакого отношения к искусству: отец работал мастером на ткацкой фабрике, мать — воспитательницей в детском саду. Ни о каком актерстве долгое время Тихонов и не мечтал и, когда началась война, был определен отцом в ремесленное училище — учиться на токаря (сам отец ушел на фронт). По словам Тихонова:

«Я стоял у токарного станка и запах горелого масла и металлической стружки — особый такой запах — до сих пор не забыл. Мы, пацаны, с удовольствием выполняли задания, которые поручали нам взрослые, — вытачивали для фронта детали… Я очень боялся испортить детали, вглядывался в каждую. И скоро почувствовал — болят глаза. Я терпел, молчал. Пока вообще не перестал видеть. Тогда мама повела меня к врачу. А тот стал вынимать у меня из глаз тонким магнитом… металлическую пыль и стружку… Подождал бы еще чуток — остался б слепым…

Еще помню, как однажды немцы сбросили бомбу с самолета: я побежал, а визг падающей бомбы настигал меня. Я оступился, упал… Рвануло где-то рядом…»

Короче, быть бы Тихонову токарем (или агрономом, как мечталось его маме), но именно тогда парня увлек кинематограф. И как не увлечься, когда единственным видом досуга у тогдашних ребят был поход в кино. Вот и Тихонов, как только выдавалась свободная минута, бежал с товарищами в кинотеатр «Вулкан». Тогда же к нему пришла и первая любовь.

Девушку звали Юля Российская (1929), она училась с Тихоновым в одной школе, только классом младше. Статная и красивая, Юля нравилась многим парням, но сердце ее было отдано только Тихонову. Их любовь началась, когда Вячеслав учился в восьмом классе, Юлия — в седьмом (1943). Они познакомились на танцах в местном клубе. Тихонов пригласил Юлю на танец, а потом вызвался проводить ее до дома. В итоге они полюбили друг друга с первого взгляда. С точки зрения астрологии это закономерно: очарование женщины-Змеи действует на мужчину-Дракона больше, чем на другие знаки.

Девушка жила на охраняемой территории Карповской фабрики, так что Тихонову приходилось проникать к любимой через забор, в любой момент рискуя быть задержанным часовыми. Его родители знали об увлечении сына, но только радовались этому: Юля была отличницей, девушкой общительной и сильно

им нравилась. По словам Юлии:

«Слава очень нежно ко мне относился! И цветы дарил. И целовались мы так, что не оторвешься. И вообще он старался меня от себя не отпускать. Помню, была Пасха. Мы гуляли в компании. И одному молодому человеку я так понравилась, что он попросил разрешения меня проводить. Я поднимаюсь домой, вдруг смотрю — на ступеньке лестницы на пятом этаже сидит Слава! Это пока мы шли по улице, кто-то из Славкиных друзей быстро ему доложил! Хорошо, молодой человек только до подъезда проводил!

Еще был случай. Слава был на сборах военных. А я приехала с летней работы в гости к подруге. А подруги нет дома. На улице встретила одноклассника. Он пошел меня проводить. Так, представляете, кто-то Славе — а друзей у него было много — уже сообщил туда, где он служил. И на следующий день Слава взял увольнительную в части, прилетел ко мне! Под глазами синяки, весь осунувшийся! Я ему: «Ну что ты! Левка проводил меня до крыльца. А ты уже решил, что ухаживает!»

Глядя тогда на влюбленных, многие не сомневались, что едва им исполнится восемнадцать, как они обязательно поженятся. Кстати, случись это, и Тихонова вполне могла ждать счастливая семейная жизнь, поскольку союз Дракона и Змеи считается удачным. Другое дело, что в таком случае он бы вряд ли покинул родной Павловский Посад и не стал бы знаменитым артистом.

Закончив учебу в 1945 году, Тихонов ставит родителей (отец тогда уже вернулся с войны домой) перед фактом: хочу стать артистом, еду в Москву. Родители, естественно, против. Помогла бабушка Вячеслава, которая устыдила родителей: «Если сейчас ему запретите, он вам потом не простит!» И Тихонов отправился в столицу.

Экзамены во ВГИК он провалил и был в отчаянии. Сел на лестнице и горько разрыдался. На плачущего Тихонова наткнулся известный преподаватель Борис Бибиков (это он потом сыграет педагога Фроси Бурлаковой в комедии «Приходите завтра» 1963 года выпуска), который пожалел юношу и попросил прийти в институт 1 сентября. Когда Тихонов так и сделал, Бибиков взял его к себе на курс на испытательный семестр. В конце его он получил право быть в числе студентов. По словам самого же Тихонова: «Думаю, еще потому надо мной сжалились и зачислили, что на курсе оказалось мало мальчиков…»

Поступив во ВГИК и получив место в общежитии, Тихонов при первой же возможности приезжал на родину, где его ждала любимая. Однако с каждым разом таких приездов становилось все меньше — учеба постепенно захватывала Тихонова все сильнее и

сильнее. А на втором курсе, в 1947 году, у него случилась первая роль в кино. Причем это была роль-мечта — Володя Осьмухин в фильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия» (1948). Именно с нее и стартовала карьера Вячеслава Тихонова в большом кинематографе. Более того — она круто изменила и личную жизнь нашего героя, поскольку именно там он встретил свою первую жену. Правда, назвать эту встречу по-настоящему счастливой трудно — прямо скажем, это было неудачное «вложение» для обоих. Но расскажем обо всем по порядку.

Новой избранницей Тихонова стала его однокурсница по ВГИКу и участница тех же съемок (играла роль Ульяны Громовой) Нонна Мордюкова, которая была старше его на три года (27 ноября 1925 года). По ее словам, Тихонов к ней поначалу совсем не испытывал интереса, а она, завороженная его красотой, напором своим и желанием все-таки закружила ему голову…

Вспоминает Юлия Российская: «Я думала, что с ума со Славой сойду! Он меня мучил без конца. Он разрывался. На учебе у него была Мордюкова. А он ко мне приезжает. И мне уже нужна была какая-то определенность. Тем более мой новый знакомый, будущий муж Володя Щепетильников, мне тоже очень понравился. Высокий, красивый, самостоятельный. Старше меня на два года (судя по всему, мужчина-Кот — хороший вариант для женщины-Змеи, что полностью подтвердится: они проживут вместе около полувека. — *Ф. Р.*). Но Слава меня все не отпускал. Как приедет — снова любовь!..»

Этот любовный треугольник продолжался около двух лет. В середине 1949 года Тихонов внезапно пропал — перестал приезжать на родину и не давал о себе знать. Юля несколько раз прибегала к сестре Тихонова Ольге и жаловалась: «Где же Слава? Володя настаивает на женитьбе, говорит, что Слава меня бросил. Что делать?» Но что могла посоветовать ей Ольга, если и сама ничего толком не знала?

Чуть позже все разъяснилось: Тихонов сообщил, что полюбил другую, что она ждет от него ребенка. Услышав эту новость, Юля разревелась. Потом нашла в себе силы, пришла к сестре Тихонова и передала для него записку. При этом сказала: «Я выхожу замуж, но люблю только Славу».

Поженившись, Тихонов и Мордюкова стали жить в тесной 6-метровой комнатке в общежитии ВГИКа. В 1948 году на экраны страны вышел фильм «Молодая гвардия», который мгновенно прославил и Тихонова, и Мордюкову. А еще через год картине дали Сталинскую премию. Но на бытовой жизни молодых супругов это нисколько не отразилось — они по-прежнему ютились в своей «шестиметровке». Там у них 28 февраля 1950

года родился сын Володя. Причем Тихонов был поначалу против ребенка: говорил жене, что не время, что надо бы подождать, да и жилищные условия не ахти какие. Но Мордюкова делать аборт побоялась.

В том же 50-м, когда молодые супруги уже оканчивали ВГИК, их вообще выселили из общежития. Пришлось скитаться по друзьям. В том же году Тихонова пригласили сниматься в фильме «В мирные дни», и он уехал в длительную командировку. Мордюкова осталась с ребенком одна. Вспоминая те дни, она затем напишет в своих мемуарах:

«Я каждый вечер придумывала, у кого бы переночевать: после защиты диплома в общежитии уже нельзя было оставаться. Жилья в Москве совсем не строили, трудно себе сейчас даже представить, как тяжело тогда было с этим. Придешь к кому-нибудь в гости, а они тебе белоснежную постель стелют. Укутаю ножки сына потуже, чтоб санитарные дела были только в зоне подстеленной клеенчки, и засыпаю как убитая. Ночью разосплюсь, намотавшись за день, и не замечу, как дите раскинется и фонтанчик мимо меня направит прямо на белоснежную простынку. Ой, чего только не было! Замучилась.

И вот пошли мы однажды с Галей Волчек в Госкино. Стоит Галя в матроске, держит моего сына на руках внизу, в коридоре, а я — на приеме наверху, в кабинете. Повезло. Умный такой дядька попался, Н. И. Шиткин, дал-таки направление хоть в барак…»

Барак, о котором упоминает Мордюкова, находился возле метро «Аэропорт». Тогда там шло строительство новых домов, в которых позднее будут жить многие известные артисты, писатели, художники и прочий творческий люд. Мордюкова получила в том бараке совсем крохотную комнату, к тому же проходную. Вот почему, вернувшись из командировки, муж этим переселением остался недоволен. Вспоминает актриса:

«Он представлял себе под словом «квартира» и по многим другим моим восторженным интонациям при описании нашей жизни совсем-совсем другое жилье… Обвинил меня в том, что я согласилась на такую комнату, довел до слез. Откуда у него, думала я, такого молодого, можно сказать, пацана, столько строгости?!»

В отличие от мужа, который активно снимался в кино, Мордюкова на протяжении нескольких лет вынуждена была сидеть дома с ребенком. И только в 52-м году, когда сын чуть-чуть подрос, режиссер Всеволод Пудовкин пригласил на небольшую роль (Настя Огородникова) в картину «Возвращение Василия Бортникова». А год спустя Мордюкова «дослужилась» и до главной роли: в фильме украинского режиссера Тимофея

Левчука сыграла сельскую девушку Надежду Романюк в фильме «Калиновая роща» (1954).

Но у Тихонова послужной список был побогаче. В первой половине 50-х он снялся в фильмах: «Максимка» (1953), «Об этом забывать нельзя» (1954), «Звезды на крыльях» (1955; главная роль — Олекса Лавринец), «Сердце бьется вновь» (1956; главная роль — врач Леонид Васильевич Голубев).

Этапным годом в кинокарьере Тихонова стал 1957 год. Именно тогда он получил в кино ту роль, которая сделала его по-настоящему знаменитым. Речь идет о роли тракториста Матвея Морозова в картине Станислава Ростоцкого «Дело было в Пенькове».

Как гласит легенда, впервые Ростоцкий увидел Тихонова в спектакле Театра киноактера «Медведь». Восхищенный игрой актера, режиссер воскликнул: «Я сделаю из него второго Жерара Филипа!» (Тихонов и в самом деле был похож на этого очень популярного в те годы французского актера.) В итоге именно Тихонова Ростоцкий пригласил в свою вторую ленту «Дело было в Пенькове» на главную роль. Но эту кандидатуру… забраковал худсовет. Режиссеру было заявлено: «У Тихонова слишком интеллигентное лицо, чтобы играть деревенского парня». И на эту роль был выдвинут другой исполнитель — Сергей Гурзо. По словам В. Тихонова:

«Ростоцкий позвонил мне и сказал: «Слав, давай подождем — я буду следующую картину снимать, и тогда мы уж точно с тобой встретимся, что-нибудь для тебя найду». Грустно, конечно, мне было — во мне-то уже жил этот деревенский парень Матвей. Я знал таких, как он, поскольку сам из ремесленного училища. И чтобы не падать духом, взял себя в руки, занялся дубляжом иностранных фильмов. А недели через две звонит ассистент по актерам со студии Горького: «Завтра во столько-то на грим, будешь играть Матвея». Я робко: «А в чем дело? Что-то произошло?» Оказалось, Ростоцкий уперся, пошел в пресловутый художественный совет, который все на свете решал, и заявил: «Буду снимать только Тихонова». Ему возражают: «Загубишь картину», а он ни в какую и настоял на моей кандидатуре…»

В «Пенькове» Тихонов играл деревенского парня-тракториста, который мечется между двумя влюбленными в него женщанами — своей односельчанкой, которая становится его женой, и приезжей. Первую играла Светлана Дружинина, вторую — Майя Менглет.

Стоит отметить, что история с этим фильмом развела Тихонова и Гурзо, которые до этого тепло друг к другу относились. Еще когда они вместе учились во ВГИКе, Тихонов

одно время даже жил дома у Гурзо. Но именно «Пеньково» поставило крест на этом союзе, поскольку Гурзо счел поступок друга предательством. Ведь слава Сергея в ту пору сходила на нет (во многом благодаря его же собственным потугам — он сильно пил), и любая новая роль давала ему шанс реабилитироваться как перед коллегами, так и перед зрителем. А тут не просто роль, а главная (в последний раз главную роль Гурзо сыграл в 1953 году в картине «Застава в горах»). И вот эту роль у него внезапно «увел» его бывший приятель. Короче, было от чего Гурзо обидеться на Тихонова.

Однако, потеряв одного друга, Тихонов тогда нашел другого — Станислава Ростоцкого.

Между тем семейная жизнь у Тихонова тогда явно не ладилась. Как признается много позже Мордюкова:

«Сколько помню наше супружество — всегда в долгах как в шелках, от зарплаты до зарплаты еле перебивались. Да и жили с ребенком в проходной комнате, через нас чужие люди десять лет ходили — туда-сюда, туда-сюда… Нет, тяжело, безденежно мы жили. Когда разводились, и делить-то нечего было…

Друг другу мы с Тихоновым не подходили. Как будто два существа с разных планет на одной жилплощади вдруг оказались… Я родом с Кубани, где говорят и смеются громко, а он был тихим, чистым, красивым павловопосадским мальчиком… Не нравилось ему, что я такая заметная, яркая. Когда шли в гости, он всегда просил: «Нонна, я тебя умоляю, не пой частушки». Он «частушками» всякое мое пение называл — даже романсы… И еще одна обида осталась у меня — никогда, ни разочка в жизни он меня с днем рождения не поздравил! Бывало, солнце уже садится, а я все жду, что вспомнит… Не дождалась… А себя зато очень любил в молодости — каждый свой пальчик, каждую черточку. Любимым занятием у него было взять маникюрный набор и обрабатывать пальчики рук, одновременно любуясь на себя в зеркало. Однажды приехал забирать меня из больницы, а одежды моей никакой не взял. Просто снял с себя плащ и накинул на меня… Зато вот бидончик для молока прихватил, чтобы молока на рынке потом купить, — это его страсть! Так ведь при этом что интересно: сам в машине сидит, а я бегу за молоком. Он вообще никогда не верил, что у меня может что-то болеть…

К тому времени я уже давно поняла, что он мне активно, трагически не нужен. Но ребенок уже появился, и мы, по христианскому обычаю, продолжали жить вместе. Вернее, не жить, а мучиться — ни ему домой не хотелось, ни мне… А расходиться было стыдно. Тогда ведь времена другие были, иначе на эти вещи смотрели. Да еще мама… Приедет в Москву с

Кубани, я плачу в голос: ой, мамочка, не могу, хочу развестись… А она расплачется в ответ и причитает: не бросай, доча, а то останешься на всю жизнь одна. Мама опытным, прозорливым человеком была, она своим женским чутьем понимала, что честности, стабильности у мужа моего не отнять. Он не выпивал, по сторонам не смотрел — думаю, что и не изменил мне ни разу. Впрочем, как и я ему…»

По поводу взаимных измен существуют другие точки зрения. Например, в конце 50-х весь киношный мир обсуждал роман Нонны Мордюковой и Сергея Герасимова, который даже собирался снимать свою пассию в главной роли в картине «Тихий Дон» (1957–1958). Но этому воспротивилась жена режиссера Тамара Макарова. И роман быстро сошел на нет.

Что касается романов Вячеслава Тихонова, то он в той же второй половине 50-х влюбился в рижскую актрису Дзидру Ритенберг (1928), которая прославилась ролью Мальвы в одноименном фильме 1957 года. Их отношения длились более трех лет. Именно они привели к тому, что в 1960 году Тихонов подал на развод с Мордюковой. Однако и с Ритенберг сойтись официально ему так и не довелось. У Дзидры оказалось больное сердце, и летом 1960 года она легла на операцию. Та прошла успешно, но в Дзидру незадолго до этого влюбился другой актер — Евгений Урбанский. Именно он однажды навестил женщину в больнице, и об этом тут же узнал Тихонов. В итоге он приревновал возлюбленную (мужчины-Драконы имеют такой изъян) и порвал с ней отношения. В итоге Дзидра вышла замуж за Урбанского.

После ошеломительного успеха фильма «Дело было в Пенькове» на Тихонова со всех сторон посыпались предложения от других режиссеров. Но он предпочел не бросаться сломя голову в этот ворох предложений и роли выбирал основательно и не спеша. В итоге в конце 50-х — начале 60-х он снялся в двух фильмах того же Станислава Ростоцкого — «Майские звезды» (1959; Рукавичкин) и «На семи ветрах» (1962; капитан Вячеслав Суздалев), а также в ряде лент других режиссеров: «Чрезвычайное происшествие» (Виктор Райский), «Жажда» (Безбородько) (оба — 1959), «Мичман Панин» (1960; главная роль — Василий Панин), «Две жизни» (1961).

В последнем фильме Тихонов впервые в своей киношной карьере сыграл отрицательного героя — царского офицера князя Нащекина, который был антиподом главного героя, которого играл Николай Рыбников.

Роль в этой ленте помогла Тихонову приобрести первый в его жизни автомобиль. Вот как он сам вспоминает об этом:

«Это было время нашего с Мордюковой развода, когда мне негде было ночевать и я жил у друга. Денег не было, большой зарплаты тоже, и занять было не у кого. Но занять пришлось: у самого себя. Когда я снимался в картине «Две жизни» в 60-м году, мне предложили купить машину. Поставили в список в очередь на «Москвич» 407-й модели, и Пырьев мне сказал: «Внеси деньги и покупай». А я думаю: что делать, я в списке, а денег-то нет! Пошел к замечательному нашему директору студии имени Горького Григорию Ивановичу Бритикову, рассказал ситуацию и спросил: «Может быть, можно за всю мою работу в «Двух жизнях» получить все деньги сразу, купить машину, а потом сниматься бесплатно?» Он поверил мне, разрешил. Вот так я впервые купил машину…»

Между тем в начале 60-х подоспела вторая эпохальная роль Тихонова в кино — князь Андрей Болконский в киноэпопее Сергея Бондарчука «Война и мир». Утверждение на роль происходило в 1962 году.

Первоначально на роль князя Болконского претендовал Олег Стриженов. Но он проявил гонор — не захотел работать в команде Бондарчука. Тогда на горизонте возник другой кандидат — Иннокентий Смоктуновский. Но ему одновременно предложили роль Гамлета в одноименном фильме, и он выбрал героя Шекспира. В итоге выбор пал на Вячеслава Тихонова.

Тихонов и Бондарчук познакомились на съемках «Молодой гвардии» в 1947 году: как мы помним, наш герой играл в нем роль Володи Осьмухина, Бондарчук — Валько. Потом они вместе снимались еще в одном фильме — «Об этом забывать нельзя» (1954). Однако большой дружбы между ними тогда не завязалось — только служебные взаимоотношения.

Когда Бондарчук вызывал на пробы Тихонова, он делал это осознанно, поскольку хорошо знал этого актера. Но его ждало неприятное открытие — Бондарчук увидел, что Тихонов стал ходить вразвалочку. А для исполнителя роли князя это неприемлемо. Но уже вскоре выяснилось, что походка эта деланая: Тихонов в те дни снимался в другом фильме — в «Оптимистической трагедии», где играл матроса Алексея, который ходил именно так — вразвалочку. Поэтому эта проблема оказалась решаемой. Другое дело, что у Тихонова был еще один антикняжеский изъян — его рабоче-крестьянские ладони. Более того, на одной из них была татуировка — имя «Слава» (она появилась на руке нашего героя, когда он попал в «ремеслуху» — ремесленное училище). Но с этими изъянами решили бороться средствами кино — с помощью гримеров и дальних планов.

Съемки фильма начались в начале сентября 1962 года, но

Тихонов объявился на них только в середине декабря. Первую половину, до 14 декабря, он снимался в «Оптимистической трагедии» (в тот день на «Мосфильме» снимали эпизоды из объекта «подземелье» из финала картины), после чего самолетом вылетел в Мукачево. Обратно он должен был вернуться 17 декабря, но из-за нелетной погоды опоздал на сутки. Больше до конца года он в Мукачево не выезжал, поскольку эпизоды с его участием там не снимались.

В первые же дни января 1963 года в Закарпатье сняли проезд Андрея в коляске с Кутузовым. По мнению некоторых критиков, это самые неудачные кадры Тихонова в фильме: уж больно он старался «изобразить князя» — позой, голосом. К счастью, вскоре актер поймет свою ошибку и «изображать» своего героя перестанет. Вот почему, сравнивая первые и последующие кадры с участием Тихонова, создается впечатление, что это два разных актера.

Еще более сложными оказались для Тихонова первые большие съемки в павильонах «Мосфильма» (до этого снимали натуру, а также мелкие объекты в павильонах). В конце декабря 1963 года приступили к съемкам эпизода «штаб Кутузова», и вот там между Тихоновым и Бондарчуком возникло недопонимание. Был даже момент, когда Тихонов от отчаяния, что у него ничего не получается, хотел отказаться от роли. Вот как об этом вспоминал С. Бондарчук:

«Когда начались съемки эпизода «в коридоре штаба Кутузова», у нас с Тихоновым, по существу, возник поединок. Я был вынужден подчинить его своей воле, видению и творческим решениям. Может быть, это и нехорошо, но входит, к сожалению, в обязанности режиссуры. И здесь я встретил сопротивление. Ведь к началу работы над «Войной и миром» у Тихонова был немалый опыт актерской работы в кинематографе, может быть, даже больше сыгранных ролей, чем у меня. Ему же надо было отказаться от всего, что он сделал раньше, от повторения, культивирования в себе того, что уже было выработано. Поединок сводился к тому, что я требовал от актера перейти в совершенно новое качество.

Раскрытие образа Андрея Болконского на несколько порядков выше обычных представлений…

Первый дубль, второй, десятый, вражда, скандал, столкновения… Пятнадцатый дубль. Уже вся съемочная группа принимает участие в нашем поединке. Все как на ринге. Я требовал от Тихонова, чтобы он при первом же появлении вызвал неприязнь. Человек разочарованный, издерганный, человек, которому все наскучило, который мечтает стать «над всеми».

Двадцатый дубль…

— Нет, Сергей, я ухожу, я не могу с тобой работать, мне не под силу поднять эту роль… Нет, нет!

— Нет, ты сможешь! Внимание! Приготовились!

Прибегаю к недозволенному — показу! Играю от начала до конца всю сцену. Может быть, неверно, но стараюсь вложить в игру весь свой опыт, довожу себя до сердечного приступа.

— Давай ты!

— Я так не могу, — говорит он.

— Давай!!!

Двадцать третий дубль… Израсходовано столько пленки, сколько было отпущено не только на этот эпизод, но и на все соседние павильоны. И в этих условиях есть почти нужный результат… в каком-то предыдущем дубле.

Тридцать второй дубль… Мы разошлись неудовлетворенные. Я сказал, что на этом, может быть, мы не остановимся и еще вернемся к эпизоду после того, как посмотрим его на экране.

В картину вошел пятый или шестой дубль, а не последние. Мне просто хотелось, чтобы актер перешагнул даже через собственные возможности.

Но я, конечно, не рассчитал своей стратегии. Восстановил Тихонова против себя, и он, кажется, возненавидел меня.

В нашем поединке все было не так просто. Весь эпизод «в коридоре штаба Кутузова» — тридцать метров. Он был снят одним куском. Не хотелось идти на монтажное дробление. Кроме того, Тихонову нужно было освоить костюм, походку, манеру говорить, по сути, характер, а времени в обрез. Не было возможности ввести актера в роль исподволь…»

После того как этот эпизод удалось-таки снять, отношения между Тихоновым и Бондарчуком наладились и фактически оставались таковыми до конца съемочного процесса (а он занял более трех лет).

Неофициальная премьера (для избранных лиц) первых двух серий «Войны и мира» состоялась 18 июня 1965 года в Кремлевском Дворце съездов. В следующем месяце эти же две серии были удостоены Главного приза на Международном Московском кинофестивале.

Всесоюзная премьера 1-й серии из четырех (она называлась «Андрей Болконский») эпопеи «Война и мир» прошла 14 марта 1966 года в столичном кинотеатре «Россия». Ажиотаж был огромный: очереди в кассы выстроились километровые. На премьере присутствовали члены съемочного коллектива во главе с Сергеем Бондарчуком, который выступил перед зрителями с приветственным словом. Картина зрителей по-настоящему

потрясла. И это несмотря на то, что на протяжении нескольких лет, пока велись съемки, все средства массовой информации детально живописали весь процесс работы над фильмом. Однако увиденное на экране затмило все написанное, подтвердив старую истину, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Вот почему в течение нескольких дней темой главных разговоров в городе были сногсшибательные съемки «Войны и мира». Как итог: в прокате 1966 года 1-я серия фильма займет 1-е место, собрав на своих сеансах 58 миллионов зрителей. Вторая серия («Наташа Ростова») выйдет в прокат 20 июля и соберет на 22 миллиона зрителей меньше, чем первая серия, — 36,2 млн.

Несмотря на то что часть критиков не приняла Андрея Болконского в исполнении Вячеслава Тихонова, простой зритель поступил наоборот — он был в восторге от этой игры. Кроме этого, Тихонов удостоился и неплохих финансовых дивидендов с этого проекта: за три года съемок он заработал 22 228 рублей гонорара (больше его получил только Сергей Бондарчук — 21 679 рублей за режиссуру и 20 100 рублей за роль Пьера Безухова).

26 апреля 1967 года Тихонов в компании с Бондарчуком, директором «Мосфильма» В. Суриным, а также исполнительницей роли Наташи Ростовой Людмилой Савельевой отправился с 3-й серией «Войны и мира» на кинофестиваль в Канны (на внеконкурсный показ). Ажиотаж вокруг фильма там стоял огромный: зрителей в зал набилось столько, что часть из них вынуждена была стоять на ступеньках, поскольку все сидячие места были заняты. Пресс-конференция советской делегации собрала больше 200 журналистов. Кроме этого, впервые в Каннах дирекция фестиваля устроила прием в честь советской делегации. Известный режиссер Рене Клеман заявил: «Я никогда не видел такой масштабной постановки, такого размаха, такой щедрости. Это может быть только в социалистической стране, где есть все условия для создания настоящих произведений искусства». Даже если учитывать, что Клеман всегда симпатизировал Советскому Союзу, все равно все сказанное им было сущей правдой — «Война и мир» действительно стала фильмом-явлением.

Несмотря на несомненный успех, сопутствовавший этой грандиозной эпопее как у себя на родине, так и за рубежом (в 1968 году она удостоится «Оскара»), сам Тихонов оказался настолько «выпотрошен» работой в этом фильме, что в течение нескольких лет вообще боялся выйти на съемочную площадку. К тому же он оказался самоедом и никак не мог смириться с теми изъянами, которые, по его мнению, присутствовали в его интерпретации роли Болконского. По его словам, на этой почве к нему иной раз даже приходили мысли вообще уйти из актерства и

заняться, к примеру, дубляжом фильмов (в процессе работы над образом Болконского Тихонов умудрился дублировать несколько иностранных картин, а также ряд советских — в частности, трилогию С. Ростоцкого «Герой нашего времени», где говорил за Печорина, которого играл Владимир Ивашов). Эти мысли усилились в 1967 году, когда Тихонова не утвердили на главную роль в картину Саввы Кулиша «Мертвый сезон» (роль советского разведчика Ладейникова). Не утвердили же актера по причине его «слишком правильной внешности»: дескать, он слишком слащав для этой роли (в итоге эту роль сыграет Донатас Банионис).

Но вернемся к Тихонову.

Руку помощи в тот период ему опять же протянул Станислав Ростоцкий, пригласивший его на главную роль в картину о школьной жизни «Доживем до понедельника». На этот раз нашему герою пришлось перевоплощаться в интеллигентного и принципиального учителя истории Мельникова.

Съемки фильма должны были начаться 3 октября 1967 года, но внезапно занемог Тихонов и начало съемок пришлось перенести на 5-е. В тот день в актовом зале средней школы N234 в Северном Медведкове снимали эпизод с участием Тихонова и Меньшиковой (работа шла с пяти вечера до четырех утра следующего дня). С 1 ноября начали снимать в павильонах киностудии имени Горького. Завершились съемки фильма 27 марта 1968 года.

За эту роль Тихонов удостоился гонорара в 5925 рублей.

Фильм «Доживем до понедельника» был без проблем принят на студии, но в Госкино к нему возникли претензии по идеологической части — в основном не понравился конфликт Мельникова со Светланой Михайловной: дескать, слишком злая получилась учительница, нетипичная для советской школы. Однако Ростоцкому удалось показать картину на съезде учителей, и там большинство зрителей картину приняли. В итоге осенью 1968 года она вышла на широкий экран. В прокате она заняла 16-е место (собрала 31 миллион зрителей), была удостоена приза на Московском кинофестивале в 1969 году, а год спустя получила и Государственную премию РСФСР. Но вернемся на некоторое время назад.

Во время работы над фильмом «Доживем до понедельника» (в 1968 году) Тихонов вновь женился. Его избранницей стала работница «Совэкспортфильма», переводчица с французского языка по имени Тамара (1944), с которой он познакомился во время дубляжа французского фильма с весьма символичным названием «Мужчина и женщина». У них начался служебный роман (оба были разведены), который привел к женитьбе.

Уже вскоре после свадьбы — 5 июля 1969 года — на свет родится девочка, которой родители дадут имя Анна.

Как мы помним, это был второй ребенок у Тихонова. Первым был сын Владимир, родившийся в браке с Нонной Мордюковой. Однако с сыном Тихонов отношения хотя и поддерживал, но не слишком тесные. Виной тому были его плохие отношения с первой женой, с которой они расстались не слишком хорошо. В результате мальчик рос в сложных условиях, поскольку мать все время была на съемках и сын был предоставлен самому себе. В подростковом возрасте он попросту отбился от рук: пристрастился сначала к алкоголю, а потом и к наркотикам. И это при том, что родители попытались дать ему хорошее образование: в 67-м он поступил во ВГИК. Но сложные отношения в семье рождали на свет противоречия в натуре Владимира. Отметим, что, когда во второй половине 70-х у него родится сын, он заявит жене: «Назовем кем угодно, но не Славой!» Видимо, он был сильно обижен на отца. В итоге сына в честь самого родителя назовут Володей.

Но вернемся к Вячеславу Тихонову.

В 1969 году он сыграл неожиданную для себя (впрочем, как и для многих своих поклонников) роль в экранизации произведения А. П. Чехова. И хотя роль была небольшая (это была новелла длительностью 25 минут), однако она обратила на себя внимание как критики, так и зрителей — такого Вячеслава Тихонова еще никто не видел. Речь идет о киноальманахе «Семейное счастье», в который вошла новелла «От нечего делать» в постановке Сергея Соловьева. Режиссер вспоминает:

«…Стали искать актеров. В связи с романтической установкой вскоре появился в группе Коля Бурляев, который только что закончил съемки в «Колоколе» у Тарковского, в голове выплыл и, как в прекрасном сне, тут же был доставлен на «Мосфильм» романтический, загадочный, очаровательный женский кумир всех тогдашних, да и нынешних ленинградских театралов Алиса Бруновна Фрейндлих.

На роль героя я хотел утвердить Леню Кулагина, который только что снялся в «Дворянском гнезде» Кончаловского. Сняли пробы. Пришел художественный совет. Поглядел, скуксился. Неглупые, образованные люди долго объясняли мне, что я перепутал жанр — мол, тут должна быть юмореска, я объяснял, что ничего не путал, другой же жанр сознательно выбрал, это и есть основной замысел означенной постановки. Опять пожимали плечами, поднимая их даже выше, чем вначале. Фрейндлих и Бурляева, горько вздыхая, утвердили. Кулагина решительно отвергли. На укрепление моих неокрепших режиссерских мозгов

был кинут очень опытный и умелый второй режиссер — Л. Л. Охрименко.

Второй режиссер оказался очень милой и ласковой женщиной со стальным пожатием руки.

— Люция Людвиковна, — представилась она. — Прошу не путать: «ковна», а не «говна»…

Я слегка испугался ясности.

— Пробы у вас хорошие, очень… Вы их не слушайте, а Кулагина брать не надо. Он сейчас модный, что плохо. Взять надо…

И она прошептала мне на ухо.

— Да вы что?.. — ополоумел я.

— Да. Да. Да… И это будет ваш козырный туз!

Так в группе появился суперзвезда советского экрана, обаятельнейший, деликатнейший человек — Вячеслав Васильевич Тихонов…»

Сюжет у новеллы с участием Тихонова был весьма замысловат. Жила-была в приморском городке добропорядочная семья: муж Николай, жена Анна и двое их детей-подростков. А другом их семейства был молоденький гимназистик, который по уши влюблен в хозяйку. И вот однажды, вернувшись раньше времени с прогулки, муж застает влюбленных целующимися. И в его голове созревает план: женить гимназистика на опостылевшей ему жене, а самому стать свободным. И юноша уже согласен это сделать, но в итоге мужу становится жалко юношу, который, женившись на его глупой и истеричной жене, может попросту сломать себе судьбу. И он отговаривает парня от этого шага.

Киноальманах «Семейное счастье» вышел на экраны страны в 1970 году. Тогда же Тихонов был утвержден на роль, которая прославит его на века. Как вы догадались, речь идет о роли советского разведчика Исаева — Штирлица в телефильме Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Заметим, что поначалу все шло к тому, чтобы эта роль досталась тогдашнему возлюбленному режиссерши Арчилу Гомиашвили. Но звезды оказались против него, поскольку это была не его роль. Энергичный Арчил ну никак не «монтировался» с рассудительным и хладнокровным Штирлицем. Другое дело — Остап Бендер. В итоге Гомиашвили был утвержден на главную роль в «12 стульев», а на роль Штирлица был взят умный и красивый актер — Вячеслав Тихонов. Остальные актеры тоже подобрались под стать ему — столь же талантливые: Мюллера сыграл Леонид Броневой, Шелленберга — Олег Табаков, пастора Шлага — Ростислав Плятт, профессора Плейшнера — Евгений Евстигнеев, радистку Кэт — Екатерина Градова, жену Штирлица

— Элеонора Шашкова.

Отметим, что сцена встречи Штирлица с женой длится 5 минут 30 секунд, которые уместились на 250 метрах пленки. Киношное начальство, увидев ее, потребовало сократить сцену до 20 метров, считая затянутой. Мол, зритель не выдержит такого долгого эпизода. Однако Лиознова грудью встала на его защиту и сумела отстоять. Теперь понятно, что она была права — эта сцена одна из лучших в фильме.

Съемки фильма начались в марте 1971 года с экспедиции в ГДР, где сняли большую часть берлинских эпизодов с участием Штирлица и других героев. В эту поездку киношники взяли почти весь свой реквизит, в который входил и автомобиль Штирлица марки «Мерседес» (из гаража студии имени Горького). Однако немецкие умельцы, осмотревшие этот «мерс» времен войны, заявили, что работать он вряд ли сможет: состояние, мол, отвратительное. Наши над этим заявлением только посмеялись. Но в первый же съемочный день «мерс» на самом деле заглох. Выручил группу звукооператор Леонард Бухов, который разыскал своего еще фронтового приятеля Гюнтера Клибенштайна, который коллекционировал старые автомобили. Из его коллекции и был взят напрокат автомобиль для Штирлица, даже в прекрасном состоянии.

Были на немецкой земле и другие курьезные случаи. Например, однажды едва не арестовали Вячеслава Тихонова. Он решил прошествовать от гостиницы до съемочной площадки (благо это было недалеко) в форме штандартенфюрера СС, за что был немедленно задержан берлинцами. Те сочли его за приверженца фашизма и уже собирались препроводить в полицейский участок. К счастью, этот шум услышали члены съемочной группы, примчались к месту скандала и отбили артиста у берлинцев.

В апреле съемочная группа вернулась на родину и практически сразу приступила к павильонным съемкам на студии имени Горького. Там к их приезду уже были подготовлены к работе несколько декораций: квартира Штирлица, коридоры рейхсканцелярии, кабинет Мюллера. Съемки шли в напряженном графике, иногда по полторы смены — 12 часов. Отмечу такой нюанс: если режиссер художественного кинематографа должен был вырабатывать за смену 45–50 полезных метров, то телевизионного при тех же возможностях и условиях — 90 метров. Поэтому оператору «Мгновений» Петру Катаеву пришлось не слезать с тележки долгими часами. Причем работал он всего лишь одной допотопной камерой, которая вынуждала прибегать к помощи различных ухищрений: например, чтобы камера не

тарахтела, ее накрывали телогрейкой, поскольку озвучания потом не было. Какое кино из этого получилось, зритель, надеюсь, прекрасно знает. Но вот о том, что большинство артистов, занятых в картине, относились к съемкам, мягко говоря, пренебрежительно, вряд ли. Например, Юрий Визбор, игравший Бормана, так вспоминал об этих съемках:

«Иногда нам, артистам, которые снимались в роли немцев, казалось, что мы участвовали в каком-то жутком, низкопробном боевике. Формы эти, пистолеты… Но думали так, что в Урюпинске где-то по четвертой программе проскочит. Артистам было играть буквально нечего, особенно тем, у которых были большие роли, потому что большую роль надо тщательно готовить, придумывать, репетировать ее. Это не просто произнести текст или сесть перед камерой… Иногда в самом ужасном, просто ужасном положении находился Тихонов, который должен был в течение шести-семи минут молчать и изображать, что он думает. Но это просто невозможно! То есть думать можно всю жизнь, но показывать, что ты думаешь… Броневой Леня, у которого была чрезвычайно сложная, многоходовая роль, просто взял роль Капулетти, которую поставил ему Эфрос в театре, и перенес ее непосредственно на Мюллера…»

Лиознова всегда отличалась особой дотошностью в показе деталей, и «Семнадцать мгновений» не стали исключением. Другое дело — какого адского труда стоило эти детали показать. Взять, к примеру, эпизод встречи Штирлица и Шлага, где наш разведчик кормит его супом. Как мы помним, Штирлиц открывал супницу, и вверх поднималась струя пара, на которую пастор, долгое время проведший в тюрьме, смотрел с вожделением. Так вот, этот пар у киношников никак не получался: то его было мало, то, наоборот, много, что «размывало» картинку. И только после большого количества дублей наконец-то удалось снять пар так, как это задумала Лиознова.

Не менее курьезно проходили съемки другого эпизода — Штирлиц за рулем мчащегося автомобиля. Последний раскачивали порядка десяти человек, в том числе и сама Лиознова. При этом без шуток-прибауток никак не обходилось, хотя Тихонов умолял этого не делать: ему никак не удавалось сосредоточиться и сделать умное лицо. Поэтому, читатель, пересматривая теперь эти кадры, представь себе, каких трудов стоило актеру изображать в кадре глубокомысленную задумчивость.

Директором фильма был Ефим Лебединский, который на роль статистов — тех же эсэсовцев, охранявших штаб-квартиру

РСХА, — пригласил своих знакомых, причем сплошь одних евреев. Консультант из КГБ, который однажды пришел на съемки и увидел этих статистов, внезапно возмутился: мол, как это так — в роли эсэсовцев снимаются евреи?!

— А вы что, антисемит? — удивилась Лиознова.

— Нет, но вы сами знаете, какие у нас отношения с Израилем. Вот и получится, что мы в своем фильме покажем, что евреев уничтожали такие же евреи, только в гестаповской форме.

Лиознова намек поняла. Она вызвала Лебединского и приказала поменять статистов.

— Как поменять?! Я же им уже заплатил! — возмутился директор.

— Ничего, компенсируешь из своего кармана! — отрезала Лиознова.

Директору пришлось подчиниться. В тот же день с помощью все того же консультанта из КГБ он позвонил в Высшую погранШколу и попросил прислать на съемки десяток рослых курсантов, желательно прибалтийцев. Именно их мы теперь и видим на экране.

Мало кто знает, но в фильме были и другие подмены. Так, в кадре, где показывали руки Штирлица (когда он рисует бонз рейха и выкладывает из спичек фигурки зверей), снимали руки… художника фильма Феликса Ростоцкого. Спросите почему? Как уже отмечалось, у Тихонова на правой руке была татуировка, сделанная еще в юности, — «Слава». И как ни старались гримеры ее замазать, на крупных планах она все равно проступала. Чтобы не рисковать, решили снимать руки другого человека. Он же, Ростоцкий, писал шифровки за Плейшнера — Евстигнеева. Но там причина была другой: уж больно плохим был почерк у актера, чтобы показывать его крупным планом.

Вспоминает Ф. Ростоцкий: «У меня был палевый дог Тиль — размеров и красоты неописуемых, просто слоник. Так вот я решил его в «Мгновениях» увековечить. Может, помните сцену у Геринга: два дога сидят — один черный, другой палевый? Сидит «Геринг», к нему в кабинет входят «фашисты» и выбрасывают руку вперед в нацистском приветствии: «Хайль!» А для собак-то этот жест означает команду «фас». Два дога сидят, головами в разные стороны крутят, никак понять не могут, кого надо хватать. В итоге начали драться между собой, чуть не загрызли друг друга, а до этого так подружились. Пришлось собачек снимать по очереди, а потом монтировать вместе…»

В те же летние дни отсняли один из самых драматичных эпизодов картины — в нем эсэсовцы мучили радистку Кэтрин Кин и ее грудного ребенка. Заметим, что в роли последнего выступил

не один актер, а сразу несколько — около двух десятков. В съемках были использованы новорожденные детишки из ближайшего детского дома. Они постоянно менялись, так как выдержать полный съемочный день им было просто не под силу. Снимать их можно было не больше двух часов в день с интервалами не менее пятнадцати минут для пеленания и кормления.

Зритель наверняка помнит, что эсэсовцы мучили дитя, положив его возле раскрытого окна, а по сюжету действие происходило в начале апреля. Однако на самом деле съемка происходила в студии и даже малейшего сквозняка в ней не было. Более того — там было так жарко от софитов, что дети наотрез отказывались плакать, а сладко потягивались и улыбались в камеру. В конце концов звукооператору пришлось поехать в роддом и там записывать плач на пленку. Эта запись и вошла затем в фильм.

Почти все лето группа ударными темпами работала в павильонах, после чего в начале осени отправилась в Ригу, чтобы снять Цветочную улицу и другие эпизоды. Об одном из курьезов, случившихся уже там, вспоминает Ф. Ростоцкий:

«Однажды на съемках мне пиротехники «маленькую свинью» подложили. Привезли из Болгарии сигареты — закладывали туда какую-то штучку, только первую затяжку сделаешь — и сигарета взрывается. Я, естественно, не зная об этом, стрельнул у них сигаретку, и пошли мы с главным художником натуру для съемок конспиративной квартиры на Цветочной улице выбирать. Остановились около будущего магазина птиц, я закурил, сделал затяжку. А она как бабахнет! У меня вся морда черная, в копоти, а во рту один фильтр остался…»

После Риги съемки вновь вернулись в павильон, где снимали эпизоды из 4-й — 6-й серий. Поздней осенью на студии были сданы первые три серии фильма. А в начале следующего года вновь отправились в путь — на этот раз в Тбилиси, чтобы в горах под городом Боржоми снять эпизод перехода пастора Шлага через Альпы. Как мы помним, до Альп Штирлиц и Шлаг добирались на «Мерседесе». Поскольку студийный «мерс» за время съемок совсем поистрепался, было решено подыскать нужный автомобиль прямо на месте, благо Грузия тогда котировалась на уровне Греции: там тоже можно было все достать. Однако «Мерседеса» военной поры там, как ни странно, не оказалось, зато был «Форд». Правда, с номерами вышла накладка: в кадре можно заметить, что буквы на нем наши — ГРУ.

Жить киношников поселили в одной из лучших тбилисских гостиниц — цековской. Там мужской половине группы

приходилось ощущать на себе пристальное внимание… местных путан. Едва в каком-нибудь номере вечером зажигался свет, как проститутки начинали обрывать телефон, предлагая свои услуги.

Как-то утром Лиознова надумала позавтракать в каком-нибудь хорошем ресторане. Ее, а также Тихонова, Ростоцкого и еще нескольких человек привезли в один из таких в центре города. Накрыли на стол. Внезапно в разгар веселья Тихонов на несколько минут вышел покурить. И в коридоре нос к носу столкнулся с директором ресторана и главным инженером. Те, увидев в своем заведении самого Тихонова, сначала потеряли дар речи, а затем бросились выяснять, как он здесь оказался. Узнав, что тот в ресторане не один, а со своими коллегами, рестораторы бросились в зал. Спустя несколько минут к киношникам подошли два официанта, которые, извинившись, с двух сторон схватились за края скатерти и свернули ее вместе со снедью. Кто-то из киношников подумал, что, мол, плакал наш завтрак. Как вдруг спустя несколько минут те же официанты постелили на стол новую скатерку и стали раскладывать на ней новую снедь, еще более деликатесную и экзотическую. В итоге завтрак превратился в длительное застолье, которое продлилось аж до шести вечера. Из ресторана кинематографистов повезли в оперный театр на спектакль.

В марте 1972 года съемочная группа работала уже в Москве, снимала в павильоне эпизоды на вилле Штирлица. Вот как описывает один из тех съемочных дней побывавший на съемочной площадке журналист «Литературной газеты» Е. Демушкин:

«И вот оператор П. Катаев приступает к съемке. У рации — Исаев. Сейчас выходить на связь, и пальцы разведчика уже на ручке настройки. Вдруг в комнату с радиоволнами врывается мелодия русской песни. Сколько чувств отражается на лице Исаева — Тихонова! Он по-прежнему сосредоточен, но в глазах его тревога, и радость, и боль: надо настраиваться на волну Центра, а как трудно уйти от этой песни. В радиограмме — новое труднейшее задание, и когда герой Тихонова смотрит на пламя, превращающее в пепел вместе с шифровкой надежду на скорое возвращение домой, мы вновь видим прежнего Исаева, не знающего слабостей, подчинившего всего себя борьбе…»

Поздней осенью 1972 года снимали последние эпизоды фильма. В частности, на Рижском вокзале запечатлели на пленку сцену проводов Штирлицем Кэтрин. На тот момент Градова была на третьем месяце беременности от своего мужа Андрея Миронова, но под пальто, которое ее героиня на себе носила, этого заметно не было. Кстати, в этом эпизоде был допущен очевидный ляп: на вагоне, рядом с которым стоит Кэт, было по-

русски написано «56 тонн».

Когда в начале 1973 года фильм был смонтирован и его показали высокому телевизионному руководству, на голову режиссера посыпались первые упреки. Больше всех возмущались военные, которые заявили, что согласно фильму войну выиграли одни разведчики. Возразить им Лиознова не посмела, поэтому отправилась исправлять досадную оплошность. Она включила в фильм еще несколько сот метров документальной хроники, и претензии военных были сняты.

Инициатором другого скандала стал автор сценария Юлиан Семенов. Он заявил категорический протест, когда Лиознова вознамерилась стать соавтором сценария и в титрах поставить свою фамилию рядом с его (как мы помним, некоторые сцены в фильме Лиознова придумала сама). Когда противостояние между режиссером и сценаристом достигло высшей точки, было решено обратиться к помощи третейского судьи. Им был выбран Микаэл Таривердиев. Тот заявил, что Лиознова не должна выставлять себя в титрах как сценарист. Спор был разрешен, однако Лиознова в списки своих недругов внесла и Таривердиева (что закономерно, учитывая его «козлиную» принадлежность). Когда в 1976 году фильм выдвинули на соискание Государственной премии РСФСР, фамилию Таривердиева в списки не включили. В итоге премию получили четверо: Лиознова, Семенов, Тихонов, оператор Петр Катаев.

Премьера фильма состоялась в конце лета 1973 года: с 11 по 24 августа. В те дни, когда он демонстрировался, буквально вся страна прильнула к экранам своих телевизоров. И как гласят тогдашние милицейские сводки, по всей стране резко снизилась преступность. Причем так было не только у нас. Один наш теленачальник посетил как-то Венгрию и в одной из приватных бесед с тамошним пограничником спросил: «Ваши граждане случайно не бегут в соседнюю благополучную Австрию?» На что пограничник ответил: «На данный момент нет. Потому что сейчас по нашему ТВ показывают ваши «Семнадцать мгновений весны».

Что касается Вячеслава Тихонова, то он премьерный показ не застал, поскольку находился в лесах под Валдаем, где снимался в очередном фильме — «Фронт без флангов» Игоря Гостева (играл роль майора НКВД Млынского, создавшего и возглавлявшего партизанский отряд в годы войны). По словам актера:

«Но до меня доходили слухи, что все смотрят про Штирлица, и все спрашивали: «Ну что там будет в следующих сериях, расскажи: он останется жив или нет?» А раз люди так близко к сердцу приняли этот фильм, то мне еще больше хотелось трудиться, чтобы и к другим картинам зрители не оставались

равнодушны…»

Заметим, что участие Тихонова в фильме про майора Млынского (а всего получится кинотрилогия) было негативно встречено советской либеральной общественностью. Почему? Дело в том, что это была экранизация прозы Семена Цвигуна (псевдоним — Семен Днепров), который не только являлся 1-м заместителем председателя КГБ СССР, но и был одним из представителей державников-государственников в советских верхах. А Тихонов не только согласился сниматься в экранизации его книги, но, собственно, и играл его личность в кино (прототип Млынского — сам Цвигун), а также стал его приятелем. Однако для Тихонова это не было какой-то конъюнктурой — это был его осознанный выбор, поскольку в борьбе между либералами и державниками, которая особенно обострилась после чехословацких событий 1968 года, он выбрал последних — близких ему по духу. Почему близких?

С первых же своих шагов в большом кинематографе Тихонов стал для миллионов советских людей олицетворением мужества и патриотизма. Практически все его роли были об этом — о верном служении своей социалистической Отчизне. В лице Тихонова советский кинематограф имел редкий случай актера, который жил со своими экранными героями одной жизнью, разделяя те же взгляды, что и они. То есть патетика экранных образов была для Тихонова не средством зарабатывания денег или чинов (как это случалось со многими советскими деятелями культуры), а естественным проявлением его собственных жизненных принципов. В актерской среде это был редкий случай, за что Тихонова, собственно, многие из его коллег не любили, из-за чего он чувствовал себя своего рода изгоем. Это отчуждение стало поводом к тому, что актер стал сниматься только у тех режиссеров, с которыми разделял одни и те же взгляды — державные. Среди этих людей были: Станислав Ростоцкий (тот занял Тихонова в пяти своих фильмах: «Дело было в Пенькове», «Майские звезды», «На семи ветрах», «Доживем до понедельника», «Белый Бим Черное ухо», а также снял про него документальную ленту «Профессия — актер»), Игорь Гостев (четыре фильма: «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта», «Фронт в тылу врага», «Европейская история»), Сергей Бондарчук (два фильма: «Война и мир», «Они сражались за Родину!»), Юрий Егоров (один фильм: «Человек с другой стороны»).

С начала 70-х антипатии либералов по адресу Тихонова возросли многократно. Что было не случайно, а явилось прямым следствием того, как менялось отношение либералов к советскому патриотизму как к оплоту государственности — оно

стало резко критическим. Поэтому носители этого патриотизма априори стали вызывать у либералов отторжение. Однако Тихонов как будто специально играл на нервах у либералов. Началось все с того, что он подружился с уже упоминавшимся Семеном Цвигуном. В итоге в течение семи лет (1975–1982) свет увидели сразу три экранизации его прозы с участием Тихонова: «Фронт без флангов» (1975), «Фронт за линией фронта» (1977) и «Фронт в тылу врага» (1981). Кстати, и в культовом сериале «Семнадцать мгновений весны» Тихонов во многом согласился сниматься потому, что съемки его курировал все тот же Цвигун. И в том треугольнике, который стал главным стержнем фильма, — Штирлиц — Шелленберг — Мюллер — посвященные люди уже тогда разглядели тайный смысл, а именно — глубинный конфликт между двумя политическими течениями в советской элите. Одно из них (его представителем был Андропов) было готово начать сепаратные переговоры с Западом, другое (Цвигун) всячески этому сопротивлялось.

Кто-то может возразить: дескать, Тихонов, подружившись с Цвигуном, таким образом, ловил «конъюнктурный ветер» в свои паруса, то есть попросту ставил на выгодных людей во власти в угоду своим меркантильным интересам. Но вновь повторюсь: не меркантилизм лежал в основе поступков Тихонова, а принципиальная позиция подлинного патриота своей страны. Это было прямым ответом на возникшую в 70-х еврейскую эмиграцию. Чем активнее была эта эмиграция, тем сильнее в Тихонове рос протест против нее и всего, что выступало против советского патриотизма. Это было заметно по всем его тогдашним поступкам: как личным, так и творческим. Например, именно тогда он был удостоен звания народного артиста СССР (в 1974-м) и вступил в ряды КПСС (в 1976-м).

Практически все его роли в кино, выпавшие на 70 — 80-е годы, несли в себе ярко выраженный политический оттенок. Так, в «Человеке с другой стороны» (1972) он сыграл инженера, который по заданию молодого советского правительства выполняет ответственное поручение — добывает в Швеции тысячу паровозов для нужд СССР; в сериале «Семнадцать мгновений весны» (1973) он играет советского разведчика; в экранизации шолоховского романа «Они сражались за Родину!» (1975) — советского солдата; в кинотрилогии по романам С. Цвигуна вновь перевоплощается в чекиста — майора НКВД, руководившего партизанским отрядом; в служебной драме «И другие официальные лица…» (1976) исполняет роль сотрудника советского Внешторга, заключающего с зарубежными партнерами выгодные для своей страны контракты; в сериале «ТАСС

уполномочен заявить» (1984) снова играет высокопоставленного сотрудника КГБ, разоблачающего происки западных разведок; в «Европейской истории» (1984) перевоплощается в честного журналиста, который разоблачает уже происки неофашистов.

В 1979 году Тихонов совершает и вовсе запредельный в глазах либералов поступок — соглашается озвучить авторский текст документального фильма по книге Л. Брежнева «Возрождение», снятого для Центрального телевидения. Поскольку на тот момент больной генсек уже ничего, кроме сарказма, у подавляющей части творческой интеллигенции не вызывал, большинство актеров от предложения озвучить этот текст под разными предлогами отказались. Но не Тихонов, который прекрасно знал, как к его поступку отнесутся политические оппоненты — либералы. Он дал свое согласие участвовать в этом телепроекте, поскольку всегда жил по принципу: если тебя проклинают враги, значит, ты все делаешь правильно.

Скажем прямо: даже определенная часть простых людей осудила поступок Тихонова. Дескать, негоже любимому актеру так уж явно симпатизировать власти. Тем более что у нее в те годы и в самом деле накопились весьма существенные долги перед обществом. Однако уже ближайшее, далеко не светлое, будущее докажет всем тем, кто осуждал Тихонова и ему подобных, кто окажется прав в этом споре.

Волна недовольства, а то и вовсе плохо скрываемой ненависти по адресу Тихонова в либеральной среде набирала обороты всю вторую половину 70-х. Все началось в 1976 году, когда он вступил в ряды КПСС, а также был удостоен Госпремии РСФСР (а эта премия всегда считалась продержавной). Затем последовали: Госпремия Ленинского комсомола в 79-м и 80-м (за фильмы по романам Цвигуна и за «Белого Бима Черное ухо») и Госпремия Украины в 80-м (за участие в работе над «Возрождением»). Этот дождь из наград сделал Тихонова для либералов персоной нерукопожатной. Например, все эти анекдоты «про Штирлица», которые имели под собой именно либеральную (а не народную, как многие считают) основу, активно внедрялись в массы именно в те годы. И начинка у этих анекдотов была откровенно антипатриотическая: вспомним хотя бы «Штирлица *рвало* на Родину» и т. д.

Короче, если брать кинематографическую среду того времени, то Тихонов был одним из ярких представителей течения *советских патриотов*, которым противостояли *либералы-космополиты* и *русские националисты*. В одном окопе с Тихоновым находились такие известные советские

кинематографисты, как Сергей Бондарчук, Юрий Озеров, Евгений Матвеев, Станислав Ростоцкий.

Именно Ростоцкий в 1980 году снимает документальный фильм о Тихонове под названием «Профессия — киноактер». После чего добавляет новую порцию ненависти к себе и своему другу со стороны либеральных оппонентов. Один из них, кинокритик Валерий Головской (в 1981 году, на волне еврейской эмиграции, он уехал в США), по этому поводу выскажется следующим образом:

«Ростоцкий снял документальный фильм об актере Тихонове, качество которого было столь катастрофически низким, что пришлось — редкий случай — выпустить фильм под псевдонимом С. Степанов!..»

На самом деле псевдонимы в советском кинематографе брали многие деятели, и это вовсе не являлось следствием низкого качества их произведений (например, известный режиссер Владимир Вайншток писал сценарии под псевдонимом Владимир Владимиров и под этим именем выпустил знаменитый фильм «Мертвый сезон»). Вот и Ростоцкий скрылся под псевдонимом, поскольку не хотел, чтобы в широких массах его лента воспринималась как откровенный панегирик другу. Хотя в киношных кругах ни для кого не было секретом, кто именно стоял за этим псевдонимом. Кстати, под ним же два года спустя Ростоцкий приложил руку к другому фильму — «Эскадрон гусар летучих», который стал лидером советского кинопроката. Что лишний раз доказывает — упрек Головского был рожден не желанием объективно разобраться в сути дела, а сугубо идеологическими мотивами.

Горбачевскую перестройку в 1985 году Тихонов встретил, как и большинство советских людей, с энтузиазмом. Страна нуждалась в молодом и толковом руководителе, и многим казалось, что именно Горбачев таковым и является. Но прозрение началось уже спустя два-три года, когда либеральная общественность начала мощную атаку на советское прошлое. Вот тут у большинства, в том числе и у Тихонова, и начали открываться глаза на Горбачева, при прямом содействии которого некогда самый гуманистический и светлый советский кинематограф начал превращаться в свой антипод — антигуманную «чернуху». Естественно, сниматься в подобном искусстве такой человек, как Тихонов, просто не мог. В итоге во второй половине 80-х он записал на свой счет только несколько ролей, из которых только три были главными: в «Апелляции» (1987; секретарь обкома партии Дмитрий Васильевич Плотников), «Любви с привилегиями» (1990; министерский чин Константин

Гаврилович Кожемякин) и «Призраках зеленой комнаты» (1991; Мартин Чиверел).

В июне 1990 года Тихонов пережил личное горе — из жизни ушел его 40-летний сын Владимир. Его уход в столь раннем возрасте во многом был обусловлен наркоманией, к которой покойный пристрастился еще в молодые годы.

После развала СССР и победы либеральной идеи в России Тихонов осознанно ушел в тень. Две крупные роли, которые он записал на свой счет в 90-е — в «Утомленных солнцем» (1994) и «Сочинении ко Дню Победы» (1998), — не были провальными, но они явили нам уже другого Тихонова — вмиг постаревшего и несколько растерянного. Судя по всему, это почувствовал и сам актер, который в новом тысячелетии навсегда порвал с кинематографом и стал отшельником — перебрался жить за город и перестал появляться на широкой публике. Сказать что-то важное новому поколению он уже не мог, да и не хотел. Тем более что все важное уже было сказано им в его прежних, советских работах, некоторые из которых регулярно показывались и по российскому ТВ. Особенной чести в этом плане удостоился сериал «Семнадцать мгновений весны».

Совсем недавно, пересматривая эту ленту в очередной раз, я сделал для себя любопытный вывод, который можно назвать в определенном смысле символичным. У четырех главных (и доживших до сегодняшних дней) героев ленты — Штирлиц, Катя, Мюллер и Шелленберг — судьбы в капиталистической России сложились согласно их киношному менталитету: советские разведчики Штирлиц (Вячеслав Тихонов) и Катя (Екатерина Градова) стали отшельниками (уехали за город и порвали с высшим светом), а Шелленберг (Олег Табаков) и Мюллер (Леонид Броневой) вполне вписались в постсоветскую капиталистическую действительность: один возглавил чеховский МХАТ, превратив его в сугубо коммерческий театр, а второй попал в труппу такого же коммерческого Ленкома, от былой, советской сути которого осталась только вывеска.

Переезд Тихонова за город — на дачу на Николиной горе — был вызван и неурядицами в личной жизни актера — его разладом с женой Тамарой Ивановной. Одно время ходили слухи, что она пьет и совместное проживание с ней трезвеннику Тихонову стало просто невмоготу. Сказалась та самая дисгармония, которая существует между Драконом и Обезьяной. Как написано в гороскопе: «Обезьяне даже удается высмеять Дракона, который, однако, является самым могущественным, выносливым и ловким из знаков…» Видимо, Тихонов долго терпел эти насмешки, а в конце жизни попросту решил их

прекратить, уйдя в отшельничество. Тем более, как мы помним, в его гороскопе написано: «Дракон — единственный знак, который способен вообще не создавать союза, он прекрасно чувствует себя и в одиночестве, в этом случае ему никто не будет мешать, да и загружать себя лишними проблемами мужчина-Дракон тоже не хочет».

Единственной отдушиной для Тихонова была его дочь Анна и двое внуков-близнецов Григорий и Вячеслав (родились в июне 2005 года). Анна пошла по стопам отца: окончила актерский факультет, снимается в кино. Кроме этого, она возглавляет студию «Актер и кино».

В феврале 2008 года широко отмечался 80-летний юбилей Вячеслава Тихонова. Отметились практически все СМИ: вышло несколько десятков статей в газетах и журналах, на ТВ были показаны несколько документальных фильмов. А в Доме кино состоялся торжественный вечер, на который юбиляр пришел, даже будучи серьезно болен. В разгар вечера актеру стало плохо, и он даже покинул зал. Но в фойе, приняв лекарства, решил вернуться на свое место. Так и сказал: «Досижу до конца. Не могу уйти, ведь столько людей ради меня собралось».

Вскоре после юбилея, в марте, на больничных койках оказались оба супруга Тихоновы. Сначала в «кремлевку» слег Вячеслав Васильевич. Обследовав его, врачи вынесли вердикт: нужно срочно оперировать возникшую грыжу. Узнав об этом, слегла Тамара Ивановна. Из-за волнений по поводу здоровья мужа у нее случилось острое нарушение кровообращения в сосудах. И ее поместили в ту же клинику, что и мужа, только двумя этажами ниже.

Наконец Тихонову была сделана операция. Она прошла успешно. Однако из-за действия наркоза у актера появились проблемы с сердцем, и его оставили в «кремлевке» еще на какое-то время. В те дни многие СМИ следили за здоровьем именитого пациента, желая ему скорейшего выздоровления. Спустя месяц Тихонов выписался (его жена сделала это еще раньше). Домой, на подмосковную дачу, актера отвез зять Николай. Однако жить великому актеру оставалось уже немного.

Еще в 1979 году Тихонов побывал в Болгарии у знаменитой прорицательницы Ванги, и та предсказала ему, что он умрет в декабре. Правда, в каком году, не сказала. Поэтому в конце жизни Тихонов каждый декабрь проживал как последний. Однажды именно в этом месяце (в 2002 году) у него случился инфаркт, и он подумал — все! Но выкарабкался. И все же роковой декабрь наступил.

Тихонов уходил из жизни осознанно, поскольку попросту

устал жить. Устал по многим причинам. Во-первых, к тому времени из жизни ушли практически все его друзья, с которыми он долгие годы делил все радости и горести бытия (лучшим другом у него был кинорежиссер Станислав Ростоцкий, умерший в августе 2001 года от инфаркта). Во-вторых, время на дворе было уже не его: из него ушла культура, порядочность, интеллигентность. Чтобы не видеть всего этого и, главное, не участвовать в этом, Тихонов стал отшельником, перебравшись жить за город на дачу. Свой отъезд актер объяснял следующим образом:

«Я Москву уже не люблю. За последнее время столица сильно изменилась, причем не к лучшему. Загазованная стала, загаженная… Я люблю те ее места, где живет искусство. Вот раньше столица только этим и дышала, не зря Москва считалась чуть ли не самым культурным городом в мире. А теперь… В общем, в последнее время я редко здесь бываю. И ностальгии по Москве не испытываю».

Отталкиваясь от этих слов, можно с уверенностью сказать, что и российская действительность Тихонову вряд ли могла нравиться. Ведь Москва — квинтэссенция России. Про последнюю тоже можно сказать, что она после развала СССР стала сильно загаженная, как в фигуральном смысле, так и в переносном — грязь в ее жизни повылазила из всех щелей. Жить в такой обстановке людям, которые помнят страну другой, советской, чрезвычайно трудно. Подлинная культура новой стране, по сути, не нужна, она находится в загоне, как и те, кто являются ее носителями. Тихонов это понимал, поэтому в последние два десятилетия, по сути, самоустранился от активной жизни, ведя жизнь отшельника. Он и в кино почти не снимался, поскольку сказать что-то важное новому поколению он уже не мог, да и не хотел. Тем более что все важное уже было сказано им в его прежних, советских работах, некоторые из которых регулярно показывались и по российскому ТВ.

Все, что мог сделать Тихонов как деятель искусства, он уже сделал — на его положительных героях было воспитано не одно поколение советских людей. В новой России ситуация несколько иная. Ее молодому поколению уже не нужен наш, советский, черно-белый Исаев — Штирлиц, рискующий жизнью ради своей социалистической родины. Нынешним молодым людям нужен Исаев — Штирлиц «в цвете», да еще бьющийся за абстрактную родину (не случайно в новом сериале «Исаев» будущий Штирлиц на вопрос, за кого он, за красных или за белых, отвечает: «Исаев еще не определился»). Естественно, с такими «штирлицами» герою Тихонова (как и всем его героям в целом) было уже не по

пути. Поэтому символично, что ушел великий актер в тот самый год, когда новые «штирлицы» начали торить себе дорогу в новом постсоветском искусстве.

О том, как *уходил* великий актер, вспоминает его дочь Анна (интервью «Московскому комсомольцу», номер от 12 декабря 2009 года, автор — А. Мельман):

«Последние два с половиной года мы с ним неотлучно жили на даче: муж, дети, мама и он… Полтора года назад папа сделал небольшую операцию и вроде чувствовал себя неплохо. Но я понимала, что он устал от такого положения, которое не меняется. У него не было желания куда-то выходить. Ему звонили журналисты для интервью или для каких-то своих дел, но он не соглашался ни под каким видом. Летом я заметила, что он стал очень долго спать. Сначала в 12 часов просыпался, потом в час, в два, а иногда даже полчетвертого. Это встревожило. Мы всячески пытались с ним поговорить, выяснить, что случилось. Но он смотрел молча телевизор и ничего не отвечал. Говорил: «Я потихоньку ухожу». Было впечатление, что отец меня к этому готовил. Говорю ему: «Папа, зачем ты так? Мы же все вместе, и все нормально».

В последний раз он опять напомнил о своем близком уходе месяца три назад. Я вновь старалась его подбодрить, напомнила, что его мама долгожитель — прожила 93 года. Когда началась осень, мы с мамой стали уговаривать его лечь в больницу. Раньше папа проверялся минимум раз в год. Но на этот раз ничего не помогало. Отказывался наотрез. Потом я стала пытаться вызвать врачей к нам на дачу. Это было непросто, ведь папа обслуживался по месту прописки, в Сивцевом Вражке, и нужно было специальное разрешение. Я написала письмо с просьбой, врачам это не очень нравилось: «Почему это мы должны ездить? Пусть он сам приезжает в поликлинику. Не ваш один папа такой заслуженный». Наконец месяца полтора назад приехала «Скорая», врачи померили давление, сделали кардиограмму и уехали. Затем позвонили и сказали, будто что-то им не нравится, но что, точно не знают. Потом еще раз приехали, сказали, что нужно лечь в больницу. Папа опять отказался. Так было раза три. Ни в какую. Отец давал расписку и оставался дома. Говорил: «Мне 81 год, пожил, хватит». Перестал пить таблетки. Врач это обнаружил. Мы нашли эти таблетки в дальнем углу его тумбочки, и тогда я два раза в день ему их давала. Он пил, чтобы меня успокоить. Но каждый раз смотрел так грустно: «Ну и зачем? Может, хватит? Для чего это нужно?»

Он вставал днем, шел пить чай с сырниками и кашей. Потом шел покурить. И опять ложился. Летом мы его уговаривали: «Ну

посиди на улице, походи». Он, конечно, на крыльце сидел, но за ворота только раза два-три вышел за все лето. Они сидели вместе с мамой, но если прошлым летом он много всего вспоминал, то сейчас разговор не клеился, папа больше молчал. Подолгу смотрел на моих детей, просто впивался в них глазами, внимательно-внимательно изучал каждую черточку…» (В интервью другому изданию — «Комсомольской правде» — Тихонов тогда же сказал: «Я живу болью внутренней, которую не могу в себе преодолеть, о своих внуках, о дочке Ане. Дай бог, чтобы внуки нашли свое место в жизни». — *Ф. Р.*)

Отсчет последних дней Вячеслава Тихонова начался в самом конце ноября, когда он в очередной раз угодил в больницу после случившегося с ним 29 ноября инфаркта. И вновь послушаем рассказ его дочери Анны:

«Папе стало хуже, вызвали «Скорую». Но это было не сердце. Врачи приехали, сделали кардиограмму и даже сказали, что оно стало работать лучше. Я обрадовалась. Но все равно нужна была госпитализация. У папы уже не было сил сопротивляться. Но я не думала, что это так серьезно. Поехала вместе с папой на «Скорой». Он спал, а когда мы приехали в ЦКБ, проснулся и спросил: «Ты куда меня привезла?» Я надеялась, что его наконец подлечат, и о плохом старалась не думать. Были же у него и более тяжелые моменты, инфаркт…»

Здесь прервемся и послушаем рассказ врача из ЦКБ (интервью журналу «Тайны звезд», номер от 13 декабря, автор — Н. Зайцева):

«Тихонов почти не двигался. Состояние было полуобморочное. Что-то говорит-говорит и тут же забывает, что сказал. Еще у него был синдром длительного сдавливания мягких тканей. Он долго лежал, упав со стула, не мог подняться много часов. И никто ему не мог помочь. От этого случилась острая почечная недостаточность…»

Как расскажет позднее жена Тихонова Тамара Ивановна (интервью журналу «Тайны звезд»):

«Я уложила его спать сама и сказала: «Только не вставай, потому что, не дай бог, упадешь!» Я как чувствовала это! Но почему он встал ночью? Либо бессознательно встал, либо захотел в туалет. Утром дочь заходит в ванную, а он там спит. Стали поднимать, а ноги его не держат! Кое-как мы Славочку довели до кровати. Он был в сознании. «Скорая» приехала… И все! Больше я его не видела!..»

И вновь — рассказ А. Тихоновой: «Врачи не говорили ни плохое, ни хорошее. Но меня удивило, что его сразу положили в реанимацию. Объясняли, что в выходные в палате лишь дежурные

врачи, а в реанимации постоянный уход. На следующий день я позвонила: «Как Вячеслав Васильевич?» Мне сказали, что он в тяжелом состоянии. Я совсем этого не ожидала, не была к этому готова. За день до его операции приехала к нему. Меня пустили. Когда увидела папу, стало страшно. Он был весь в проводах, спал. Я его разбудила, он с большим трудом открыл глаза, узнал меня, но речь его была уже не очень связной. Это были какие-то прощальные слова. Ехала от него, долго плакала, но все равно надеялась. А на следующее утро позвонили и сказали, что нужно наше разрешение на срочную операцию…»

Вспоминает Т. Тихонова: «У мужа отказали почки. Ему делали многочасовой гемодиализ, очищали кровь. Я еще сказала: «Это же очень тяжелая процедура! Как ее каждый день делать?» — «А иначе нельзя!» — отвечают врачи. А потом вдруг у Славы нашли перитонит. И стали просить разрешение на операцию. Я: «Господи! Откуда же у него перитонит?» Перитонит же начинается не за один день!.. Врачи вскрыли полость. А у него — язва 12-перстной кишки. И кишка порвалась. Они ее укоротили…»

Операцию Тихонову сделали во вторник, 1 декабря 2009-го. Именно она оказалась для актера роковой. По словам врачей: «Операция была тяжелой: прободение язвы, перитонит, гнойный холецистит — все это очень тяжело. Для молодого человека тяжело, а уж для пожилого это было просто непереносимо! Была очень тяжелая ситуация. Увы, эта смерть ожидаемая, потому что вынести это было невозможно…»

После операции Тихонова держали в медикаментозном сне и родных к нему больше не пустили. Сказали, что он спит и ни на что не реагирует. А 4 декабря, в 15.35 по московскому времени, Тихонов скончался. Как сказал один из кардиологов, лечивших актера:

«У Вячеслава Васильевича была ишемическая болезнь сердца, стенокардия (боли за грудиной), сопровождающаяся сердечной недостаточностью. Обычный набор для мужчины его возраста… Несколько лет назад он перенес один инфаркт миокарда. И вот 29 ноября — второй, ставший роковым.

Но нельзя сказать, что его убил именно этот второй инфаркт. Это был комплекс хронических проблем со здоровьем. К тому же курил всю жизнь… Если бы речь шла о молодом пациенте, шансы бы были. Но, думаю, сердце Тихонова выработало свой ресурс, свой максимум…»

Вспоминает А. Тихонова: «Папа умер в пятницу, потом у всей страны были выходные. Ну кому нужно омрачать себе жизнь мрачными мыслями? Мне звонили с Новодевичьего кладбища,

чтобы я приехала выбирать место, а у меня еще и разрешения не было. Я звонила Кобзону, так и не дозвонилась. Звонила Никите Михалкову, но какой-то человек сказал, что он на процедурах. Так весь день в трясучке, в машине, с лекарствами. Наконец-то в понедельник в три часа дня среди всего этого безумия сказали, что есть разрешение на захоронение на Новодевичьем… Почему именно там? Здесь старые намоленные храмы. Да и находится оно рядом с квартирой на «Кропоткинской», где жил папа. И со своей прошлой семьей он жил неподалеку от Новодевичьего, на Пироговке…»

Смерть Тихонова вызвала самый широкий отклик в самых различных СМИ. Писали, что с его смертью «ушла эпоха», правда, в либеральных изданиях старались не объяснять, что это была за эпоха. Но левые издания писали как есть. Например, в «Правде» В. Вишняков написал следующее:

«…Искалечивший страну разрыв времен, начавшийся с «перестройки» и переросший в гнойную язву ельцинизма и всего последовавшего, обернулся для артиста номер один нашего кинематографа настоящей творческой катастрофой. Дело в том, что его идеальный герой советской эпохи нынешнему безвременью не просто не нужен, но категорически противопоказан. Артиста с большой буквы если и снимали, то в «Зале ожидания», «Бульварном романе», «Сочинении к Дню Победы» и прочей экранной дребедени. А в последнее время он и вовсе не был востребован. Уединенно жил на даче вместе с любимым старым котом…»

Кстати, на даче у Тихонова жил не только кот, но и собака — дворняжка по имени Степка. Однако незадолго до смерти пес исчез, и сколько Тихонов его ни искал, разъезжая по округе на машине, так и не нашел. А потом кто-то подбросил ему во двор ошейник Степки. Видимо, пес умер, а рассказать хозяину об этом никто не решился. Эта утрата тоже сказалась на самочувствии актера не в лучшую сторону.

Прощание с В. Тихоновым состоялось 8 декабря. Вот как об этом сообщали СМИ.

«Комсомольская правда» (номер от 9 декабря, автор — А. Плешакова):

«С утра Вячеслава Тихонова отпели в храме Христа Спасителя. Верхний храм там — чуть ли не единственное место в Москве, где можно с утра заказать отпевание, в то время как в других церквях в это время идет служба. А потом друзья и зрители простились с любимым артистом в Доме кино…»

«Московский комсомолец» (номер от 9 декабря, автор — Н. Карцев):

«…На сцене Дома кино почетный караул. Здесь же министр культуры (Александр Авдеев. — *Ф. Р.*), два партийных лидера (Геннадий Зюганов от КПРФ и Владимир Жириновский от ЛДПР. — *Ф. Р.*) и не больше тридцати деятелей кино. Все остальные — самые обычные люди. Зрители…

Панихиду ведет Армен Медведев.

— С его уходом оборвалось нечто очень важное, что уже не вернешь, не воссоздашь и ничем не заменишь, — говорит Армен Николаевич.

На этих словах многочисленные фотографы, расправив плечи, без остановок щелкают затворами, закрывая собой вид на гроб с Вячеславом Тихоновым.

— Пригнитесь! Как вам не стыдно?! — кричат из зала.

Фотографам не до этого. На сцене выстроен отличный кадр — смена почетного караула. Солдаты перемещаются по сцене, заставленной траурными венками, плавной поступью, с идеальной выправкой, автоматами с белыми прикладами и блестящими штыками. Блестят и слезы на глазах дочери Тихонова — Анны. Рядом с ней — вдова актера Тамара Ивановна.

Звучит музыка. Какая? Конечно, тема Таривердиева из «Семнадцати мгновений весны». Она сопровождала Тихонова с момента выхода фильма на экраны, она его и провожает.

Здесь же — справа от гроба — черно-белая фотография Вячеслава Васильевича в образе Штирлица. С сигаретой в руке и задумчивым взглядом вдаль.

В толпе мелькают звездные лица: Сергей Соловьев, Карен Шахназаров, Эльдар Рязанов…» (Были еще Лариса Лужина, Татьяна Конюхова, Римма Маркова, Алексей Петренко, Раиса Недашковская, Борис Токарев, Людмила Гладунко, Аркадий Инин, Борис Грачевский, Виктор Раков и ряд других кинематографистов. — *Ф. Р.*)

«Твой день» (номер от 9 декабря, автор — А. Ананьина):

«…Коллеги Вячеслава Тихонова, скорбя вместе с его семьей, не скрывали своей боли и слез.

— Я считаю, что, когда такие люди, как Вячеслав Васильевич, уходят, на их место не приходит никто, — с болью сказал актер Алексей Панин (от молодых кинематографистов он был чуть ли не один на панихиде. — *Ф. Р.*). — Мы какие-то мелкие по сравнению с ним…

— Сегодня скорбный и печальный день, — сдерживая слезы, говорил режиссер Эльдар Рязанов. — Жизнь становится все беднее и беднее на ярких людей, ведь из нее уходят гиганты. Мы учились вместе. Он был самым красивым, и рождались подозрения, что его взяли на актерский факультет за красоту. Но

он доказал, что это не так. Наши жизни шли параллельно. Я любил его и люблю. Он был замечательным, скромным человеком. Он был не приспособлен к этой жизни, хотелось защитить его. Тихонов был по-настоящему чист. Спасибо тебе, Слава, за то, что ты был. За то, что мы жили в твою эпоху!..»

«Московский комсомолец»: «…Новодевичье кладбище. Редкий снег падает так же медленно и беззвучно, как перемещается похоронная процессия. Сразу за ней — военный оркестр и несколько десятков людей с цветами. Кто-то произносит в тишине: «Родился в феврале и уходит зимой». Гроб несут в самый дальний конец кладбища. Там уже выставлен почетный караул, вновь играет музыка из «Семнадцати мгновений», в воздухе запах еловых веток. Прощание семьи, грохот ружейных залпов и вой труб в оркестре. В воздух взметаются десятки вытянутых рук, с маниакальным упорством пытающихся запечатлеть чужую смерть хотя бы на камеру мобильного телефона…»

«Комсомольская правда»: «…Тихонова похоронили на Новодевичьем рядом с могилой Олега Янковского. Залпы почетного караула, огромное количество венков, живых цветов… К прощанию на кладбище в траурной коробке привезли землю из Павловского Посада, с могилы матери и отца Вячеслава Тихонова. Первой горсть земли в могилу бросила вдова актера Тамара Ивановна.

— Покойся с миром, — прошептала она.

Несмотря на мороз, спустя час после похорон родные не уходили с Новодевичьего, над которым все это время звучали мелодии из «Семнадцати мгновений весны»…»

«Экспресс газета» (номер от 14 декабря, автор — А. Фадеева):

«…На Новодевичье вместе с катафалком прибыли лишь родственники. Многие и хотели бы бросить горсть земли на свежую могилку, но доехать было не на чем. Автобус, на котором прибыла делегация из Павловского Посада, после панихиды отправился домой. Второй автобус, доставивший народ к Дому кино после отпевания, куда-то исчез. В результате актеры, пришедшие проводить в последний путь своего друга и коллегу, не попали и на поминки, а были вынуждены отправиться восвояси.

На поминках в ресторане Дома кино было совсем малолюдно. С запоздалыми речами о недооцененности покойного, его значимости для страны, о том, что нужно было специально под него писать сценарии, выступили бывший председатель Госкино России Армен Медведев, другие приглашенные, поделились своей скорбью родные. Долго не засиживались, потому что скудный стол вскоре опустел. Водку практически никто не пил. Красное

вино закусили быстро исчезнувшей селедкой с картошечкой. Мгновенно расхватали горячее — кусочки жареной рыбы и крохотные мясные отбивные. Народ до последнего надеялся, что хотя бы на поминки великого русского актера пожалует Никита Михалков. Но у главы Союза кинематографистов России были в тот день, по-видимому, более важные дела».

Отметим, что похороны Тихонова прошли… в долг. Вот что рассказал об этом генеральный директор Гильдии киноактеров В. Гущина:

«Гильдия актеров не давала денег на эти похороны. Мы решили, что, когда умирает человек такого ранга, как Вячеслав Васильевич Тихонов, государство должно показать свое лицо. Какие похороны, такое и «лицо» у нашего государства. Похороны прошли в долг. Да, такое тоже бывает. Сейчас, после похорон, будут собирать деньги. Должны откликнуться различные фонды, государственные организации. Один гроб стоит несколько тысяч евро, откуда у Гильдии актеров такие бешеные деньги? Да и родственники Тихонова — отнюдь не миллионеры. Мало актеров было на похоронах, потому что тех, кто мало снимался в последние годы жизни, быстро забывают. К Абдулову и Янковскому пришло много звезд, потому что они до последнего были востребованными. А Тихонов в последние годы жил отшельником. Организация похорон была очень хорошая. Ведь людям еще ничего не заплатили, а они все сделали на высоком уровне».

Спустя несколько дней после похорон В. Тихонова в тех же СМИ появились публикации, где выражалось недоумение по поводу того, что проститься с выдающимся актером пришло слишком мало его коллег. В «Московском комсомольце» дочь Тихонова Анна по этому поводу посетовала:

«Меня больно резануло то, что не было многих его коллег. Тех, кто был, можно пересчитать по пальцам. Я не понимаю этого. Выходит, про папу забыли. Он же не ходил на тусовки, не пил с ними водку, не снимался с ними в последние годы. И они подумали: если его нет в модных журналах и в рейтинговых передачах, то нет смысла идти к нему на похороны. На поминках вообще ресторан был полупустой, там присутствовали какие-то непонятные люди. В этом мире чужой успех не прощается».

Об этом же заметка Н. Андреассен в «Комсомольской правде» (номер от 10 декабря):

«…Мы не нашли времени попрощаться с Вячеславом Тихоновым. Со Штирлицем. На панихиде во вторник был почти пустой зал в московском Доме кино. Его в новостях мельком показали.

Хотя когда-то — если верить истории, — едва начинались «Семнадцать мгновений весны», улицы вымирали. Люди прилипали к телевизорам.

Тогда не было «Дома-2» и тиражируемых откровений звезд. Тогда ценилось молчание. Ну как у Штирлица, когда говорят глаза и только глаза.

Теперь среди артистов принято то и дело напоминать о себе с экрана. А Тихонов — Штирлиц ушел, не дав интервью. Не пиарясь (а изучил ли он такое слово?). Он даже не думал, вспомнят ли о нем. Он дал нам это на откуп.

Мы откупились. Пожилыми актерами, которые пришли на панихиду (молодые, видно, были очень заняты). Пожилыми поклонниками. Полупустым залом.

…Я ждала, когда по ТВ об этом скажут! Ткнут пальцем в нас же. Переключила на другой канал — на тамошние новости. Они как раз начинались. В анонсе назвали темы, о которых пойдет речь, — из серии коммунально-бытовых. А потом коротко перечислили кое-что еще из событий ушедшего дня. В частности: «Москва простилась с Вячеславом Тихоновым». Даже полупустого зала не показали. Некогда было: сюжет-то минутный! А может, пустоты просто не заметили.

Впрочем, чего переживать? Живым — жить. Жить — своими проблемами и звездными откровениями. Теперь так: нет шоу — нет и человека.

Тихонов — Штирлиц не напомнил о себе накануне. Не вписался в ТВ-программу. И мы его не вспомнили».

Мустангер-беглец

Олег Видов родился в деревне Филимонки Московской области 11 июня 1943 года в простой семье. Его отец был экономистом, мама работала преподавателем в школе. Они познакомились во время войны, когда вместе воевали в партизанском отряде. Между ними возникла любовь, которая и привела к рождению героя нашего рассказа. Однако молодая семья просуществовала недолго — ребенок еще не родился, как отец уже охладел к своей партизанской подруге. Поэтому нашего героя воспитывала мама — женщина достаточно строгая. Как вспоминает сам О. Видов:

«В детстве я часами просиживал у черного картонного репродуктора, слушая оперы, симфонии, страстно тянулся к музыкальной классике. По воскресеньям бегал смотреть фильмы, все больше и больше отдавая свою безраздельную любовь кинематографу, который не меньше, чем книги, открывал мне мир, красоту его, человеческую доброту, благородство сильных, романтических героев разных эпох и стран. Меня раз и навсегда покорил «Овод» (фильм вышел в 1955 году. — *Ф. Р.*). Он пришел ко мне вместе с прекрасным кинообразом, созданным Олегом Стриженовым…»

Окончив среднюю школу и школу рабочей молодежи, Видов одно время работал электриком на строительстве Останкинской телебашни. Однако любовь к искусству оказалась сильнее иных увлечений, и в 1960 году Олег решил поступать во ВГИК. Успешно сдав экзамены, он был зачислен на первый курс актерского факультета, в мастерскую Юрия Победоносцева и Якова Сегеля. В том же году впервые снялся в кино — это был маленький эпизод в картине Александра Митты и Алексея Салтыкова «Друг мой, Колька!». После этого дебюта наш герой снялся еще в нескольких фильмах, однако везде это были небольшие эпизоды, которые иной раз длились не больше минуты и куда Видова брали исключительно из-за его привлекательной внешности. В итоге в 1963–1964 годах Олег таким образом промелькнул в четырех лентах: «Конец света» (1963; Ваня), «Если ты не прав» (брат Алеши), «Мне 20 лет» (эпизод), «Я шагаю по Мосве» (парень на велосипеде с зонтом) (все — 1964).

Между тем настоящая карьера Видова в кино началась сразу по окончания ВГИКа в 1964 году. Именно тогда на него обратили внимание сразу трое известных режиссеров с главной студии страны — «Мосфильма»: Эраст Гарин и его супруга Хеся Локшина, а также Владимир Басов. Первые пригласили его на

главную роль в своей экранизации сказки Е. Шварца «Обыкновенное чудо», где Видову досталась роль Медведя, который волею Волшебника превращен в прекрасного юношу, но может обратно превратиться в зверя, если поцелует Принцессу, в которую он, оказывается, влюблен.

Как вспоминает актер: «Эта творческая встреча — одна из самых дорогих в моей жизни. Ведь Эраст Гарин — режиссер поразительный, он умеет рассмотреть в актере (а как это важно для начинающего!) какие-то тайнички, о которых сам еще и не подозреваешь. Он помог мне раскрепоститься на съемочной площадке, почувствовать уверенность в себе, ощутить землю под ногами…»

Что касается Басова, то он пригласил Видова в экранизацию пушкинской «Метели», где молодому актеру вновь досталась главная роль — Владимир. Роль его возлюбленной, Марьи Гавриловны, исполнила жена Басова Валентина Титова.

Оба фильма снимались одновременно и вышли буквально один за другим в один год: «Метель» — 10 февраля 1965 года, «Обыкновенное чудо» — 30 августа того же года. Именно с этого момента и берет свое начало широкая слава актера Олега Видова. Его дебютные работы оказались настолько удачными, что уже спустя год после этого на него обратил внимание еще один известный режиссер — Александр Птушко, снявший нашего героя в роли царевича Гвидона в фильме «Сказка о царе Салтане», которая была экранизацией поэтической сказки все того же А. С. Пушкина. Этот красивый фильм, который вышел на экраны страны в 1967 году, имел большой успех у зрителей и собрал в прокате 26,8 млн. зрителей. На Всесоюзном кинофестивале в 1968 году он получил почетный приз.

Все эти фильмы принесли Видову заслуженную славу, причем не только у себя на родине, но и за рубежом. В те годы советская кинематография начала активное сотрудничество с западными странами, когда отдельные советские режиссеры и актеры получили возможность участвовать в зарубежных проектах. В число таких людей угодил и Видов, который по своим внешним данным больше напоминал не советскую «звезду», а скорее западную — этакий голубоглазый блондин с красивым лицом и спортивной фигурой. Поэтому в иных советских фильмах Видов выглядел явно не в своей тарелке: например, в телевизионной комедии «Зареченские женихи» (1967) Л. Миллионщикова, где он сыграл деревенского паренька Мишку Чернышева. Внешность Видова плохо гармонировала с деревенскими ландшафтами, показанными в фильме. Видимо, поэтому актер стал часто отказываться от ролей в советских фильмах, поскольку многие из

них были однотипными. Как он сам объяснял чуть позже:

«После трех первых киноролей у меня подчас возникало тревожное чувство: мне не раз предлагали новые роли, но они в чем-то повторяли уже сыгранное. Это опять были романтические, благородные сказочные герои. Это вовсе не значит, что мне не нравятся такие образы. Отнюдь. Но мне не хотелось замыкаться в них…»

Итак, на героя нашего рассказа обратили внимание западные продюсеры и режиссеры. Первым таким человеком стал известный датский режиссер Габриель Аксель, который в «козлином» 1967 году задумал снять фильм на основе древних саг о скандинавских Ромео и Джульетте. На роль Хагбарда (Ромео) он долго искал красивого светловолосого актера, причем эти поиски простирались далеко за пределами Дании. Однако ни один из понравившихся режиссеру исполнителей так и не смог осилить предварительные пробы на роль. И тогда кто-то посоветовал Акселю обратить внимание на молодого советского актера Олега Видова. Режиссер прислушался к этому совету и пригласил артиста к себе в Данию. Первые же пробы убедили Акселя, что он наконец-то нашел то, что искал. Видова утвердили на эту роль, хотя в самой Дании многие восприняли этот выбор с недоумением: еще бы, на роль национального героя страны взять актера из СССР! Но когда картина «Сага о викинге» вышла на широкий экран, скептические голоса сразу смолкли — Видов действительно был убедителен в этой роли.

С этого момента Видов на какое-то время выпал из съемочного процесса у себя на родине и целиком переключился на роли в зарубежных фильмах. А таких у него за короткий период (1967–1970) набралось целых пять штук. Назовем эти ленты: «Есть любовь, нет любви» (1968; Югославия; главная роль), «Красная мантия» (Дания, Швеция; главная роль — принц Хагбард), «О причине смерти не упоминать» (ГДР, Югославия; главная роль — эсэсовец), «Битва на Неретве» (главная роль — комиссар бригады Никола) (все — 1969), «Ватерлоо» (Италия; режиссер — Сергей Бондарчук; роль — английский солдат Томлинсон).

На волне успеха от этих фильмов известный итальянский кинопродюсер Дино де Лаурентис предложил Олегу Видову хороший контракт, который предусматривал его участие в нескольких западных фильмах с выплатой солидных гонораров. Естественно, актер был согласен на подобный вариант, поскольку все его естество человека, рожденного в год Козы, жаждало подобного поворота событий. Вспомним гороскоп:

«Коза ищет в жизни комфорта и безопасности. Она может

использовать людей в своих целях и получать выгоду от нужных знакомств. Козе всегда требуется спонсор, который поможет ей удобно устроиться в жизни и жить безбедно. Коза умеет нравиться, когда это в ее интересах, или использовать других и жить за их счет. Ведь Коза любит комфорт и ради него готова поступиться многими принципами…»

Поэтому можно смело сказать, что всю свою жизнь Олег Видов подчинил *поискам комфорта*, ради которого он выгодно женился, стремился попасть в престижные кинопроекты, а в итоге — сбежал на Запад, как только для этого представилась удобная возможность. Впрочем, не будем забегать вперед и расскажем обо всем по порядку.

Итак, Лаурентис собирался задействовать Видова в своих кинопроектах. Однако у чиновников советского Госкино были иные виды на популярного актера. Несмотря на то что контракт с итальянским продюсером сулил Госкино хорошие дивиденды в валюте, Видова перестали отпускать за рубеж, после чего он вынужден был вновь вернуться к съемкам в советских фильмах. Со стороны это выглядело странно, и сам актер до сих пор не может толком объяснить подобную метаморфозу. Однако объяснить это можно. Видимо, советские власти, на основе той информации, которой они обладали (а советские спецслужбы, имея своих агентов в среде деятелей искусства, прекрасно знали об их настроениях), не доверяли Видову и не были уверены, что тот не сбежит на Запад. Поэтому и прекратили его участие в зарубежных проектах.

Однако, потеряв в одном, наш герой нашел в другом — он выгодно женился. Произошло это в 1970 году, а избранницей Видова стала дочь генерала КГБ Наталья Федотова (1945), которая была близкой подругой дочери генсека ЦК КПСС Галины Брежневой.

Заметим, что первый раз актер женился в студенческие годы. В середине 60-х он учился во ВГИКе и встретил там красивую девушку по имени Маша. Но этот брак продлился недолго — чуть больше года. Виной всему была ревность: молодая супруга слишком сильно ревновала своего красавца-мужа, который стремительно взлетел на вершину киношного Олимпа и, заваленный предложениями, редко появлялся дома. Видимо, и сам Видов не слишком держался за этот брак, поскольку никаких особенных дивидендов он ему не сулил — только мешал ему в карьере. То ли дело дочка генерала КГБ! Как написано в гороскопе: «Коза хочет жить спокойно и мечтает о браке, который принесет ей богатство, или о выгодном друге-спонсоре…»

Их знакомство произошло благодаря фильму «Один из нас»

Геннадия Полоки. Федотову пристроил туда на эпизодическую роль (жены немецкого посла Шуленбурга) ее приятель, сценарист Алексей Нагорный. Он же сразу после съемок эпизода повез ее в ресторан гостиницы «Националь». Там за Федотовой внезапно стал ухаживать красивый блондин, которого она до этого не знала. Он представился ей Олегом и своими манерами произвел на женщину приятное впечатление. Когда чуть позже Наталья описала его внешность Галине Брежневой, та сразу опознала незнакомца: «Да это же артист Олег Видов! Отнесись к нему благосклонно, он неплохой парень». Наталья послушалась совета лучшей подруги и стала встречаться с Видовым. А спустя несколько недель и вовсе выскочила за него замуж. Вот как она сама описывает это событие:

«Чтобы как-то меня расшевелить, Галина стремительно взялась за наше сближение. По ее словам, Олег едва ли не валялся в ногах, упрашивая ее уговорить меня выйти за него замуж. На это я шутя парировала: «Завтра или никогда». Я прекрасно знала, что завтра — выходной. Утром примчалась Галина: «Срочно наводи красоту, тебе к девяти в ЗАГС». И со смехом рассказала, как Олег за день обегал множество инстанций и уломал сотрудников ЗАГСа выйти в выходной и расписать нас. Восхищаясь стараниями Олега, она схватила из гардероба платье и натянула его на меня: «В природу впишемся классно!» Представляете, на ней была коричневая бархатная юбка и кремовая блузка, а на мне вместо традиционного белого — зеленое платье. Будучи в полной уверенности, что все это розыгрыш, я поехала вместе с ней в ЗАГС и через сорок минут стала женой Олега Видова…»

Влиятельная супруга стремилась всячески помогать своему супругу в его творческой карьере. Правда, эта помощь не всегда срабатывала. Так, в том же 70-м знаменитый оператор Сергей Урусевский задумал снимать фильм по собственному сценарию о Сергее Есенине. Узнав про это, Федотова и Брежнева стали давить на него, чтобы на роль поэта тот взял Видова. Однако Урусевский воспротивился этому, поскольку не считал этого актера способным сыграть эту роль. В итоге этот проект собирались закрыть, но оператор сумел-таки добиться своего. Ему удалось отстоять свою точку зрения, и фильм «Пой песню, поэт…» был запущен в производство с другим исполнителем — Сергеем Никоненко (кстати, очень похожим на С. Есенина).

А что же Видов? Он без дела тоже не остался и в начале 70-х записал на свой счет еще несколько киноролей в таких фильмах, как: «Миссия в Кабуле» (1971; дипломат Сказкин), «Джентльмены удачи» (лейтенант милиции Славин), «Могила льва» (главная

роль — богатырь Машека), т/ф «Стоянка поезда — две минуты» (главная роль — молодой врач Игорь Павлович).

Громче всех из перечисленных прозвучали две роли: в «Джентльменах удачи» и «Стоянке поезда…». В первом фильме наш герой перевоплотился в симпатичного милиционера, который участвует в поисках золотого шлема Александра Македонского, похищенного преступниками. При этом его лейтенант Славин является связником между милицией и внедренным в преступную среду заведующим детсадом Трошкиным, роль которого исполнял Евгений Леонов.

В «Стоянке поезда…» Видов сыграл молодого врача, который приехал работать в провинциальный городок и здесь встретил свою любовь по имени Алена (эту роль исполняла Валентина Теличкина). В этом фильме Видов дебютировал как певец. Причем если он исполнял песню «Предчувствия» самостоятельно, то вот за Теличкину это делала молодая и тогда мало кому еще известная Алла Пугачева. Премьера фильма состоялась на ЦТ на исходе 1972 года — 31 декабря.

Тот год был знаменателен для Видова еще и тем, что именно тогда он стал отцом: Наталья Федотова произвела на свет мальчика, которого назвали Вячеславом.

Кроме этого, именно в том году Видов заполучил кинороль, которая отныне станет его главной визитной карточкой. Фильм, который принесет ему оглушительную славу, принадлежал к жанру вестерна. Причем это был не тот вестерн по-советски, который именовался истерн — то есть снятый на материале Гражданской войны, а именно стилизация под настоящий вестерн об американском Диком Западе. Отметим, что жанр вестерна в советском кинопрокате переживал в первой половине 70-х годов пик своей популярности. Несмотря на то что после скандала с «Великолепной семеркой» (ее сняли с проката волевым решением верхов в 1962 году) американские вестерны в СССР больше не покупались, фильмы этого жанра из других стран продолжали появляться на советских экранах с пулеметной частотой. Так, с 1966 года это были фильмы из двух Германий: ГДР (так называемые «дефа-вестерны» с участием Гойко Митича) и ФРГ (так называемые «штрудель-вестерны» с Пьером Брисом в роли Виннету). Кроме этого, были еще румынско-французские фильмы по Фенимору Куперу («Прерия» и «Приключения на берегах Онтарио»).

Все эти вестерны пользовались большим успехом у советских зрителей, а лидером среди них по посещаемости на рубеже 70-х годов был фильм «Верная рука — друг индейцев» (ФРГ — Югославия; в прокате 1968 года он собрал аудиторию в 46

миллионов 500 тысяч зрителей). В 1974 году этот рекорд будет побит американским вестерном «Золото Маккенны», который соберет аудиторию в 63 миллиона человек. Тот год вообще будет богат на вестерны из разных стран, которые в общей массе соберут самую большую за всю историю этого жанра в СССР аудиторию зрителей. Так, «дефа-вестерн» с Гойко Митичем «Апачи» посмотрят 40 миллионов 900 тысяч зрителей, а очередную историю про приключения вождя апачей Виннету под названием «Сокровище Серебряного озера» — 39 миллионов 800 тысяч. Спустя год на советские экраны выйдет еще один фильм про Виннету — «Виннету — сын Инчу-Чуна», который соберет гораздо большую аудиторию, чем два последних фильма, — 56 миллионов человек. Как покажет будущее, это будет последний столь массовый всплеск интереса к вестернам в Советском Союзе.

Как видно из приведенных данных, у родоначальников жанра, американцев, была в СССР особая популярность. Сначала их «Великолепная семерка» собрала аудиторию значительно большую, чем любой из немецких вестернов, — 67 миллионов, а в 74-м году другой вестерн из США — «Золото Маккенны» — недотянет до этого показателя всего четыре миллиона. Однако всех этих заграничных рекордсменов сумел побить по кассовым сборам вестерн по-советски 73-го года выпуска — тот самый фильм с участием Олега Видова под названием «Всадник без головы».

Его режиссером был Владимир Вайншток, который по праву считался не только мэтром советского кинематографа, но и одним из корифеев экранизации. Он пришел в этот жанр в 28-летнем возрасте со второй волной режиссеров-евреев, экранизировав в 1936 году роман Ж. Верна «Дети капитана Гранта», который стал одним из лидеров проката. Не меньший успех ждал другую экранизацию Вайнштока — «Остров сокровищ» (1938) по Р. Стивенсону. Однако после этого талантливый режиссер внезапно ушел не только из режиссуры, но и из искусства вообще (по одной из версий, он стал сотрудником внешней разведки).

Возвращение Вайнштока в кинематограф произошло на исходе хрущевской «оттепели», в середине 60-х годов, правда, не как режиссера, а как сценариста. В итоге в течение нескольких лет он написал (под псевдонимом Владимир Владимиров) сценарии сразу к нескольким фильмам: «Перед судом истории» (1965), «Мертвый сезон» (1969, в соавторстве с А. Шлепяновым), «Миссия в Кабуле» (1971, с П. Финном), «Заблудшие» (с П. Финном, 1971), «Сломанная подкова» (1973). В начале 70-х годов Вайншток вновь вернулся в режиссуру, в жанр экранизации. И

перенес на советский экран прозу Майн Рида.

Обращение к прозе именно этого писателя не было случайным. Как уже отмечалось, в СССР тогда огромной популярностью пользовались восточногерманские фильмы про индейцев с участием югославского актера Гойко Митича, и один из этих фильмов — «Оцеола» — тоже являлся экранизацией одноименного романа Майн Рида (он вышел на советские экраны за полгода до фильма Вайнштока — в январе 1973 года). Поэтому, учитывая спрос аудитории на кино подобного жанра, Вайншток и решил перенести на экран прозу популярного американского писателя, а именно — его самый известный роман «Всадник без головы».

На главную роль — мустангер Морис Джеральд — пробовались более десятка советских актеров, но спор в итоге выиграл Олег Видов. Почему именно он? Во-первых, как уже отмечалось, внешне он очень был похож на «звезду» именно западного розлива — статный красавец-блондин. Во-вторых, у него уже был опыт сотрудничества как с Вайнштоком (в фильме «Миссия в Кабуле»), так и с жанром вестерна: в 1971 году Видов сыграл роль Элиота в восточногерманском вестерне «Текумзе». Короче, храбрым мустангером чуть ли не изначально суждено было стать именно герою нашего рассказа.

Фильм создавался на «Ленфильме» в содружестве с кубинскими кинематографистами (на Кубе снимали часть натуры, в частности горные ландшафты, лес и прерию). Но основные съемки проходили в студийных павильонах и в Крыму, где под городом Белогорском, у села с красивым названием Вишенное, у подножия Белой скалы, декораторы возвели целый городок Дикого Запада. Как писала в газете «Крымская правда» (номер от 26 августа 1972 года) журналист Р. Смольчовская:

«Здесь вырос небольшой пограничный форт с банком, почтовым ведомством, баром, салуном. По площади проходят солдаты в голубых мундирах, проезжают кареты, в которых сидят смуглые женщины в кружевных мантильях. Тут же темпераментные мексиканцы заключают пари, и тогда свистит в воздухе бич над дикими лошадьми-мустангами. Рядом гасиенда богатого плантатора — красивое здание с окнами, закрытыми ажурными решетками, и азотеей, куда вся семья поднимается, чтобы подышать воздухом в предвечерние часы…»

Вся интрига фильма вращалась вокруг трех героев: дочери богатого плантатора Луизы Пойндекстер (Людмила Савельева) и двух мужчин, которые боролись за ее руку и сердце: мустангера Мориса Джеральда и негодяя и убийцы Кассия Колхауна в исполнении эстонского актера Аарне Юкскюла.

«Всадник без головы» вышел на широкий экран 25 июля 1973 года. И до конца года его кассовые показатели перевалили за 50-миллионный рубеж. Всего же картина собрала в советском прокате 69 миллионов зрителей (по другим данным — 64 миллиона 700 тысяч). В итоге в том году не было популярней пары, чем Людмила Савельева и Олег Видов. Многие их даже женили, хотя на самом деле у обоих на тот момент были другие семьи: у нее мужем был Александр Збруев, у него — Наталья Федотова.

Увы, но та волна славы, которая обрушилась на Видова и Савельеву после «Всадника…», продлится недолго. И ничего подобного по успеху ни он, ни она уже никогда не сыграют. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В год выхода «Всадника…» на широкий экран (1973) Видов уже снимался в очередном фильме: в советско-японской ленте «Москва, любовь моя», которую снимал его «крестный отец» в кинематографе Александр Митта (тот самый, что снял его в фильме «Друг мой, Колька!» (1961) и японский режиссер Кендзи Есида. Правда, и в этом случае без определенных интриг дело не обошлось. Вот что вспоминает об этом один из участников тех съемок, актер Иван Дыховичный:

«На роль, которую играет Видов, был приглашен Олег Даль (кстати, астородня Видова по месяцу рождения — тоже Близнецы. — *Ф. Р.*). Когда подошли к съемкам, вдруг появился Видов, тогда навязываемый его женой, которая выдавала себя за племянницу Брежнева, а на самом деле ее папа был генералом КГБ. Когда Даля заменили на Видова, я сказал Митте: «У тебя фильм будет *видовой*». В результате Саша оставил немного меня, а Риту Терехову выкинул вообще» (последнее вполне объяснимо: у Петуха хорошая совместимость со Свиньей (Дыховичный), а вот с Лошадью (Терехова) не очень — каждый в этом тандеме думает о себе, к тому же оба лишены чувства такта. — *Ф. Р.*).

Фильм «Москва, любовь моя» вышел на экраны страны в 1974 году и занял в прокате 15-е место, собрав на своих просмотрах 29,2 млн. зрителей. Это был очередной успех Олега Видова (в том же году он был удостоен и звания заслуженного артиста РСФСР) и, как покажет время, последний. С тех пор ни в одной главной роли он больше уже не снимется, перейдя исключительно на исполнение ролей второго плана, а то и вовсе эпизодов. И это было более чем странно, поскольку Видов входил в когорту популярнейших актеров советского кинематографа. Мальчишки играли во дворах в его Мориса Джеральда, влюбленные девушки вешали его фотографию на стены в своих квартирах. И вдруг случилось неожиданное: он практически пропал с широких

экранов. Что же произошло? Рассказывает сам Видов:

«В 1976 году я развелся с Натальей Федотовой. С сыном Вячеславом общаться мне не разрешалось. Регулярные попытки бывшей жены испортить мне жизнь и карьеру тогда послужили одной из причин моего отъезда (на самом деле бегства. — *Ф. Р.*).

Когда я оканчивал режиссерское отделение ВГИКа в 78-м году, руководство института оказалось перед выбором: вручать мне диплом или нет, потому что «сверху» требовали «не выдавать!». Слава богу, диплом я получил. А потом — по той же причине — сколько ролей я потерял!»

Несмотря на то что Видов продолжал сниматься в кино, однако стараниями своей бывшей супруги прежняя карьера в кино ему уже не светила. Актер обвиняет в этом свою бывшую жену, хотя выбирал-то он ее сам. Например, если бы он женился на вполне рядовой женщине, то никаких «заморочек» в виде сломанной карьеры наверняка бы не имел. Но в таком случае, вполне вероятно, он бы не стал тем Олегом Видовым, каким его узнала вся страна. Другое дело, что за эту славу ему потом пришлось расплачиваться годами забвения. Видимо, Видов всегда был «заряжен» на поиски влиятельных спонсоров, которые помогли бы ему сделать карьеру. По этому поводу приведу воспоминания известного журналиста Мэлора Стуруа, относящиеся к июлю 1973 года.

В те дни в Москве проходил очередной Московский международный кинофестиваль, где Стуруа работал переводчиком. И он вспоминал, что тогда опекал на фестивале знаменитого английского актера Ричарда Бартона. И вот однажды, когда они с Бартоном выходили из номера в гостинице «Россия», чтобы проследовать в ресторан, к ним подскочили двое молодых людей, которые стали буквально умолять взять их с собой. В одном из этих людей Стуруа опознал героя нашего рассказа — Олега Видова, а вторым был корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс. Как вспоминает Стуруа, последнего он пригласил к себе в машину, а вот Видова «отшил», сославшись на какую-то незначительную причину. Обиженный актер попытался на ломаном английском языке апеллировать к Бартону — мол, я ваш коллега, актер, — но тот отмахнулся от него как от назойливой мухи.

В каких же фильмах и ролях снимался Видов, когда распался его брак с дочкой генерала КГБ? Назовем их все: «Семья Ивановых» (1975; рабочий Николай Осинцев), «Легенда о Тиле» (адмирал де Люме), «Рудин» (Сергей Павлович Волынцев) (оба — 1977), «Транссибирский экспресс» (связной Чадьярова Андрей), «Артем» (оба — 1978), «Кровь и пот» (поручик Рошаль), «Особых

примет нет» (Сладкопевцев) (оба — 1979), т/ф «Летучая мышь» (1980; Альфред), т/ф «Благочестивая Марта» (1981; поручик), «Крик тишины» (1982; егерь Колчин), «Срочно… Секретно… Губчека» (капитан Петров), «Демидовы» (Нефедов) (оба — 1983).

Что касается личной жизни, то Видов тогда так больше и не женился, хотя романы, естественно, заводил. От одной из таких связей у него даже родился ребенок. Дело было в декабре 1977 года в Одессе, куда судьба закинула Видова по служебной необходимости. Как-то актер отправился на вечеринку к одной своей знакомой и познакомился там с очаровательной комсомолкой, студенткой (она училась в мединституте), спортсменкой (занималась художественной гимнастикой), подругой хозяйки дома Татьяной. Миниатюрная брюнетка с карими глазами поразила именитого актера в самое сердце, и он практически весь вечер только и делал, что ухаживал за ней. А на следующий день пригласил ее продолжить знакомство в ресторане. Девушка, естественно, не устояла, что вполне объяснимо: сам Морис Джеральд советского кинематографа набивался ей в кавалеры! В итоге между молодыми людьми случилось то, что и должно было произойти. Потом Олег уехал в Москву, а девушка обнаружила, что забеременела. Самое интересное, что она не стала сообщать отцу ребенка о случившемся, видимо посчитав не его, а себя виновной в случившемся. В итоге именитый папаша узнает о том, что в Одессе у него есть сын Сергей… спустя 20 с лишним лет! (Сын потом приедет к папе в Америку.)

Но вернемся в первую половину 80-х.

Ситуация, когда Видову не давали ни главных ролей, ни самостоятельной режиссерской работы, несмотря на то что у него был диплом режиссера, все сильнее действовала ему на нервы. И никто не знает, сколь долго это могло еще продолжаться, если бы не приход к власти в марте 1985 года М. Горбачева. В результате этой рокировки на самом кремлевском верху круто изменилась и жизнь нашего героя — он решился на побег. Судя по всему, он давно вынашивал подобные идеи, но только тогда, в год прихода к власти нового генсека, все это оформилось у него в окончательный план. Горбачевское «ускорение» ускорило бегство Видова на Запад.

В 1985 году, под влиянием новых процессов, запущенных Горбачевым, Видову удалось выхлопотать себе поездку в Югославию на съемки очередной зарубежной картины — «Оркестр». Далее — слово самому актеру:

«Правдами и неправдами я оказался в Югославии, начал активно сниматься. Когда под давлением ЦК меня разыскали и в

72 часа приказали вернуться в СССР, друг-актер помог мне тайно перебраться в Австрию (на дворе стояла осень 1985 года. — *Ф. Р.*). Я спрятался в его легковом автомобиле, без всяких документов. Я должен был переходить через границу ночью, а до ночи сидеть в приграничном ресторанчике. Но когда мы проезжали мимо поста, увидели, что там никого нет. Друг — а с нами в машине были его жена и ребенок — решил попробовать проскочить. К счастью, пограничники смотрели футбол, и им было не до нас…»

Побег Видова, конечно же, всполошил советские власти, однако достать его и вернуть обратно они были уже не в силах — он перебрался в Италию. Именно там он вскоре встретил свою вторую жену — продюсера и журналистку по имени Джоан Борстен. И вновь отметим: их отношения четко ложились в парадигму видовского астрознака — везде искать спонсора. В итоге именно Джоан помогла ему обустроиться на новом месте, затем они уехали в США. Вскоре у них родился сын, которого они назвали Сергеем.

Видов оказался единственным советским артистом, кто, приехав в США, сумел неплохо устроить свою карьеру в Голливуде. (Например, Борис Сичкин и Савелий Крамаров в этом преуспели не так успешно.) Хотя поначалу не все складывалось у него благополучно. Первое время он работал на стройке и получал три с половиной доллара в час. Затем устроился работать на фабрику — там зарплата выросла до пяти долларов. Но коллеги-актеры, выходцы из СССР (тот же Крамаров), стали настойчиво зазывать его в Голливуд. И Видов решил попробовать. Его первой американской картиной стал фильм «Красная жара» (1989) — в нем он сыграл советского милиционера Юрия Огаркова (партнером Видова был Арнольд Шварценеггер). Затем его пригласили на съемки «Рембо-3», но роль сорвалась.

О. Видов вспоминает: «На пробах я сел к пианино, спел песню про «Русское поле», вошел в образ — и вдруг поднимаю глаза и вижу по лицу Сталлоне, что этот русский офицер в его картине сниматься не будет. Я попал в категорию русских актеров, которые слишком прилично выглядели для того, чтобы играть голливудских русских».

Потерпев неудачу как актер, Видов решил попытать счастья в режиссуре и снял короткометражный фильм для диснеевского канала под названием «Легенда изумрудной принцессы». Этот фильм, в котором Олег исполнял главную роль, получил приз Нью-йоркского фестиваля. Только после этого на Видова всерьез обратили внимание американские режиссеры. Так он попал на одну из ролей (Отто) в фильм Залмана Кинга «Дикая орхидея»

(1990). Партнером Олега в нем был Микки Рурк. Кстати, для Видова съемки в этом фильме едва не закончились трагически. Он вспоминает:

«В один из съемочных дней я еду на мотоцикле за Рурком. Он закладывает крутой вираж, а я ловлю себя на том, что не вижу, куда он поворачивает, просто не вижу дороги. Очнулся я уже где-то в траве, рядом с шоссе. Все подбежали, стали расспрашивать, что случилось, а я и сам понять не могу. Но вот с того времени стал замечать в себе какие-то странные вещи. Делала мне авансы симпатичная партнерша, а я даже и думать об этом не хочу.

Одним словом, понял я, что заболел. Так и оказалось — врачи обнаружили у меня опухоль на гипофизе. Слава богу, что она оказалась доброкачественной и операция, по мнению врачей, прошла успешно. Но тем не менее долгое время я думал, что отдам Богу душу, да и чувствую себя с тех пор не очень-то здорово, пропала та энергия, тот напор, с которыми я когда-то работал. И все же сделал в 1993 году фильм «Три дня в августе» — о событиях в России в 1991 году. Затем последовали «У времени в плену» (1994), «Любовная история» (1994), «Бессмертные» (1995) и «Моя Антония» (1995)».

По словам Видова, «тех ролей, что он сыграл в Америке, достаточно, чтобы входить в 10 процентов голливудских актеров, ежегодно подтверждающих свой профессиональный статус». А это значит, что актерская гильдия (САГА) гарантирует ему отчисления на пенсию, страховки.

Стоит отметить и такой факт. Именно благодаря стараниям Видова в составе американской гильдии появилась организация «Настоящие русские» — это группа русских актеров-эмигрантов (человек 30), которые борются «против рецидивов холодной войны» в кино США, то есть против того, чтобы русские в американском кино изображались злодеями или придурками. Правда, толку от этой организации, прямо скажем, мало — русские в американских фильмах по-прежнему выглядят либо как бандиты, либо как полные придурки.

Что касается съемок Видова в постперестроечном российском кино, то такой факт имел место лишь однажды: в 1993 году он снялся в том самом фильме, о котором речь шла чуть выше, — «Три дня в августе» (о путче в Москве в 1991 году), где сыграл честного русского генерала, запутавшегося в сложной политической ситуации.

Кроме всего перечисленного, стоит отметить и то, что Видов довольно активно занимается бизнесом. В 1992 году он явился одним из создателей компании Films by Jove, которая приобрела у студии «Союзмультфильм» права на зарубежный прокат

нескольких десятков советских мультфильмов, снятых 30–40 лет назад (среди них: «Снежная королева», «Щелкунчик», «Сказка о царе Салтане» и др.). Как объяснил актер:

«В 1992 году, побывав в России, я ужаснулся: мало того, что возможности делать хорошее кино все меньше, пропадает то лучшее, великое, что было создано в стране за последние десятилетия. Советские мультики всегда были моей слабостью, а здесь, в Америке, совершенно не знают этого удивительного мира — советской мультипликации. Ведь даже чудные диснеевские фильмы не могут передать того многообразия чувств, ситуаций, юмора, мудрости и доброты, которые дарят наши мультфильмы».

По условиям договора студия получала не только процент от проката, ежеквартально ей также выплачивали 25 тысяч долларов за передачу прав проката. На самом деле это, конечно, была типичная «разводка». В 90-е годы в России царил такой бардак, что к руководству «Союзмультфильма» пришли люди, совершенно не смыслящие в искусстве и не знающие настоящую цену тому богатству, которое оказалось у них в руках. Они рады были заполучить даже самые минимальные деньги за советское кино, чем, собственно, и пользовались разного рода пронырливые коммерсанты от кино. В их числе оказался и наш герой — Олег Видов. Вспомним его астрохарактеристику: «У Водяной Козы хороший нюх на выгодные дела…» А в характеристике Близнецов-Козы сказано следующее: «Это деятельная, активная личность, которая имеет очень четкие практические взгляды на жизнь и знает, как реализовать то, что задумала…»

Однако на этом поприще Видова поджидали определенные трудности. Во-первых, его компании надо было озвучивать советские мультяшки с помощью западных звезд. Казалось, что найти таких будет трудно (весь гонорар колебался от 500 до 1500 долларов за фильм). Но все же озвучивать мультфильмы согласились многие звезды западного кино, среди которых оказались: Катрин Денев, Джессика Ланж, Хулио Иглесиас, Тимоти Далтон и другие.

Во-вторых, американского зрителя очень трудно затащить на чужое кино, тем более советское. Поэтому первый пакет фильмов, выпущенный компанией Видова, имел малый успех у зрителей. Надо было что-то делать. И выход был найден. Помогать компании Видова вызвался балерун Михаил Барышников, имя которого в Америке известно всем (в середине 70-х он сбежал туда из СССР). Он стал одним из продюсеров этого проекта, и с его именем была выпущена вторая серия мультфильмов — «Михаил Барышников: сказки моего детства». И зритель сразу пошел в кинотеатры. Олег чувствовал себя победителем и уже

подумывал о расширении своего предприятия. Однако…

То, что советские мультфильмы могут принести большую прибыль, понимал не только Видов, но и другие люди, в том числе и пираты. Именно благодаря их усилиям в 1993 году 130 мультфильмов попали в Германию, 350 — в США. Один мошенник, заключивший контракт на прокат нескольких картин, умудрился официально зарегистрировать себя продюсером и производителем 80 лучших советских мультфильмов. Все это сильно ударило по фирме Видова, который к тому времени вложил в реставрацию советских мультфильмов несколько миллионов долларов. Поэтому в том же 1993 году компания Films by Jove подала первый иск в суд Большой инстанции Парижа о незаконном кинопрокате во Франции принадлежащих фирме мультфильмов. Однако состоявшийся в марте 1997 года суд вынес неожиданное решение: снять взаимные претензии сторон.

В разгар этих событий — 26 ноября 1996 года — в Москве случилось ЧП. В высотке на Котельнической набережной прогремел взрыв. Наверное, он не привлек бы к себе столь пристального внимания российской прессы (мало ли взрывов происходит ежедневно в России), если бы не одно обстоятельство: взрыв прогремел у дверей квартиры, где проживают родственники О. Видова — бывшая его жена Наталья Федотова и сын Вячеслав. Досужие журналисты тут же попытались связать это происшествие с судебной тяжбой Олега, на что он официально ответил:

«Мне странно, что российские газеты связали инцидент с моим именем и с делом, которому мы с Джоан посвятили последние четыре года. В Туле лопнул самовар, в Москве посадили врача Абрамовича. Дело в том, что ни к этой квартире, ни к людям, которые там проживают, я не имею никакого отношения вот уже 20 лет…»

Взволнованная московская общественность еще несколько дней горячо обсуждала это странное происшествие, после чего благополучно о нем забыла. А что же Видов? Он по-прежнему жил в Америке с женой и сыном (тот всерьез увлекся компьютерным делом), пропагандировал советские мультфильмы и получал с них неплохую прибыль, снимался в кино и иногда приезжал в Россию. Там его еще не забыли, поскольку телевидение регулярно делает подарки своим зрителям — периодически показывает лучшие фильмы советской поры с участием Видова: начиная от «Сказки о царе Салтане» и «Джентльменов удачи» и заканчивая «Всадником без головы» и «Москва, любовь моя».

В новом тысячелетии Видов снялся еще в нескольких фильмах: «13 дней» (2000), «Шпионка» (2005), «Скажи это по-

русски» (2007). Более того, он вновь стал сниматься у себя на родине, и толчок этому дал сериал «Заколдованный участок» (2007), где Видов сыграл роль Фредера.

В июле 2007 года на 63-м году жизни скончалась бывшая жена актера Наталья Федотова. Ее сгубил рак. Однако на ее похороны Видов не приехал. А вот в марте 2008 года он приехал в Россию, чтобы присутствовать на похоронах своей мачехи, которая долгие годы заменяла ему родную мать. На кладбище Видов простудился и спустя несколько дней был вынужден лечь в больницу. Пока он там находился, его жена, Джоан Борстен, каждый день звонила в Москву и интересовалась его здоровьем. Поэтому, как только актер поправился, он тут же улетел в Америку, в Малибу (они с женой живут в артистической колонии «Малем»). Этот случай наглядно демонстрирует, что в личной жизни актера все в порядке. Наша Коза нашла-таки себе за океаном того самого «спонсора», который обеспечивает ей сытую и комфортную жизнь.

Тот самый Адъютант

Юрий Соломин родился в Чите 18 июня 1935 года. Его родители — отец Мефодий Викторович (1905) и мать Зинаида Ананьевна (1910) — были профессиональными музыкантами и с детских лет прививали своим детям любовь к искусству. У матери нашего героя был хороший голос, но из-за осложнения после болезни она стала плохо слышать, и ей пришлось уйти с первого курса Ленинградской консерватории. Приехав затем в Читу, они с мужем устроились работать в Читинский Дом пионеров, руководили самодеятельностью.

Вспоминает Ю. Соломин: «Отец любил выпить, если не сказать больше. Когда я стал уже взрослым, он попытался мне объяснить, с чего это повелось. После ареста деда (в 1938 году. — *Ф. Р.*) его стали частенько вызывать в «органы». Он был человеком известным в городе (руководил Домом народного творчества. — *Ф. Р.*), да к тому же общительным, видимо, потому его и хотели привлечь. Он очень тяготился этими вызовами. Как-то поздно вечером после очередной «беседы» он, уставший и расстроенный, вышел в коридор покурить. В коридоре в это время оказался сосед. Он как раз был работником НКВД. Они разговорились, и отец рассказал ему обо всем. А тот ему спокойно сказал: «Я все это знаю». Отец объяснил ему, что не хочет сотрудничать с «органами», но не знает, как отказаться, и сосед посоветовал ему скомпрометировать себя. И отец себя «скомпрометировал» — он запил. Потом уже не мог остановиться. Так вот сложилась его судьба. Он был очень одаренным человеком. Очень хорошо относился к маме. Она же, когда он приходил выпивши, конечно, сердилась, но к утру отходила. Детей отец обожал. Всегда утром старался сунуть мне в карман рубль. Разумеется, я не отказывался…»

Отметим, что среди Змей бывает мало запойных людей, поскольку этот знак слишком умен, чтобы затуманивать свой мозг алкоголем. Если Змея начинает сильно выпивать, то поводом к этому может стать нечто сверхординарное. Именно это мы и видим в случае с отцом Соломина.

Сначала Соломины жили в одной небольшой полуподвальной комнате, но затем переехали в другой дом, на улицу Калинина. Там у Соломиных родился второй сын, которого назвали Виталием (12 декабря 1941 года).

Между тем детские годы Юрия Соломина выпали на суровое военное время. Вот что он сам вспоминает об этом:

«Во время войны, когда все голодали, нас спасали своя

картошка и рыба — речка рядом была. Бабка нам в течение пяти минут делала красную икру, «пятиминутка» называлась: нажмет в стакан икры из рыбы, подсолит ее и намешает с картошкой. О такой «тюре» я мечтаю уже не один десяток лет…

Я пошел в первый класс во время войны, в 1943 году. Мы учились в маленькой деревянной одноэтажной школе около станции. Зимой колотун градусов тридцать, темно, снег хрустит под ногами. Если же мороз опускался ниже тридцати градусов, давали гудки — значит, на занятия идти не нужно. Мы собирались по нескольку человек, каждого родители завязывали какими-то платками по самые глаза. В классе были крашеные полы и стояла печка, которую топили дровами и углем. Мерцал огонек в печи, трещали дрова — тепло и уютно…

Я рос нормальным ребенком. Мог получить и двойку, если не выучил урок, но я ее исправлял. Выучу урок — получу пятерку. Ко всему этому я относился нормально. И родители к этому относились спокойно. Больше других предметов я любил литературу и часто брал книги в библиотеке, которая располагалась возле водокачки. Читал в основном классику — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Гоголя. Слава богу, что я прочел все это в детстве…

Я убежден, что все хорошее, что есть в человеке, закладывается в детстве. Именно детство «программирует» душу. Думаю, что и все доброе, что есть в моей душе, идет от моих дорогих родителей.

Я очень благодарен им за то, что они пытались приобщить меня к настоящему высокому искусству. Отец, например, как-то повел меня на фильм «Рим — открытый город» (1945). Дети до шестнадцати лет на него не допускались, а тогда за этим следили строго, но его-то в городе знали все, и он «по блату» провел меня в кинотеатр «Пионер». Я сидел обалдевший и плакал от восторга. А сейчас, к сожалению, дети порой приобщаются к фильмам, которые и взрослым-то смотреть не стоит…»

Благодаря своим родителям Соломин рано приобщился к искусству. Он занимался в самых разных кружках: рисования, пения, танцевальном и даже в кукольном. А когда в Доме пионеров появился драматический кружок, он записался туда. После этого в его жизни осталось только одно увлечение — театр. Причем роли он играл в основном отрицательные. Так, в «Молодой гвардии» он играл роли Стаховича и какого-то фашиста, в пьесе С. Михалкова «Снежок» перевоплотился в учителя Теккера, который бил по рукам детей.

В 14-летнем возрасте Соломин случайно увидел фильм «Малый театр и его мастера». Картина пленила его настолько

сильно, что, выйдя из кинотеатра, он дал себе слово обязательно играть в этом прославленном театре. Это желание было настолько сильным, что родители Юрия, мечтавшие видеть его музыкантом или хирургом (об этом очень мечтала мама), смирились с его мечтой и даже более того — помогли ее осуществить. Дело было так.

Летом 1953 года отец Юрия решил отвезти его в Москву, чтобы тот поступил учиться на артиста. Мефодий Соломин тогда руководил художественной самодеятельностью в Доме культуры железнодорожников и поэтому имел льготный билет для проезда по железной дороге. Вот по этому билету он и провез своего сына до столицы (поезд шел из Читы до Москвы восемь суток). Правда, остановились на постой они не в самом городе, а в его неблизком пригороде — в Монино, где у отца Юрия проживали знакомые.

Так как мечтой нашего героя было попасть в Малый театр, он подал документы в Театральное училище имени Щепкина. Курс набирала народная артистка СССР Вера Николаевна Пашенная. Абитуриентам предстояло пройти три тура, каждый из которых длился по семь-десять часов. К училищу Юрий приезжал вместе с отцом, после чего они расходились: сын шел на экзамены, а отец — гулять по Москве. Вечером они встречались в скверике у Большого театра.

Первый тур Соломин прошел успешно и был весьма этим окрылен. Отметим, что студентов разделили на «десятки» (по десять человек), и наш герой в итоге оказался в одной «десятке» с тремя молодыми людьми, которые чуть позже вместе с ним придут в Малый театр. Это были: Алексей Эйбоженко (1934), Виктор Борцов (1934) и Роман Филиппов (1936).

Итак, Соломин успешно прошел первый тур и был на вершине счастья. Но отец унял его восторг, сказав, что самое тяжелое еще впереди. И он оказался прав.

В один из тех июльских дней, сдав второй тур на «отлично», Юрий прибежал вечером к Большому театру и не узнал своего отца: тот сидел на лавочке мрачнее тучи и на приветственный оклик сына ничего не ответил. Вскоре выяснилась причина мрачного состояния отца.

Как оказалось, проводив сына до училища, он отправился на Ярославский вокзал, и там ловкие карманники «обчистили» его до нитки. Выкрали железнодорожный билет, документы, деньги. Единственное, что осталось, — кое-какая мелочь, чтобы отбить телеграмму в Читу. Но что толку отбивать телеграмму, если обоим прекрасно было известно, что у матери денег на два билета тоже нет. Положение было безвыходным. И тут им на помощь пришел Его Величество Случай.

На вокзале они встретили знакомого читинца, который, узнав про их беду, дал им дельный совет:

— Идите прямиком в МПС и оттуда позвоните в Читу в дорпрофсож. Объясните, что и как. Там ведь тоже не звери сидят. Они подтвердят, что вы действительно числитесь у них, и здесь вам выдадут билеты.

Дальше все произошло так, как им описывал приятель отца. Получив на руки два билета, отец и сын стали ждать прибытия поезда на Читу. Однако была и одна проблема: Юрий прекрасно прошел оба тура в училище, и уезжать перед третьим экзаменом было крайне обидно. Отец тоже это прекрасно понимал. Но и оставаться в Москве было невозможно: денег, чтобы оплатить свое проживание, у них не было. И тогда отец придумал единственно верный ход.

— Ступай в училище и найди там саму Пашенную, — сказал он Юрию. — Объясни ей ситуацию и поставь вопрос ребром: или вы берете меня без третьего экзамена, или я уезжаю обратно.

Предложение, конечно, было авантюрное, однако другого выхода у нашего героя не было. И он отправился в училище.

На его счастье, Пашенная оказалась на месте — в ректорате. Юрий попросил секретаря вызвать ее из кабинета. Через несколько секунд Пашенная вышла и, стоя в дверях, спросила, кто ее ищет. Наш герой несмело приблизился к ней.

— Чего тебе, деточка? — спросила Пашенная, когда Соломин остановился в нескольких шагах от нее.

И он начал рассказывать ей о своих злоключениях. Завершил он свой рассказ короткой, но резкой фразой:

— Если вы меня берете, то берите, а нет — так нет.

Пашенная молчала в течение нескольких минут. На ее долгом веку, видимо, еще не было случая, чтобы студента зачисляли в училище только после двух экзаменов. Но молодой человек был настроен так решительно и желал услышать ответ сию минуту, что Пашенная наконец приняла решение:

— Хорошо, оставайся.

И хотя Юрий мечтал услышать именно эти слова, в первые мгновения после них он стоял пораженный, не способный вымолвить хотя бы слово благодарности в ответ. Наконец ему это удалось, и аудиенция на этом закончилась. Так Соломин стал студентом театрального училища. По словам Соломина:

«Я считаю, что именно Пашенной обязан, чего достиг. Почему она в меня поверила?.. Можно с пафосом сказать: «Я ее боготворю», но я скажу проще — этому человеку я обязан всем в жизни. Нет дня, чтобы я не вспомнил ее…»

О том, как проходило житье-бытье студента Соломина,

вспоминает опять же он сам:

«Общежития первокурсникам не давали, поэтому я жил в Монино. Чтобы успеть на занятия к девяти, садился в семичасовую электричку. Вставал в шесть. Занимались до двенадцати часов, так что возвращался я только ночью…

Общежитие давали со второго курса. Вначале мы снимали комнату втроем, потом вдвоем. Однако меня, как «самого дальнего», все-таки поселили в общежитии. До этого самым дальним считался Иван Савкин из Иркутска — здоровый красивый парень, прошедший войну (он прославится главными ролями в фильмах «Огненные версты» (1957) и «Стряпуха» (1966). — *Ф. Р.*). У него были ампутированы пальцы на ноге. Он взял меня под свою опеку.

В комнате мы жили всемером. Общежитие находилось у Рижского вокзала — бывшие бараки для военнопленных. На окнах решетки. Там жили студенты из разных театральных вузов. Тут можно было встретить и Татьяну Доронину, и Олега Табакова, и Эмиля Лотяну — многих нынешних знаменитостей.

Жили дружно. Основное время проводили в училище, часов по двенадцать, и в театре. Бегали на все спектакли гастролеров. К тому же приходилось много читать. Мы подсчитали, что если прочитать все, положенное по программе, то в день надо одолеть страниц триста…»

Именно во время учебы в училище Соломин встретил девушку, которая стала его женой на всю жизнь. Речь идет о его однокурснице Ольге (1931), которая волею случая однажды опоздала на занятия, прибежала в аудиторию, а свободное место осталось только одно — рядом с Соломиным. Она села с ним, и с тех пор… они вместе (с 1953 года). По словам Ю. Соломина:

«Внешность студентов имела для нашего педагога, Веры Николаевны Пашенной, большое значение. Она терпеть не могла вычурных причесок, челок и разных завитушек. Если девушка с челкой казалась ей интересной, она просила убрать волосы со лба и спрашивала: «Неужели вам нравится такая прическа?» У Ольги была длинная, роскошная коса. Когда она поступала, Вера Николаевна даже спросила ее: «Зачем вы вплели себе такую косу?» Ольга растерялась и говорит: «Это моя собственная коса». Вера Николаевна не поверила: «Не может быть! Ну-ка, распустите косу!» Ольга распустила. После этого Вера Николаевна извинилась перед ней и стала относиться очень уважительно. Правда, во время учебы она не раз уговаривала ее косу остричь.

Ольга, как и я, тоже не москвичка. Во время войны жила в деревне под Челябинском, а потом вместе с матерью и старшей сестрой переехала во Львов. Именно оттуда и приехала поступать

в училище… После того как Ольга села рядом со мной в аудитории, мы стали вместе ходить на занятия, готовили отрывки. Мать ей помогать не могла, а потому жила она бедновато. Ходила в одном платьице. Пальто у нее было перешито из шинели, но поскольку она целые дни проводила в училище, то и теплое пальто ей было ни к чему. Я к одежде относился равнодушно всегда…

Когда я ухаживал за Ольгой, то цветов ей не дарил — они стоили дорого, а денег у студентов не бывает. Можно, конечно, сорвать с клумбы, но по характеру я не такой человек. Я даже никогда не мог пройти по газону. Так что в лучшем случае я мог преподнести ей сахар или какой-нибудь бутерброд. Вообще по характеру мы схожи — не накопители. Теперь у нас есть все, и заработали мы это своим горбом, нам никто не помогал.

По существу, и свадьбу мы не устраивали — ни жилья, ни денег не было. Сейчас молодожены с шиком несутся по улицам на машинах, украшенных куклами, шарами, лентами. Конечно, это здорово. Мы же просто пошли с ней в кафе «Арфа» в Столешниковом переулке и взяли себе «кисло-сладкое мясо с черносливом». Так и отпраздновали. Подвенечное платье тоже отсутствовало — Оля ходила в одном заштопанном платьице, но нас это ничуть не смущало. Об этом мы просто не думали. Да и на курсе стиляг и пижонов не наблюдалось. Жили мы с Ольгой по-прежнему в общежитии. Тогда все было скромно. В первый год супружеской жизни повезти ее в Читу к своим родителям я не мог, потому что не было денег на билеты. Не могли мы поехать и во Львов к ее маме. Когда отец приехал в Москву и увидел Ольгу, он мой выбор одобрил. Официально мы поженились после окончания училища, в 56-м. А кольца обручальные купили, уже когда стали работать в театре…»

Учеба супругов Соломиных длилась до 1957 года. В дипломном спектакле «Чайка» по А. Чехову Юрий играл Треплева, и играл так удачно, что эта роль открыла ему двери в прославленный Малый театр. Со всего курса, кроме него, туда взяли только четверых: Р. Нифонтову, Р. Филиппова, В. Борцова и А. Эйбоженко.

Что касается супруги нашего героя, то она уже с третьего курса играла в Театре юного зрителя (Луиза в «Коварстве и любви», Негина в «Талантах и поклонниках»), поэтому ее пригласили именно туда. Она получала на 50 рублей больше мужа, поскольку тот в спектаклях практически не был занят, а она, напротив, играла главные роли. Чуть позже она тоже перейдет в Малый театр.

Жили в ту пору молодые «на птичьих правах», без прописки:

снимали у какой-то безумной старухи угол в подвале на Петровском бульваре. Потом какие-то другие полуподвалы, подешевле. А тут еще вскоре после окончания училища Соломина едва не призвали в армию. Он уже должен был отправляться на сборный пункт, обритый наголо, как вдруг в его судьбу вмешались два выдающихся деятеля Малого театра. Речь идет о Елене Гоголевой и Михаиле Цареве.

Вспоминает Ю. Соломин: «Однажды я пришел в театр уже обритым. Актеры удивились, стали спрашивать, что это за новая прическа. Я объяснил, тогда они меня заставили пойти к Михаилу Ивановичу Цареву. Вместе мы пошли к Елене Николаевне Гоголевой. Она куда-то срочно отправилась. Позже я узнал, что она ездила к министру обороны Малиновскому (он занял этот пост в 1957 году. — *Ф. Р.*) и все ему объяснила. Он сказал: «Конечно, пусть остается. В театре и в кино он для армии сделает больше»…»

А вот что вспоминает наш герой о своей тогдашней работе в театре:

«Первые два-три года работы в Малом театре и были нашей главной школой. Мы все стояли за кулисами и смотрели, как играли Зубов, Яблочкина, Турчанинова, Царев, Климов, Бабочкин, Ильинский — все эти грандиозные артисты. Они буквально приковывали нас своей мощью и силой. Даже если на сцене приходилось сказать всего лишь реплику в несколько слов рядом с Турчаниновой или Яблочкиной, то и такое общение стоило многого…

В первое время после окончания училища меня занимали только во вводах — вводили то вместо Виктора Коршунова, то вместо Никиты Подгорного. Первая большая роль в спектакле «Когда горит сердце» — тоже ввод вместо Никиты Подгорного. Этот спектакль к международному фестивалю студентов в 1957 году ставил Андрей Гончаров. До этого в его постановке у нас шел «Опасный спутник», пользовавшийся большим успехом. Работать с Андреем Александровичем доставляло истинное удовольствие. Заводной режиссер, с фантазией. Всегда сам проигрывал нам эпизоды и показывал, как надо играть. Разумеется, я старался. Однажды мы репетировали сцену, когда я приношу раненого друга к доктору. Друга играл Борцов — он раза в два больше меня и весит соответственно. Я так старался, что, когда притащил его, даже упал в обморок, задохнулся.

На премьере Гончаров в театр не заходил. Он человек нервный, эмоциональный. Ходил около театра, а мы, когда раздавались аплодисменты, кричали ему об этом в окошко. Теперь я его прекрасно понимаю. Мне тоже часто хочется

остановить действие, порепетировать еще…»

Между тем уже в первые годы пребывания Соломина в Малом театре ему доверяют сыграть центральные роли в спектаклях «Неравный бой» и «Перед ужином» В. Розова, «Украли консула» Г. Мдивани. Прямо скажем, не каждому начинающему артисту выпадает такая удача.

Что касается большого кинематографа, то долгое время ему с ним не везло. Еще когда он учился в училище, то регулярно бегал на «Мосфильм» со студентом Анатолием Марченко, пытаясь приглянуться кому-нибудь из режиссеров. Но единственное, что тогда удалось Соломину, — это сняться в массовке в одной из картин. Но ему эти съемки не приглянулись, и он с тех пор вообще перестал думать о кино, сосредоточив свои мысли исключительно на театре. А потом наступил 1959 год, когда состоялся дебют Соломина в большом кино. Причем руку к этому приложила все та же Вера Пашенная, которая порекомендовала режиссеру Исидору Анненскому взять своего бывшего ученика на одну из главных ролей в картину «Бессонная ночь». Так он получил роль молодого инженера Павла Каурова, приезжающего работать в большой сибирский порт. К сожалению, отец Юрия не дожил до премьеры этого фильма: он скончался за месяц до выхода картины на экран (фильм вышел на экраны страны 23 мая 1960 года). Впрочем, и сам Соломин от своего дебюта оказался не в восторге. По его же словам:

«Когда я увидел себя первый раз на экране, я, как каждый нормальный человек, пришел в ужас. В голове вертелась только одна мысль: «Боже мой, какой я урод! Нос кривой, уши на разных уровнях, глаза косые, да еще хромой…» Я вообще в молодости себе не нравлюсь — просто урод. Сейчас, по-моему, стал намного лучше…»

Вторым фильмом Соломина стала лента «Музыканты одного полка» (1965), где он играл главную роль — большевика Алексея Илютинского. Затем последовал фильм «Погоня» (1966), где герою нашего рассказа досталась роль охотника Николая Макаровича.

Четвертым и пятым фильмами с участием Соломина стала дилогия Марка Донского про семью Ленина: «Сердце матери» (1966) и «Верность матери» (1967). В них Соломин сыграл роль младшего брата будущего вождя мирового пролетариата и основателя Советского государства В. Ульянова-Ленина Дмитрия Ильича Ульянова.

Что касается театральных работ Соломина, то на сцене Малого театра он в те годы сыграл Хлестакова в «Ревизоре», Виктора Безайса в «Когда горит сердце», Швандю в «Любови

Яровой», Треплева в «Чайке», а также Фигаро в «Женитьбе Фигаро».

Между тем 1 сентября 1965 года супруги Соломины стали родителями: у них родилась дочь Даша. В ту пору чета Соломиных жила в доме на Арбате, где теперь располагается МИД. Это было их не первое жилье — до этого они уже успели помыкаться по разным квартирам. Например, только в 1960 году они получили свою первую отдельную жилплощадь, да еще и прописку оформили. Невольным помощником оказался воронежский режиссер Фирс Шишигин, который позвал Соломиных в свой театр, пообещав предоставить им жилье. Супруги готовы были уже уехать, но когда Юрий принес заявление об уходе руководителю Малого театра Михаилу Цареву, тот внезапно сказал: «Ты три месяца потерпеть можешь? Будет вам и жилплощадь, и прописка». И не обманул.

Общежитие располагалось на улице Станиславского, во дворе Музея К. Станиславского. Правда, Соломины получили даже не комнату, а всего-навсего кровать в комнате, где, кроме них, жили еще два артиста, Борцов и Коняев, а на полу к тому же частенько спал другой актер — Роман Филиппов. Секретарь партийной организации привезла Соломиным театральную ширму, чтобы они смогли отгородиться.

И лишь через два года благодаря ходатайству Евгения Матвеева они получили то самое комфортабельное жилье на Арбате — 12-метровую комнату. Из мебели у молодых были только шкаф, две тахты и тумба. Именно там у них родилась дочь Даша.

На Арбате Соломины проживут недолго, поскольку условия там были ужасные: туалет в конце коридора, маленькая непроветриваемая кухня без окон, в которой было буквально нечем дышать, так как приходилось все время стирать и кипятить пеленки. В итоге с помощью знакомых семье удалось устроиться на дачу к Константину Воробьеву в писательском поселке Красная Пахра. Ольга с дочерью всю зиму жили там, а Юрий приезжал к ним раз в неделю — привозил бутылочки с молоком и кефиром.

Отметим, что после рождения дочери Ольга Соломина рассталась с актерской жизнью, целиком сосредоточившись на семье. Зато в ней проснулся другой талант: часто, гуляя с дочерью, она стала… сочинять очерки. Потом их охотно печатали в разных газетах и журналах. (Позднее из этих своих публикаций Ольга составит целую книгу под названием «Белокосовый платок».) Когда дочь подросла, Ольга устроилась работать педагогом в Щепкинское училище (там же преподает и Юрий).

Но продолжим знакомство с творчеством нашего героя.

В 1966 году имя Юрия Соломина прогремело на весь театральный мир — он сыграл Хлестакова в «Ревизоре» Н. Гоголя. Роль молодому актеру далась, о ней многие критики писали восторженно, а зрители буквально ломились в Малый театр, чтобы посмотреть на игру молодого артиста. Впрочем, там был задействован поистине звездный состав: роль Городничего исполнял Игорь Ильинский (он же был постановщиком спектакля), роль его жены Анны Андреевны — реальная жена актера Ильинского Татьяна Еремеева, роль Почтмейстера — Борис Бабочкин, роль Земляники — Виктор Хохряков и др.

Как вспоминает сам Соломин, с Ильинским ему было играть сложно. Тот когда-то сам играл Хлестакова и поэтому хотел, чтобы Соломин играл его, как он когда-то. А у нашего героя было свое видение характера этого персонажа.

Зато с другим исполнителем роли Городничего — Евгением Весником — у Соломина складывались совершенно другие отношения. Как пишет он сам:

«С Весником играть мне было немного легче. Может быть, потому, что мы были ближе по возрасту, может быть, из-за более близких, дружеских отношений…»

Критика положительно оценила работу Соломина в этой труднейшей роли. Правда, и огрехи тоже заметила. Как написал в «Вечерней Москве» (номер от 15 апреля 1966 года) критик Г. Хайченко:

«Исполнение роли Хлестакова — несомненная удача Юрия Соломина. Работа над Хлестаковым под руковод-ством Ильинского была для Соломина отличной школой. Именно так — из рук в руки — и должны передаваться традиции и секреты актерского мастерства.

Правда, исполнению Соломина пока еще не хватает, по-моему, отточенности и блеска в речевом и пластическом рисунке роли, не все частности и детали нанизаны на единый стержень. Но нельзя забывать, что роль Хлестакова — одна из труднейших в классическом репертуаре…»

А что же кино? В 1967 году Соломин снимался сразу в двух фильмах, причем роли у него были диаметрально противоположные. Так, в картине «Весна на Одере» он исполнил роль капитана Советской армии Александра Мещерского, а в «Сильных духом», где речь шла о подвигах знаменитого советского разведчика Николая Кузнецова, сыграл уже… гестаповца майора Геттеля. Причем в последнюю картину он попал случайно.

Летом 1966 года его приятель отправился отдыхать в Щелыково, звал с собой и Юрия, но тот предпочел остаться в

Москве. И вскоре получил приглашение со Свердловской студии от режиссера Виктора Георгиева сняться в роли… гестаповца. Это предложение настолько заинтриговало Соломина (ведь до этого он практически не играл отрицательных ролей), что он тут же дал согласие на съемки в этой картине.

Отметим, что параллельно он должен был сниматься в роли противоположного плана — советского разведчика Белова, выдававшего себя за немца Вайса, в картине Владимира Басова «Щит и меч», но там в дело вмешались интриги. Соломин должен был идти на пробы, но это дело почему-то все время откладывалось. А потом выяснилось, что кто-то отвел актера от этой роли, и Басов вынужден был взять другого исполнителя — Станислава Любшина. Если бы этого не случилось, то Соломин, безусловно, прогремел бы на всю страну чуть раньше «Адъютанта его превосходительства».

В отличие от «Весны на Одере», фильм «Сильные духом» стал лидером проката 1968 года: он занял 2-е место, собрав на своих просмотрах около 55 млн. зрителей. Исполнитель главной роли в этой картине (советский разведчик Николай Кузнецов) Гунар Цилинский был признан лучшим актером года. Однако если бы подобное звание присуждали и исполнителям отрицательных ролей, то, без сомнения, его бы взял Соломин, исполнивший роль шефа гестапо. Сам актер справедливо считает эту роль одной из самых удачных в своем длинном послужном списке. Хотя в том же 68-м он исполнил еще одну роль, но она запомнилась лишь тем, что позволила Соломину впервые в жизни выехать за границу. Речь идет о роли инженера Трояни в советско-итальянском фильме режиссера Михаила Калатозова «Красная палатка». Речь в картине шла о знаменитом событии — спасении в 1928 году экспедиции Нобиле, потерпевшей крушение (разбился их дирижабль) в Арктике. Как вспоминает наш герой:

«С нашей стороны были заняты Донатас Банионис, Юрий Визбор, Борис Хмельницкий, Отар Коберидзе, Эдуард Марцевич, Никита Михалков, Григорий Гай и я. В нашу группу входили и Питер Финч, игравший Нобиле, Луиджи Ванукки и Марио Адорф. Мы два месяца провели вместе. Снимали под Ленинградом, в Репино. Жили очень дружно. По вечерам, после съемок, собирались вместе, беседовали, выпивали…

Мы снимали какие-то эпизоды в Риме. Итальянские актеры встречали нас в аэропорту. Самолет опоздал, но они не уходили, простояли, ожидая нас, полночи. Ночью повезли нас на машине по городу, показали Колизей. Меня поразило, что в Колизее оказалось дикое количество кошек разных окрасов. Такого количества кошек я не видел нигде, разве что на острове Мальта.

Там, куда ни пойдешь, везде кошки. Они лежат на машинах, бродят по пляжам — их никто не трогает.

Мы очень сдружились за время съемок. Питер Финч и Шон Коннери устраивали нам в ресторане шотландские вечера. Питер Финч повел нас в ресторан на площади Испании, специально для нас на этот вечер он пригласил из Шотландии известного волынщика. На следующий день он должен был играть перед королевой. Это был незабываемый вечер. А Марио Адорф повел нас в маленький ресторанчик на границе со Швейцарией. Вначале мы разочаровались — ожидали увидеть какое-нибудь роскошное здание, а этот ресторанчик находился в небольшом старинном домике (там именно такие ресторанчики и ценятся). В зале стояла печь, на столах свежее мясо, дичь. Можно брать что хочешь и готовить самим.

В этот же вечер Марио Адорф привел двух женщин небольшого роста, одетых в черные костюмы с короткой юбкой и высокие сапоги. Оказалось, это Брижит Бардо со своей дублершей. Она приглашала нас к себе на виллу. Тогда нам казалось странным, что у нее есть охрана, что она скрывается от фотографов. Теперь-то мы знаем, как опасны папарацци. Жаль, что занятость на съемках не дала нам возможности поехать на виллу этой знаменитой актрисы…»

Поскольку роль инженера дирижабля Трояни была второстепенной, то она не оставит в сердцах многомиллионной аудитории какого-то значительного следа. Хотя и роль гестаповца Геттеля тоже не была центральной, но в исполнении Соломина она запомнилась зрителям, которые были до глубины души поражены тем, что их любимый актер Юрий Соломин, до этого на протяжении всей своей карьеры в кино исполнявший роли исключительно положительных героев, в этом случае так мастерски перевоплотился в откровенного злодея.

В числе этих зрителей, отметивших игру актера в данной роли, оказался и режиссер Евгений Ташков, который без проб пригласил артиста на одну из ролей в телесериал (5 серий) «Адъютант его превосходительства». Об этом фильме, который стал главным в жизни героя нашего рассказа (своеобразная визитная карточка), стоит рассказать более подробно.

История этой ленты началась в 1967 году, когда органы госбезопасности Советского Союза отмечали свое 50-летие. Празднование этой круглой даты сопровождалось мощной пропагандистской кампанией, в которой участвовали многие деятели литературы и искусства. Именно тогда свет увидели самые значительные произведения о чекистах, включая романы Юлиана Семенова о советском разведчике Владимирове-Исаеве-

Штирлице. Стараясь идти в ногу со временем, не отставали от писателей и кинематографисты, которые в конце 60-х сняли ряд значительных работ о деятельности советских разведчиков в разные годы. Среди этих картин были: «По тонкому льду» (1966), «Сильные духом», «Путь в «Сатурн», «Конец «Сатурна», «Их знали только в лицо» (все — 1967), «Мертвый сезон» (1968) и др. Однако в большинстве подобных картин речь шла или о работе разведчиков в годы Великой Отечественной войны, или в мирные послевоенные годы, и совсем мало было фильмов о разведчиках времен Гражданской войны. Видимо, желая исправить эту ситуацию, бывший чекист, а ныне писатель Георгий Северский и задумал написать сценарий об одном из таких героев — бывшем адъютанте командующего Добровольческой армией Павле Васильевиче Макарове.

Идею подобного фильма горячо поддержало руковод— ство Центрального телевидения, которое отрядило в помощь Северскому сценариста Игоря Болгарина, в послужном списке которого однажды уже была работа о временах Гражданской войны — «Испытательный срок» (1960), но речь там шла о работниках угрозыска. Правда, поначалу Болгарин идею Северского воспринял скептически и честно признался в том, что ему не хочется прикладывать руку к очередному фильму о монументальных чекистах и фанерных белогвардейцах. Но коллега принялся горячо убеждать его в том, что на таком материале, который имеется у него на руках, фильм может получиться совсем иным, чем видится на первый взгляд. Тем более что и время на дворе стояло уже несколько иное — в советской идеологии начались подвижки к тому, чтобы смягчить негативное отношение к Белому движению. В итоге в конце 60-х на одном «Мосфильме» были запущены несколько фильмов на эту тему: «Служили два товарища» (1968), «Бег» (1970).

Что касается «Адъютанта…», то в его пяти сериях экранное время между красными и белыми было разделено примерно поровну. Однако симпатии зрителей вызывали и те, и другие, а вот антипатии — только бандиты батьки Ангела. Поскольку этот фильм сыграл в жизни Юрия Соломина весьма значительную роль, расскажем о нем более подробно.

Прототипом героя, которого играл Соломин, — Павла Андреевича Кольцова — являлся Павел Васильевич Макаров. Он встретил Гражданскую войну в Севастополе. В апреле 1918 года его, как организатора Красной армии при областном ревштабе, командировали в район Евпатории, Перекопа и Федоровки с заданием объединить разрозненные красноармейские части на местах в единое целое. Однако во время выполнения этого

задания Макаров попал в плен к дроздовцам. На первом же допросе Макаров ловко выдал себя за штабс-капитана 134-го Феодосийского полка и был зачислен в 3-ю роту дроздовского офицерского корпуса генерала Щербачева.

Через несколько дней корпус достиг Ставрополя, и Макаров решил продолжить свое успешное внедрение во вражескую среду. Удачно выдав свою недавнюю контузию за обострение тяжелой болезни, он добился, чтобы его оставили в тылу и прикомандировали в качестве штабного офицера в шифровально-вербовочный отдел. Вскоре в город прибыл будущий командующий Добровольческой армией Владимир Зенонович Май-Маевский, и Макаров задался целью проникнуть в его окружение. Для этого он стал регулярно сообщать Май-Маевскому о подозрительных разговорах в офицерской среде. В конце концов генерал настолько проникся к нему доверием и симпатией, что сделал Макарова своим адъютантом. При этом, естественно, он спросил его о происхождении, но Макаров не моргнув глазом сочинил очередную легенду о том, что его отец не кто иной, как начальник Сызрано-Вяземской железной дороги, и что под Скопином расположено их большое имение. Говорил он это так убедительно, что у генерала даже не возникло желания проверить эти факты у начальника контрразведки полковника Щукина.

И еще одна любопытная деталь. Вскоре выяснилось, что Макаров — человек малограмотный и пишет с ошибками. Для человека, за которого он себя выдавал, это было более чем подозрительно, и генерал это отметил. Но Макаров и в этом случае нашел что сказать: мол, в результате тяжелой контузии и болезни его память несколько ослабла. Генералу этого объяснения вполне хватило.

В течение нескольких месяцев своей работы в роли адъютанта Макаров никак не мог установить связь с красными. И только когда Добровольческая армия вошла в Харьков, он наконец получил письмо от своего старшего брата Владимира, который вызывал его для встречи в Севастополь. Взяв у Май-Маевского двухнедельный отпуск, Макаров отправился на первое конспиративное рандеву.

Во время пребывания в Харькове в Макарова внезапно влюбилась дочь известного местного богача Катя Жмудская (при этом приемная дочь Жмудских Анна стала пассией Май-Маевского). Вскоре их отношения зашли настолько далеко, что девушка стала умолять Макарова бросить военную службу и уехать с нею за границу. Макаров отказался. Жмудская отправилась к Май-Маевскому и со слезами на глазах просила его

повлиять на своего адъютанта. Однако даже просьба генерала уважить девушку не изменила позиции Макарова — работа для него была превыше плотских увлечений.

В январе 1920 года белогвардейская морская контрразведка арестовала в Севастополе брата Макарова Владимира. Во время обыска у него нашли открытку, присланную Павлом в бытность его организатором Красной армии. Макаров узнал об этом от жены Владимира, имел возможность скрыться из города, но не сделал этого — боялся навредить брату. Поэтому вместо обороны он избрал нападение — отправился к Май-Маевскому и стал горячо убеждать его в том, что его брат невиновен, что он никогда не был большевиком. Генерал обещал разобраться. Через несколько дней после этого разговора Макарова арестовали. Однако его пребывание в заточении длилось недолго — буквально через несколько дней вместе с группой товарищей Макарову удалось разоружить конвой и бежать. А вот его брата белогвардейцы вскоре расстреляли.

В дальнейшем Макаров стал одним из организаторов партизанского движения во врангелевском тылу в Крыму, возглавил 3-й Симферопольский партизанский полк. После Гражданской войны он женился на дочери белогвардейского офицера Марине Удянской и прожил с ней около двадцати лет. Во время Великой Отечественной войны Макаров вновь возглавил партизанское движение в Крыму, сформировал все тот же 3-й Симферопольский полк. Его второй женой стала партизанка-разведчица из этого соединения. Макаров автор двух книг: «Адъютант Май-Маевского» и «Партизаны Таврии». Первая из них и легла в основу многосерийного телефильма.

Несмотря на то что подлинная биография Макарова предоставляла сценаристам прекрасную возможность для создания увлекательного произведения, они решились на многочисленные отступления от нее. Взяв за основу некоторые факты из его деятельности на посту адъютанта, сценаристы в то же время насытили сюжет и массой других подлинных исторических событий. Например, они включили в сценарий эпизод разоблачения белогвардейского агента Басова, который действовал в штабе красных (подлинная фамилия этого человека Басков), рассказали о разгроме националистического центра в Киеве и т. д. Так как к этим событиям Макаров не имел никакого отношения, поэтому в фильме было решено вывести его под чужим именем — Павла Андреевича Кольцова.

Когда сценарий был готов и утвержден к постановке телевизионным руководством (июнь 1968 года), встал вопрос о режиссере, способном создать из этого материала добротный

фильм. Рассматривалось несколько кандидатур, однако в итоге победил 40-летний Евгений Ташков, который имел уже опыт подобного рода работы — в том же 1968 году на телевизионные экраны вышел фильм о чекистах времен Отечественной войны «Майор Вихрь».

Однако уже через несколько месяцев совместной работы между сценаристами и режиссером возник серьезный конфликт. О его сути можно судить по письму Болгарина на имя главного редактора объединения «Телефильм» Э. Барабаш, датированному 4 октября 1968 года. Цитирую:

«Дальнейшую совместную работу с Е. Ташковым считаю нежелательной, о чем ставлю в известность объединение. В связи с тем, что по стилю и по творческой манере Е. Ташков далек от сценария, к тому же это человек, начисто лишенный такта, дружелюбия, человек, который уже в самом начале работы попытался оттеснить авторов на задний план и, еще не успев почти ничего сделать, уже пытается стать соавтором сценария (работы, которую мы уже ведем два года), мы не хотим, чтобы Ташков участвовал в дальнейшей работе над сценарием в качестве литературного разработчика».

Однако на общую ситуацию это письмо не повлияло: Ташков так и остался режиссером будущего сериала. А 21 октября редакционная коллегия приняла 3-й вариант сценария, после чего он был запущен в режиссерскую разработку.

Подбор актеров начался в начале 1969 года. На роль Кольцова пробовались несколько известных актеров, каждый из которых был по-своему хорош и имел равные возможности сыграть этого героя. Однако в конце концов выбор был сделан в пользу Михаила Ножкина. После роли советского разведчика Павла Синицына по прозвищу Бекас в картине «Ошибка резидента» (1968) Ножкин стал очень популярен в народе, и режиссеры буквально соревновались между собой в праве заполучить его в свои картины. По словам очевидцев, этот актер прекрасно смотрелся и в роли адъютанта Кольцова, и белогвардейский мундир был ему очень к лицу. Однако…

«Перебежал дорогу» Ножкину герой нашего рассказа — Юрий Соломин, который также был приглашен в этот фильм, но на роль третьего плана — ему предстояло перевоплотиться в капитана контрразведки Осипова. Причем возможностью сыграть эту роль Соломин был обязан другой своей работе — ролью гестаповца Геттеля в фильме «Сильные духом».

Рассказывает Е. Ташков: «У меня есть привычка перед началом съемок фильма составлять актерский ансамбль из фотографий. Каждое утро я рассматривал снимки с изображением

будущих исполнителей, домысливая, как фотокадры в скором времени превратятся в кинокадры. Все было, что называется, на своих местах. Устраивал меня и Юрий Соломин. Но не было героя! А время подпирало: пора снимать. И вдруг, в который раз перебирая фотографии, я остановил свой взгляд на Соломине. Мне показалось, что именно он сможет стать капитаном Кольцовым. Несколько дней ходил я, обдумывая случайное впечатление, и наконец решился — вызвал Юрия на студию.

Тогда все это казалось авантюрой. Мы как-то привыкли, чтобы герой, играющий подобные киноролн, и выглядел «героически» — был высоким, широкоплечим. А здесь невысокого роста человек, неброский внешне. Была сделана первая проба — не утвердили. Вторая — снова отказ… Я принимаю решение снимать третью… Утвердили только шестую, и то мне пришлось уговаривать всю съемочную группу и художественный совет студии дать «добро» под мою ответственность. Так был найден Кольцов…»

А вот что по этому поводу вспоминает сам Ю. Соломин:

«Когда меня несколько раз не утверждали, Ташков уговаривал меня не падать духом. По-моему, я пробовался раз пять или шесть. Практически сыграл все ключевые эпизоды, но все равно не производил должного впечатления на членов худсовета. Евгений Иванович все-таки настоял. Согласились под его ответственность. Так я стал сниматься.

Предложение сыграть роль Кольцова было для меня в известной степени неожиданностью. В театре меня считали актером характерным, а тут вдруг предложили роль совершенно противоположную, героическую — волевого, сосредоточенного человека, умеющего все взвесить, точно и быстро оценить создавшуюся ситуацию…

Один из авторов сценария, Северский, писал, что его авторский стереотип рисовал главного героя былинным витязем или блестящим лейб-гусаром. Только режиссер Евгений Ташков смог сломать этот штамп…»

А вот как подбирали актеров на другие роли. Первоначально на роль бандита Мирона Осадчего был утвержден актер Театра Советской армии Андрей Петров. А роль красноармейца Сиротина досталась Виктору Павлову. Однако последний очень хотел сыграть Осадчего и буквально умолял режиссера отдать эту роль ему. Но никакие просьбы не помогали. И тогда в дело вмешался случай. Когда снимали эпизод объяснения в любви Мирона к Ксении (ее играла Людмила Чурсина), Петрова на съемочной площадке не оказалось. И Ташков попросил Павлова заменить его. Тот же сыграл эту сцену с таким надрывом, что у

всей съемочной группы на глазах выступили слезы. Они и решили исход дела: роль Мирона досталась Павлову, а Петров, соответственно, сыграл красноармейца Сиротина.

Кстати, Петров затем «отомстит» Павлову в финале фильма: именно его Сиротин повяжет Мирона на железнодорожной станции и потом застрелит из револьвера, воздав должное за все его преступления. С точки зрения астрологии все закономерно — Коза и Дракон являются антагонистами. Как написано в гороскопе: «Из-за нехватки понимания любые отношения между Козой и Драконом могут быть безвозвратно испорчены…» В фильме эта «порча» привела к убийству одной другого.

На роль сына полковника Львова Юры был выбран 13-летний московский школьник Александр Милокостый. Это была не первая его роль в кино, однако до этого он играл всего лишь эпизоды. А вообще впервые на съемочную площадку он попал в 5-летнем возрасте. Попал достаточно банально. Гулял с бабушкой во дворе, его заметила ассистент режиссера фильма «Я купил папу» и предложила прийти с родителями на пробы. Тот показ завершился неудачей, однако фотографию и домашние координаты мальчика внесли в детский актерский отдел. Вскоре они пригодились: Александра утвердили на эпизодическую роль в фильме «Чемпионы улицы». Затем был фильм «Трое» и, наконец, «Адъютант его превосходительства».

По сюжету, Кольцова угораздило влюбиться в дочь Щукина Татьяну. Эту роль исполняла 23-летняя балерина Татьяна Иваницкая. Ее путь к этой роли тоже был тернист и извилист. Окончив Московское хореографическое училище, она работала в балете Русского народного хора имени Пятницкого. Приглашение попробовать себя в кино было для нее полной неожиданностью, но она пересилила собственный страх и пришла на пробы. Стоит отметить, что ее соперницами были шестеро известных советских киноактрис, каждая из которых мечтала сыграть эту роль. Однако победила никому не известная актриса, причем даже не драматического жанра. Как вспоминает Ташков, Татьяна поразила его на первой же пробе — в эпизоде любовного свидания с Кольцовым в доме Щукиных. Иваницкая сыграла эту сцену настолько целомудренно, что сомнения режиссера отпали сами собой.

А теперь вернемся непосредственно к работе над фильмом.

13 марта на «Мосфильме» состоялось обсуждение актерских кинопроб. Приведу лишь некоторые из высказываний, которые прозвучали на том заседании.

Е. Ташков: «По поводу Соломина у группы сомнений нет — это идеальная кандидатура. Что касается Саши Милокостого… У

него трудная судьба — отец ушел из семьи, мальчик озлоблен, но его легко можно растопить, для своих 12 лет он очень глубок. Мы считаем его находкой.

Из многих кандидаток на роль Тани, кроме Иваницкой, никто даже приблизительно не подходит к тому материалу, который написан…

На Май-Маевского кандидатов пока двое: Колчицкий и Стржельчик…»

Л. Трауберг: «Соломин лучше других, но я боюсь, что он эту роль сделает обыденной, обтекаемой. Здесь нужен большой талант, типа Смоктуновского, Качалова…»

И. Болгарин: «Соломин один раз без усов еще как-то человечен, а с усами просто белогвардеец. Образ, сыгранный им, не будет новым…»

Э. Барабаш: «После первых проб я была категорически против Соломина. Но сейчас его досняли, и в маленьких эпизодах я увидела какие-то потенциальные возможности…»

С. Колосов: «По поводу Иваницкой налицо отсутствие доверия в профессиональном плане к ее актерским способностям. Она мышечно скована, непластична. Давайте поищем еще. И Колчицкий, и Иваницкая неприемлемы. Надо на эти роли искать значительных артистов…»

Как мы теперь знаем, несмотря на активные возражения ряда членов худсовета, Ташкову удалось-таки взять на роли тех исполнителей, которые нравились прежде всего ему.

Эпизодическую роль ювелира Исаака Ливензона восхитительно сыграл Борис Новиков. В роли его жены Софы снялась актриса Елизавета Ауэрбах. Позднее она вспоминала:

«Меня поразил режиссер Евгений Ташков: он сам повел меня примерять костюмы и, пока мы шли до костюмерной, рассказал мне ситуацию моего эпизода. Затем мы пришли на съемочную площадку, раза три-четыре прорепетировали мою сцену. И тут Ташкова позвали к телефону. Когда он вернулся, я спросила, когда будет съемка. Он очень удивился и сказал, что все уже снято, и пожелал мне всего хорошего.

Когда я рассказываю коллегам, как в течение максимум двух часов режиссер снял эту сцену, мне не верят, говорят, так в кино не бывает. Но у меня есть свидетель — сам Евгений Ташков, он не откажется…

Этот мини-эпизод принес мне макси-популярность, и теперь я в концерте не могу уйти со сцены, не сказав мою единственную фразу: «Исаак, не валяй дурака, им нужен Федотов».

Съемки фильма начались 17 марта 1969 года. Снимать начали с павильонных эпизодов: в частности, сняли приход

Мирона Осадчего к Оксане с сообщением, что ее жених Павло погиб в бою («Сам я Павла не видал… Но ты не надейся… Казак один… зарубил… шашкой… напополам…»). Однако из-за брака пленки 28 марта этот эпизод пришлось переснимать.

В эти же дни конца марта — начала апреля сняли эпизоды в хате батьки Ангела: Ангел беседует со своим адъютантом Тимкой; Ангел допрашивает пленных (это там Тимка коверкает слова и вместо «конфискация» произносит «коньфиксация», а вместо «эксперимент» — «экскремент»); гибель Ангела и Тимки.

После двух недель работы в павильоне группа отправилась в свою первую экспедицию — в Новороссийск, где были сняты объекты «железнодорожный комплекс в горах» и «порт». После 15 апреля киношники переехали в Киев. Там снимали следующие эпизоды: лесная батарея, село батьки Ангела, погоня за тачанкой (все съемки велись у деревни Ходосеевка), улицы старого Киева, железнодорожная станция и др. В Киеве группа пробыла до 17 июля, после чего возвратилась в Москву, чтобы возобновить работу в павильонах. Здесь к приезду группы декораторы успели возвести сразу несколько декораций, в том числе и самую крупную — комплекс «ставка Ковалевского».

8 августа на «Мосфильме» состоялся просмотр отснятого материала. После него режиссер Сергей Колосов написал Ташкову письмо, где делился своими впечатлениями от увиденного. Цитирую:

«Непроницаемость Ю. Соломина превращается порой в невыразительность, вялость, отсутствие живых внутренних реакций на происходящие события. Думается, что актеру следует подробнее и конкретнее разработать состояние своего героя в напряженные — с точки зрения развития сюжета — моменты, находить больше красок для выражения волнения, тревоги, напряженной работы мысли. В ряде сцен Ю. Соломин недостаточно эмоционален; хочется, чтобы его глаза были выразительнее, внутренняя жизнь — более насыщенной и ощутимой. Тем более что все это — в возможностях актера Ю. Соломина. Присущие ему обаяние, темперамент в какой-то степени потеряны на экране…»

Съемки велись практически без простоев, лишь изредка приходилось переснимать ранее снятые эпизоды из-за брака пленки. Так, 10 сентября пересняли «квартиру нумизмата» (это там у Кольцова была явочная квартира), 14 ноября — «сарай», «погреб» и «вагон 3-го класса» (снимали крупные планы), 19 ноября — «дом Оксаны» (крупные планы), 28 ноября и 3 декабря — «кабину машины» (планы Кольцова и Юры), 23 декабря — «дом Бинского».

26 ноября основные съемки фильма были завершены. Согласно финансовым документам, гонорары за работу над сериалом выразились в следующих суммах: Е. Ташков — 3240 рублей 74 копейки плюс 160 рублей за роль Лациса, Ю. Соломин — 2755 руб., Т. Иваницкая — 252 руб. 75 коп., А. Милокостый — 901 руб. 10 коп., Н. Гриценко — 900 руб., В. Павлов — 870 руб., А. Папанов — 750 руб., Л. Чурсина — 638 руб. 65 коп., Г. Юшко (Тимка) — 102 руб. 50 коп.

Два месяца шел монтаж. В феврале 1970 года состоялась сдача фильма руководству студии и заказчику. И если первые встретили картину вполне благожелательно, то тэвэшное начальство схватилось за голову. «Это же гимн белогвардейщине! Эмигрантское отребье за границей будет рукоплескать такой стряпне!» — таким был чиновничий вердикт. И премьеру фильма решено было отложить на неопределенное время.

Опала могла длиться бесконечно, если бы сам Евгений Ташков вместе с директором картины не решились на активные действия. Зная о том, что заместитель председателя КГБ Семен Цвигун хорошо относится к кинематографистам (чуть позже на «Мосфильме» начнут экранизировать его военные повести), они решили показать фильм лично ему. Для этого была взята копия и в один из дней привезена в больницу, где тогда проходил лечение видный чекист.

Фильм произвел на Цвигуна хорошее впечатление, и уже через несколько дней после его просмотра он сделал все от него зависящее, чтобы картина как можно скорее вышла на экран. Премьера состоялась 7 — 16 апреля 1970 года. Более того, благодаря активности КГБ в 1971 году фильм «Адъютант его превосходительства» будет удостоен Государственной премии РСФСР.

Заметим, что в премьерные дни фильм поставили в эфирную сетку в самое смотрибельное время — в 19.00 — и показывали не ежевечерне, а через день, растянув тем самым показ на 10 дней. Буквально с первой же серии вокруг показа разгорелся невиданный ажиотаж, когда улицы советских городов буквально вымирали. Без преувеличения можно сказать, что вся огромная страна, затаив дыхание, наблюдала за тем, как красный разведчик Павел Андреевич Кольцов водит за нос всю белогвардейскую контрразведку во главе с проницательным полковником Щукиным.

Для героя нашего рассказа, Юрия Соломина, эта роль стала поистине эпохальной: именно она сделала его национальным кумиром. Но у этой славы будет и оборотная сторона: уже в дни первого показа фильма Соломину приходилось тщательно

маскироваться, чтобы, не дай бог, его не опознали поклонники. И только таким образом ему удавалось без лишней нервотрепки добраться в переполненном автобусе (своего авто у него тогда еще не было) из Бескудникова (там он жил) до Малого театра (там он работал).

Между тем с «Адъютантом» произошел беспрецедентный случай: прошло чуть больше месяца со дня его премьеры, как ТВ запустило его в повторный показ. Он состоялся 19–23 мая. На этот раз фильм разместили в эфирной сетке в 21.00, в отличие от первого показа, когда он начинался в семь вечера. Тогда в прессе прозвучали нарекания на столь раннюю трансляцию, поскольку многие зрители, задерживаясь на работе, не успевали к началу сеанса. Теперь эти замечания были учтены. Кроме этого, продолжительность фильма по сравнению с первым показом сократилась на несколько минут, поскольку теперь из него была вырезана «постельная» сцена: эпизод, где Кольцов и Таня, отужинав в доме девушки, лежали в одной постели. По нынешним меркам в этой сцене не было ничего крамольного — там даже объятий не было никаких, просто влюбленные лежали под одеялом и вели вполне невинный разговор (например, Таня признавалась любимому, что ее отец — начальник контрразведки Щукин догадывается об их связи). Однако эпизод было решено вырезать. А чтобы все это выглядело как волеизъявление самих зрителей, зампредом Комитета по радиовещанию и телевидению Г. Ивановым 18 мая была послана депеша на имя директора творческого объединения «Телефильм» киностудии «Мосфильм» С. Марьяхина. Цитирую ее целиком:

«После показа по ЦТ телефильма «Адъютант его превосходительства» Комитет по радиовещанию и телевидению получил ряд писем, в которых зрители возражают против демонстрации ночной сцены между Кольцовым и дочерью Щукина. Предлагаем убрать эту сцену из копий фильма, предназначенных для внутрисоюзного показа.

Расходы, связанные с перемонтажом и переозвучиванием этой части фильма, будут оплачены Комитетом по счету киностудии «Мосфильм».

Марьяхин в тот же день дал указание своим подчиненным: 19 копий фильма оставить в старой редакции, остальные — в новой. Так адъютант Кольцов на экране так и не переспал со своей возлюбленной.

Итак, после премьеры фильма зрительская любовь к Соломину была настолько огромной, что пройти спокойно по улице было невозможно. В таких случаях приходилось даже маскироваться: надевать темные очки или надвигать на брови

шапку. Иногда это помогало. В 1971 году с ним даже произошел эпизод из разряда анекдотичных.

В один из дней главным героям сериала должны были вручать Государственные премии РСФСР. Вручение должно было состояться в середине дня, и Соломин, отпросившись у коллег по Малому театру на час, успел получить премию и благополучно вернулся назад. А вечером к нему в гримерку пришли коллеги, и они отметили это событие.

Домой актер возвращался поздним вечером. Подняв воротник пальто и надвинув на глаза кепку, Соломин спустился в метро. Путь ему предстоял долгий: сначала на метро до «Белорусской», затем на 167-м автобусе до дома. Автобусы в те годы ходили так же редко, как и сейчас, и были всегда переполнены. Не стал исключением и тот вечер. Войдя в салон, Соломин оказался сдавленным толпой со всех сторон настолько, что не только двинуться, даже лишний раз вздохнуть оказалось трудно. Стараясь не делать лишних движений, Соломин затих в гуще толпы и, закрыв глаза, погрузился в легкую дремоту. Так незаметно пролетели полчаса.

Когда пришла пора выбираться из автобуса, оказалось, что сделать это намного труднее, чем войти. За те полчаса, пока автобус двигался, пассажиры настолько утрамбовались, что пробиться сквозь эту стену к выходу было практически невозможно. Вот когда Соломин пожалел о том, что едет в автобусе инкогнито. Теперь же кричать о том, что ты тот самый «адъютант его превосходительства», было и бессмысленно, и смешно. Пришлось актеру напрягать все свои силы и буквально с боем пробиваться к заветным дверям. В ответ в спину ему неслись проклятия потревоженных пассажиров, а иногда и весьма болезненные тычки. В конце концов Соломину удалось выбраться на свободу, но это освобождение стоило ему нескольких вырванных с корнем пуговиц, испачканных брюк и синяков на спине. Так грустно завершился для Соломина тот день, когда он стал лауреатом Государственной премии РСФСР.

Не менее забавная история сопутствовала присуждению Соломину звания заслуженного артиста РСФСР. Вот как сам актер вспоминает об этом:

«В начале сентября 1972 года после съемок «Адъютанта…» я заработал сильный радикулит. Стал ходить с палочкой. Приплелся на какой-то важный сбор труппы. По лестнице подниматься тяжело, доковылял до начальственного лифта. Уже дверь захлопнули, как слышу: «Стой!» Бежит администратор: «Стой, Фурцева (министр культуры СССР. — *Ф. Р.*) приехала в театр». Вошла Екатерина Алексеевна, поздоровалась, спросила,

что это со мной. «Да вот, — говорю, — радикулит». Ехали секунд сорок, еще парой фраз перемолвились. А через неделю я получаю того самого заслуженного, которого ждал несколько лет. Так случайные сорок секунд в лифте с Фурцевой дали мне творческий толчок вперед и выше…»

Та слава, которая обрушилась на Соломина после «Адъютанта…», позволила ему улучшить свою жилищную проблему — переехать из Бескудникова поближе к центру города. Вот как об этом вспоминает сам актер:

«Ко мне стали часто приезжать телевизионщики из Германии, Чехословакии, Польши, Венгрии — из всех тех стран, где шел фильм. Они брали у меня интервью и очень хотели снять на пленку то, как я живу и работаю. Они рвались ко мне домой, но везти их в Бескудниково, где тогда вовсю шла стройка и разливалась непролазная грязь, я стеснялся. Как-то зашел к нашему директору-распорядителю Анатолию Андреевичу Колеватову и попросил у него разрешения принять зарубежную группу в театре. Он спросил: «А где ты живешь?» Я объяснил, что в Бескудникове. Он даже не знал, где это. А месяца через три меня «приблизили» — дали квартиру возле метро «Динамо». Так у нас наконец началась нормальная жизнь.

Потом мы жили на Петровке. Через какое-то время освободилась квартира Михаила Ивановича Царева в Спиридоньевском переулке: он переехал на этаж ниже. У нас квартирными делами в профкоме занимались тогда Руфина Нифонтова и директор-распорядитель Рафаэль Михайлович Мерабов. Он-то мне и сказал, что квартира Михаила Ивановича освобождается, а Руфина заставила написать заявление и сама отнесла его Цареву. Так с тех пор мы и живем в этой квартире. В нашем доме жили многие знаменитости — Владиславский, Менжинский, Шатрова, Светловидов… Сейчас на доме висят мемориальные доски Садовского и Царева. После Менжинского квартиру занял Царев, я — третий жилец в этой квартире…»

Тем временем в 1971 году, когда слава Соломина после «Адъютанта…» была в самом зените, он сыграл свою вторую отрицательную (после «Сильных духом») роль — в фильме «И был вечер, и было утро». Причем это опять был белогвардейский офицер, но теперь уже откровенный враг большевиков — Штубе. Он готовил взрыв на крейсере, где власть захватили большевики, но в последний момент заговор был раскрыт.

В год выхода этого фильма на широкие экраны Соломин снимался еще в двух фильмах, но там он уже вновь перевоплотился в пламенных большевиков. Речь идет о фильмах «Кочующий фронт» (Шмаков) и «Даурия» (Семен Нагорный). В

последнем фильме Соломин снялся со своим родным братом Виталием, который играл главную роль — Романа Улыбина.

Кроме этого, наш герой сыграл проницательного сотрудника угро майора милиции Сергея Ивановича Головко в детективе Суламифи Цибульник «Инспектор уголовного розыска» (1972). На его счету также были и другие картины: «Море в огне» (1971; капитан Петров), «Моя жизнь» (доктор Владимир Благов), «Право на прыжок» (тренер), «Четвертый» (Чарльз Говард) (оба — 1973), «Соколово» (генерал Шафаренко), «Блокада» — фильмы 1-й — 2-й (главная роль — майор Алексей Звягинцев) (оба — 1975).

К середине 70-х Соломин уже превратился в признанную звезду советского театра и кино, которого с удовольствием хотели бы видеть в своих картинах признанные мастера кинематографа. Однако сам актер соглашался сниматься не у каждого. В итоге в 1974–1975 годах он изъявил желание сыграть главные роли у трех режиссеров: у Василия Ордынского в многосерийном телефильме «Хождение по мукам» (фильм будет сниматься в течение трех лет) в роли Ивана Ильича Телегина, у японского режиссера Акиры Куросавы в фильме «Дерсу Узала» в роли Павла Арсеньева и у Евгения Ташкова в криминально-социальной драме-дилогии «Преступление» и «Обман» в роли Александра Стрельцова. Громче всех прогремит «Дерсу Узала», который в 1976 году будет удостоен премии американской киноакадемии «Оскар».

Куросава задумал снимать фильм еще в конце 60-х годов, но тогда его производство было приостановлено из-за финансовых трудностей. Повторно к этой идее он вернулся летом 1973 года, когда в качестве гостя прибыл на Московский кинофестиваль. Тогда была достигнута договоренность с Госкино об этой постановке, и поздней осенью того же года Куросава приступил к подготовительному циклу съемок.

Утверждение актеров на роли шло довольно споро, и лишь с ролью Арсеньева были проблемы: Куросаве отобрали трех известных советских артистов, среди которых был и Соломин. Но режиссер, естественно, никого из них не знал. Чтобы как-то восполнить этот пробел, Куросаве решили показать лучший фильм с участием Юрия — «Адъютант его превосходительства». Думали, посмотрит первую серию и сразу определится. Но Куросава после просмотра потребовал и вторую. Затем так увлекся, что одну за другой посмотрел и три остальные серии. Когда просмотр завершился, кандидатура на роль Арсеньева режиссером была определена окончательно — Юрий Соломин. В январе 1974 года его вызвали на съемки.

Двухсерийный фильм был закончен в мае 1975 года. Ему

суждено будет стать заметным явлением не только советского, но и мирового кинематографа. Триумф фильма начался летом того же «кошачьего» 75-го, когда на Московском международном кинофестивале он завоевал Главный приз. Затем, в начале 1976 года, «Дерсу Узала» покорил Америку — завоевал «Оскара» в номинации «Лучший зарубежный фильм» (в американском кинопрокате-77 лента соберет 1 миллион 200 тысяч долларов; в советском прокате-76 ее посмотрят 40 миллионов 200 тысяч зрителей). Отдельные критики сетовали на то, что фильм не смог бы покорить Америку, если бы не пусть тлеющая, но разрядка: дескать, таким образом американские интеллектуалы отдавали дань уважения своим единомышленникам — советским либералам.

В стан критиков фильма угодил даже… его сценарист писатель Юрий Нагибин. Но здесь, судя по всему, все дело было в уязвленном самолюбии: Нагибина не пригласили на премьеру фильма в Японию, потом задержали приглашение на МКФ, из-за чего он впал в ступор. Читаем в дневнике Нагибина следующие строки:

«Ну а история с фестивалем, где первым номером идет моя картина «Дерсу Узала»? Все буквально балдеют, когда я говорю, что меня не пригласили на фестиваль. По всем законам мне полагалось бы входить в советскую делегацию. А меня даже гостем не пригласили…»

Однако чуть позже ошибка была исправлена, и Нагибин оказался в числе участников фестиваля. И что мы читаем в его дневнике дальше:

«Завершилась еще одна утомительная ненужность — кинофестиваль. Устал как собака… от обилия скверных фильмов, от собственных глупых ожиданий чуда. Ну вот, чудо вроде бы свершилось: «Дерсу» получил Золотой приз, но на моей судьбе если это и отразится, то лишь в отрицательном смысле: прибавит недоброжелателей…»

Короче, из дневника писателя видно: что бы ни происходило вокруг, его автор всем будет недоволен. Кстати, отметим, что Куросава снимал фильм не по оригинальному сценарию Нагибина: тот положил в его основу книги В. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Кроме этого, сам Куросава тоже кое-что внес в сценарий, из-за чего гонорар с Нагибиным они делили пополам, что не понравилось писателю. Читаем в дневнике Нагибина:

«О Куросаве говорят так: старый, выхолощенный, склеротик-самодур, чудовищно самоуверенный, капризный, с людьми жестокий, а себе прощающий все промахи, ошибки и слабости. Он

маньяк, а не рыцарь и даже не фанатик…»

Скажем прямо, характеристика, данная Нагибиным Куросаве, несправедлива. Гораздо ближе к истине слова героя нашего рассказа, Юрия Соломина, который рассказал следующее:

«Когда мы познакомились с Куросавой, он произвел впечатление жесткого, даже мрачного человека. Однако позже выяснилось, что на самом деле это добрый, очень уважительно относящийся к другой личности и другой культуре человек. Он больше любил слушать, а не говорить, а умение слушать — большая редкость…

Его многое отличало от других режиссеров, от тех, кто считает, что актера надо держать в узде. Куросава не стеснялся похвалить актера, поддержать его в трудную минуту. В своей оценке он был всегда ясен и конкретен. Всегда внимательно выслушивал мнение своих помощников, актеров, а потом принимал точное решение, как опытный дипломат обходя необдуманные, ничем не подтвержденные мысли…

Встречаясь с ним ежедневно, наблюдая его, я не переставал удивляться его готовности общаться с людьми, доброжелательности, искреннему проявлению свойственных человеку совершенно различных, порой полюсных эмоций, чувств. Он, словно ребенок, мгновенно предавался бушующей радости, сменявшейся неожиданно задумчивостью, даже унынием. В глазах его вспыхивало шальное озорство, потом эти же глаза глядели с неподдельной грустью. Какая палитра чувств, какой диапазон восприятия!

Куросава никогда не лез в душу, но если ты ему что-нибудь начинал рассказывать о себе, всегда слушал с интересом. О своих переживаниях тоже не любил распространяться, был человеком сдержанным, мужественным, не сентиментальным. У него доброта суровая…»

В заключение этой темы приведу воспоминания еще одного человека — кинорежиссера Андрея Михалкова-Кончаловского. А рассказал он следующее:

«Однажды я поехал к Куросаве в Токио. Мы сидели у него на кухне, из окна была видна Фудзияма, и Куросава сам приготовил суши… Потом он достал водку «Столичная», которую очень любил… Короче, когда мы выпили с ним грамм шестьсот, Куросава начал говорить, что Ленин — хороший человек. А я, выросший при социализме, ему возражал: мол, попробуй в такой стране хотя бы один худсовет пережить. Тут повисла страшная тишина… Когда много позже я привез в Токио свой фильм «Поезд-беглец», Куросава даже не пришел его смотреть. Вот так на политической почве мы разошлись с этим по-настоящему

великим человеком и режиссером…»

Судя по всему, здесь свою роль сыграли не только политические разногласия, но и астрологические: редкий «хозяин» стерпит, когда ему возражает его векторный «слуга».

Возвращаясь к фильму «Дерсу Узала», отмечу, что за свой сценарий Юрий Нагибин удостоился гонорара в размере почти пяти тысяч рублей, а вот гонорар Соломина был в два раза больше — 10 642 рубля. Скажем прямо, неплохие деньги за десять месяцев съемок (то есть по тысяче рублей в месяц при средней зарплате по стране в 150 рублей).

В ноябре 1977 года Соломина ждал новый триумф: по ЦТ состоялась премьера 13-серийного фильма «Хождение по мукам» по одноименной книге А. Толстого, где он сыграл одну из главных ролей — Ивана Телегина. Роль его возлюбленной, Даши, исполнила молодая актриса Ирина Алферова (1951).

Еще в одном фильме той поры — «Мелодия белой ночи» Сергея Соловьева — роль возлюбленной Соломина исполняла иностранка — популярная японская актриса Камаки Курихара (1945). И снова это была трудная любовь с сильными переживаниями и расставаниями.

Среди других фильмов второй половины 70-х, в которых снимался Соломин, значились следующие: «Блокада» (фильмы 3-й — 4-й) (1977; главная роль — майор Алексей Звягинцев), «Школьный вальс» (1978; Павел Кнушевицкий), т/ф «Обыкновенное чудо» (трактирщик Эмиль), т/ф «Квартет Гварнери» (главная роль — чекист Василий Возницын), т/ф «Летучая мышь» (главная роль — Генрих Айзенштайн) (все — 1979).

В последнем фильме Соломин снялся вместе со своим родным братом Виталием (тот играл друга Генриха Фалька), что было не часто (в последний раз подобное происходило в 1971 году в «Даурии»). Только если в том случае это было серьезное кино из разряда историко-революционного, то в этот раз они снялись в веселой оперетте. Их дуэт выглядел блестяще, особенно в сцене, где они вдвоем пытаются заморочить голову жене Генриха Розалинде, которая подозревает мужа в измене, а они с Фальком пытаются ее в этом разубедить. Роль жены исполняла Людмила Максакова.

Что касается работы Юрия Соломина в Малом театре, то в те годы он сыграл Кисельникова в «Пучине», царя Федора Иоанновича в одноименном спектакле, Протасова в «Живом трупе», Ивана Петровича в «Униженных и оскорбленных». Наиболее драматичной стала роль в «Царе Федоре Иоанновиче», поскольку Соломину здесь пришлось включаться в спектакль, что

называется, на ходу. Дело в том, что первым исполнителем роли царя был Иннокентий Смоктуновский, но он в 1976 году решил уйти из Малого театра, и именно Соломину выпала честь его заменить. Хотя кандидатур было несколько. Вот как об этом вспоминает сам актер:

«Я прекрасно отдавал себе отчет, что Смоктуновский — актер грандиознейший. У меня к тому времени тоже была дикая популярность. Только что вышел «Адъютант» и несколько других фильмов, так что надо было не ударить лицом в грязь. Ответственность огромная. Я согласился, хотя понимал, насколько сложно сделать это после такого артиста, да еще в такой фантастически короткий срок. Между Царевым и Борисом Равенских шел спор. Потом Борис Иванович мне сказал: «Давай попробуем, но есть еще несколько артистов на эту роль». Я ему ответил: «Мне предложил эту роль Царев, и в конкурсе я участвовать не собираюсь. Если вы не хотите, чтобы играл я, так и скажите, а если согласны, давайте не тратить времени зря и начнем репетировать». Надо отдать должное Борису Ивановичу, мы начали репетировать, хотя некоторые актеры ставили палки в колеса, стараясь, чтобы из этого ничего не вышло. Иногда во время репетиций, когда все должны работать на меня, вдруг кто-то пытался перевести внимание на себя. Я не хочу никого называть. Я никогда никому не мщу. Знаю, что недруг будет наказан без меня. Но было нелегко…

Эта роль стоила много сил и здоровья. Я лечился потом несколько лет. Произошел, видимо, такой сильный нервный стресс, что перед каждым спектаклем, буквально за час до выхода на сцену, у меня начиналась дикая головная боль. Не помогали никакие таблетки. После спектакля все проходило. Это длилось несколько сезонов. Однажды в Киеве на гастролях я рассказал об этом Виктору Коршунову, он мне подсказал, что, наверное, это у меня на нервной почве. Может быть, сказывается напряжение далеких уже дней репетиций, когда я нервничал, не спал ночами. Мы поговорили и разошлись. Перед следующим спектаклем у меня голова не болела. И с тех пор как рукой сняло…»

В 1980 году осуществилась давняя мечта Соломина о собственной постановке: на телевидении он снял двухсерийный фильм по Д.-Б. Пристли «Скандальное происшествие в Брикмилле», в котором он также сыграл и главную роль — Джорджа Кеттеля. Однако не эта картина вызвала широкий отклик у массового зрителя, а другая — более драматическая и близкая миллионам советских людей. Речь идет о фильме Аян Шахмалиевой «Свет в окне». В центре его сюжета была семья из трех человек: муж, его дочь-подросток и новорожденный ребенок,

который невольно стал погубителем своей матери — во время родов она умерла. И теперь мужу и его дочери предстоит одним поднимать на ноги этого маленького человечка. Естественно, им приходилось трудно, но тут им на помощь приходила их участковый женщина-терапевт, появление которой вносило мелодраматический элемент в эту историю: муж и врач начинали испытывать друг к другу романтические чувства.

В 1983 году Соломин осуществил свою вторую самостоятельную постановку на телевидении — снял фильм «Берег его жизни», где речь шла о жизни и деятельности знаменитого ученого и путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Естественно, что и в этом случае главную роль сыграл сам режиссер-постановщик. Кроме этого, актер записал на свой счет и ряд других фильмов. Это были: «Крик тишины» (главная роль — Дронов), «Клятвенная запись» (оба — 1982), «Лунная радуга» (1983; главная роль — Никольский), «Тайна виллы «Грета» (Окорс), «Утро без отметок» (мистер Глэб), т/ф «ТАСС уполномочен заявить…» (главная роль — сотрудник КГБ Виталий Всеволодович Славин). Громче всех суждено было прогреметь последнему фильму, который стал настоящим событием в советском телевизионном кинематографе.

Первоначально ставить этот фильм должна была Татьяна Лиознова. Однако против этой кандидатуры грудью встал автор сценария Юлиан Семенов, у которого с Лиозновой испортились отношения еще в период работы над «Семнадцатью мгновениями весны». Из-за чего? Дело в том, что Лиознова по ходу съемок придумала много сцен самостоятельно (например, ей принадлежит авторство сцены встречи Штирлица с женой), и поэтому в конце работы она захотела поставить в титрах свою фамилию рядом с Семеновым — как сценарист. Но тот воспротивился этому, на этой почве был большой скандал. И Семенов этого не забыл.

Консультанты из КГБ согласились с доводами сценариста и предложили выбрать режиссера самостоятельно. И Семенов выбрал Бориса Григорьева, который до этого поставил несколько фильмов по его произведениям — «Петровка, 38», «Огарева, 6». Однако едва он начал работать и отснял первые кадры фильма, как его кандидатура перестала удовлетворять КГБ. Решили заменить и его. Семенов обиделся и заявил, что в таком случае и он отстраняется от съемок. В конце концов для съемок был приглашен 38-летний Владимир Фокин, который только что прославился с фильмом «Сыщик». Фокин заменил многих прежних актеров из старого состава фильма и оставил только двух — Вячеслава Тихонова и Юрия Соломина.

В «ТАСС…» Соломин играл роль чекиста, который участвует в сложнейшей операции по выявлению предателя, окопавшегося в МИДе СССР и работавшего на американское ЦРУ. Одну из ролей в картине сыграл легендарный советский актер Георгий Юматов. Как вспоминает Ю. Соломин:

«С Юматовым мы жили в одном номере. Снимались каждый день, и мне даже не хватило времени потратить выданные суточные. Одним словом, перед отъездом я отдал ему все деньги и сказал: «Жора, купи мне что-нибудь на свой вкус. Что захочешь». Он привез мне в Москву огромную коробку со специями. Я одаривал ими всех знакомых, и все равно почти до конца 90-х что-то из этой коробки у меня оставалось…»

Среди других работ Соломина в кино во второй половине 80-х значились следующие: т/ф «Софья Ковалевская» (1985; великий князь), т/ф «Певучая Россия» (1986; главная роль — создатель народного хора Митрофан Ефимович Пятницкий), «Загадочный наследник» (1988; Олег Сергеевич Зыкин), «Сувенир для прокурора» (главная роль — следователь Захар Петрович Измайлов).

Ролей могло быть и больше, но актер сам отказался от большинства предложений, поскольку советский кинематограф в ту перестроечную пору представлял собой по большому счету жалкое зрелище, и редкий актер, приобретший заслуженную славу в его лучшие времена, хотел теперь «марать» руки, участвуя в нем.

Во многом из-за желания исправить ситуацию к лучшему в августе 1990 года Соломин согласился занять пост министра культуры РСФСР (кстати, это событие почти совпало с другим — с рождением в конце июня того же года у нашего героя внучки Александры). О том, при каких обстоятельствах он стал министром, актер рассказывает следующее:

«Все было очень просто. Мне предложил занять этот пост Иван Степанович Силаев (бывший премьер-министр России. — *Ф. Р.*). Мы с ним дважды на эту тему беседовали. А потом дома, на семейном совете, решили, что стоит попробовать…

Некоторые потом думали, что это я для себя занял этот пост. Но когда я стал министром, мне ничего не надо было. Я пользовался популярностью, дело доходило до комичного: покупаешь что-нибудь на рынке, а с тебя денег не берут. Или если машина ломается на дороге, мне достаточно выйти из нее и поднять капот. Через пять минут кто-то обязательно остановится и поможет.

За моим «министерством» стояло нечто иное, нежели желание властвовать. К власти в культуре приходили и приходят

люди, которые никакого отношения к ней не имеют. В медицине или, скажем, черной металлургии нужно специальное образование, а в искусстве у нас все разбираются. Мне хотелось оказать профессиональную помощь, ведь культура — это не пустячки, как некоторые считают, а, может быть, самое главное в жизни…

К сожалению, я проработал на министерском посту всего полтора года. У меня, наверное, характер дурной. Я имею глупость не соглашаться с тем, что меня не устраивает. И когда я понял, что отношение государства к культуре не смогу изменить, то сразу подал заявление об уходе. Сложно иметь дело с непрофессионалами…»

В ту пору к руководству страной и в самом деле пришли сплошные непрофессионалы, а то и вовсе люди нечистоплотные как в своих помыслах, так и в делах. Именно эти люди «раздербанили» страну, превратив ее в сырьевой придаток Запада. Естественно, и культура в подобной стране должна быть соответствующая — сырьевая, колониальная. Подобная «культура» нацелена на воспитание людей в духе потребительской морали, поскольку такими людьми легче управлять — по-настоящему культурный и образованный человек не позволит собой долго манипулировать. Поэтому было бы странно, что такой человек, как Юрий Соломин, согласился бы участвовать в насаждении подобной «культуры». Как только он разобрался, в какую историю влип, так тут же из нее и вышел.

В 90-е годы Соломин в основном играл на сцене Малого театра и лишь изредка снимался в кино, причем все его кинороли выпали на самое начало того десятилетия. Всего он тогда записал на свой счет пять фильмов: «Анна Карамазофф» (1991; генерал-полковник), т/ф «Привал странников» (Владлен Андреевич Греков), «В начале было слово» (Святослав), «Сны о России» (граф), «Покаянная любовь» (все — 1992).

В 1995 году Соломин возглавил фонд «Покровский собор». Благодаря стараниям этого фонда были собраны деньги для реставрации собора Василия Блаженного.

В 1996 году, к 100-летию кино, Соломину была вручена премия «Золотой Овен». Такую премию получили всего лишь несколько наших звезд: Н. Мордюкова, В. Тихонов, О. Табаков и Ю. Соломин.

Но оставим на время творческие дела нашего героя и поговорим о его семье.

Дарья Соломина по родительской стезе не пошла. Еще в 1970 году на гонорар от «Адъютанта…» родители купили дочери рояль, и Даша увлеклась музыкой. Она окончила сначала

музыкальное училище, потом — консерваторию. Работала в оркестре Малого театра концертмейстером. В «Дяде Ване», где главную роль играл отец, исполняла партию рояля. В 80-е годы вышла замуж за музыканта, в 90-м родила дочь Александру.

Вспоминает Ю. Соломин: «Я прекрасно помню, как мы везли внучку из роддома, — мне казалось, что нет человека счастливее меня. Бабушка держала ее на руках, а я сидел за рулем. Я начал разговаривать с ней с самого ее рождения. После того как я осознал, что даже через шестьдесят лет помню все, что связано с арестом моего деда, я подумал, что, может, и внучка запомнит все, что я ей говорю. Когда сейчас выхожу в скверик гулять с собакой, со мной почти все здороваются. Меня там знают не только как артиста, но и как дедушку, который часто прогуливался с внучкой.

Сашенька была совсем не такая, как дочь. Она всем говорила: «У меня деда — известный артист», но когда видела, что ко мне подходят люди и здороваются, ее это удивляло.

У нее с детства был темперамент, любознательность, она из любой игры всегда устраивает спектакль. Когда была совсем маленькой, я записал, как она читает сказки Пушкина. Я даже принес эту запись студентам, чтобы они услышали, какая у нее интонация, с каким смыслом она делает паузы. Причем Саша при этом обязательно брала книгу и перелистывала страницы. Очень точно, там, где надо, хотя читать не умела…»

В 1996 году Дарья с мужем и дочерью переехали жить в Англию, где Дарья устроилась работать преподавателем музыки.

Соломин пишет: «Мы с женой воспитывали внучку до пяти лет, так что сейчас у нас без нее стало пусто. Мы очень по ней скучаем. Конечно, нам ее очень не хватает…»

В начале нового тысячелетия дочь и внучка вернулись на родину, чем, естественно, неслыханно обрадовали чету Соломиных. Здесь внучка поступила в Гнесинское музыкальное училище.

Однако, воссоединившись с дочерью и внучкой, Юрий Соломин потерял тогда другого близкого ему человека — родного брата Виталия. 27 мая (в месяц Близнецов!) 2002 года тот скончался. А началось все во время спектакля «Свадьба Кречинского» в филиале Малого театра на Большой Ордынке, где у Виталия была главная роль. Прямо на сцене актера сразил тяжелейший инсульт, который спустя почти две недели привел к летальному исходу.

Смерть В. Соломина комментировали многие его коллеги. Жестче всех высказался Евгений Жариков:

«Теперь госчиновники будут кричать: «Ах, умер во цвете лет!»

А ведь ничего удивительного в этом нет. Актеры в нашей стране вынуждены буквально выживать, разрываясь между театром, антрепризой, всевозможными халтурами и подработками. Если бы замечательный актер Виталий Соломин получал хотя бы один процент с выручки за показ фильма «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», ему не надо было бы работать на износ. Что же говорить о простых актерах, которые зарабатывают тысячу рублей в месяц!.. Так что смерть Виталия Соломина — это преднамеренное государственное убийство!»

В этом «убийстве» отдельные журналисты поспешили обвинить героя нашего рассказа — старшего брата актера Юрия Соломина. Дескать, он, будучи художественным руководителем Малого театра, не позволял брату развернуться в полную мощь его таланта. Но это была ложь, истоки которой лежали еще в событиях пятнадцатилетней давности, когда Юрий Мефодиевич был министром культуры РСФСР. В те годы беспринципного разрушения России и ее культуры Соломин был одним из немногих, кто пытался этому противостоять. За это он приобрел множество врагов в стане либералов-западников. Собственно, во многом благодаря их стараниям он и вынужден был подать в отставку. Но даже после этого врагов у него не убавилось. Именно они и родили на свет эту версию: о вражде двух братьев на почве творческого соперничества. Соперничество это, может, и было (на почве дисгармонии между Свиньей и Змеей), однако никакой вражды не было и в помине (Близнецы и Стрелец прекрасно ладят друг с другом). По этому поводу сам Юрий Соломин сказал следующее: «Есть суд высший, о котором следует подумать тем людям, которые даже после смерти брата пытаются меня с ним поссорить…»

В новом тысячелетии Соломин открыл для себя новый российский сериальный кинематограф. С момента воцарения в Кремле В. Путина (с марта 2000 года) российское «телемыло» вытеснило с голубых экранов «мыло» иностранное, и многие актеры из числа советских звезд посчитали не зазорным для себя участвовать в этом «мыловарении». Вот и герой нашего рассказа только за период с 2003 по 2010 год снялся в 12 подобных фильмах. Назовем их все: «Претендент» (главная роль — отставной адмирал), «Прощание в июне» (главная роль — ректор университета Репников) (оба — 2003), «Родина ждет» (генерал-лейтенант, один из руководителей ФСБ Владимир Тимофеевич Рокотов), «Московская сага» (главная роль — доктор Борис Николаевич Градов), «Чайка» (роль — Петр Николаевич Сорин) (все — 2004), «Поцелуи падших ангелов» (2007), «Мальтийский крест» (2008; Петр Алексеевич Долматов), «Непобедимый»

(генерал ФСБ Владимир Тимофеевич Рокотов), «Тяжелый песок» (Андрей Михайлович Дольский), «Исаев» (Владимир Александрович Владимиров), «Кромов» (Томилин) (все — 2009), «Точка кипения» (2010; Иван Матвеевич).

Больше всего либеральная пресса писала о «Московской саге», поскольку фильм был антисталинский, во-вторых — был экранизацией книги писателя-эмигранта Василия Аксенова (Гинзбурга). Кстати, фильм снимал соплеменник писателя Дмитрий Барщевский. Чуть позже сын Дмитрия, Антон (1968), пошедший по стопам отца, снимет еще один сериал — «Тяжелый песок», где Соломин тоже удостоится одной из ролей.

Помимо съемок в кино, Соломин по-прежнему преподает в Театральном училище имени Щепкина и играет в Малом театре, а также является его художественным руководителем (директором там Виктор Коршунов). По сути, в России это практически единственный театр (вместе с МХАТом имени Горького под руководством Т. Дорониной и «Содружеством актеров Таганки» с Н. Губенко), который продолжает лучшие традиции русского и советского театра с его гуманизмом и воспеванием в человеке добродетели, а не порока. Все же остальные театры страны (или большая их часть) опустились до уровня плинтуса, исследуя в своих постановках в основном мочеполовую систему человека. По словам Соломина:

«Театр для коллектива Малого в самом деле храм. Поэтому могу ли я как художественный руководитель позволить, чтобы в наших спектаклях выражались нецензурно или раздевались, что, к сожалению, все чаще происходит в иных театрах. Бог им судья, никого не собираюсь наставлять, но у нас этого не было и не будет. По крайней мере до тех пор, пока я у руководства…»

И далее: «Честно скажу, не понимаю я тех своих коллег, которые позволяют себе издеваться над классическими произведениями. Почему Раневская в «Вишневом саде» вдруг оказывается наркоманкой? Чехов же этого не писал! Или, скажем, «Лес» Островского эти «экспериментаторы» называют «Нужна драматическая актриса» и тоже переделывают на свой лад. Или в афише появляется никому не известная чеховская пьеса «Почему застрелился Константин». Завлекательно! А это, оказывается, «Чайка», но опять-таки «перелицованная»…»

Или вот еще: «Все-таки Россия уникальна своей духовностью, и, если в культуре от нее отказаться, не будет России.

С Запада за последние годы к нам пришло не лучшее. Как-то, еще в советское время, был я на кинофестивале в западной стране. И вот так совпало, что в одном зале кинотеатра шел наш фильм, а в другом — «Эммануэль». Помню, журналисты бегали из

одного зала в другой, а потом стали спрашивать меня: почему в том фильме «про это» есть, а у нас — нет? Мне же такая повышенная сексуальная озабоченность в искусстве казалась извращенной, абсолютно ненормальной, и я ответил: «Тот фильм для больных людей! И в тот зал билеты нужно не продавать, а выдавать по рецепту врача». Что ж, теперь и дома у себя до этого дожили…»

О том, какую позицию занимает в сегодняшнем культурном пространстве России Малый театр и его руковод-ство, верно написал в «Правде» В. Кожемяко. Цитирую:

«В свое время А. Островский написал следующее: «Театр должен держать знамя искусства высоко, не идти за модными направлениями, не подчиняться указаниям обезьянствующей критики. Он должен стоять указующим маяком во время шатания вкуса… Идеалы должны быть определенны и ясны, чтобы зрители знали, куда им обратить свои симпатии».

По-моему, сильно сказано. А уж более злободневно, пожалуй, и не скажешь. Потому что мы переживаем время небывалого шатания вкуса и потому что идеалы для многих настолько сбиты, спутаны, неопределенны и неясны или — еще хуже! — настолько ложны и ядовиты, что быть указующим маяком и высоко держать знамя подлинного искусства становится делом поистине спасительным. Малый театр сегодня так и понимает свое дело.

Как-то был у меня спор с коллегой, и она в полемическом запале выкрикнула: «Да что вы носитесь с этим своим Малым! Заурядный театр…» Это, конечно, она таким образом побольнее хотела меня уязвить. Но нет же, ни в коем случае не заурядный! Оставаться самим собой среди повального обезьянничанья, сохранить идеалы и знамя, противостоять распаду — такое не грех и подвигом назвать.

Где сегодня можете увидеть русскую классику в классическом исполнении? Прежде всего — в Малом театре. Добавлю еще МХАТ имени М. Горького, руководимый Татьяной Дорониной, который Юрий Соломин тоже ставит рядом со своим коллективом. Не в заурядный ряд, поскольку без их сопротивления вполне реальным может стать время, когда истинной классики вы на сцене и не увидите. Да уж нынче — пойдете в иной театр на «Лес», а увидите не Островского, а новомодного режиссера Серебренникова; пойдете на «Грозу», а там от Островского рожки да ножки, там лишь режиссерские (бредовые!) фантазии некоей Чусовой. Но почему-то, замечу, президент страны идет именно на этот спектакль (речь идет о В. Путине. — *Ф. Р.*)…

Существенная деталь. Если дома, в России, этот коллектив

размашисто изображали каким-то никому не нужным ретроградом, то интерес к нему «там», то есть за рубежом, все равно не уменьшился. Только за последнее время он был на гастролях во Франции и в Италии, в Голландии и Германии, в Южной Корее, Израиле, Латвии, причем всюду имел огромный успех. А в Японию, где показал уже почти всего Чехова, получил приглашение в пятый раз! С конкретной заявкой: привезти спектакли по Островскому и обязательно — «Власть тьмы» Толстого…»

И вновь приведу слова Юрия Соломина, где он оценивает сегодняшнее духовное состояние российского общества:

«Сегодня правит бал третье измерение. Это и не мужлан в тельняшке, но и не интеллигент. Это КАК БЫ интеллигент. Он как бы много знающий, как бы понимающий, как надо правильно жить другим. Но для себя он при этом делает все, как ему надо.

В пропаганде подобного образа не последнюю роль сыграло телевидение. Когда с экрана герои рекламных роликов тычут в меня пальцем: «Это твой стиль жизни», я ломаю телевизор. Или плюю. Потому что меня это раздражает. Ну что я, простой человек, должен сделать, чтобы этого стиля достичь? Чтобы купить ту дорогую машину или одежду, которую рекламируют каждый день? Убить, ограбить? Кого-то навязчивая реклама лишь нервирует, а кто-то действительно готов пойти на преступление, чтобы достичь этого миража…»

Но хватит о политике — поговорим о личной жизни нашего героя.

Известно, что Соломин активный собачник и в доме у него всегда жили собаки. Страна узнала об этом увлечении актера в октябре 2006 года, когда многие СМИ сообщили о том, что потерялась одна из четырех его собак — овчарка Маклай (видимо, названа так в честь Н. Миклухо-Маклая, роль которого Соломин сыграл в телефильме 1984 года). Журналисты просили людей помочь актеру в его беде. И сотни людей включились в эти поиски. В результате они увенчались успехом 4 ноября. Вот как об этом вспоминает сам актер:

«Тот день тоже был посвящен поискам Маклая. Я, моя жена и внучка Санька решили ехать в Щелково, откуда было больше всего звонков, хотя мы и не слишком верили в успешное завершение нашей экспедиции, ведь это в 20 километрах от нашей дачи в Валентиновке, и Маклай с его больными ногами сам не мог туда попасть. Приехав к рынку вечером, мы разделились: жена с внучкой пошли в одну сторону, я в другую. И вдруг звонок по сотовому — слышу рыдающий голос Саньки, которая, захлебываясь в слезах, еле выговаривает: «Маклай

нашелся». Естественно, я рванул к тому месту, где они находились.

Подбегаю и вижу: у ног моих дорогих девочек сидит Маклай, а вокруг его шеи вместо поводка повязан шарф внучки. Я бросился к нему, обнял, а он так тихо уткнулся мне в колени и даже не скулит, словно человек, перенесший сильную психологическую травму.

Уже находясь в машине, которая везла нас в Валентиновку, жена рассказала, как они нашли Маклая. Пройдя весь рынок, они поговорили с продавцами, видевшими похожую на Маклая собаку, и те указали на мост, куда она побежала. Санька бросилась туда, перешла через мост и увидела на берегу реки кучу ящиков, среди которых и лежала усталая овчарка. Позвала по имени, и это оказался Маклай, с которым она в детстве буквально ела из одной миски. Пес сильно отощал, и было видно, что он потерял всякую надежду на спасение, все-таки четырнадцать дней прошло, как он оказался в этих местах…

На следующий день я показал Маклая врачам. С ногами у него было плохо. Похоже, пес перенес травму позвоночника. Жена стала его гладить и заметила на шерсти как будто следы от свечки. Но это был воск, который содержится в автополироле. Видимо, Маклая держали в гараже. Наверное, хотели продать — он ведь породистый. А когда портрет Маклая растиражировали, похитители решили выпустить его от греха подальше…

После этой истории я в очередной раз убедился, сколько же у нас добрых людей, и это неправда, что наш народ ожесточился. Спасибо им за ту доброту, которую они проявили к моей семье, потому что Маклай — тоже член нашей семьи, как и три другие собаки…»

Отметим, что на тот момент дома у артиста был целый зверинец: три собаки (Маклай, Лушка, Валет) и пять кошек (Дуся, Алик, Машка, Сильва и Аркаша).

А теперь приведу отрывки из интервью Ю. Соломина различным изданиям.

Газета «Правда» (номер от 18 апреля 2008 года, автор — В. Кожемяко):

«Критиковать наше прошлое — уже достаточно. Ругать тех, кто в чем-то виноват, — тоже достаточно. Есть, разумеется, кого и в чем обвинять. Но если повторять это бесконечно, если изо дня в день твердить в адрес старших поколений одно и то же: вот вы семьдесят лет не то делали…

Я не могу обвинять своего отца. Я не могу обвинять своих дедов. Я не могу обвинять тех людей, у которых учился. Почему? Да потому, что они ничего плохого не делали.

Я не против правды, даже если она самая горькая. Но вопрос: а всегда ли это правда? Ведь разговор нередко идет на уровне слухов: «Я видел какой-то документ…» И потом, если сплошной негатив обрушивается на головы молодых в таких количествах, многие могут не выдержать. И не выдерживают. Многие могут озлобиться — и озлобляются…»

Газета «Известия» (номер от 30 апреля 2008-го, автор — Е. Самойлов):

«Я живу то в Москве, то на даче. Пятьдесят на пятьдесят. Когда я был маленький, никак не мог понять отца, который любил утром рано вставать и идти в лес. Он меня всегда таскал с собой, а я не хотел и не мог физически — на меня не очень хорошо действовал шум деревьев. Теперь, когда я сам стал дедушкой, сижу и слушаю этот шум. В свое время решение одной из важных сцен в «Трех сестрах» Чехова мне подсказал дождь: по железной крыше капали крупные капли, я вышел на улицу, долго стоял и смотрел на них. Они и привели меня к какому-то решению.

На даче можно отдохнуть от всех: жизнь-то моя на виду, профессия эмоциональная, от нее быстро устаешь. Так что я еду за город, когда у меня есть возможность. Вместе с семьей редко получается выбраться — все работают. Там мне хорошо — я могу просто долго сидеть на веранде и наблюдать, там у меня собаки и кошки. Я с ними разговариваю, общаюсь. Это ведь некий мир, задающий определенный тон и навевающий мысли».

А вот как описала в «Московском комсомольце» (номер от 11 марта 2009-го) дачное житье-бытье Соломина журналистка Е. Светлова:

«Вечером Юрий Мефодьевич поедет привычным маршрутом в свою подмосковную деревню. Зайдет в местный магазинчик за ливерной колбасой — любимым собачьим лакомством. Из дома навстречу радостно выбегут Маклай, Лушка и Валет, устроят столпотворение в дверях, словно Бобчинский и Добчинский. Но всех перехитрит кошка Машка, которая сиганет через всю стаю и первая повиснет на хозяине. Он усядется в кресло перед телевизором, чтобы посмотреть новости, а кошки пристроятся поближе — кто на грудь, кто на колени, и Юрий Мефодьевич не заметит, как уснет под их мурлыканье».

Первый красавец (Олег Янковский)

Олег Янковский родился в городе Джезказгане Казахской ССР 23 февраля 1944 года. Его отец и мать были потомственными дворянами (по отцовской линии — польские, по материнской — русские). Отец служил штабс-капитаном в Семеновском полку, в Гражданскую войну перешел на сторону красных и воевал под началом М. Тухачевского. Однако в 30-е годы он был репрессирован и вместе с семьей отправлен в ссылку в Казахстан. В Джезказгане он дослужился до начальника строительства.

На момент рождения Олега в семье Янковских было уже двое мальчиков: Ростислав (1930) и Николай (1941). По словам Олега, первые годы жизни ему запомнились счастливыми и безмятежными, несмотря на то что время было тяжелое, военное. Актер вспоминал:

«А потом в одночасье все кончилось: отца в очередной раз забрали, мать, которая никогда прежде не работала, осталась с тремя детьми на руках. Так что коньки, велосипед или — чуть позже — загадочный мир, мерцавший за соседскими стеклами пузатой линзой первого телевизора, — все это существовало не для нас. Но мы даже не испытывали зависти, потому что хотеть этих роскошных вещей было нельзя, не принято, не полагалось…»

После ареста отца (а это произошло, когда семья жила уже в Таджикистане) семья Янковских распалась: старший сын Ростислав уехал в Минск (на родину отца), работать актером в Русский драмтеатр, а мать с Николаем и Олегом уехали в Саратов (в 1953 году, тогда же умер и отец мальчиков). Там они жили буквально впроголодь. Николай подавал большие надежды как актер (его даже приглашал в Слоновское театральное училище знаменитый педагог Сальников), однако он не мог бросить свою семью и устроился работать кузнецом. Его зарплаты едва хватало, чтобы прокормить себя, жену, мать, бабушку и младшего брата Олега. По мере сил присылал деньги из Минска старший брат Ростислав. Но и этих денег едва хватало, чтобы сводить концы с концами.

Когда жить стало совсем невмоготу, Ростислав забрал Олега к себе в Минск (на календаре был 1958 год). Хотя и у него жизнь складывалась не сладко. Вместе с женой они жили в мансарде театрального здания, а если точнее — в гримерке. Пожарные периодически выгоняли их оттуда, они поживут чуть-чуть в гостинице и обратно возвращаются, на старое место. Вместе с ними стал теперь жить и Олег. Несмотря на то что его брат был актером, Олега в те годы тянул к себе футбол, и он подавал

большие надежды в этом виде спорта. Но от судьбы, как говорится, не уйдешь. Однажды в театре заболела молодая актриса-травести, игравшая в пьесе А. Салынского «Барабанщица» роль мальчика Эдика, и ей срочно пришлось искать замену. Тут под руку режиссера и подвернулся юный Олег. Так как роль была из разряда «кушать подано», подростку доверили ее без всякого страха. И он действительно не подвел коллектив, справился. С этого момента в жизнь Янковского всерьез вошел театр.

Тогда же он впервые серьезно влюбился. Причем девушка была старше его на пять лет (1939) и была студенткой Института физкультуры (фехтовальщица). Звали ее Лиля Голод. Вот что она сама вспоминает об этом:

«Олег был младше меня и не входил в компанию моих ближайших друзей. Я видела, что ему очень хочется быть вместе с нами. Замечала, как он издалека смотрит на меня, но его робкие попытки ухаживать только смешили. Он был очень застенчивым, боялся ко мне подойти. Иногда мы ездили с ним в одном троллейбусе: он — в школу, я — в институт. Видела, что он не сводит взгляда с меня, краснеет, смущается…

В память врезалась картинка: день, когда он все же решился заговорить со мной. Это было возле булочной в центре Минска. Олег в выглаженной рубашке, весь такой стройный, торжественный подходит. Отважился и сказал, что я очень красивая и нравлюсь ему. Сказал, что учится на артиста и докажет мне, что станет знаменитым и я еще буду им гордиться! Но я-то знала, что он вовсе не учится на артиста. Моя подруга Галя была пионервожатой в летнем лагере Олега и призналась: он просил ее не говорить мне, что он еще школьник. Ему хотелось быть старше своих лет, произвести на меня впечатление. Но для меня, студентки, он был обыкновенным мальчишкой. Он расстраивался, страдал. Посылал мне какие-то наивные открытки, записочки. Пытался затесаться в нашу «взрослую компанию». Иногда мы с ним общались. Мы оба были «стиляги». Такие бесстрашные, отважные, хотелось подвигов и романтики!.. Но никаких серьезных планов насчет его я не строила. Потом он уехал в Саратов, а я вышла замуж…»

В Саратов Янковский вернулся, закончив 10 классов — в 1961 году. Там он встал перед дилеммой — куда поступать? Выбор стоял между медицинским училищем и театральным. В конце концов Янковский выбрал последнее и поступил в Саратовское театральное училище.

По свидетельству очевидцев, будучи студентом театрального училища, Янковский никого своим дарованием не покорял и считался твердым середнячком. Поэтому в годы его ученичества,

глядя на него, вряд ли кто-нибудь из знавших его товарищей мог предположить, что через каких-нибудь пять-шесть лет Янковский станет одним из самых популярных актеров советского кино. Но факт остается фактом.

Окончив училище в 1965 году (его дипломной работой был Тузенбах), Янковский был принят в труппу Саратовского драматического театра имени Карла Маркса. Причем устроили его туда по блату, а в качестве его протеже выступила его молодая жена Людмила Зорина (1 мая 1941 года), которая уже числилась в труппе этого театра.

Знакомство молодых людей произошло не в театре, где они вместе работали, а в… цирке. По словам самого актера:

«Мы были студентами Саратовского театрального училища, но нас свел цирк. Людмила училась курсом старше, когда нас пригласили вести праздничную программу 7 ноября. А в отличие от драматического театра в цирке были семейные гримерные (поскольку было много семейных номеров), без разделения на женские и мужские. Нас вместе и устроили в одну гримерную и как-то сочли, что мы муж и жена. И вот начался у нас роман…»

Первые годы своей работы в театре Янковский был на вторых, а то и на третьих ролях. А его жена довольно быстро стала звездой, причем не только в театре, но и в кино: ее дебют там произошел в 1965 году, когда она сыграла одну из ролей в фильме «Лебедев против Лебедева». В итоге Янковского тогда называли не иначе как «муж актрисы Зориной». Это сильно било по его мужскому самолюбию и заставляло работать засучив рукава. И это принесло свои плоды.

Переломным в судьбе Янковского стал 1966 год. Именно тогда он сыграл свою первую крупную роль в театре — Ненилло в спектакле «Рождество в доме синьора Купьелло». Тогда же в его жизнь вошел и большой кинематограф. Хотя вхождение в последний было не таким уж и гладким.

В том году Янковского пригласили сняться в одной из картин Литовской киностудии. Ее название мне неизвестно, поскольку она так и не была снята из-за досадной случайности. По словам самого Янковского, она снималась всего один (!) день. Затем оператор случайно утопил камеру в озере, и съемки пришлось прекратить. Премьера фильма так и не состоялась. Однако начало было положено.

После досадного случая в Литве прошло совсем немного времени, и в том же «лошадином» 66-м молодого актера заметила ассистент режиссера с «Мосфильма» Наталья Терпсихорова, занимавшаяся отбором актеров для фильма «Щит и меч» (между Тигром и Обезьяной может сложиться хорошая дружба, но более

близкие отношения не рекомендуются, причем для блага Тигра). Заметила вроде бы случайно, но на самом деле, конечно же, нет — этому сопутствовали звезды на небе, расположившиеся в выгодной для Янковского конфигурации. Дело было так.

Столичная гостья устроила смотрины для нескольких артистов саратовского театра в номере местной гостиницы, в которой она остановилась. Янковского она к себе не звала, однако в числе приглашенных оказался его друг по театру, который и взял его с собой. Пока друг проходил пробы, Янковский скучал в коридоре и совершенно не надеялся на то, что его заметят. Но Терпсихорова за день до этого, будучи в театре, обратила внимание на фотографию Янковского и запомнила его. И теперь поинтересовалась у вошедшего актера, кто такой этот Янковский. «А зачем я вам буду про него рассказывать, если он сейчас стоит за дверью в коридоре», — удивился актер и, с разрешения хозяйки номера, позвал друга. Так состоялось знакомство нашего героя с ассистенткой Басова. Знакомство закончилось вполне успешно — Терпсихорова сделала фотопробы Янковского и увезла их в Москву. Однако на этом тогда все дело и закончилось — долгожданного вызова из столицы так и не последовало. Янковский решил, что его встреча со столичной дамочкой закончилась провалом. Но он ошибся.

Тем же летом (в июле) саратовский драмтеатр отправился на гастроли во Львов. И надо же было такому случиться, но в этом же городе в те же дни находился режиссер фильма «Щит и меч» Владимир Басов. Более того, в один из дней он вместе со своей женой киноактрисой Валентиной Титовой пришел в тот же ресторан, в котором обедал и Янковский. Как гласит легенда, первым обратила внимание на молодого актера Титова. Едва Янковский появился в дверях заведения, она тронула мужа за руку и произнесла: «Я, кажется, нашла исполнителя на роль Генриха» (имеется в виду Генрих Шварцкопф из фильма «Щит и меч»). Басов посмотрел в ту же сторону, что и жена, но тут же недовольно покачал головой: «Такого лица у актеров не бывает. Этот молодой человек наверняка какой-нибудь физик или, на худой конец, филолог…» Подойти к молодому человеку и поинтересоваться, кто он на самом деле, ни у режиссера, ни у его жены догадки не хватило. На том они тогда и расстались. Но история на этом не закончилась.

21 июля Янковский внезапно получил вызов из Москвы от Натальи Терпсихоровой — ему надлежало явиться на кинопробы. Бросив все свои дела (а он находился с театром в Симферополе), актер отправился в столицу. Оказавшись на «Мосфильме», он как-то вошел в кабинет Владимира Басова. Режиссер сидел за столом

и увлеченно разглядывал фотографии актеров, прошедших пробы. Он был так увлечен этим делом, что в первую минуту не заметил вошедшего гостя. Но вот он наконец поднял глаза… и громко расхохотался. Для Янковского это было настолько неожиданно, что он опешил. А Басов вдруг вскочил со своего места и, схватив молодого актера в охапку, увлек его на улицу. «Мы должны немедленно съездить в одно место», — сообщил Басов и буквально впихнул ничего не понимающего Янковского в свой автомобиль.

Вскоре они приехали в один из уютных двориков в центре города, где на детской площадке мирно прогуливались со своими чадами несколько молодых мамаш. В одной из них Янковский, к своему удивлению, узнал Валентину Титову.

Когда они с Басовым вышли из машины и направились к Титовой, режиссер чуть ли не на весь двор закричал: «Ты была права — этот парень оказался артистом. Так что Генрих у нас уже есть!»

Согласно съемочному журналу, на ту же роль Генриха Шварцкопфа был еще один реальный кандидат — Валентин Смирнитский. Но взяли в итоге все-таки Янковского (утверждение случилось 26 августа). Однако и Смирнитский внакладе не остался: во-первых, его тоже взяли в эту картину (но на второстепенную роль), во-вторых — на том же «Мосфильме» он тогда же был утвержден в картину Юрия Чулюкина «Королевская регата». И вот там у него уже была главная роль.

Но вернемся к «Щиту и мечу».

Вспоминает С. Любшин (исполнитель главной роли — Белова — Вайса):

«Олег приехал на «Мосфильм» пробоваться. Волнуется. Пробы не получились. Я смотрю, он стоит в коридоре бледный, как мраморная колонна. Подходим мы тогда с оператором Павлом Лебешевым к режиссеру Владимиру Басову, говорим: «Посмотри, как этот парень страдает. Надо его утвердить». И Басов утвердил Олега…»

Съемки фильма начались в Риге именно с эпизодов с участием Янковского и Любшина. На календаре было 23 сентября 1966 года — в тот день снимали эпизод «на берегу». Затем 26-го снимали тех же героев на шоссе, 29-го — в городе, 30-го — во дворе автомастерской. Съемки с Янковским длились до 10 октября, а на следующий день он улетел в Саратов — играть спектакли.

На съемочной площадке он вновь объявился 28 октября, но уже в Калининграде, где снимали сцены возле отеля и внутри него, а также железнодорожный узел. 31 октября Янковский снова

улетел в Саратов. Больше в том году съемочных дней не было.

На съемках актер вновь объявился сразу после встречи нового 1967 года — 3 января. В 10-м павильоне «Мосфильма» снимали сцены в квартире Генриха Шварцкопфа с участием Янковского и Любшина. Янковский пробыл в Москве до 10 января, после чего вернулся домой, в Саратов. На съемках он вновь объявится 30 января (снимали эпизод «квартира Бюхера»). Сцены с участием Янковского снимали до начала февраля.

14 февраля Янковский снимался в эпизоде «разведшкола», после чего вновь объявился на съемочной площадке только 17 марта (на два дня) и еще раз — 3 апреля (снимали эпизод «в штабе»). Короче, на протяжении всех съемок Янковскому приходилось буквально разрываться между Саратовом и Москвой. Впрочем, не только между ними. Тогда состоялась первая зарубежная гастроль Янковского, поскольку ряд сцен пришлось снимать в Восточном Берлине (ГДР) и Кракове (Польша). В первом Янковский побывал в период с 25 июня по 12 июля, во втором — с 30 августа по 22 сентября.

Но и это еще не все. В мае Янковского пригласили еще в одну мосфильмовскую картину, причем уже на главную роль. Речь идет о фильме Евгения Карелова «Служили два товарища», где наш герой был утвержден на роль красноармейца Некрасова, которого командование отправляет на аэроплане на позиции противника, чтобы тот с высоты птичьего полета заснял их на кинокамеру. По словам Янковского:

«Я играл там роль красноармейца Некрасова — личность замечательную. На ней лежал отпечаток трагического конца. Мне кажется, в этой картине я научился молчать. Мне работалось хорошо с Кареловым — мы понимали друг друга…»

Заметим, что Янковский сначала пробовался на роль поручика Брусенцова и под это дело пытался пристроить в картину и свою жену Людмилу Зорину (она приезжала вместе с ним на пробы), но из этого так ничего и не вышло — спор у нее выиграла Ия Саввина (их совместная проба состоялась 24 июля 1967 года).

Но вернемся к Олегу Янковскому.

Съемки в «Служили два товарища» начались для него с экспедиции в Измаил. Первый съемочный день датирован 14 августа, когда в «Щите и мече» у нашего героя возникла пауза между двумя зарубежными экспедициями. В тот день съемочной площадкой стала деревня Броско, расположенная в 8 километрах от места, где дислоцировалась съемочная база. Снимали сцены, где Некрасов (Янковский) и его товарищ Карякин (Ролан Быков) попали в плен к бандитам.

22 августа снимали эпизод с отлетом Некрасова и Карякина на передовую к белым, а в следующие несколько дней уже засняли на пленку эпизоды с их же участием, но уже у штаба махновцев. В конце августа Янковский покинул Измаил и улетел на съемки «Щита и меча» в Польшу.

В Измаил Янковский вернулся 26 сентября и уже на следующий день начал сниматься в эпизоде «село». 29–30 сентября и 1–3 октября снимали побег Некрасова и Карякина из бандитского плена на тачанке и погоню за ними. Параллельно снимали эпизоды на Сиваше — Турецкий вал. 7 октября Янковский уехал в Москву — 12 октября он снимался в эпизоде «комплекс «Варшава».

18 октября он снова был в Измаиле и снимался в сценах на Турецком валу. 21-го снова вернулся в Москву, чтобы начать речевое озвучание роли Генриха Шварцкопфа. 26 октября он снова объявился на съемочной площадке «Служили два товарища» — снимали эпизод «у мельницы». На следующий день опять снимали куски из пребывания Некрасова и Карякина у махновцев и погоню за ними (у села Озерное). Потом Янковский вновь уехал в Москву.

В Измаил он вернулся 12 ноября. Два дня спустя начали снимать эпизод «лагерь латышей», 16-го — «аэродром». Наш герой снимался до 18 ноября, потом уехал домой, в Саратов.

24 ноября он вновь снимался в «Двух товарищах» (съемки проходили в Джанкое). В те дни сняли кульминацию картины — убийство Некрасова поручиком Брусенцовым (последнего играл Владимир Высоцкий). Помните: Некрасов и Карякин идут со своей частью по дороге, как вдруг раздается выстрел — Брусенцов последним патроном из винтовки с оптическим прицелом поражает в спину Некрасова. Причем друг поручика (его играл Вениамин Смехов) пытается отговорить его от этого выстрела, но тот непреклонен: дескать, хоть последнюю пулю использую по назначению — отправлю на тот свет еще одного красного.

На съемках «Двух товарищей» Янковский вновь объявился уже в новом году: 8 января 1968 года в павильоне № 6 «Мосфильма» снимали «лагерь латышей» (допрос комиссаршей, которую играла Алла Демидова, Некрасова и Карякина). Для Янковского эти съемки длились до 10 января, после чего он вернулся в Саратов. 15 января он должен был вернуться в Москву, но руководство театра его не отпустило: дескать, и так часто ездишь на съемки, надо и о театре подумать. В итоге в Саратов вынужден был приехать второй режиссер Парамонов. И только после его появления Янковского отпустили на съемки. 17 января он уже снимался на «Мосфильме» (эпизод «штаб Махно»). Потом

он снова уехал в Саратов, а 22–24 января снова снимался. Затем были съемки 31 января («штаб дивизии» — там Некрасов отчитывался о своем полете к белым), 5–6 февраля («штаб дивизии»), 12–14 февраля («штаб дивизии»), 19–20 февраля («у штаба дивизии»). Отметим, что 20-го Янковский снимался сразу в двух фильмах: сначала у Карелова («у штаба дивизии»), потом у Басова («у медсалона»).

Это были практически последние съемочные дни у Янковского в обоих фильмах. Так, в «Щите и мече» он отснялся еще 6, 12 и 14 марта (эпизоды «на аэродроме»), а в «Служили два товарища» — 30 марта (под Одессой были досняты сцены из эпизода «погоня бандитов за Некрасовым и Карякиным»).

Гонорары Янковского за оба фильма распределились следующим образом: за «Щит и меч» (четыре фильма) — 2 тысячи 092 рубля, за «Служили два товарища» — 1 тысяча 710 рублей. Общий итог: 3 тысячи 802 рубля. По советским меркам весьма неплохие деньги для молодого актера.

Таким образом, в 1968 году на экраны страны вышли сразу два фильма с его участием. Наибольший ажиотаж сопутствовал «Щиту и мечу», который стал подлинным фаворитом сезона — четыре его серии заняли 1 — 5-е места в прокате, собрав на просмотрах 68 млн. зрителей. Именно после этой премьеры Олег Янковский проснулся знаменитым. Любопытно отметить, что старший брат Олега, который, собственно, и открыл ему путь на сцену, долгое время не верил, что из него получится хороший актер. Но после того, как на экраны страны вышел «Щит и меч», он признал свою ошибку.

Что касается «Служили два товарища», то они собрали в кинотеатрах 22 миллиона 500 тысяч зрителей.

Но этим успехом тот «именной» для Янковского год не ограничился. Именно тогда он стал отцом: 10 октября 1968 года у них с Зориной родился мальчик, которого назвали Филиппом.

В 1969 году в жизни Янковского вновь возникла его первая юношеская любовь — Лиля Голод (как мы помним, наш герой был влюблен в нее в старших классах минской школы, но она его отвергла, поскольку была на 5 лет его старше). И вот теперь судьба повернулась иначе. К тому времени Янковский был уже популярным молодым артистом (как и обещал когда-то Лиле), а она только что развелась со своим первым мужем. Встреча двух бывших любовей произошла в том же Минске, куда Янковский приехал, чтобы сниматься в главной роли в белорусской картине «Я, Франциск Скорина».

Вспоминает Л. Голод: «Я все про него знала. Я не видала тогда еще фильмы «Щит и меч» и «Служили два товарища», но

уже знала, что он снялся в них и стал популярным. Тогда был журнал «Советский экран», и он внес Олега в десятку лучших актеров. Олег был счастлив, говорил об этом…

В Минске он жил в гостинице, мы созванивались, виделись. Я его познакомила со своими друзьями. Мы гуляли, ходили в кафе, вместе проводили время. Он мне сказал такую фразу: мол, ты была такая красивая. А я так пококетничала: «Что значит БЫЛА?»

Он проявлял ко мне интерес. К нему подходили за автографом, и мне было лестно быть рядом с ним…

Я на тот момент уже развелась с мужем. И — увлеклась Олегом. Вообще я влюбчивый человек… Мне было приятно внимание Олега. Нежный, внимательный, красивый. У него необыкновенное лицо, очень интересный человек!..»

Судя по всему, между бывшими влюбленными вновь вспыхнул роман. Однако, как показало будущее, для Янковского это было всего лишь обычной интрижкой на стороне, так свойственной мужчинам-Обезьянам. Уходить от своей жены с ребенком он не собирался, даже в мыслях этого тогда не держал. Вспомним гороскоп: «Мужчина-Обезьяна — искусный, пылкий любовник, но непостоянный. Он никогда не возвращается к старым любовницам, на пепелище. Его влекут все новые и новые блестящие игрушки…» Кстати, понимала это и Лиля. По ее словам:

«Он был женат, у него уже рос сын. Я не смела… Да и с его стороны не было каких-то глубоких чувств. Если бы это была безумная любовь… А я понимала: надо держать себя в руках! На чужом несчастье счастья не построишь.

К тому же я знала, что в роду Янковских семья — святое. Янковские, они все такие. У всех по одной жене…»

К началу 70-х творческая судьба Янковского складывалась весьма благоприятно. К тому времени в театре он сумел выбиться в лидеры и сыграл ряд прекрасных ролей: Дмитрия Николаевича в «Баловне судьбы» (1969), Светлова в «Тогда в Тегеране» (1970), Мышкина в «Идиоте» (1971), Мелузова в «Талантах и поклонниках» (1973). В кино на его счету были роли в фильмах: «Я, Франциск Скорина» (1970; главная роль — Франциск Скорина), «О любви» (главная роль — Андрей), «Расплата» (Алексей Платов), т/ф «Сохранившие огонь» (Семен), «Операция «Хольцауге» (Франк Риттер) (все — 1970), «Гонщики» (1972; главная роль — Николай Сергачев).

В «Гонщиках» судьба свела Янковского с замечательным актером Евгением Леоновым, который вскоре станет для него своего рода «крестным отцом». Дело в том, что в 1973 году Леонов совершил кардинальный шаг — ушел из Театра имени

Маяковского и оказался в труппе Театра имени Ленинского комсомола, которую тогда только что возглавил Марк Захаров. Новому режиссеру требовались молодые таланты, и, зная это, Леонов посоветовал ему обратить внимание на актера из Саратова Олега Янковского. Захаров так и поступил.

Однажды, когда Янковский оказался проездом в Москве, он позвонил ему и назначил встречу в одном из мест столицы. Янковский, как человек пунктуальный, к назначенному часу пришел, а вот Захаров нет. Как оказалось, из-за неотложных дел он не смог вырваться на встречу, а когда освободился, было уже поздно. Но Янковский не обиделся. В тот же день он позвонил Захарову домой, и они назначили новую встречу на следующий день.

На этот раз режиссер его не подвел, пришел вовремя и с ходу предложил Янковскому перейти к нему в театр. Предложение было заманчивым, но Янковский, стоит отдать ему честь, от прямого ответа уклонился, предложив сначала посмотреть его в деле — то есть на сцене. «У нас скоро начинаются гастроли в Ленинграде, — сообщил он Захарову. — И я приглашаю вас на один из моих спектаклей — «Идиот». Захаров пообещал прийти.

Просмотр оставил у режиссера двоякое впечатление. По его мнению, спектакль был неровным, однако игрой Янковского он остался доволен. Узнав об этом, актер наконец дал свое согласие перейти в Ленком.

Переехав в Москву, семья Янковских (три человека) какое-то время жила в 5-метровой комнатке театрального общежития и получала не самую высокую зарплату. Главным добытчиком в семье был, конечно же, Янковский, который «пахал» на двух работах — в театре и кино.

Дебютом Янковского в Ленкоме стала роль секретаря партийной организации на автозаводе в спектакле «Автоград XXI». Как напишут затем отдельные критики, «эта роль не стала победой молодого актера». Однако уже в следующей своей роли — Гансйорга — в спектакле «Ясновидящий» по роману Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак» Янковский сумел реабилитироваться и заслужить высокие похвалы.

В то же время кинематографическая судьба Янковского складывалась намного успешнее, чем сценическая. В 1974 году он попадает в поле зрения кинорежиссера, работать с которым мечтал любой актер Советского Союза. Речь идет об Андрее Тарковском. В автобиографическом фильме «Зеркало» он предложил Янковскому исполнить роль своего отца — Арсения Тарковского, а на роль себя самого (речь идет о детских годах Андрея) он утвердил сына Янковского — Филиппа. По словам О.

Янковского:

«Я взял в фильм сына, хотя нормальный человек, знающий кинематограф, в общем-то, не имеет права это делать. Я довольно жестоко поступил, застудил его там. Но, надеюсь, Бог меня простит…»

Десятилетие 1973–1983 годов можно смело назвать «временем Олега Янковского» в советском кинематографе. Такого количества ролей разного плана (актер снимался в пяти-шести фильмах в год) мало кто имеет из советских киноартистов. Вот лишь краткий перечень его работ: обобщенные образы Отца в «Зеркале» и Кондратия Рылеева в «Звезде пленительного счастья», уголовник «Князь» в телефильме «Сержант милиции», мятущийся Пряхин в «Чужих письмах» и невозмутимый и справедливый секретарь парткома в «Премии» (все — 1975), активный Тихон в «Сладкой женщине» и инертный Руслан в «Слове для защиты» (1977), статный и одновременно духовно страшный Сергей Камышев в «Моем ласковом и нежном звере», неиссякаемые на выдумки Волшебник в телефильме «Обыкновенное чудо» (оба — 1978) и Мюнхгаузен в телефильме «Тот самый Мюнхгаузен» (1979), циничный Семенов в телефильме «Мы, нижеподписавшиеся» (1980). Как писал затем режиссер Э. Лотяну:

«Наше кино, истосковавшееся по современному герою, с самого начала узрело в Янковском стремительно атакующее начало. Всем он показался милым, поджарым форвардом с открытым взором. Ему предлагали «атакующих» героев, сконструированных по отшлифованной до блеска колодке. Менялись только слова — зыбкость мысли сохранялась. Поступки героев были зачастую искусственными и необязательными, но от актера требовали энергичного участия, чтобы как-то сгладить нелепость происходящего. Ведь он форвард, он должен прорваться любой ценой к удачному решению. Забыли, что в Олеге Янковском живет сосредоточенный вратарь, что бегать туда-сюда вдоль и поперек поля не совсем его стихия, хотя если надо…

Олег Янковский — один из немногих актеров, для которых не существует больших и маленьких ролей, и это на деле, а не на словах… Он привел с собой на экран героя, которому веришь. Обремененный раздумьями и тревогой, он мыслит, волнуется, живет — и след его присутствия остается надолго в душе зрителя. Мне нравится молчание Янковского — я назвал бы его красноречивым…»

В те же годы могла круто измениться и личная жизнь Янковского. В 1976 году, во время съемок фильма «Сентиментальный роман», где он играл небольшую роль (Игорь

Городецкий), наш герой влюбился в актрису, игравшую одну из главных ролей (Зоя-большая) — Елену Проклову. Она на тот момент тоже была не свободна (в 1970 году вышла замуж за журналиста Виталия Мелик-Каримова, в 72-м родила дочь), однако к 76-му их брак уже превратился в чисто формальный. Поэтому все шло к тому, чтобы молодые люди связали свои судьбы воедино. Однако в итоге что-то у них не сложилось, и Янковский остался в прежней семье.

Были и другие «интрижки» в жизни Янковского той поры. Причем иные из них заканчивались для актера фиаско. Например, так было в июле 1979 года, когда Янковский снимался на «Мосфильме» в телефильме «Тот самый Мюнхгаузен». Вспоминает актриса Марина Яковлева:

«Когда я снималась в фильме «Сцены из семейной жизни», в соседнем павильоне Марк Захаров работал над картиной «Тот самый Мюнхгаузен». И ко мне в гримерку часто заглядывал очень известный артист, он снимался в главной роли (имеется в виду роль Мюнхгаузена. — *Ф. Р.*). Я была влюблена в него, но только как в артиста. А он однажды, встретив меня вечером у лифта, набросился с поцелуями! Я влепила ему такую затрещину, что он, пролетев метра три, упал навзничь. Невольным свидетелем этой сцены стал Александр Абдулов (он тоже снимался в «Том самом Мюнхгаузене». — *Ф. Р.*). Ошарашенный увиденным, со словами: «Не приставай к девочке. Пойдем-пойдем» — он поднял упавшую звезду и увел от греха подальше…»

В начале 80-х Янковский еще более укрепил свое положение в звездной табели о рангах, снявшись в целом «букете» фильмов-шедевров. Речь идет о картинах: т/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Собака Баскервилей» (1981; Стэплтон), «Влюблен по собственному желанию» (главная роль — Игорь Брагин), т/ф «Повести Белкина. Выстрел» (главная роль — Граф) (оба — 1982), «Полеты во сне и наяву» (главная роль — Сергей Макаров), т/ф «Дом, который построил Свифт» (главная роль — Свифт) (оба — 1983), «Ностальгия» (1984; главная роль — Андрей Горчаков).

Самым популярным из перечисленных выше фильмов суждено было стать «Влюбленному по собственному желанию» (25, 6 млн. зрителей, 11-е место), где Янковский играл некогда популярного спортсмена, а ныне — алкаша и бездельника, которого берется перевоспитать скромная и некрасивая женщина (ее роль исполняла Евгения Глушенко).

Однако сам Янковский (как и многие критики) лучшей своей ролью все же считал ту, что он сыграл в фильме «Полеты во сне и наяву». По его словам: «Я щемяще люблю Макарова из «Полетов

во сне и наяву», хотя не хотел бы разделить его судьбу. Он ведь сломанный человек. А что касается самой любимой сцены в кино — это проход со свечой в «Ностальгии». Ведь там не было сюжета — только метафора: рождение человека и его смерть. И все это, пока горит свеча».

Стоит отметить, что в оба фильма Янковский попал случайно. Начнем с первого. Сценаристом «Полетов…» был Виктор Мережко, который главную роль писал под своего приятеля Никиту Михалкова. Что было не случайно: во-первых, именно Михалков был инициатором написания сценария этого фильма. Это он год назад, когда они с Мережко работали над сценарием «Одинокий охотник», попросил его написать еще сценарий и для режиссера Романа Балаяна. Мережко сначала отказывался (сценарий для Киева, да еще для армянина?), но после того, как Михалков познакомил его с Балаяном, согласился.

Когда сценарий был готов и Мережко заикнулся, что главная роль писалась конкретно под Михалкова, Балаян внезапно заартачился: «Нэт, нэт, здэс нужен другой актер». И назвал фамилию Олега Янковского, которого он только что видел в телефильме Татьяны Лиозновой «Мы, нижеподписавшиеся…». Мережко вынужден был согласиться с режиссером, поскольку очень хотел увидеть свой сценарий экранизированным. Поэтому он запрятал далеко свою гордость и позвонил Янковскому.

Однако тот внезапно наотрез отказался сниматься. Так и сказал: «Армянин на студии Довженко — это слишком!» Но Мережко уговорил его хотя бы прочитать сценарий. Именно последний и решил исход дела. Янковский проглотил его одним махом, когда снимался в Таллине в «Собаке Баскервилей» (играл роль убийцы — Джека Стэплтона). А когда возвращался поездом в Москву, спросил у Михалкова, ехавшего в этом же поезде: «На Киевской киностудии есть режиссер Балаян, ты знаешь его?» И Михалков, на свою беду, ответил: «Если б я у кого-то и снимался, то только у Балаяна». Чем и решил колебания Янковского.

Вернувшись из Таллина, Михалков устроил на «Мосфильме» предварительный показ своего фильма «Родня» для избранных. Причем в зал, рассчитанный на сто человек, он пригласил в три раза больше. В итоге люди чуть ли не на головах друг у друга сидели. Мережко там тоже был и держал последнее свободное место для Янковского. А тот, едва войдя в зал, возьми да и крикни: «Виктор, ты гений! У Балаяна я готов сниматься хоть задаром!» Мережко был в ужасе, поскольку Михалкову он ничего про вариант с Янковским еще не говорил. Но тут произошло неожиданное: Михалков, сидевший впереди Мережко, повернулся к нему и сказал: «Вить, не суетись, я уже все знаю».

Как ни болезненно воспринял Михалков всю эту историю, однако он нашел в себе силы не только простить «интриганов», но даже согласился сыграть в «Полетах…» эпизодическую роль — кинорежиссера. Во многом потому, что все эти люди были либо из одной зодиакальной команды, либо просто хорошо гармонировали друг с другом по тем же знакам.

Что касается «Ностальгии», то там ситуация выглядела следующим образом. Главная роль в фильме предназначалась для любимого актера Тарковского Анатолия Солоницына, но тот в июне 1982 года внезапно скончался (у него был рак). Режиссер встал перед выбором, кого пригласить вместо него, и в конце концов остановился на Янковском, хотя поступить иначе у него имелись причины. Почему?

Дело в том, что к тому времени у Тарковского отношения с Олегом испортились. Еще в 1977 году Тарковский собирался ставить в театре «Гамлета», и Янковский предложил это сделать в Ленкоме. Естественно, с прицелом на то, что главная роль достанется ему. Начался подготовительный период, все шло нормально, и вдруг Тарковский заявил, что Гамлета должен играть Солоницын, а Янковский — Лаэрта. В актере взыграло самолюбие, и он вообще отказался работать с Тарковским. Но и последнего понять тоже было можно. Делал он это не из большой любви к Солоницыну (ее между ними как раз и не было), а в силу служебной необходимости. Скрупулезный характер Солоницына во многом способствовал успеху большинства фильмов Тарковского, начиная от «Андрея Рублева» (1966) и заканчивая «Сталкером» (1980). Но Янковскому эти расклады были, что называется, до лампочки. Короче, он обиделся и в течение нескольких лет с Тарковским не общался. Пока тот внезапно сам ему не позвонил и не предложил сняться в «Ностальгии». Янковский решил не помнить зла — как-никак зодиакальные «родственники». Так он попал на главную роль в «Ностальгию». На Каннском кинофестивале в 1983 году фильм был отмечен призом.

О. Янковский вспоминает: «После этого у нас с Тарковским было много планов. Он хотел «Гамлета» в кино со мной сделать. Прибежал однажды на озвучание возбужденный: «Олег, давай учи «Гамлета» на английском — есть деньги». — «С ума сошел, как можно Гамлета на английском выучить?» В «Ностальгии» я свою роль играл на итальянском, но Гамлета… Он сказал: «Нет, выучи только один монолог «Быть или не быть?». Как он хотел снимать, я могу сейчас только догадываться…

Я должен был играть у него и в «Жертвоприношении». Но он уже был невозвращенец, и меня не пустили сниматься. Когда

обращались в Госкино через официальные инстанции, отвечали: Янковский занят, он не может…»

Действительно, как власти могли позволить, чтобы народный артист РСФСР Олег Янковский (это звание он получил в 1984 году) снимался в главной роли в фильме невозвращенца Тарковского?

Стоит отметить, что это звание актер получил, будучи беспартийным. Его в течение многих лет активно агитировали вступить в ряды КПСС, но он каждый раз находил повод, чтобы дипломатично отказаться. А ведь на сцене Ленкома в спектакле «Синие кони на красной траве» он играл самого вождя мирового пролетариата — Ленина! Правда, без всякого грима и в современном костюме, что было весьма необычно.

В 1986 году Янковский наконец сыграл долгожданную роль — принца датского Гамлета в постановке Глеба Панфилова. Однако критика в пух и прах разнесла «Гамлета», фактически не оставив на нем живого места. Особенно досталось Янковскому, участие которого критика оценила как работу… статиста. После этих «похвал» актер даже собирался… наложить на себя руки (по его же словам) — так муторно было тогда у него на душе. К счастью, трагедии не произошло.

Осенью 1987 года судьба свела Янковского с недавним 1-м секретарем МГК КПСС и членом Политбюро ЦК КПСС Борисом Ельциным. Причем произошло это на театральной сцене. Вот как сам актер вспоминал об этом:

«В спектакле «Диктатура совести» по пьесе Михаила Шатрова я играл Постороннего человека, который как бы наблюдает за происходящим на сцене и включает зал в обсуждение злободневных тем. Перед началом спектакля мне всегда сообщали, кто из высоких гостей пожаловал к нам на этот раз, я соответственно готовился и затем уже напрямую обращался с вопросами именно к этим людям… И вот однажды на спектакль пришел Ельцин. Я узнал об этом за пять минут до выхода на сцену. Бориса Николаевича всего несколько дней назад сняли с должности первого секретаря горкома, общаться с опальным Ельциным не рекомендовалось, но я подошел… Это была бомба! В зале в тот вечер еще находились Юз Алешковский, Валерия Новодворская, публика стала требовать, чтобы Борис Николаевич поднялся на сцену. По сути, начался митинг. Я кое-как утихомирил зал и от имени собравшихся обратился к Ельцину: «Прокомментируйте лозунг: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». Борис Николаевич только развел руками. Спектакль продолжился, я же не сводил глаз с Ельцина и видел, что он думает над моим вопросом…»

В том же 87-м Янковскому была присуждена Государственная премия СССР за исполнение роли Макарова в фильме «Полеты во сне и наяву». Спрашивается, почему так поздно, если фильм был производства 82-го? Дело в том, что в разгаре была либеральная горбачевская «перестройка», приведшая к руководству советским кинематографом новых людей — тех самых либералов, которые были сродни герою «Полетов» — такие же запутавшиеся в себе и лишние для общества люди. Естественно, придя к власти, они тут же поспешили отметить своего киношного «клона» высшей государственной наградой (до этого государство награждало совсем иных героев — например, Михаила Ульянова за роль принципиального коммуниста в «Председателе» или Вячеслава Тихонова за роль гуманиста в «Белом Биме Черное ухо»).

Спустя год на Международном кинофестивале в испанском городе Вальядолиде Янковский был удостоен еще одной награды — премии за лучшее исполнение мужской роли в картине «Филер» (1988). Отметим, что оба фильма снял Роман Балаян — один из любимых режиссеров Янковского.

В 1989 году Янковскому досталась еще одна высокая награда — Государственная премия РСФСР за главную роль в фильме «Крейцерова соната». Этот фильм снял Михаил Швейцер. О своей работе в этой картине сам актер вспоминал следующее:

«Там многое построено на монологах. И каждый вечер я после съемочного дня (а он заканчивался часов в восемь-девять), если не было еще спектакля, до трех-четырех ночи учил текст — по две страницы Толстого ежедневно. Я благодарен супруге, которая ночами сидела вместе со мной и поправляла меня. Хотя с супругой всегда очень тяжело работать: кто, как не она, знает тебя, к тому же актриса-профессионал. Она делала мне замечания чисто творческие, я злился, срывался. Более тяжелой ситуации не помню в своей жизни — просто не мог дождаться, когда все это кончится. Другое дело, что результат получился хороший. Безумно люблю эту работу, считаю ее лучшей. Потому что в картине «Полеты во сне и наяву», за которую я получил столько комплиментов, работать было в радость — это наши дни, это мой герой, и в этом смысле я все про себя знаю. А тут Толстой, экстремальная ситуация — каждый день по три часа вводить себя в состояние человека, исповедующегося в убийстве собственной жены, — тяжелое дело».

Довершением этого каскада наград стало звание народного артиста СССР, которое Янковский получил буквально накануне развала великой страны — 21 декабря 1991 года (он стал 1010-м обладателем этого звания).

Таким образом, в конце 80-х годов Янковский сумел получить

многое из того, чем его обделили власти в 70-е (лишь в 1977 году его наградили премией Ленинского комсомола). Весь этот наградной «дождь» был не случаен, а прямо вытекал из той позиции, которую Янковский занял в те годы, — поддержка либерального курса. Несмотря на то что никаких значимых постов в новых киношных органах наш герой не занимал, однако публично он всегда поддерживал «новых» — тех самых либералов-перестройщиков, дорвавшихся до власти в мае 86-го (на 5-м съезде СК). Наш герой ставил свою подпись под письмами, которые призывали общество «разобраться с последствиями сталинщины, раскрыть преступный характер брежневского режима, назвать всех виновных в разорении державы, подавлении свободомыслия, разрушении основ нравственности…» (цитата из обращения либеральной интеллигенции образца сентября 1988 года, под которым поставили свои подписи, помимо Янковского, такие деятели, как Зиновий Гердт, Георгий и Аркадий Вайнеры, Борис Васильев, Станислав Говорухин, Илья Глазунов, Михаил Жванецкий, Марк Захаров, Виталий Коротич, Эльдар Рязанов, Наталья Фатеева, Александр Ширвиндт, Сергей Юрский и другие — числом около трех десятков).

Оставим на совести авторов подобных обращений определение брежневского времени (а это целых 18 лет) как преступного. Задумаемся о другом — об абсурдности подобного документа. Ведь если была бы раскрыта «преступная» сущность брежневского режима, отвечать пришлось бы… большинству подписантов данного обращения, которые именно во времена того самого режима стали не просто знаменитыми, но суперзнаменитыми и много сил приложили, чтобы этот режим процветал. Это они — марки захаровы, эльдары рязановы, борисы васильевы, виталии коротичи, ильи глазуновы и т. д., имя которым легион, дорвавшись до больших высот, говорили одно, думали второе, а делали третье — то есть и были олицетворением самой вопиющей безнравственности. То же самое делал и Олег Янковский. Это же он в кино играл красноармейца Некрасова («Служили два товарища»), принципиального секретаря парткома («Премия»), а в театре самого Ленина («Революционный этюд»).

Кульминацией тогдашних либеральных телодвижений Янковского стало его участие в двух кинопроектах: фильмах «Убить Дракона» (1989) Марка Захарова и «Цареубийца» (1991) Карена Шахназарова.

В первом наш герой исполнил роль ужасного тирана и диктатора Дракона, пьющего кровь у своих подданных. Этим

фильмом его создатели пригвождали к позорному столбу не кого иного, как Сталина, который в перестроечные годы превратился в главную мишень для либералов-перестройщиков (впрочем, таковым он остается и поныне уже для постсоветских либералов).

Что касается «Цареубийцы», который был совместным советско-британским кинопроектом, то в нем Янковский сыграл роль императора Николая II. Фильм явно снимался для европейского зрителя и воспроизводил ту трактовку событий июля 1918 года (расстрел царской семьи), которая нужна была Западу (а также все тем же советским либералам) для осуждения большевистской власти как изначально преступной. Не случайно, что вторую главную роль в фильме (начальник расстрельной команды Юровский) играла западная «звезда» — Малколм Макдауэл. Объясняя идею своей картины, К. Шахназаров заявил следующее:

«Меня интересует особый вид людей, который существовал всегда. Это человек-палач. В революцию, как это ни горько, пришло много таких людей. Взамен возвышенного принципа — умереть ради идеи — они поставили другой: убить ради идеи. Любой ценой, любым числом жертв».

Ну что ж, мотивы вполне понятные. Хотя и элемент большого лукавства в этих словах тоже виден. Например, бросалось в глаза совпадение, о котором уже говорилось выше, — выход фильма и либеральная атака с обеих сторон (с советской и западной) на большевизм как учение. Наконец, было странно, что в этой атаке участвовал номенклатурный отпрыск — Шахназаров был сыном Георгия Шахназарова, которого многие тоже считали палачом, только духовным. Если Юровский вершил свой суд с помощью револьвера, то такие, как Г. Шахназаров, — с помощью идей. Еще в конце 50-х он примкнул к либеральному крылу в КПСС, которое методично, шаг за шагом вело страну в лоно западной цивилизации (а точнее, в ее иго). Поэтому не случайно, что во второй половине 80-х Шахназаров дослужился до поста помощника Михаила Горбачева — главного могильщика КПСС и всей страны в целом. Так что было бы логично со стороны сына-режиссера, после «Цареубийцы», снять еще одну «нетленку» — «Генсекоубийцы», где речь шла бы о таких деятелях, как его отец и К°. Это было бы кино похлеще «Фауста». И снова можно было бы пригласить на главные роли Олега Янковского и кого-нибудь из западных звезд. Но такое кино не родилось, поскольку не для этого либералы пришли к власти и провозгласили демократию, чтобы потом вытаскивать на свет божий свои грехи и грехи своих родителей. То ли дело чужие грехи.

Естественно, что после победы либеральной революции и

развала СССР все те, кто горячо поддерживал эти процессы, остались «на коне». Не стал исключением и Олег Янковский. В начале того десятилетия он был приглашен в Париж, где в спектакле ведущего французского режиссера Клода Режи «Падение» сыграл одну из главных ролей. С этим спектаклем он четыре месяца гастролировал по Франции, играя спектакль шесть раз в неделю. Позднее Янковский признается, что для него, актера репертуарного театра, который в этом смысле не насилует себя и играет в удовольствие, эта поденная работа на непонятном языке оказалась сродни шахтерскому труду.

В 1994 году Янковский сыграл Тригорина в чеховской «Чайке». Правда, эта постановка была решена в духе нового циничного времени — с перелицовкой классического текста. Например, герой Янковского в нем… «имел» на сцене двух женщин сразу. Вот как это описывает критик Н. Крымова:

«В финале первого действия под звуки марша дюжие молодцы в картузах и косоворотках выносят на сцену железную кровать. Тригорин должен буквально разоблачить себя. Сняв брюки, Олег Янковский при ярком свете иллюстрирует то, как Тригорин ухитряется и тут и там; и с Ниной, и с Аркадиной. Будь она неладна, эта кровать. Ее обсуждают в театральной Москве как сплетню…»

По сути, это было не столько разоблачение Тригорина, сколько самого Антона Павловича Чехова. Еще в 1897 году он писал о подобного рода разоблачителях следующее:

«Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все — евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее формы, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский; Гоголь уже не смешит ее…»

Последователи тех самых «критиков», о которых писал Чехов (в их число входят также режиссеры, сценаристы, музыканты и т. д.), в постсоветские годы вдоволь поглумились не только над Антоном Павловичем, но и над всей русской классикой. Отметим: именно над русской. Например, над Шолом-Алейхемом или Бабелем они подобных «экспериментов» себе не позволяли и не позволяют. Но вернемся к Янковскому.

Что касается кинематографа, то только за период 1992–1995 годов он снялся в шести фильмах, причем все они были совместными проектами: «Сны о России» (1992; Япония — Россия, роль — Лаксман), «Я — Иван, ты — Абрам» (1993; Франция —

Россия; роль — Граф), «Немой свидетель» (1994; Великобритания — ФРГ — Россия), «Первая любовь» (Россия — Германия; роль — Отец), «Роковые яйца» (Россия — Чехия; роль — Персиков), «Терра инкогнита» (Греция — Россия; роль — Писатель) (все — 1995).

Почти все эти фильмы в России не прокатывались, и поэтому большинству российских граждан были неизвестны (исключение — крепкий триллер Энтони Уоллера «Немой свидетель», где у Янковского была небольшая роль; фильм был удостоен премии «Жерардмер-96»). Однако гонорары за них выплачивались приличные, что, собственно, и было одной из существенных причин, чтобы в них сниматься. Ведь в ту лихую для страны годину (когда расстреливали из танков парламент, развязывали войну в Чечне и т. д.) большинству российских граждан (в том числе и актерам) приходилось несладко. Однако те, кто сумел вписаться в новые реалии, имели возможность жить достаточно вольготно.

Несмотря на то что ни в каких политических партиях Янковский не состоял, однако о его политическом кредо все были прекрасно осведомлены — ельцинист. Во-первых, потому что они были одной крови — оба «демократы», во-вторых — шустрая Обезьяна (Янковский) и энергичная Коза (Ельцин) хорошо понимают друг друга и могут составить весьма перспективный тандем. И он состоялся. На президентских выборах в июне 1996 года именно Олег Янковский стал доверенным лицом Ельцина, поскольку эта поддержка сулила актеру большие дивиденды. И даже то, что эти выборы стали самыми фальсифицированными за всю историю России (массовый подкуп людей деньгами из «коробки из-под ксерокса», фальсификация бюллетеней и т. д.), не поколебало уверенности представителей российского бомонда в том, что они сделали правильный выбор. По словам Янковского:

«Я никогда не занимался политикой, хотя мне предлагали и баллотироваться в депутаты, и быть советником по культуре. Но нет, я — актер. Политика — это очень серьезно. А то, что я стал доверенным лицом Б. Ельцина на выборах 16 июня 1996 года, — другое. Это мой выбор. Когда в свое время я получил из рук Бориса Николаевича орден, это дало повод Николаю Губенко обвинить меня в том, что я куплен нынешней властью. Будто Губенко не имел наград от прежних правителей!.. (Отметим, что Губенко, в конце 80-х активно поддерживавший либералов, в начале 90-х от них решительно отмежевался и вернулся в лоно компартии. — *Ф. Р.*)».

Но оставим на время творческую «кухню» Олега Янковского и поговорим о личном. 30 октября 1990 года он стал дедом — у

него родился внук Иван. Этот «подарок» супругам Янковским преподнес их сын Филипп, который незадолго до этого женился на бывшей победительнице конкурса красоты Оксане Фандере (7 ноября 1967 года).

Заметим, что Фандера тоже происходила из актерской семьи (ее отец, Олег Фандера, был известным актером в Одессе), однако свою карьеру построила на ином — в 1988 году она приняла участие в одном из первых в СССР конкурсе красоты. Благодаря участию в нем (заняла 2-е место) ее заметили, и в 1989 году она снялась в своем первом фильме — детективе «Дураки умирают по пятницам» (правда, ее роль в нем озвучивала другая актриса — Марина Неелова). Тогда же она познакомилась с Филиппом Янковским и вышла за него замуж (в 1994 году у них родится второй ребенок — дочь Лиза).

Что касается Филиппа, то он, придя в кино в четырехлетнем возрасте («Зеркало»), следом снялся еще в одной ленте — «Под каменным небом» (1974). Затем наступил долгий перерыв. В 1982 году Ролан Быков утвердил его на одну из главных ролей в свою картину «Чучело», но Филипп в итоге от роли отказался, предпочтя ей учебу. И только в конце 80-х его актерская карьера возобновилась, причем достаточно активно. Он снялся в фильмах: «Сентиментальное путешествие на картошку» (1987; главная роль), «Филер» (1988), «Афганский излом» (1991), «Сны о России» (1992).

В 1990 году Янковский-младший окончил Школу-студию МХАТ (курс Олега Табакова) и сразу же пошел на режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Владимира Наумова). Все было закономерно, учитывая родословную Филиппа. Правда, первые несколько лет он большое кино не снимал, предпочитая более прибыльное дело — съемки рекламных роликов. Он организовал собственную компанию «Кинофабрика» и снял на ней порядка пяти десятков клипов.

Но вернемся к Янковскому-старшему.

Со второй половины 90-х совместных кинопроектов у Янковского почти не осталось (разве что французская «Алиса» Дидье Гольдшмидта). Поэтому он снимался в российских проектах: «Ревизор» (1996; роль — Ляпкин-Тяпкин), «Райское яблочко» (1998; роль — Жора), «Китайский сервиз» (1999; роль — Граф).

Приведу несколько отрывков из тогдашних интервью О. Янковского:

«Я долго не понимал, почему нравлюсь женщинам. Пионервожатая в школе в Минске мне впервые сказала: «Какие у тебя глаза красивые». Обращаясь как к ребенку. Я это тогда как

следует не воспринял. В общем, многое из того, что потом писали обо мне критики, впервые я услышал от девчонок…

Описывать свои любовные похождения не буду, врать, что всегда хранил верность жене, тоже. Зачем обижать Людмилу? У меня замечательная супруга. Что было между нами, там и останется…

У меня раньше не было дачи. Сейчас построил в Барвихе двухэтажный дом и вбухал в него все, что копил с момента съемок у Тарковского в «Ностальгии». И я горжусь этим домом. Я не ожидал от себя такого подвига. Хотя, откровенно, я и сегодня не построил бы дачу, если бы не помощь очень многих людей: кто-то кирпич подбросит по себестоимости, кто-то со скидкой дерево отдаст. Спасибо друзьям…

Мне уже шестой десяток пошел, не для себя, получается, старался — для детей, внуков. И дерево свое я успел посадить…

Внуков у меня двое: Ивану уже шесть лет, а Лизоньке — два года. Иван, конечно, гордится, что его дед — актер, но с другой стороны — во время наших прогулок ревнует к поклонникам: «Опять ты занят, опять даешь автографы…»

Я люблю не только костюмы, галстуки, но и вольные вещи тоже. Не люблю узкие джинсы, хотя носил их, поскольку все носили. Предпочитаю все свободное, широкое. Почему-то считается, что галстук — несвобода. Но когда он мудро завязан, то и пространство есть. Умение правильно одеваться, как и вкус, дается от рождения.

Одеваюсь я за границей. Есть ряд домов, которые мне нравятся, — Черрути, Армани, — хотя в тот или иной сезон их линии могут и не вдохновлять. Какой-то период одевался «от Кензо»…

Жене я помогаю в хозяйстве. Завозить продукты — это на мне, поскольку я на машине. Но это просто: я чисто по-европейски раз в две недели набиваю багажник — и все. Базары не люблю — жена обожает. А я в машине сижу.

Я, кстати, и раньше всех родственников обеспечивал продуктами. Из Москвы в Саратов вез апельсины, другие деликатесы. Прекрасно помню, как с пустыми чемоданами — туда, с набитыми — обратно. Целое десятилетие. Потом первые годы в Москве — это тоже чемоданы вещей: я рано стал ездить за границу…

Для меня самый неприятный момент, как ни парадоксально, когда целиком свободен. То есть я вроде бы жду его, но подсознательно испытываю дискомфорт. Я рано вошел в этот круговорот, мальчишкой, и востребованность временами доходила до абсурда. Вечером — театр, ночью — съемки, и

действительно — по шесть картин в год плюс театр. Но это как на фронте: люди шли, шли, не болели, а потом приходили после войны и заболевали. Здесь то же самое: востребованному артисту противопоказано останавливаться…»

А теперь скажем несколько слов о многочисленной родне нашего героя.

Старший брат артиста — Ростислав Янковский — по-прежнему работал на сцене Русского драматического театра имени Горького в Минске. Одна из лучших его ролей — в «Макбете». Российские зрители помнят его и как киноактера по фильмам: «Служили два товарища» (1968), «Ватерлоо» (1971), «Ребро Адама» (1991) и др.

Его старший сын — Игорь Янковский — окончил Щукинское театральное училище и одно время работал в Театре на Малой Бронной. Снимался в кино (одна из первых ролей в телефильме «Приключения принца Флоризеля» (1980). В 90-е годы он ушел в бизнес — возглавлял фирму «Максима».

Младший сын — Владимир — окончил театральный институт, но затем ушел в рекламу: снимал клипы.

Средний брат Олега — Николай Янковский — одно время руководил самодеятельностью во Дворце культуры в Саратове, затем стал его директором. Ему присвоено звание заслуженного работника культуры России.

И вновь вернемся к Олегу Янковскому.

В 2000 году он решил попробовать себя в кинорежиссуре — снял (и сыграл главную роль) мелодраму «Приходи на меня посмотреть» (в тандеме с режиссером Михаилом Аграновичем, с которым он познакомился во время съемок «Крейцеровой сонаты», где Агранович был вторым режиссером). Это была камерная картина, где всего было три персонажа: мужчина и две женщины (пожилая мать и ее уже достаточно взрослая дочь). Волею судьбы мужчина случайно попадал в их квартиру, влюблялся в дочь и оставался в ее семье. По словам Янковского, сам он не большой поборник такого рода фильмов, но на фоне той «чернухи», которая хлынула на российские экраны в 90-е (кстати, не без участия его самого, как сторонника либеральных реформ и доверенного лица главного реформатора Б. Ельцина), решил реабилитироваться — снял камерную мелодраму.

Скажем прямо, неплохое получилось кино. Другое дело, что его мало кто тогда увидел — российский кинопрокат в основном ориентируется на западный «масс-культ».

Еще в 1993 году Янковский согласился стать президентом нового кинофестиваля «Кинотавр» (Сочи). Его компаньоном там был основатель данного киношного мероприятия продюсер Марк

Рудинштейн. Чуть позже именно он поведает широкой общественности о нелицеприятных сторонах деятельности Янковского на этом фестивале. Но это, повторимся, будет чуть потом, а пока в российской прессе было принято писать о деятельности Янковского на посту президента «Кинотавра» исключительно в розовых тонах: дескать, старается человек, чтобы российское кино не захирело. Вот как, к примеру, это описывается в биографии Янковского, написанной С. Хохряковой:

«Олег Янковский — бессменный президент Открытого Российского кинофестиваля с 1993 года. Когда он только-только заступил на сей ответственный пост, его донимали вопросами, мол, почему он взвалил на себя эти заботы. Янковский отвечал, что если бы не он, так другой актер оказался бы на его месте. И вообще, кто же поможет кинематографистам, если не они сами. Говорил, что пора бы догнать Канны и Венецию в фестивальном деле, зажигать свои, отечественные звезды. Янковскому-президенту доставляет удовольствие то, что у актеров, побывавших на вверенном ему кинофестивале, выпрямляются спины в буквальном и переносном смысле. Тут они чувствуют гордость за свою профессию, любовь публики. Тут, на морском берегу, они набираются сил и здоровья…»

Как выяснится чуть позже, на «Кинотавре» у актеров выпрямлялись не только спины, но и кое-что еще. И пока одни из них (в основном жены) действительно набирались сил и здоровья на берегу, их именитые мужья растрачивали свои силы на совсем иных ристалищах. О чем идет речь?

Как поведает широкой общественности сам основатель «Кинотавра» Марк Рудинштейн (в интервью журналу «Караван историй»), оказывается, на фестивале имелись пять секретных гостиничных номеров, которые предназначались для особых встреч и ключи от которых выдавались (впрочем, и теперь выдаются) только тем участникам фестиваля, которых Рудинштейн внес в особый список. Под встречами понимался интим: прелюбодеяния кинозвезд с путанами или с кем-то из гостей (как говорится, на выбор). Как пишет Рудинштейн:

«Лежит, например, чья-нибудь жена на пляже, приобретает загар и даже не подозревает, чем ее благоверный сейчас в одном из номеров занимается. А если и заподозрит что-то, то застукать муженька на месте преступления у нее нет никаких шансов. Номера комнат каждый год разные и известны лишь мне и еще двум надежным людям. Больше никому…»

Не пожалел мемуарист и многих своих недавних коллег по кинематографу, рассказав множество нелицеприятных фактов о них. Досталось и актеру, в котором многие узнали Олега

Янковского (Рудинштейн зашифровал его под именем Народный). Цитирую:

«…На заре «Кинотавра» Михаил Лесин сказал при встрече:

— Слышал, просишь бюджетных денег на «Кинотавр». Я против: не смог ты собрать на своем фестивале элитное общество!

— Я подобной задачи не ставил. Для меня главное — достойно принять и накормить артистов. А уж какие они у нас — это не ко мне, скорее — к вам, — ответил я.

Но над словами Лесина задумался и пришел к выводу: у «Кинотавра» должно быть лицо. Красивое, благородное, любимое зрителем. И уговорил Народного, подозревая, что хлебну с этим «благородным лицом» по полной. Но тогда я еще не знал, насколько его экранный имидж — импозантного благородного красавца — не совпадает с его человеческой сущностью…

…Жадноват Народный, ох жадноват. Ни рубля в Сочи не тратит: единственный в гостинице «люкс» за девятьсот долларов в сутки ему оплачивает «Кинотавр». Приемы, устраиваемые в этом самом «люксе» для полезных Народному людей, — тоже. Нет, время от времени он делится со мной деньгами, которые щедро дают ему «поклонники таланта». Но эти суммы не покрывают даже ресторанных счетов Народного…

…В этот момент дверь в офис распахнулась и на пороге появилась журналистка — вся какая-то растерзанная. Я бросился к девушке и, схватив ее за плечи, заорал:

— Ты видела, кто на тебя напал? Кто это был?

— Еще бы не видеть! — девушка была зла, но не испугана. — Народный ваш! Я попросила интервью, он сказал — без проблем, надо только найти тихое место. И повел в номер. А там…

— Ты же видела, что он пьяный! — взорвался я. — Какого черта поперлась? Значит, так… Я дам тебе час на интервью с Депардье. И еще час — с Сильвией Кристель. Но ты забудешь об этой истории. Ведь ничего страшного не произошло?

Журналистка уже радостно улыбалась:

— Нет-нет, я убежала. А во сколько будет интервью?

— Встретимся завтра в двенадцать часов в офисе и все уладим…

…В номер вошла жена Народного:

— О, Марк, доброе утро. А мы на пляж, да, дорогой?

— Вы идите, а я пойду поработаю с бумагами… Присоединюсь к вам попозже, — сказал Народный и посмотрел на меня со значением.

Фраза «Пойду поработаю с бумагами» всегда значила у Алика следующее: «Дай мне ключ от одного из твоих пяти номеров».

Но надо отдать ему должное, Алик делает все, чтобы жена не

узнала об изменах. В его роду женятся раз и навсегда… (Читаем в гороскопе: «Обезьяна выберет такую половину, с которой можно обо всем поговорить, сходить в театр, воспитывать детей, жить до старости. А бурные страсти, без которых Обезьяна прожить не может, обязательно будут, только на стороне. Мужчина-Обезьяна никогда не сделает жене больно, все свои амурные приключения он будет от нее тщательно скрывать». — *Ф. Р.*).

…Рядом послышались шаги. Мы, не сговариваясь, отступили в тень и увидели Народного, который о чем-то разговаривал с молодой украинской актрисой. Они подошли ближе, и вдруг Алик, бесцеремонно взяв девушку за лицо, спросил:

— Так что мы делаем сегодня вечером?

Я хорошо знаю этот его жест. Подвыпивший Народный переставал быть джентльменом. Обычно дамы смущались, но терпели. А эта девочка неожиданно твердо сказала:

— Уберите руку, иначе получите по морде.

Народный опешил. Актриса достала носовой платок, брезгливо вытерла подбородок и ушла…»

Короче, много чего рассказал известный продюсер об известном актере. Не пожалел даже его сына: поведал, как на одном из «Кинотавров» у того случился разлад с женой и его именитый отец слезно просил именно Рудинштейна вернуть беглянку сыну. Тот вернул, но при этом заметил: «Нелегко ей живется с истеричным мужем». И далее сообщил, что у сынка какая-то *страшная зависимость,* от которой его родители живут в постоянном страхе за него. Вот такой далеко не иконописный образ знаменитого артиста был нарисован его недавним коллегой по общему кинофестивалю. Правда, сам Народный всех этих откровений уже не увидел — к тому времени он ушел из жизни. Впрочем, об этом речь еще пойдет чуть ниже.

Во второй половине «нулевых» Янковский записал на свой счет еще несколько ролей в кино. Так, он снялся в сериале «Доктор Живаго» (2006), а в большом кино отметился ролями в фильмах «Анна Каренина» (2007), «Райские птицы», «Без вины виноватые» (оба — 2008), «Стиляги», «Царь» (главная роль — митрополит Филипп) (оба — 2009). Два последних фильма оказались последними в жизни именитого актера. Причем оба — типичные продукты либерального течения в российском кинематографе. И оба сняты режиссерами-евреями: первый — Валерием Тодоровским, второй — Павлом Лунгиным.

В «Стилягах» поется осанна советским стилягам — «захребетникам», противопоставлявшим себя рядовым советским трудягам, которых стиляги именовали не иначе как «жлобами» (собственно, точно так же относятся нынче к простым россиянам

и режиссеры-либералы, являясь наследниками тех самых «критиков», на засилье которых сетовал сто лет назад А.П. Чехов). Янковский играл в этом фильме небольшую роль дипломата, папаши одного из этих «стиляг».

В «Царе» у Янковского была уже центральная роль — митрополит Филипп (Федор Колычев), который выступал против жестокостей, творимых царем Иваном Грозным. Фильм по сути своей не является чисто историческим, он — пропагандистский. Это своего рода манифест современных либералов, которые, изобразив из российского царя какого-то недоумка и упыря, залившего страну кровью, обращаются к обществу: дескать, бойтесь таких упырей на троне, берегите демократию как зеницу ока. Между тем это еще вопрос, кто больший упырь — Иван Грозный, который расширял Россию и выкорчевывал «ересь жидовствующих», или любимец либералов «демократ» Борис Ельцин, который раздербанил некогда великую страну, расстрелял парламент, развязал две чеченских войны и раздал госсобственность в руки олигархов.

Но вернемся к фильму «Царь».

Он только вышел, а над ним уже начали ломаться копья. Причем симптоматично, что с одной стороны (хулители фильма) встали люди со славянскими фамилиями, с другой (защитники) — с еврейскими. Первые писали:

«…Царь стоит в Успенском соборе в тафье (татарской шапочке), напоминающей иудейскую кипу, ту самую иудейскую кипу, которую надевают иудеи, заходя в синагогу. В этом есть особое глумление и над царем Иоанном Васильевичем Грозным, и над святителем митрополитом Филиппом, над их светлой памятью, над Русской Православной церковью и над всеми нами — христианами…

Опричники не заливали страну кровью. Опричнина была направлена на искоренение боярской измены и ереси жидовствующих и коснулась лишь отдельных боярских родов, части впавшего в ересь духовенства и тех представителей столичной, тверской и новгородской «элиты», готовых к сотрудничеству с католическим Римом…»

Вторые отвечали: «Вышеприведенная цитата, если в ней заменить «опричнину» на «ежовщину», бояр на маршалов, а католический Рим на империалистические страны, — цитата эта станет стандартным оправданием Большого террора. И наоборот: возможно, хулители фильма взяли оправдание Большого террора (1937) и переделали в оправдание опричнины…»

А вот какой отзыв оставил в «Литературной газете» журналист П. Соколов:

«…Зачем бывшему «старцу-кочегару» из фильма «Остров» Мамонову дают играть садиста-упыря, называя его при этом почему-то Иваном Грозным? Зачем рафинированному интеллигенту пытаться изображать святого? Зачем вообще создавать весь этот бред, не имеющий никакого отношения к истории, за исключением имен и нескольких вырванных фактов, «передернутых» по усмотрению автора?

Не затем ли, что проект по лишению нас исторической памяти жив и поныне? Мы должны видеть русскую историю, свои корни так, чтобы стыдиться и бояться их? А раз в жуткую тьму и паранойю придуманной страны зрителей погружает раскрученный «светоч православного кино» (после фильма «Остров» именно такая характеристика приклеилась к режиссеру Павлу Лунгину. — *Ф. Р.*) — могут и поверить, что так и было. Не полезут же все в «Жития святых», не будут же вникать в труды Штадена или Таубе, даже Карамзина вряд ли откроют. Не прочтут зрители слова святителя Филиппа на суде, устроенном в Успенском соборе страшным, но и великим царем. Так и будут думать, что волокли избитого митрополита в какой-то дикой клетке, а не стоял он, увозимый в заточение, в простых дровнях, благословляя на обе стороны рыдающий по нему народ. Будут уверены, что русские цари, похожие на неопрятных маньяков, жгли в церквях монахов да устраивали публичные поедания детей медведями, чему народ русский очень радовался. Для этого сначала одним «Островом» создается кумир, который потом будет создавать новые декоративные «острова», жирными кляксами пачкая настоящую историю России…»

Что касается непосредственно Олега Янковского, то он сыграл свою роль вполне сносно. Более того, на фоне Петра Мамонова (Иван Грозный), который не играл, а скорее юродствовал, игра Янковского выглядела гениально. Но этой своей ролью актер фактически напророчил себе смерть. Картина заканчивается гибелью Филиппа и его погребением. Минуло меньше года, и самого Янковского погребли в землю, но уже по-настоящему.

Актер умер от рака поджелудочной железы, который был обнаружен слишком поздно. Предпосылки к этой болезни у него были: его отец вернулся с войны с пулей в теле, и у него вскоре появились раковые опухоли. В результате отец актера умер сравнительно молодым человеком. Янковский-младший прожил дольше своего родителя, однако ушел из жизни от той же болезни.

Страшная болезнь обнаружилась у Янковского случайно. В самом начале июля 2008 года ему стало плохо на репетиции в

Ленкоме и его госпитализировали в отделение неотложной кардиологии одной из столичных клиник. Там ему объявили: у вас ишемическая болезнь сердца. Как признался медикам сам актер, боли беспокоили его уже несколько месяцев, но он все откладывал визит к врачам. В итоге ему назначили медикаментозный курс лечения — вводили сильнодействующие лекарства. Спустя несколько дней Янковский выписался и вернулся к работе в театре.

Однако в конце года ему снова стало плохо. На этот раз актера стали беспокоить сильные боли в области желудка, у него появилась тошнота и отвращение к жирной пище, мясу. Во время нового обследования выяснилось, что недавнее сердечное недомогание было вызвано другой, куда более страшной болезнью — раком. По словам одного из врачей Онкологического центра на Каширском шоссе:

«Онкологическая опухоль поджелудочной железы поражает в основном мужчин после 50 лет, чаще курящих. 70 % больных (и Янковский, увы, оказался не исключением) обращаются к онкологам слишком поздно. Дело в том, что на первых стадиях рак поджелудочной протекает вообще безболезненно. Олег Иванович имел проблемы с сердцем, и некоторые симптомы, например боли в грудной клетке, изжога (есть даже термин — «сердечная изжога»), могли быть отнесены им и родными на этот счет. И это тоже сыграло роль в том, что именно к онкологам актер обратился слишком поздно… В общем, когда пациент попадает к онкологу, мы нередко диагностируем уже 3-ю, а то и 4-ю стадию. Еще одна проблема — рак поджелудочной быстро дает метастазы: в печень, лимфоузлы, легкие. Лучевой терапии почти не поддается, от химии толку на поздних стадиях тоже немного. Возможно временное улучшение, но… Курение — один из самых важных факторов в развитии рака поджелудочной. Олег Иванович много курил…»

Первое сообщение о страшном недуге актера появилось в российских СМИ в конце 2008-го. Вот как об этом писал «Московский комсомолец» (номер от 30 декабря):

«Знаменитый российский актер Олег Янковский поражен той же болезнью, что и голливудская кинозвезда Патрик Суэйзи. Медики одной из столичных клиник, куда обратился Олег Иванович, после тщательного обследования поставили ему предварительный диагноз: рак поджелудочной железы. Это одна из самых опасных разновидностей онкологического заболевания, которая почти не поддается лечению. По статистике лишь пяти процентам больных удается после интенсивного курса лечения продлить себе жизнь на несколько лет, и только в том случае,

когда болезнь была диагностирована на ранней стадии. Именно это произошло с Патриком Суэйзи. В январе будет ровно год, как он начал бороться за свою жизнь, и лечение дало хороший результат. Что касается нашей звезды киноэкрана, то Янковский сейчас лег на повторное обследование в одну из известных клиник страны, с тем чтобы окончательно убедиться в диагнозе. Врачи стационара определили пациента в отдельную палату хирургического отделения и приступили к обследованию. Олегу Ивановичу предстоит еще раз пройти весь мучительный круг: УЗИ, компьютерную томографию, получить повторно результаты биопсии и всех анализов в комплексе. Актером занимаются ведущие специалисты страны, и, как только все закончится, он сам и его родные будут решать совместно с медиками вопрос предстоящего лечения. Они все еще надеются на то, что диагноз, поставленный в предыдущей клинике, не подтвердится.

Однако уже сейчас, на первой стадии обследования, все симптомы, по словам медиков, указывают на то, что опухоль носит злокачественный характер. Окончательный вердикт эскулапы вынесут в течение этой недели».

Увы, при повторном обследовании страшный диагноз подтвердился. Однако актер и его близкие не оставляли надежду победить болезнь. В январе 2009 года Янковский отправился на лечение в Германию — сначала в клинику в Дюссельдорфе, затем — в Эссене (финансами помог приятель актера, бизнесмен Михаил Куснирович). Вот как о его пребывании там сообщала газета «Твой день» (номер от 30 января, автор — С. Марьева):

«…Рука у Олега Ивановича забинтована — в вену введен катетер, через который в организм поступают необходимые лекарства. Ему назначено комплексное лечение, немецкие врачи подбирают методы борьбы с опухолью, исходя из индивидуальных особенностей каждого больного…

Сам Олег Иванович и его семья уповают на Бога — в палате есть маленькая иконка. А в православной церкви в Дюссельдорфе, это в 40 километрах от Эссена, заказан молебен за его здравие.

Клиника, в которой проходит курс химиотерапии Олег Янковский, специализируется на опухолях. Его палата на пятом этаже. Он почти не выходит на прогулки — распахивает створки окна, чтобы подышать зимним воздухом. Ну и подымить своей любимой трубкой.

Курить пациентам врачи запрещают, но Янковский не собирается отказываться от своей многолетней страсти к хорошему табаку. Трубка стала для него не просто привычкой, а талисманом. Он постоянно держит ее перед глазами.

— Если трубка рядом, то все будет хорошо!..»

В эссенской клинике планировалось сделать Янковскому операцию, но в итоге врачи от нее отказались: анализы показали, что у актера очень высокое содержание сахара в крови, и раны после хирургического вмешательства могут не зажить. Видимо, именно поэтому Янковский решил досрочно прервать лечение в Германии (в первоначальных планах он должен был пробыть там до марта) и 2 февраля вернулся на родину, в общем-то с малоутешительным диагнозом. Впереди его ждал юбилей — 23 февраля актеру исполнялось 65 лет.

Юбилей Янковский справил, но, скажем прямо, он получился не особенно радостным. Хотя внешне Янковский держался мужественно, и только болезненная худоба выдавала в нем нездорового человека. А 5 марта вся страна увидела знаменитого актера в его теперешнем виде: в тот день Янковскому вручили в Кремле орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, и это мероприятие было показано во всех телевизионных новостях. Все повторялось, как в случае с коллегой Янковского по Ленкому Александром Абдуловым, у которого тоже был рак и его перед самой смертью тоже награждали в Кремле высоким орденом.

Четыре последних месяца своей жизни Янковский провел по возможности активно: по-прежнему играл в ленкомовском спектакле «Женитьба». И каждую неделю наблюдался в Онкоцентре на Каширке. В мае, когда силы стали стремительно его покидать, врачи стали навещать его дома. А за две недели до смерти родные актера обратились к целителю Сергею Грищенко из Кургана, надеясь, что он сумеет помочь Янковскому. По словам целителя:

«Мне позвонил человек, который представился другом Олега Янковского, и спросил, чем я могу помочь актеру. Мол, все уже перепробовали и вот наткнулись в газете на заметку про вас. Вы же лечите ядом? Я говорю: «Нет, я вообще рак не лечу, бессилен!» Пробовал, но люди все равно умирали… Сказал, что сожалею, но сейчас уже ничем помочь нельзя. У Янковского же после лучевой терапии печень посажена. Посоветовал пить виноградный сок с мумие, чтобы ему полегче было…»

Янковский скончался 20 мая. На следующий день в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью с консьержкой Галиной Алексеевной, которая сидит в подъезде дома № 41 на Комсомольском проспекте, где последние 30 лет жил Янковский. Приведу из него несколько отрывков:

«— Он говорил мне: «Здравствуй, солнышко!» — Хотя я уже почти бабушка. — «Как погода?» — «Олег Иванович, я — солнышко. И на улице солнышко!» — отвечала я ему. Он улыбался…

Когда он в лифт заходил, весь подъезд знал: тут был Олег Иванович! Он же всегда ходил со своей лучшей подругой — набитой трубкой. Закурит и поднимается на третий этаж. Аромат табака — вам не передать, как он разносился по всему подъезду. Мы так любили этот запах, что специально попросили: «Олег Иванович, вы нас обкуривайте, обкуривайте!» И с тех пор он, проходя мимо, забивал свою «подругу», затягивался и спрашивал: «Ну что, подуть, солнышко?!» Выпускал несколько колец, садился за руль и уезжал. Еще пару часов соседи, спускаясь на первый этаж, заговорщически кивали: «Янковский…»

Последние полгода он сам за руль не садился. Похудел сильно. Тот человек, который в фильме «Тот самый Мюнхгаузен» говорит: «Улыбайтесь, господа!» — и тот, который выходил из подъезда в последнее время, были мало друг на друга похожи. А мы так надеялись, переживали, думали, обойдется, ну бывают же чудеса!.. Он шел играть последние спектакли, и его со сцены забирали врачи…

В последний раз я видела Олега Ивановича в четверг (14 мая. — *Ф. Р.*). Все с той же трубкой. Прошел, поздоровался. В его глазах был особый огонек даже во время недуга. В воскресенье его забрали в больницу. А в среду утром я пришла на работу, раздался звонок: «В семь утра в больнице не стало Олега Ивановича!» Спустилась соседка, и мы на свой страх и риск поставили траурное фото в подъезде. Утром поддержать маму, супругу Олега Ивановича, пришли сын Филипп с супругой Оксаной Фандерой. Оксана осталась, а Филипп уехал. По дороге он попросил: мол, не надо никаких фотографий выставлять. Но как же так?! Филипп поймет. Мы всем подъездом гордились Олегом Ивановичем, так его любили, что просто обязаны с ним проститься как подобает!..»

Похороны О. Янковского состоялись 22 мая. Утром состоялось отпевание актера в храме Николая Чудотворца, после чего все желающие смогли проститься с покойным в помещении театра Ленинского комсомола, где Янковский играл с 1973 года. Люди стали занимать очередь в театр еще с семи утра, и очередь растянулась на несколько километров. Из коллег Янковского на панихиде присутствовала вся труппа «Ленкома», а также: Никита Михалков, Александр Калягин, Станислав Любшин, Николай Караченцов, Александр Адабашьян, Алла Пугачева, Максим Галкин, Владимир Машков, Сергей Гармаш, Константин Хабенский, Игорь Николаев, Лариса Долина, Леонид Ярмольник, Светлана Немоляева и многие другие.

«Твой день» (номер от 23 мая, авторы — Н. Гладченко, О. Москаленко):

«…С Олегом Янковским прощались так, что казалось: разорвется сердце столицы. Коллеги актера выходили из Ленкома опустошенные, будто оставляли в театре сердце.

— Он был мужественным человеком. Он был болен, но не давал слабины. И я думала, он выиграет эту историю. Олег, дорогой, ты очень рано ушел, без тебя будет плохо, — Инна Чурикова расплакалась на сцене, с раннего утра мокрой от слез.

Друзья говорили о Янковском трудно, сдавленно, словно не веря в то, что действительно произносят эти слова…

Прощание было запланировано до 14.30. А поток людей не прекращался, становился рекой. На ближайших улицах милиция перекрыла движение машин.

Тысячи людей не успели положить к гробу Янковского цветы и остались стоять у театра. Специально для них подогнали грузовик, в кузов которого поклонники сложили сотни тысяч гвоздик и роз — целую гору цветов.

И именно в этот момент зарыдали небеса. Словно оплакивая артиста, сверху хлынули струи воды. Оттуда, где сейчас его светлая душа.

По просьбам поклонников прощание решили продолжить. Когда из дверей театра друзья вынесли гроб с телом великого артиста, сквозь облака пробился луч солнца. Как Божий знак — душа гения уже в раю…»

Похоронили О. Янковского на Новодевичьем кладбище.

Тот, кто победил «пиратов XX века»

Николай Еременко родился в Витебске 14 февраля 1949 года в актерской семье. Его отец Николай Еременко был родом из Новосибирска, четыре года провел в фашистских лагерях, мать — Галина Орлова — из Витебска. Оба они в 40-е годы стали актерами Академического драматического театра имени Янки Купалы, где и познакомились.

Несмотря на сложности, существовавшие в этом брачном союзе, он просуществовал более полувека. Хотя в нем бывало всякое и дело иной раз доходило даже до расставания, но всякий раз супругам удавалось найти общий язык. Как заявит потом Еременко-старший: «Мы, Еременки, если женимся — то навсегда». Увы, но в случае с сыном Николаем все будет иначе, о чем речь еще пойдет впереди.

Н. Еременко-младший вспоминал: «Вырос я в послевоенном Витебске. Я рос в семье, где было мало мебели (да и откуда ей взяться при нищенской зарплате моих родителей, в то время начинающих артистов?), но тем не менее была приличная библиотека. Не очень большая, но тщательно подобранная. Жюль Верн, Джек Лондон, русская классика… Я долго не прикасался к этому богатству, рос, скажем так, живым, подвижным, бойким мальчиком. Мы ходили на Западную Двину, находили там оружие, у нас его было навалом. Иногда удавалось раскопать немецкий склад боеприпасов. Мы были вооружены настоящими карабинами, а за нами гонялась милиция.

В детстве я водился с хулиганами. Мы и воровали, и портвейн пили. И девчонок щупали. Но только щупали, не больше. Так как я рос в актерской семье, кличка у меня была Артист. Довольно обидная для двора кличка, если честно, в этом было некое интеллигентство, которое, в общем, было не в чести.

И я лез на рожон, пытаясь доказать, что такой, как все. Но мои кореша как-то с пониманием относились, они меня оберегали, не давали лазить в самое пекло, говорили: да мы сами… Может быть, чувствовали во мне перспективу?

Потом пришло время, и я дозрел до возраста, когда меня потянуло к книгам. Читал запоем, ночи напролет. Так с тех пор любовь к книге и осталась…»

Практически с детства Николай знал, кем он станет — артистом. И в кино он начал сниматься, еще будучи подростком. В 1961 году Еременко впервые вышел на съемочную площадку, когда снимался в фильме «Люди и звери» (роль сына Павлова). Эта крохотная роль, по сути, и определит его будущую судьбу,

поскольку мальчика запомнит режиссер картины Сергей Герасимов и чуть позже — в 1967 году, когда Еременко окончит школу и приедет в Москву поступать во ВГИК, — возьмет его на свой курс. Как заявит чуть позже сам Еременко: «В институт я поступил по блату». Стоит отметить, что супруга режиссера Тамара Макарова была против зачисления Еременко-младшего во ВГИК, так как считала его значительно слабее других абитуриентов. Но к ее мнению супруг так и не прислушался.

Н. Еременко так вспоминал о своих студенческих годах: «После первого курса, летом, мы продолжали жить в общежитии, готовились к поездке на Байкал, где Герасимов снимал фильм «У озера» (Еременко сыграл в нем небольшую роль Алеши. — *Ф. Р.*). Гуляли, гудели мы от души. Как-то после очередного загула, проснувшись, кто-то из нас вспомнил: сегодня же вступительные экзамены в ГИТИСе. И мы — я, Вадим Спиридонов, Талгат Нигматулин и Юрий Николаенко — пошли поступать. И все четверо были забракованы на первом туре…»

Стоит отдать должное Николаю — в отличие от многих «блатных детей», которые, кроме громкой фамилии своих родителей, ничего за душой не имели, он оказался по-настоящему талантливым актером. Уже в первой своей роли в кино (речь идет все о том же фильме «У озера», 1970) этот талант довольно зримо проступал на экране. Однако, несмотря на это, предложений сниматься от других режиссеров после этого дебюта Еременко не дождался. Только Герасимов предложил ему маленькую роль в очередной своей картине, которая называлась «Любить человека» (1972; роль Коли Стеценко). Больше никаких работ в послужном списке актера в начале 70-х годов не было.

То время было для него тяжелым. Окончив ВГИК в 1971 году (отмечу, что на его курсе училась целая плеяда будущих звезд советского кино: Вадим Спиридонов, Талгат Нигматулин, а также четыре Наташи: Белохвостикова, Бондарчук, Аринбасарова и Гвоздикова), Еременко не захотел возвращаться обратно в Минск и какое-то время жил в институтском общежитии. Однако вскоре пришла пора служить в армии, и за Еременко стала буквально охотиться милиция. Ему пришлось сменить дислокацию и ночевать на съемных квартирах, а чаще всего на одной из скамеечек Белорусского вокзала. Так продолжалось вплоть до 1972 года, когда на горизонте внезапно замаячила новая роль.

Режиссер Гавриил Егиазаров на «Мосфильме» приступил к съемкам фильма «Горячий снег» по одноименному роману Ю. Бондарева. На одну из проб был приглашен и Еременко. Как только это произошло, актером завладело безумное желание во что бы то ни стало сыграть в этом фильме. Причем не какую-

нибудь проходную роль, а одну из центральных — лейтенанта Дроздовского. Чтобы добиться этого, Еременко пришлось приложить максимум усилий. По его словам, он буквально запугивал других претендентов на эту роль, чуть ли не угрожая им физической расправой, если они добровольно не сойдут с дистанции. Массированному прессингу со стороны актера ежедневно подвергался и сам режиссер. В конце концов ему, видимо, надоело сопротивляться этому наглому натиску молодого актера, и он взял его в свою картину.

После съемок в этой картине Еременко все-таки угодил в армию — его забрали служить в кавалерийский полк при «Мосфильме», который дислоцировался в Алабине. Однако служба у Еременко прекрасно совмещалась с работой в кино — за это время он умудрился сняться сразу в нескольких картинах, причем в двух из них он сыграл главные роли. Первая из них была сыграна Еременко в 1973 году. Речь идет о фильме «Исполнение желаний», где нашему герою досталась роль молодого филолога Николай Трубачевского. Из других фильмов той поры с участием Еременко назову следующие: «Возврата нет» (1974), «Семья Ивановых» (1975; главная роль — Алексей Чистохвалов).

Каким был Николай в те годы? Разным. Как и всякий молодой актер, на которого свалилась слава, он не отказывал себе практически ни в каких удовольствиях. По его же словам:

«Что скрывать, были загулы крутые. Я же актер, мне надо про своих героев все знать, а для этого пришлось через многое пройти самому. Все искусство в той или иной мере замешено на грехе, точнее, на анализе греха и его последствий. Так что и мне пришлось погрешить немало…»

Еременко оставался холостым до 26-летнего возраста. Хотя у него не было отбоя от поклонниц. Причем среди них были не только актрисы (вроде Ольги Прохоровой, с которой Еременко «романил» во время совместных съемок в фильме «Семья Ивановых»), но и девушки «из народа». Женой Еременко стала студентка МГУ (исторический факультет) Вера Титова. В 1974 году молодые поженились, а год спустя у них родилась девочка, которую назвали Ольгой.

Н. Еременко вспоминает: «Однажды задумался и дочку свою потерял. Оле тогда годика полтора было. Зима. Сугробы. Повез ее на санках. Иду себе, иду. Вдруг слышу: «Мужик, ты ничего не потерял?» Глядь — а санки-то пустые. А Оля метрах в десяти лежит клубочком в шубе…»

Несмотря на то что Еременко снимался у разных режиссеров, его «крестным отцом» в кино был Сергей Герасимов, который

снял своего ученика в общей сложности в шести картинах. Первыми, как мы помним, были «У озера» (1970) и «Любить человека» (1972). Но там у Еременко были крохотные роли. Однако в 1975 году Герасимов взял Еременко на главную роль в 5-серийный телефильм «Красное и черное» по Стендалю. Молодому актеру досталась роль Жюльена Сореля, а двух его возлюбленных по фильму играли две Натальи: бывшая однокурсница нашего героя по ВГИКу Наталья Белохвостикова и Наталья Бондарчук.

Кстати, в студенческие годы Еременко пытался серьезно ухаживать за Белохвостиковой, но девушка на эти ухаживания не откликнулась — Еременко как мужчина ее не заинтересовал, хотя по гороскопу у них была неплохая гармония по обоим знакам. Но Белохвостикова все равно не прогадала — сразу после окончания ВГИКа вышла замуж за известного кинорежиссера Владимира Наумова, который был ее астрологическим «родственником» — тоже родился в год Кота.

Но вернемся к Еременко. По его словам:

«У Герасимова я был любимчиком в хорошем смысле. Ни один из его учеников не снимался в стольких его фильмах — в шести. Для него было принципиально важно, чтобы из меня что-то получилось. А поскольку я был глубоким провинциалом, часто меня брал с собой в командировки. В Польше, например, повел меня на стриптиз. У меня шары на лоб, бледнею, краснею, потею. А он ловил кайф, наблюдая за мной, изучая мои реакции…»

Фильм «Красное и черное» был показан по ЦТ в самом конце июня 1976 года. То, что началось после этой премьеры, иначе чем коллективным помешательством назвать нельзя. Десятки поклонниц стали круглосуточно дежурить в подъезде, где жил Еременко, другие, будучи за пределами Москвы, стали присылать ему письма с любовными признаниями, причем многие вкладывали в конверты локоны своих волос. Были письма, в которых девушки грозились покончить жизнь самоубийством, если их кумир не ответит. Об одном таком случае Еременко вспоминает следующим образом:

«Девушка из Керчи писала потрясающие письма. Они выделялись среди прочих, в них были изумительные стихи. Я уже привык и, когда она перестала писать, начал дергаться. И вот приходит письмо от ее подруги, напечатанное на машинке. Подруга сообщает, что девушка покончила с собой и ее родные, зная о ее чувстве ко мне, просят приехать на похороны. Я проникся! Я побежал за билетом и вдруг вспомнил… Дело в том, что эта девушка первую строчку всегда начинала с правой части листа. И письмо ее подруги начиналось так же. Тут я все понял. И

такой ответ написал!..»

После успеха в этой роли творческая карьера Еременко резко пошла вверх. Ему даже предлагали сниматься несколько известных режиссеров из Италии, но Госкино его за границу не отпустило. Мол, у нас и здесь работы достаточно. И действительно, в последующие несколько лет Еременко сыграл в целом ряде картин, которые заметно упрочили его положение среди звезд советского кино. Назову лишь несколько ролей актера того периода: большевик Максим Литвинов в «Побеге из тюрьмы», бывший белогвардейский офицер по кличке Цыган в «Трактире на Пятницкой» (оба — 1978), большевик Федор Сергеев (Артем) в «Мятежной заставе» (1979).

Однако роли в этих фильмах не принесли Еременко большого морального удовлетворения, да и славы особо не прибавили (разве что роль преступника Цыгана из «Трактира на Пятницкой» добавила новый штришок в актерскую палитру актера — это была отрицательная роль). Все изменилось в самом конце 70-х, когда одна за другой в послужном списке Еременко появились две звездные роли в фильмах режиссеров Леонида Квинихидзе и Бориса Дурова. Начнем с первого.

Фильм Квинихидзе снимался для телевидения и был мюзиклом. Назывался он «31 июня» и был показан в новогоднюю ночь 31 декабря 1978 года. Еременко играл роль художника, влюбленного в средневековую принцессу (ее роль исполняла балерина Наталья Трубникова). Фильм произвел фурор, после чего число поклонниц Еременко многократно увеличилось. Вновь по его адресу стали приходить мешки писем и телеграмм от молоденьких девиц. Однако и это были только «цветочки». Через год пришел новый триумф, в десятки раз перекрывший два предыдущих, когда Еременко сыграл старшего механика Сергея в фильме Бориса Дурова «Пираты XX века».

Идея снять эту картину пришла к Борису Дурову и Станиславу Говорухину (он писал сценарий) из тогдашних советских газет. В одной из них они прочитали сообщение о том, что некие морские бандиты напали на итальянское судно и похитили 200 тонн урановой руды. Так как этот случай был уже не первым в заграничных морях и океанах, можно было говорить о широком распространении этого явления в те годы. Дуров и Говорухин решили использовать эту тему в своем новом фильме. Они погрузили в трюмы придуманного советского судна большой груз опиума для фармакологической промышленности и пустили его в плавание.

Во время кастинга актеров на роли Еременко поначалу не произвел должного впечатления на режиссера Дурова. Ему

показалось, что из него получится второй Жюльен Сорель, а нужен был другой типаж — супермен. Но звездам было угодно, чтобы эту роль сыграл именно Николай Еременко, чтобы Бык нашел Быка. О том, как это произошло, рассказывает сам актер:

«Обычно не меня выбирали, а я выбирал: с тех пор как снялся в «Красном и черном», на меня всегда был спрос. Мне очень хотелось сыграть в «Пиратах…», но режиссер Дуров не уверен был, что «любимец дам» потянет роль героя крутого боевика. Уж больно стойкий был у меня тогда имидж «Жюльена Сореля». Разговариваем мы, вижу, не очень-то он ко мне расположен, читаю в его глазах сомнения. Я тогда подошел поближе к нему и предложил пощупать бицепсы. Он пощупал и утвердил меня на роль…»

В этом боевике, снимавшемся в Крыму летом 1979 года, Еременко сыграл отважного старшего механика теплохода Сергея. Он в совершенстве владеет карате, хорошо стреляет и фактически в одиночку спасает экипаж родного судна от пиратов. Кстати, роль одного из них исполнял бывший однокурсник Еременко по ВГИКу и его приятель Талгат Нигматулин.

Рассказывает Н. Еременко: «Все трюки на съемках я выполнял сам. А мне за это ни рубля не заплатили. А ведь я тогда чуть не погиб. Помните эпизод, где мой герой прыгает со скалы на борт корабля? Я прыгнул, естественно, рядом с бортом, выныриваю и — о боже! — чувствую, что меня затягивает под лопасти винтов. Не знаю уж, как удалось выбраться…»

Когда фильм был снят, его показали руководящим работникам ЦК ВЛКСМ. И тогдашний руководитель советского комсомола Борис Пастухов внезапно назвал картину… «идеологически вредной», поскольку в нем было много сцен разного рода жестокостей, не принятых в советском кинематографе (драки в стиле карате, избиения женщин и т. д.). В результате дальнейшая судьба картины повисла в воздухе. И сколько бы длилась эта пауза, неизвестно, но в дело вмешался случай.

Кто-то из расторопных работников Госфильмофонда решил отправить картину на дачу к самому Брежневу, чтобы он на досуге попереживал за судьбу плененных пиратами советских моряков. И генсек настолько проникся этими переживаниями, что посоветовал кинематографистам поскорее выпускать картину на широкий экран. В 1980 году фильм «Пираты XX века» вышел в прокат и буквально через несколько недель возглавил список лидеров. Заняв 1-е место, он собрал на своих сеансах 87,6 млн. зрителей. Такого успеха не знала и не будет больше знать ни одна советская картина (два других знаменитых блокбастера того года

— «Москва слезам не верит» и «Экипаж» — соберут меньшую аудиторию: первый 84,4 млн., второй — 71,1 млн.).

Читатели журнала «Советский экран» назвали тогда Николая Еременко лучшим актером года. По словам актера: «Когда в 80-м мне вручали приз как лучшему актеру года — а вручали мне, Пугачевой за «Женщину, которая поет» и Дмитрию Золотухину за «Петра», — я сказал: «Как странно бывает: играешь Жюльена Сореля в «Красном и черном» или Меншикова в «Юности Петра», а тебя и не замечают, хотя вся страна после «Красного и черного» на ушах стоит, а сыграл в «Пиратах…» — и тебя превозносят до небес за то, что ты хорошо плаваешь!» Тогда те, кто вручал, несколько потупились…»

Вскоре после выхода «Пиратов…» на экран с актером приключилась такая история. Он ехал на своей машине, и его внезапно остановил гаишник. Потребовал права. Еременко высунулся в окно, показал свое лицо и сказал: «Вы меня не узнаете? Это же я — Еременко из «Пиратов XX века»!» Гаишник посмотрел на него внимательно, а затем произнес: «Вот ты и ездишь как пират!» И… проколол ему талон.

Между тем начало 80-х оказалось для Еременко щедрым на награды. В 1980 году ему была присуждена премия Ленинского комсомола, а три года спустя ему присвоили звание заслуженного артиста РСФСР.

Из наиболее значимых киноработ актера в тот период следует назвать дилогию его учителя Сергея Герасимова «Юность Петра» и «В начале славных дел» (оба — 1981), в которых Еременко сыграл роль сподвижника Петра I Александра Меншикова.

Во время съемок «Юности Петра» с Еременко произошел неприятный инцидент, который стоил ему сломанного носа. Послушаем самого актера:

«Мы снимали этот фильм на Ладоге, в городе Волхове. Я бежал в гостиницу, меня должны были показывать в «Кинопанораме». А за мной пристроилась милицейская машина, в которой, как выяснилось впоследствии, сидели начальники и даже один полковник. То ли они меня перепутали с кем-то, то ли просто развлекались. Но со мной проделали отработанный прием: человек бежит, за ним тихонечко едет машина, потом они гуднут, человек оборачивается, водитель давит на тормоз и распахивает дверь. И дверь хрясь по лицу. Так и случилось. Нос мой от удара ушел вовнутрь. Я им говорю: вы что, с ума сошли, что ли? Я же артист! Вы же сами знаете, что тут Герасимов снимает кино. Они сразу приутихли.

Я говорю им — ну-ка, отвезите меня в гостиницу, и потом разберемся. Они оторопели. Я говорю — у меня завтра съемка, а

вы со мной такое сделали! Они меня выпустили, но попросили, чтобы я никому не говорил. Но я же сниматься не могу, и все дошло до Герасимова. Мне кое-как нос выправили, он стал таким греческим. Спустя какое-то время Дима Золотухин, который играл Петра, поехал с концертами далеко на Север. К нему там подходит мужик и говорит: вы снимали в Волхове фильм? Дима отвечает: да, снимали. Мужик говорит: передайте привет Еременко! Оказывается, Герасимов всем дал дрозда, и «командира» этого выслали аж за Полярный круг! Я хочу попросить у него извинения. Я ведь не хотел репрессий, но, с другой стороны, надо бы и знать, с кем общаешься…»

Последней ролью Еременко в фильмах своего учителя (шестая по счету) стала роль в фильме «Лев Толстой» (1984) — он сыграл знаменитого пианиста Александра Гольденвейзера. Вскоре после выхода фильма в прокат С. Герасимов скончался.

Во второй половине 80-х в послужном списке актера Еременко появилось еще несколько ролей в таких фильмах, как: «В поисках капитана Гранта» (1985; главная роль — лорд Гленарван), «Личный интерес» (1986; главная роль — Александр Сурмила), «Уполномоченный революцией» (1987; Валериан Куйбышев), «Будни и праздники Серафимы Глюкиной» (1988; главная роль — хоккеист Алексей Воронков), «Царская охота» (1990; главная роль — граф Алексей Орлов).

Самым заметным фильмом из перечисленных суждено будет стать последнему. В нем речь шла о событиях 1745–1775 годов в России, когда претендентка на российский престол княжна Елизавета Тараканова, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, в результате предательства страстно любимого ею графа Орлова стала узницей Петропавловской крепости.

После распада Советского Союза и развала его кинематографа работы у Еременко почти не убавилось. Он по-прежнему был востребован разными режиссерами, правда, фильмы, в которых он снимался, настоящим искусством назвать было трудно. Среди крупных ролей актера того периода назову следующие: «Я объявляю вам войну» (1991; главная роль — Ерохин), «Восточный роман» (Украина; главная роль — Николай), «Снайпер» (Украина; главная роль — Джей Бенсон) (оба — 1992), «Сделай мне больно» (главная роль — Режиссер), «Троцкий» (Наум Исаакович Эйтингон) (оба — 1993), «Крестоносец» (1995; Ерема).

Были и роли, которые не состоялись. Так, в 1991 году Еременко мог осуществить свою давнюю мечту — сыграть Ставрогина в «Бесах» Ф. Достоевского. Режиссер Игорь Таланкин

предложил ему эту роль, но тот отказался. Почему? Сам актер так отвечал на этот вопрос: «Когда я увидел свои кинопробы, испугался за самого себя. Понял, что не выдержу целый год жизни в состоянии такого напряженного нравственного самоанализа, в ситуации постоянной погруженности в бездны больного, изломанного сознания. И я себя отгородил, оберег от этого материала, от этого тяжелого душевного испытания, хотя, может, буду жалеть об этом до конца своей жизни».

В 1995 году Еременко дебютировал в кино как режиссер — он снял картину «Сын за отца…», в которой главные роли сыграл он сам и его отец — Николай Еременко-старший. Последний в те годы почти не снимался и занимался общественной работой: в течение многих лет он был председателем театрального общества, а затем стал президентом Конфедерации творческих союзов Белоруссии. О том, как ему пришла идея снять эту картину, Еременко-младший рассказывал следующее:

«Это кино я вынужден был снять. Был хороший сценарий. Я предлагал снимать по нему фильм своим друзьям. Лене Квинихидзе, например. Но по тем или иным причинам все куда-то «сваливали». Или денег мало им казалось, или по времени не совпадало. Я был просто поставлен перед фактом: если не я, то вообще ничего не будет.

Кроме этого, мне хотелось с отцом сыграть первый раз в жизни… вместе. Мы ни разу вместе не снимались. И я хотел придать ему сил: ему исполнилось семьдесят лет, у него было два инфаркта, и он начал сникать. Надо было его как-то поднять. Сниматься он не хотел ужасно, говорил: зачем это надо, что за ерунда, если мы с тобой вдвоем облажаемся, то мне под конец будет такой позор. Но я рискнул, заставил отца сняться, и он воспрянул! У него появилось какое-то четвертое дыхание, он и сейчас много снимается. Сыграл блестящую роль в театре, в спектакле «Костюмер»…»

В одном из своих интервью конца 90-х Еременко-младший так рассказывал о своем тогдашнем житье-бытье:

«В моей жизни уже нет никаких загулов. Я этим уже давно не занимаюсь. Я не коллективное дитя, мне хорошо одному (вспомним характеристику мужчины-Быка: «У него характер созерцательный, поэтому он любит одиночество». — *Ф. Р.*). Я не трудоголик. Наоборот, весьма ленив. Недавно мне предложили преподавать актерское мастерство во ВГИКе — я отказался, поскольку пока вижу в молодых девицах не студенток, а женщин. Вот когда буду видеть только студенток, тогда уж… Мне легко заполнить паузы в работе: почитываю, просматриваю, подсматриваю за людьми. Это мое любимейшее занятие. Я могу

разговориться с незнакомым человеком на вокзале или в магазине, расспросить все о его жизни…

Квартиру я убираю редко — жена не позволяет мне делать домашние дела. Она так хорошо все делает сама. Единственное, что я никогда не позволял ей, это готовить белорусские картофельные драники. Это блюдо я делаю только лично сам…»

Несмотря на то что в киношной среде брак Еременко считался крепким, на самом деле он таковым не являлся. Еременко нет-нет, но позволял себе романы на стороне как со своими коллегами-актрисами, так и с женщинами, не имевшими к кино никакого отношения. Сам артист шутил, что поскольку он родился 14 февраля, в день всех влюбленных, то его покровитель святой Валентин позаботился о его бесконечных романах для него. По его же словам:

«Моя профессия грешная изначально. Женщины всегда будут меня притягивать. Это моя идея фикс: я абсолютно обречен на баб!.. Моя жена все это очень тяжело переживала. Но, к счастью, она нормальный человек. Я и выбрал ее потому, что не смог бы жить с артисткой… Актрисы мне так на работе надоели!..»

А вот как на этот счет выразилась его мама Галина Орлова:

«Я смотрела на Веру, как на великую мученицу. И дочке не нравилось, что папу донимают красотки. Он был прекрасным сыном и никудышным мужем!.. Я ему не раз говорила: «Ты хоть бы остановился. Хватит этих бесконечных баб, которые ничего не стоят». И однажды Коля разоткровенничался: «Знаешь, мам, мне не дано любить. Вам с папой повезло. А меня с женщинами связывает только физиология». В этом у него был огромный духовный минус…»

Между тем в 1990 году одна из очередных любовей актера — Татьяна Масленникова — родила ему ребенка — дочку Таню. Актер встал перед серьезной дилеммой: как быть? Однако бросить семью он не посмел, поскольку побоялся гнева своего отца, который к таким вещам относился очень сурово. Но и девочку, родившуюся вне брака, Еременко тоже не оставил: как мог, помогал ей материально, регулярно с ней виделся.

В 1994 году во время работы над фильмом «Сын за отца…» к Еременко-младшему пришла новая любовь. Это была минчанка, помощник режиссера Люся (1967). Вот что рассказывает актер Владимир Гостюхин, который тоже снимался в этом фильме:

«Честно сказать, я ведь на Люсю тоже обратил внимание. Она очень красивая, интересная, к тому же новенькая — первый раз пришла на студию работать. И я, конечно, глаз положил на нее: начал кругами ходить, а потом вдруг смотрю, она то один раз пропала вместе с Колей, то другой. Как-то сидим в кафе,

отмечаем удачный кадр, я только к ней подъезжать, смотрю, а она, кроме Коли, никого не замечает. Ну все ясно, другу дорогу переходить нельзя, тем более что было видно, что там уже давно отношения наладились. Я сразу отошел в сторону…»

Несмотря на сильное чувство к Люсе, Еременко и на этот раз долго не решался на развод. В интервью еженедельнику «7 дней» в феврале 1999 года актер заявил следующее: «Жена знала, видимо, за что боролась. Ведь вместе мы живем 30 лет, чем вызываем неподдельное изумление у окружающих. Постоянство не свойственно образу жизни актера. У нас уже все десятки раз пережинились, в некоторых компаниях по кругу ходят. Но мы — Еременки — жен не предаем. Моя Вера — замечательный человек, умница, великолепная хозяйка, мудрая женщина. Зачем такая за артиста замуж вышла? Артисты — нелюди, эгоцентрики, они все и всех подминают под себя, любят свою профессию больше, чем своих близких…»

Но минуло совсем немного времени после этого интервью, и осенью 2000 года Еременко и Вера развелись. А чуть раньше этого — в июле того же года — из жизни ушел отец нашего героя.

Рассказывает Е. Виан: «Люсю Николай Еременко называл женщиной своей мечты. Родившаяся в деревне, она была, по словам мамы Николая, «не испорчена цивилизацией». Когда Николай приезжал в Минск, он ежедневно приходил с ней на обед к матери. Друзья Николая отзывались об его избраннице как об очень преданном человеке, готовом ради него на все. Сам Николай Еременко не афишировал эти отношения, но не потому, что стеснялся, а просто не хотел пускать чужих в свою личную жизнь. Его друзья вспоминали, что, когда случался банкет, они никогда не приходили вместе: сначала входил Николай, а уже затем, спустя минут 10, в дверях появлялась Люся. Но уходили они обязательно вместе.

Рассказывают, что Николай часто увлекался, но при этом искренне относился к своим порывам, и это не было погоней за примитивным сексом. При этом он очень сильно страдал оттого, что не мог найти ту, которую бы полюбил. Ему необходимы были домашний уют и нормальная человеческая жизнь, которую ему обещал союз с Люсей…»

Весной 2001 года молодые переехали в новую квартиру, где собирались жить в любви и согласии долго и счастливо. На июнь у них уже была назначена свадьба. Но ей не суждено будет состояться. В своем последнем интервью «Экспресс-газете» в мае 2001 года Еременко сказал следующее:

«Как пошутил один «великий»: красавцы плохо кончают. Все думают, такие смазливые мальчики, каким меня до сих пор видят

некоторые, либо спиваются, либо распадаются как личности, либо теряют интерес к себе и к жизни. Так вот — хрен вам! Могу только благодарить господа, что судьба так благосклонна ко мне. Хотя глупо говорить о том, кого я могу сыграть, если на «Мосфильме», в мастерской, где изготавливали декорации, теперь делают гробы…»

Не менее оптимистично актер рассказывал и о своей личной жизни: «Семья должна быть у каждого, это — пристань, где можно отдохнуть от подвигов, тихо и сонно подрейфовать. Я благодарен бывшей жене Вере за ее долготерпение: я не создан для семейной жизни, я — одиночка, меня вообще угнетает любой вид коллектива. К тому же я неравнодушен к красивым женщинам. Сейчас в моей жизни дует свежий бриз с красивым названием «Людмила», временами переходящий в обжигающий вихрь. Такая «погода» меня очень радует, поэтому не стану об этом много говорить… Чтобы не сглазить…»

Однако, переехав в новую квартиру, Еременко вел себя как-то странно: новую свою любовь прописывать в Москве не торопился, а потом и вовсе стал сомневаться в своих чувствах. Его мама рассказывает, что, когда 1 мая 2001 года он уезжал от нее в Москву, последней его фразой была: «Зря я это все затеял» (видимо, начала сказываться дисгармония знаков — Быка и Козы). Больше мать сына живым не видела — вскоре он скончался.

По словам очевидцев, примерно за две недели до смерти Еременко внезапно запил. То ли от усталости (в новой квартире шел ремонт, было много других дел, которые свалились на плечи актера), то ли от радости. В субботу, 26 мая 2001 года, Еременко был дома с Людмилой. Вроде бы выпил водки, чтобы снять напряжение. И спустя несколько минут актеру стало плохо. Людмила хотела вызвать врача, но Еременко ей запретил это делать. Сказал, мол, и так все пройдет. Но лучше ему не становилось.

Тогда его приятель, который делал у Еременко ремонт, на свой страх и риск позвонил Анатолию Сивушову — близкому другу Еременко, продюсеру сериала «Бригада». Сивушов прислал своего знакомого врача. Тот поначалу сам пытался реанимировать актера, но, когда у него ничего не получилось, вызвал «Скорую». Приехавшие врачи констатировали инсульт. Около двух часов дня Еременко доставили в Боткинскую больницу. Говорят, когда его привезли, врачи были поражены: у артиста было лицо восьмидесятилетнего человека. Немедленно собрался медицинский консилиум, думали о возможной операции, но кровоизлияние уже задело спинной мозг. Врачам

оставалось только с помощью аппаратов поддерживать жизнь, которая медленно угасала…

Вспоминает мама Еременко Г. Орлова: «Людмила мне позвонила и сообщила, что Коле очень плохо. В тот же день я выехала из Минска в Москву. Утром на Белорусском вокзале меня встречали Люда и еще одна дамочка из длинного списка Колиных возлюбленных. Они отвезли меня в Боткинскую больницу.

Заходим в палату. Господи, лежит мой сын голый под капельницей с привязанными руками. Спрашиваю у медперсонала: «Есть ли еще надежда?»

В ответ отрицательно качают головой. Опустилась возле Коли на колени, поцеловала ему руки: «Сыночка, ты меня слышишь?» Молчание. И все…

Он не успел испугаться смерти — вот что страшно. Не успел ни с кем попрощаться. Так и умер, не приходя в сознание, почти сразу после нашего ухода — 27 мая, в 12.50…»

О том, что могло послужить причиной трагедии, рассказывают очевидцы.

А. Сивушов, ближайший друг Н. Еременко: «На самом деле все произошло на ровном месте. Какое-то стечение дурацких обстоятельств. Николай никогда, как вы понимаете, не был алкоголиком, просто он выпил, как иногда делает любой нормальный здоровый человек. И неизвестно, в результате этого или чего другого, но произошло кровоизлияние в мозг.

Он ведь очень много парился в бане, буквально до изнеможения. Если бы Николай знал, что болен этой самой цереброваскулярной болезнью, конечно, никогда не стал бы этого делать. Потому что трепетно относился к тому, чтобы хорошо выглядеть, — ужинал не позже восьми вечера, пил всякие кефиры, чесночные препараты для поддержки сосудов. Это был профессиональный подход, ведь тело актера — это его инструмент.

Еще раз повторяю: у Еременко не было никакого стресса, ни запоя тем более. Это абсолютная случайность».

Владимир Вершинин, врач-эндокринолог: «Андропауза — это условное название целого комплекса проблем, которые поджидают каждого мужчину после сорока. Все они связаны с уменьшением выработки мужских половых гормонов, что, кстати, далеко не всегда означает снижение половой функции. Просто меняется весь обмен веществ, и никто не предугадает, как это отразится на здоровье мужчины. Довольно часто обостряются хронические заболевания, появляется склонность к развитию новообразований, опухолей. Хотя чаще всего возникают неприятности именно со стороны сердечно-сосудистой системы.

Могло все это спровоцировать инсульт? При наслоении нескольких факторов — стресс, алкоголь и т. д., думаю, да».

Кирилл Мамонов, врач-андролог: «Любой мужчина после пятидесяти, который заводит себе молодую любовницу, ускоренно роет собственную могилу…»

Сергей Котов, научный сотрудник НИИ наркологии: «Дело в том, что повышение давления абсолютно закономерно при выходе из состояния опьянения. Чаще всего оно безопасно, хотя многое зависит от возраста человека — чем он старше, тем выше риск. В случае с Николаем Еременко я бы не стал крепко привязывать его инсульт к состоянию алкогольного опьянения. Скорее всего, имели место другие причины, чисто терапевтические…»

Врач Боткинской больницы, который не захотел называть своего имени, высказался следующим образом: «Не скрою, в этой смерти было немало непонятного. И мы в ординаторской до сих пор обсуждаем произошедшее. Что конкретно, извините, не скажу…

В жизни Еременко наступил сложный возрастной период — время кризиса. Если бы он его прошел, «проскочил», возможно, еще жил бы до ста лет, а он не сумел. А вообще до сих пор ведь не разглашается особо, отчего умерли Владимир Высоцкий и Олег Даль…»

29 мая с Н. Еременко простилась Москва. Панихида проходила в Доме кино. Как писала в «Комсомольской правде» О. Бакушинская: «Его уделом были породистые кони и спортивные машины. Он входил в Дом кино, как король, и вокруг него тут же образовывалась свита. Теперь свита пришла попрощаться с королем. Народные и заслуженные потерялись в толпе простых зрителей, плачущих женщин разных возрастов, в том числе и молодых девчонок в туфлях на платформе и ярких куртках.

В фойе по двум телевизорам без звука транслировали «Красное и черное». А люди все шли и шли мимо гроба, рядом с которым сидели три женщины — мать Галина Николаевна, бывшая жена Вера и так и не ставшая женой Людмила в черном платке под горло и черных очках. Об их свадьбе в ближайшем будущем должны были вовсю писать светские хроники. Она обещала быть событием сезона. Минская девушка Людмила стала вдовой, не успев стать женой. Говорят, мать Николая Николаевича очень хорошо относилась к будущей жене сына. Сегодня они вместе повезут гроб в Минск, чтобы положить его рядом с отцом…»

Гроб с телом Н. Еременко покинул Москву в 22.30. Утром следующего дня с популярным актером простился его родной Минск. Панихида проходила в холле Белгосфилармонии. Туда

пришли десятки тысяч минчан. Все ждали, что приедет президент Белоруссии Александр Лукашенко, но он на похоронах так и не объявился. Н. Еременко похоронили на Московском кладбище под Минском рядом с могилой его отца, Николая Еременко-старшего, ушедшего из жизни год назад.

В феврале 2004 года на страницах «Комсомольской правды» мама Еременко Г. Орлова рассказала следующее:

«После смерти Коли Людмила осталась без наследства — сын с ней не расписался, не прописал ее в Москве. Она вернулась в Минск. Ей вообще не на что было жить, и я ей дала приличную сумму денег. По-моему, она сейчас на них строит в каких-то долях квартиру. Когда-то Люся окончила педагогический институт, но говорит, что уже все забыла. Не работает, живет в общежитии. После смерти Коли хотела через суд взять его фамилию, но возмущаться стали те Колины жены, которые были до нее…»

По прозвищу Абдула

Александр Абдулов родился 29 мая 1953 года в Тобольске в актерской семье. Его отец — Гавриил Данилович (1908) — прошел всю войну, сидел в немецком концлагере, откуда чудом сумел бежать. Вернувшись с фронта, поступил во ВГИК, после окончания которого был направлен в город Фергану Узбекской ССР. Вскоре стал там режиссером местного драмтеатра. Мать — Людмила Александровна (1921) — работала в этом же театре гримером.

Отметим, что до встречи друг с другом родители Абдулова уже успели однажды побывать в ЗАГСе и в этих браках у обоих появились дети: у Гавриила Даниловича это был сын Юрий (1932), у Людмилы Александровны — сын Роберт (1940). Самое интересное, но и в совместном браке у молодых тоже рождались сплошь одни мальчики: 23 февраля 1947 года на свет появился сын Владимир, в 1953-м — наш герой Александр Абдулов.

Между тем рожать последнего ребенка Людмила Александровна не хотела. Но судьбе было угодно устроить все по-своему. По словам матери нашего героя: «На тот момент у меня уже было двое сыновей. Когда я узнала, что снова жду мальчишку, то решила делать аборт. Вот только врачи, чтобы уговорить меня рожать, сказали, что ошиблись и на самом деле будет девочка. Так и родился третий сын Александр. Мы были очень счастливы…»

Итак, во время последних родов Людмила Александровна надеялась родить девочку. Но ее надежды не оправдались. Именно тогда с нею произошла любопытная история. В этой же палате у одной роженицы, жены главного повара в ресторане, родилась третья девочка, в то время как ее муж мечтал о мальчике. Узнав про это, санитарка и обратилась к Людмиле Александровне с предложением: «А не поменяться ли вам друг с другом детьми?» И хотя предложение выглядело безумным, однако какое-то время обе женщины действительно всерьез подумывали его осуществить. Однако точку в этом деле поставил отец Саши. Узнав о такой альтернативе, он, ни секунды не раздумывая, заявил: «Никакого обмена не будет». Реши он дело иначе, вполне вероятно, что его сына ждала бы не участь «звезды» экрана, а поприще «звезды» гастрономии.

О своих детских годах Абдулов вспоминает так: «Начиная с седьмого класса я работал на уборке хлопка. Но, правда, это был для меня отчасти праздник: берешь раскладушки, матрасы и — вон из дома, из-под родительской опеки. Свобода!

Самостоятельность! Вечерами девочки, костры, прогулки под луной… А утром снова становишься буквой «г», и сколько видишь до горизонта — все хлопок. Мне труднее всех было — я самый длинный… Да и норма — 50 кг в день. Выполнить ее нельзя ни при каких условиях. Мы и водой хлопок заливали. И землей засыпали. И камни в корзины подкладывали… Нас вызывали в школу, прорабатывали на педсоветах, грозились выгнать. А мы жили в казармах, в чудовищных антисанитарных условиях, с одним сортиром на всех. Вместо жратвы — какая-то баланда. Но сложности нас не смущали. Мы ничего не знали про пестициды. Ну, пролетит вертолет — посыплет поле чем-то. Ну, листики пожухнут…

Пионером я так и не стал. Учительница в школе спросила: «Дети! Кто считает, что недостоин высокого звания пионера?» Нашелся один дегенерат. Я встал и сказал: «Недостоин. Двойки получаю и вообще». В комсомол же я попал по стечению обстоятельств. В Ферганском драматическом театре было только два комсомольца, а нужно было создать комсомольскую ячейку, и срочно требовался третий. Меня силой втащили…»

В театр Абдулов попал самым естественным путем — ведь в нем работали его родители. Уже в пятилетнем возрасте мальчик дебютировал в спектакле «Именем революции», где его отец исполнял роль В. Ленина.

Однако сам Саша в юные годы если и мечтал о сцене, то, во всяком случае, не о театральной. Ему хотелось быть музыкантом, благо массовое увлечение «Битлз» как раз выпало на те годы. Еще он всерьез подумывал о карьере спортсмена, так как на уроках физкультуры в школе всегда был в числе лучших. Однако отец мечтал, чтобы его дети стали актерами. Поэтому все три сына, окончив школу, делали попытки поступить в театральные вузы Москвы. И для всех это закончилось неудачей. Не стал исключением и младший. В 1970 году он окончил школу и приехал в Москву, чтобы, по совету отца, поступить в Театральное училище имени Щепкина. Заметим, что в столицу его погнала и несчастливая любовь, которую он имел несчастье пережить в выпускном классе. Но расскажем обо всем по порядку.

По воспоминаниям самого Абдулова, первая женщина появилась у него, когда ему было 16 лет:

«Она была взрослой женщиной, ей исполнился 21 год. Тогда мне казалось, что это жуткое количество лет. Она меня соблазнила. Но я оказался не на высоте. Правда, я был безумно горд, даже наклюкался потом по этому поводу. Пил, кажется, портвейн «Агдам».

В старших классах Абдулов был влюблен в одну из своих

одноклассниц, но она не отвечала ему взаимностью. Однако, будь иначе, судьба нашего героя сложилась бы совсем по-другому и советское искусство не приобрело бы такого актера, как Александр Абдулов. Все произошло во время выпускного вечера летом 1970 года. Когда одноклассники Александра задумали устроить в школе танцы, Абдулов вызвался сбегать домой, чтобы принести уникальные записи — катушку с песнями «Битлз». Он мог бы и не делать этого, поскольку дефицита музыки на танцах не было. Но Абдулов с помощью «Битлов» хотел покорить сердце девушки, которая ему нравилась. Короче, он вскочил на велосипед и рванул домой за записями. Но на обратном пути случилась беда. Дорога шла в гору, и, когда Александр что есть мочи нажимал на педали, катушка с пленкой, которую он засунул под рубашку, упала на землю и понеслась вниз, разматываясь по дороге. В итоге, пока Александр ее догнал, пока возился с намоткой ленты обратно на бобину, минуло больше двух часов. Поэтому, когда он приехал в школу, танцы уже заканчивались, а любимая девушка Абдулова ушла с другим. Уязвленный Александр через несколько дней уехал в Москву, чтобы поступить в театральный институт и навсегда вычеркнуть свою первую любовь из сердца. Однако та попытка завершилась провалом — в вуз его не приняли. Это было в 1970 году.

Абдулов вернулся обратно в Фергану и не стал мудрствовать лукаво: с первого же захода поступил в педагогический институт, на факультет физкультуры. По его словам:

«В институте все считали, что я очень богатый, и многих это раздражало. Дело в том, что я обедал в ресторане. Просто мы с приятелями подсчитали, что за полтора рубля можно съесть шурпу, плов и выпить бутылку минеральной воды. Получалось и вкуснее, и дешевле, чем в любой столовке. А по ночам вагоны разгружали…»

Между тем отец продолжал бередить душу младшего сына театром и часто привлекал его к работе на сцене. Одно время Александр даже работал рабочим в театре — сколачивал декорации, ремонтировал сцену. В конце концов любовь к театру в нем пересилила все остальные увлечения, и он оставил физкультурное поприще. На следующий год Абдулов вновь отправился в Москву, и на этот раз его приезд был удачным — он был принят в ГИТИС на курс известного актера и режиссера Художественного театра Иосифа Моисеевича Раевского.

Буквально с первых же дней своего пребывания в столице Абдулов бросился доказывать всем, какой он гениальный. В нем тогда было много провинциальных комплексов, в том числе — ненависть к москвичам, «золотой молодежи». Он считал себя

талантливым и незаслуженно обойденным вниманием кинематографистов и поэтому чуть ли не ежедневно обивал пороги «Мосфильма». Однако вершиной его творчества тогда были роли солдат, которые бегут в общем строю и орут громогласное «ура». Так продолжалось до 1973 года, пока режиссер Михаил Пташук не заметил долговязого студента Абдулова и не пригласил его на крошечную роль десантника Козлова в свою картину «Про Витю, про Машу и морскую пехоту». Таким образом, благодаря помощи своего одностихийца состоялся дебют Абдулова в кино.

А буквально через несколько месяцев после этого его пригласил в свой фильм уже однокомандник Змеи — Петух. Речь идет о режиссере Александре Митте и его картине «Москва, любовь моя», где студент второго курса Александр Абдулов сыграл крохотную рольку счастливого жениха.

Что касается обычной жизни, то она для Абдулова складывалась на редкость бурно. В это понятие входят и коллективные возлияния, и драки, и приводы в милицию, и, конечно же, любовь, которая в жизни Змеи занимает важное место. Поэтому в Москве 70-х у Абдулова случилось сразу несколько любовных историй, каждая из которых оставила свой след в его судьбе. Например, его первой девушкой в Москве была некая Таня — медсестра из роддома на Таганке. Она снабжала Александра липовыми медицинскими справками, которые помогали ему… прогуливать занятия. А вскрылись эти махинации неожиданно. Однажды староста группы Володя Григорьев попросил Абдулова принести очередную справку, чтобы отнести ее в деканат. И там какой-то дотошный канцелярист обратил наконец внимание, что на справке стоит печать… роддома. «Лавочка» Абдулова закрылась.

Другая любовная история нашего героя едва не закончилась трагедией. Он тогда сильно влюбился в очередную девушку, а она предпочла ему другого — студента того же театрального вуза. Узнав про это, Абдулов пришел в общежитие, закрылся в своей комнате и… вскрыл себе вены. Он уже терял сознание, и жизнь медленно уходила из него, стекая тоненькими струйками в эмалированный таз, когда судьбе было угодно послать ему спасение в лице соседа по комнате. Тот раньше времени вернулся в общагу и, почувствовав неладное, взломал дверь комнаты, где истекал кровью Абдулов.

В 1974 году Абдулов сыграл свою первую главную роль в кино. Правда, фильм был короткометражный и снимался на периферийной студии — «Новосибирсктелефильме» — и назывался «Вера и Федор». Роль последнего и суждено было

исполнить Абдулову. Режиссером ленты был Виталий Гонов.

В 1975 году Абдулов учился на четвертом курсе ГИТИСа и довольно успешно сыграл в дипломном спектакле «Бедность не порок» Гордея Торцова. Именно в этой роли его заметил один из ассистентов режиссера Театра имени Ленинского комсомола и пригласил в театр для проб на роль лейтенанта Плужникова в спектакле «В списках не значился…». Абдулов, естественно, пришел, произвел впечатление на нового главрежа театра Марка Захарова. В итоге студент Абдулов был утвержден на роль Плужникова. Как вспоминал сам актер:

«Захаров почему-то меня заметил сразу (не почему-то, а именно по причине круглой астрологической гармонии. — *Ф. Р.*). Он один в меня поверил, взял мальчишку, идиота напуганного, с четвертого курса ГИТИСа и тащил, хотя его все отговаривали…»

Именно Марк Захаров снял Абдулова в его первой по-настоящему большой роли в кино. Речь идет о 4-серийном телефильме «12 стульев», который снимался летом — осенью 1976 года и где наш герой сыграл инженера Эрнеста Павловича Щукина — мужа небезызвестной Эллочки-людоедочки. Там Абдулову впервые в кино пришлось обнажиться: в эпизоде, где его герой оказался голым на лестничной площадке, после того как попытался докричаться до дворника и случайно захлопнул входную дверь. Именно там, плачущего и намыленного, его и застает Остап Бендер (Андрей Миронов).

Кстати, во время съемок в этом фильме Абдулов едва не погиб в авиакатастрофе. Вот как об этом вспоминает актер Георгий Мартиросян:

«Я отчетливо помню тот день 28 ноября 1976 года. Мы летели из Москвы в Питер. Билеты нам всегда делала знакомая Лена из «Интуриста» так, что нас кругом сажали первыми. В тот день была жуткая погода, все рейсы задерживали. Мы занимаем свои места, салон еще пустой, сидим так минут двадцать. Потом появляется бортпроводница: «Вам нужно пересесть в другой самолет, он полетит первым». Мы пересаживаемся и спокойно улетаем. А через два дня, когда уже вернулись в Москву, мне звонит Лена и запинающимся голосом спрашивает: «Это ты?» Я говорю: «Да». — «Нет, это точно ты?» — «Да точно я!» И тут она рассказывает, что самолет, на который нам достала билеты, упал в Шереметьево при взлете. Тогда про это вышла только одна маленькая заметка в «Известиях»…»

Премьера телефильма «12 стульев» состоялась на исходе года Дракона — в январе 1977 года. А с 18 февраля начался «именной» год Змеи, который стал для Змеи-Абдулова поистине «звездным» — на экраны страны один за другим вышли сразу три фильма с

его участием. Назовем их все: «72 градуса ниже нуля» (Ленька Савостиков), т/ф «Капитанская дочка» (главная роль — Петр Гринев), «Золотая речка» (доктор Рогов). Громче всех прогремят две последние ленты.

Экранизацию знаменитого пушкинского произведения на ЦТ осуществил режиссер Павел Резников. Актерский ансамбль подобрался прекрасный. Например, роль Маши, в которую был влюблен герой Абдулова, сыграла Елена Проклова, в роли Швабрина снялся Леонид Филатов, Пугачева — Владимир Самойлов.

В «Золотой речке», жанр которого относится к истерну (то есть вестерну по-советски), Абдулов сыграл уже несколько иную роль. Нет, она опять была из разряда положительных, но не совсем героическая — это был очкастый юноша-доктор, влюбленный в главную героиню (Евгения Симонова). Кстати, никаких особенных романтических сцен между Абдуловым и Симоновой в этом фильме не было, но они очень скоро появятся в другом их совместном фильме — «Обыкновенное чудо», о котором речь пойдет чуть ниже.

Раз уж дело коснулось любви, то заметим, что на момент работы в «Золотой речке» (а фильм снимался в июле — ноябре 1975 года, и получил за него наш герой 1025 полновесных советских рублей) сердце Абдулова было занято другой женщиной. Причем была она иностранкой — гражданкой США, которая работала в Москве вице-президентом крупного банка. Их отношения зашли настолько далеко, что в один прекрасный день Абдулова вызвали на Лубянку. Он не на шутку испугался, однако, как оказалось, чекисты не собирались его трогать. Вместо этого они стали просить его не бросать свою возлюбленную, а, наоборот, еще теснее сблизиться с ней. «Но зачем?» — искренне удивился Абдулов. «После этого нам с вами будет легче работать вместе, — объяснили ему чекисты. — Ведь ваша любовница — шпионка. Мы давно за ней наблюдаем. Теперь к этому делу присоединитесь и вы. Нам важно знать о ней буквально все — с кем встречается, кто ее навещает, о чем они говорят».

Только после этого Абдулов понял, какую роль отводят ему наследники «железного Феликса». Но тогда он им о своей догадке ничего не сказал. И лишь выйдя на улицу, бросился прочь от страшного места. Ему казалось, что, если он скроется, спрячется, чекисты про него забудут. Однако те стали звонить ему в театр, требовать новых встреч с американкой, угрожали неприятностями. Но Абдулов нашел в себе силы порвать эту связь с гражданкой США, а вскоре эту женщину выслали из страны. Когда она уезжала, в ее глазах стояли слезы. То ли она

действительно любила нашего героя, то ли скорбела по тому, что ее разоблачили как шпионку.

Расставшись с американкой, Абдулов не прекратил своих амурных похождений, поскольку это было супротив его змеиной натуры (Змеи — большие ветреники). В этом деле ему составил компанию его коллега по Ленкому актер Владимир Долинский. С ним наш герой частенько попадал в разного рода истории. Об одном из таких случаев Долинский вспоминает следующим образом:

«Идем мы как-то с ним вечером, веселые, по Тверской. Саша в длинной импортной дубленке и копеечной кроликовой шапке. У «Националя» нас останавливают роскошные красотки и начинают что-то лепетать по-английски, показывая почему-то при этом на свои груди. Быстрее сориентировался я, толкнул Сашку в бок и, процедив сквозь зубы: «Сними кролика!», широко улыбнулся: «Пардон, мадам. Же ву за при, сильву пле, антанде и орэ-вуар». Девушки явно обрадовались заморским клиентам и потащили нас в машину. Саша, сидя впереди, только широко улыбался и периодически громко вставлял: «Ейс, оф коз», при этом почему-то изображал, что стреляет в прохожих из автомата. Видимо, хотел продемонстрировать, что он Джеймс Бонд. Девки просто плавились от счастья: «Глянь, ну фирма!»

В квартиру с нами поднялся их шофер и расположился на кухне, приготовившись ждать окончания банкета. В наши планы это не входило. Пришлось действовать: я достал бордовые корочки театрального пропуска и издали показал сутенеру Толе: «Мы из 9-го отдела. Чтоб духу твоего здесь не было!» Он мгновенно испарился. Банкет набирал силу, мы изображали загулявших фирмачей, играли этюды, доставая из аквариума рыбок и закусывая ими водку, хором пели на ломаном русском «Подмосковные вечера». Случайно я наступил на собачку и выругался было: «Бля…» — но тут же спохватился и продолжил: «Бляремонд де парти, не спа?» Минут через пятнадцать зазвонил телефон. Вдруг в комнату входит одна из девушек и говорит другой: «Представляешь, Толя от любви к тебе совсем с ума сошел, утверждает, что они — менты!» Через какое-то время мы, конечно же, раскололись, но, самое интересное, спустя много лет к Саше на каком-то фестивале подскочила девушка и завопила: «Саша, помнишь, как вы с Долинским нас на Тверской сняли?» Вот была умора…»

То, что советские путаны не смогли распознать в Абдулове киноактера, можно было объяснить только одним: его имя в ту пору еще не было широко известным и толпы поклонниц его пока не осаждали. Но это время было уже не за горами, а пока наш

герой впервые… женился, причем случилось это все в том же 1977 году. Его избранницей стала одна из красивейших актрис советского кино, Ирина Алферова (13 марта 1951 года).

До встречи с Абдуловым Алферова уже успела однажды побывать замужем. Это случилось в первой половине 70-х, когда она, окончив ГИТИС (в 1972 году), перебивалась небольшими ролями в кино (ее дебют — роль в фильме «Учитель пения», 1973). Ее супругом стал сын болгарского дипломата Бойко Гюров. В этом браке 24 мая 1974 года на свет родилась девочка, которую назвали Ксенией. Однако это не спасло молодую семью от скорого развода: Гюров уехал в Болгарию, а Алферова с дочерью остались в Москве. Именно тогда состоялся полноценный дебют Ирины в большом кинематографе: ее пригласил на главную роль (Даша) в 13-серийную экранизацию романа А. Толстого «Хождение по мукам» режиссер Василий Ордынский. Фильм начали снимать в 1973 году, однако съемки растянутся на три года. В итоге на экраны страны картина выйдет к 60-летию Великого Октября (ноябрь 1977-го). Но вернемся на некоторое время назад.

Придя в Ленком в начале 77-го, Алферова сразу же обратила на себя внимание первого красавца отечественного кинематографа Александра Абдулова, сердце которого на тот момент было свободным. По словам самой Алферовой, в героя нашего рассказа она влюбилась в первую же секунду. Их роман развивался стремительно. Кульминация наступила в сентябре того 77-го (кстати, «именного» года Змеи!), во время десятидневных гастролей театра в Ереване. Именно там Александр сделал Ирине предложение руки и сердца, которое девушка практически сразу же и приняла. Правда, поставила перед кавалером одно условие: он должен был пронести ее на руках через весь парк, где они в тот момент гуляли. И Абдулов поднял Ирину на руки и пронес до самого выхода…

Вернувшись в Москву, молодые поженились. Свадьба была из разряда «скромнее не придумаешь» — на ней присутствовали всего… четыре человека: жених с невестой и два свидетеля. Этой компанией был отмечен и поход в ЗАГС. Скромность сия объяснялась просто — новобрачные в то время получали в Ленкоме всего по 80 рублей.

В ноябре 1977 года к Алферовой пришла всесоюзная слава — по ЦТ состоялась премьера 13-серийного телефильма «Хождение по мукам», где она сыграла одну из главных ролей — Дашу. А спустя год свою роль-мечту обрел и ее супруг: все тот же Петух (Марк Захаров) пригласил свою однокомандницу Змею (Абдулов) сыграть прекрасного Медведя в экранизации пьесы Е. Шварца

«Обыкновенное чудо». На главную женскую роль была утверждена уже хорошо знакомая нам Евгения Симонова.

Первые пробы с участием Абдулова в этой картине состоялись 16–28 февраля 1978 года на «Мосфильме». 14 и 17 марта состоялось утверждение худсоветом этих проб. А 15 апреля в 7-м мосфильмовском павильоне начались съемки фильма, но пока без участия Абдулова. Он объявился на съемочной площадке на следующий день, чтобы отсняться в сценах разговора его героя (Медведь) с Волшебником (Олег Янковский) и его женой (Ирина Купченко).

19 апреля прошли съемки эпизодов знакомства Медведя с Принцессой (Евгения Симонова).

21 апреля съемки с участием Абдулова и Симоновой были продолжены.

После этого наш герой почти две недели отсутствовал на съемочной площадке. Появился он там лишь 3 мая, чтобы в декорации «трактир», выстроенной все в том же 7-м павильоне, сняться в сценах дуэли Медведя и Принцессы. На следующий день съемки эпизода были продолжены.

11 — 12 и 15 мая Абдулов снимался все в том же «трактире».

22 мая съемочная группа переместилась на натуру — в Горловский карьер, что в Одинцовском районе Московской области, где в течение последующих двух дней (23–24 мая) были сняты конные эпизоды: скачки Медведя на лошади. Кстати, вместо Симоновой снималась дублерша — Горячева.

25 мая Абдулов вновь снимался в декорации «трактир».

26 и 29 мая он снялся в декорации «дом Волшебника».

30 мая и 2 июня прошли съемки Абдулова в декорациях «дом Волшебника» и «трактир».

6 — 7 июня наш герой снимался в декорации «трактир», 8-го — в «доме Волшебника», 9 и 12 июня — в «трактире».

В следующий раз Абдулов встал перед камерой 15 июня в декорации «двор Волшебника». Затем в течение двух недель съемки шли без его участия. И только 30 июня он вновь объявился на съемочной площадке и снимался в эпизодах с участием Симоновой.

4 — 7 и 10 июля Абдулов снимался в эпизодах «двор Волшебника» и «трактир». На этом съемки фильма были завершены. Правда, 5–6 сентября пришлось делать досъемки — эпизод «Туманная даль» с участием Абдулова, Симоновой и ряда других актеров.

Заметим, что почти одновременно со съемками в «Обыкновенном чуде» Абдулов снимался еще в одном телефильме, но уже из другой «оперы» — это был детектив. Речь

идет о телефильме Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», где наш герой сыграл одного из членов банды «Черная кошка» — Жженого (у него одна часть лица была обожжена). Правда, роль была небольшая и уместилась всего в несколько съемочных дней, выпавших на ноябрь 1978-го (в павильоне Одесской киностудии снимали сцену попадания муровца Шарапова в логово банды).

Пока Абдулов снимался в этих фильмах, на экраны страны в том же 78-м вышли несколько картин с его участием, где он сыграл опять же диаметрально противоположные роли. Так, в сказке «Аленький цветочек» он перевоплотился в прекрасного Принца, а в историко-революционном фильме «Побег из тюрьмы» сыграл видного большевика Николая Эрнестовича Баумана.

1 января 1979 года по ЦТ прошла премьера фильма «Обыкновенное чудо». Именно на следующий день после этого показа Александр Абдулов и проснулся знаменитым. С этого момента и начала свой отсчет его звездная слава, растянувшаяся на четверть века.

В том же году на экраны страны вышли еще пять фильмов с участием Абдулова: «Все решает мгновение» (Виктор Варенцов), т/ф «Красавец-мужчина» (Пьер), т/ф «Место встречи изменить нельзя» (Жженый), т/ф «Тот самый Мюнхгаузен» (Генрих Рамкопф), «Двое в одном доме» (главная роль — Сергей).

Как видим, только в одном фильме наш герой сыграл главную роль. Однако именно она прибавила ему лишнюю толику славы, которая обрушилась на него в те годы. Это была мелодрама о молодой семье, пытающейся обрести счастье в новом доме. Партнершей Абдулова была актриса Мария Соломина, с которой у нашего героя едва не вспыхнул роман. И это при том, что оба они были на тот момент несвободны, причем мужем Марии был популярный актер Виталий Соломин. Вспоминает М. Соломина:

«Мы с Сашей Абдуловым летели со съемок, и в самолете я не заметила, как набралась… Он меня довез до дома и как бы на прощание поцеловал. Но поцелуй был, видимо, не совсем дружеский. В этот момент Витаха вышел с собакой. Причем я никак не ожидала, была поздняя ночь. Это все ужа-а-асно. Я помню только, что на следующий день он взял у меня почему-то паспорт. Ведь он же человек экстремальный. Я, как побитая собака, притащилась к служебному подъезду Малого театра, вся зареванная. Что-то долго лепетала… Он меня простил, хотя был безумно ревнивым человеком…»

Но вернемся к нашей Змее — Александру Абдулову.

На тот момент он был женат на Ирине Алферовой, и про этот

роман судачила вся страна. Без преувеличения можно сказать, что тогда это была одна из самых красивых богемных пар в Советском Союзе. Возможно, именно поэтому в первые годы своего супружества они даже в кино играли мужа и жену (например, в фильме Павла Арсенова 1980 года «С любимыми не расставайтесь», который на фестивале в Душанбе был удостоен одного из престижных призов).

Отметим, что в этой ленте герои Абдулова и Алферовой переживали поистине шекспировские страсти: то расходились, то сходились. В финале героиня Алферовой даже попадала в больницу, и там с ней происходила настоящая истерика, когда ее навещал ее бывший супруг-мучитель.

Название фильма «С любимыми не расставайтесь» оказалось для Абдулова пророческим. В год его выхода на широкий экран (1980) ему пришлось расстаться с двумя горячо любимыми им людьми — отцом и братом.

Сначала из жизни ушел отец Александра — Гавриил Данилович. Это случилось 24 февраля 1980 года в Фергане. Вспоминает А. Абдулов:

«Я приехал на 23 февраля, отец лежал в больнице вроде бы на обследовании. Мы, все три брата, пришли к нему в больницу. Роберт и Володя мне говорят: «Подожди, у него вчера были пионеры, он переволновался. Мы его подготовим, потом зайдешь». Я остался стоять в коридоре. На стене передо мной висела какая-то медицинская газета под стеклом, и в его отражении я видел все, что происходило внутри. Видел, как отцу стало плохо. Прибежали медсестры с капельницами. Володя кричал: «Не входи!» И потом, когда уже отцу вставили в рот трубку такую резиновую, я понял, что больше ждать не могу. Я влетел в палату. Взял на руки голову отца. Он открыл глаза. Сказал: «Приехал!» — и умер…

Потом… не знаю, кощунство это или нет… я взял тело отца на руки и вышел на улицу. Вместе со мной вышли братья, мы сели в машину и увезли его домой. Все три дня, которые полагается, я провел рядом с ним. Отец был коммунистом, но потом выяснилось, что он крещеный. Его отпевали. Его провожала если не вся Фергана, то половина точно…»

Отметим, что Гавриил Данилович скончался в день рождения своего третьего сына — Владимира (24 февраля). А спустя два месяца не стало и самого Владимира. Причем этому событию предшествовала мистическая история. Дело в том, что на похоронах отца Александр положил в гроб фотографию, на которой вся семья была изображена вместе. А это плохая примета. Как видим, она сбылась…

В тот роковой апрельский день Владимир поздно вечером возвращался домой через безлюдный парк, где на него напали неизвестные. В результате брат актера был убит ударом тяжелого предмета по голове. По словам Л. Абдуловой:

«Я никогда не забуду тот день в конце апреля. Вместе с соседкой пошла встречать Володю, но так и не дождалась его. Вышла на улицу и нашла своего сына… Он, мертвый, лежал прямо напротив входа в театр. Только закончился спектакль, все люди шли мимо — они думали, что это пьяный валяется…

Милиция предположила, что Володю до смерти избили в уличной драке. Он как раз шел проявлять пленку, нес с собой фотоаппарат, на него напали пьяные хулиганы, завязалась перепалка…»

А вот что вспоминал по этому поводу А. Абдулов: «Я знаю, что сфабриковали дело, пытаясь представить все таким образом, что якобы брат сам упал и разбился… Ко мне подбежала женщина со словами: «Саша, идите в морг, там дело фабрикуют…» Впрочем, это уже не имело значения. Мне следователь прокуратуры сразу сказал: «В Фергане никто никого искать не станет!» Убийцу до сих пор так и не нашли…»

Заметим, что в том трагичном для Абдулова «обезьяньем» году он сам сыграл в кино преступника. В детективе «Сицилианская защита» режиссера Игоря Усова ему пришлось исполнить роль музейного работника Евгения Борисовича Волкова, который похитил ценную коллекцию антиквариата и собирался сбежать с ней за границу. Но на его пути встает опытный сыщик подполковник милиции Виктор Иванович Стрельцов, роль которого исполнял Николай Волков-младший.

Еще одного коварного преступника Абдулов сыграл в телефильме «Ищите женщину» (1983) режиссера Аллы Суриковой. Этот герой был французского происхождения и носил имя Робера де Шаранса, который убил одного человека и готов был проделать то же самое еще с одним — главной героиней фильма Алисой Постик в исполнении Софико Чиаурели. Но эта женщина оказалась герою Абдулова не по зубам.

Однако не стоит думать, что Абдулову тогда доставались роли исключительно злодеев. Играл он и вполне добропорядочных и обаятельных героев в таких фильмах, как: «Карнавал» (Никита), «Факты минувшего дня» (рабочий-взрывник Григорий Гаврилов), т/ф «Чародеи» (главная роль — Иван Пухов) (все — 1982), «Предчувствие любви» (главная роль — Сергей Аркадьевич Вишняков), «Поцелуй» (Лобытко) (оба — 1983), т/ф «Дом, который построил Свифт» (доктор Ричард Симпсон), «Рецепт ее молодости» (Альберт Грегор), т/ф «Два гусара»

(главная роль — Сашка), т/ф «Формула любви» (Жакоб) (все — 1984), «Самая обаятельная и привлекательная» (1985; Володя Смирнов).

Самыми популярными фильмами из перечисленных оказались: «Карнавал», «Чародеи», «Формула любви» и «Самая обаятельная и привлекательная». В двух из них — «Карнавале» и «Самой обаятельной…» — Абдулов «крутил любовь» с героинями, которых играла Ирина Муравьева.

В «Чародеях» киношной возлюбленной Абдулова была еще одна его однокомандница — Александра Яковлева, исполнявшая роль Аленушки. А вот в «Формуле любви» герой в исполнении Абдулова «крутил амуры» с деревенской девушкой Фимкой в исполнении дочери главрежа его театра Ленком Александры Захаровой.

Впрочем, в «Формуле любви» Абдулов запомнился не столько своими любовными подвигами, сколько музыкальными: на пару с Семеном Фарадой (роль Маргадона) Абдулов проникновенно исполнил песню на итало-абракадабрском языке «Уно, уно, ун-моменто». После премьеры фильма, которая состоялась 31 декабря 1984 года, эта незатейливая песенка стала всесоюзным шлягером.

В начале 80-х годов Абдулов уже по праву считался одним из самых популярных молодых актеров советского кино. Театр имени Ленинского комсомола, в котором он работал, именно благодаря таким актерам, как Абдулов, пользовался огромной любовью зрителей. Особенный успех выпал тогда на долю двух музыкальных спектаклей: «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» и «Юнона» и «Авось», в которых Александр исполнил ведущие роли — Хоакина Мурьету и Еретика. После каждого из этих спектаклей толпы поклонниц осаждали служебный выход Ленкома, в надежде увидеть своего кумира или прикоснуться к нему. Однажды такое прикосновение едва не стоило Абдулову здоровья. Когда он вышел на улицу и увидел толпу девиц, он опытным глазом сразу выделил среди них некую особу, которая была на удивление спокойна и держала правую руку за спиной. Едва он приблизился к своему автомобилю, эта девица бросилась к нему и с криком «Не доставайся никому!» плеснула в него из стакана соляную кислоту. Опередив маньячку на какую-то долю секунды, Абдулов сумел пригнуться, и только поэтому кислота не задела его. Как говорится, повезло.

Стоит отметить, что в те годы Абдулов пользовался спросом не только среди девиц-поклонниц, но и в среде… комсомольской номенклатуры. Как вспоминает сам актер:

«Я бывал в комсомольских банях, когда секретари гуляют. Я

там такого насмотрелся! Представьте себе, сидят интеллигентные люди, говорят умные, правильные вещи — срабатывает сдерживающий фактор: присутствие постороннего человека, то есть меня, артиста. Выпивают стакан. Еще стакан. Сдерживающие факторы перестают срабатывать — ты уже становишься своим. «Неужели у тебя нет премии Ленинского комсомола? Ну, старик, ты даешь! Петя, — обращается старший комсомолец к младшему, — завтра же организуй Абдулову премию…» Еще стакан. И понеслось. И уже девочки. И все остальное. А наутро эти люди тебя даже не узнают…»

В середине 80-х Абдулова стали приглашать в качестве исполнителя на различные помпезные мероприятия, что указывало на определенное отношение к нему властей предержащих (ненадежных актеров на такие действа обычно не звали). Однако по разным причинам актеру удавалось счастливо избегать подобного рода выступлений. Как это происходило, рассказывает сам актер:

«В мае 1985 года я должен был принимать участие в концерте, посвященном 40-летию Победы. Мы тогда подготовили номер: я читаю стихи протеста, Долина поет песню протеста, а артисты ансамбля Игоря Моисеева пляшут танец протеста вокруг нас. Шла репетиция. Пришел министр культуры Демичев. Артисты сидят в первых рядах большого темного зала, мандражируют. Он — на самой верхотуре, молча наблюдает. Вдруг голос: «А почему нет Лещенко и Кобзона?» Моисеев (постановщик действа) не смог ответить. Тогда было велено, чтобы они вместо нас с Долиной исполняли песню «Ядерному взрыву — нет!». Перед нами извинились, и мы пошли к выходу. Когда проходили мимо Олега Борисова, который ждал своей очереди, он прошипел: «О, счастливцы».

А в феврале 1986 года я отказался читать стихи В. Фирсова на концерте для делегатов XXVII съезда партии. Дело было так.

Стихи принесли в театр, директору. Они назывались «Мы державно идем в коммунизм». Я не знал, что делать. Мы тогда репетировали «Диктатуру совести», и в зале сидел Михаил Шатров. Он мне и насоветовал отказаться. Я позвонил в Идеологический отдел ЦК, долго извинялся, ссылался на слабоумие. А потом, черт меня дернул, спросил, читали ли они сами эти стихи. Мне вежливо сказали, что нет, не читали. Я взял и брякнул: «Почитайте. Это за гранью добра и зла». Мне так же вежливо ответили, что обязательно последуют моему совету.

Через полчаса из кабинета выскочил перепуганный директор с криком: «Ты никогда не получишь звание заслуженного!» Оказывается, ему позвонили и сказали: «Мы долго решали, кому

поручить столь ответственное дело — Лановому или Абдулову. Предпочли Абдулова. Так вот, передайте ему, что нам тоже нравится не все, что он делает. И еще ему передайте, что стихи, одобренные Идеологическим отделом ЦК КПСС, не могут быть за гранью добра и зла». И повесили трубку. Театр лихорадило, думали, что за этим последует приказ уволить меня и т. д. Но все обошлось…»

В последнем Абдулов прав — действительно все обошлось. Более того: именно в «тигрином» 1986 году ему было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. Судя по всему, свое дело сделала природная изворотливость Змеи — она, как никто другой, умеет так приспосабливаться к любой ситуации, что выгода сама идет к ней в руки. Вспомним характеристику Близнецов-Змеи: «У нее достаточно уравновешенные и продуманные поступки. Такой человек никогда не будет делать то, что может серьезно повредить ему или заставить потерять контроль над ситуацией. Он никогда не раскрывает своих целей, но достигает их неожиданно быстро и верно благодаря прекрасной интуиции, хорошим рефлексам, внутреннему балансу…»

Как актер кино Абдулов во второй половине 80-х записал на свой счет следующие фильмы: т/ф «В поисках капитана Гранта» (главарь бандитов Боб Деготь), «Тайны мадам Вонг» (Доул) (оба — 1986), т/ф «Страховой агент» (главная роль — Виссарион Булкин), «Веселая хроника опасного путешествия» (Шалом), «Сошедшие с небес» (главная роль — Сергей), «Храни меня, мой талисман» (Митя Климов), т/ф «Гардемарины, вперед!» (граф Василий Федорович Лядащев) (все — 1987), «Десять негритят» (Энтони Марстон), «Филер» (Ваня) (оба — 1988), «Убить Дракона» (1989; главная роль — рыцарь Ланцелот).

Лично мне из этого списка запомнились два фильма: «Десять негритят» и «Убить Дракона». В первом из них роль Абдулова уместилась всего в несколько минут, но это было запоминающееся появление: герой в исполнении Абдулова эффектно умирал от отравления ядом, картинно падая на стол перед глазами остальных девяти героев, которые должны были вскорости последовать за ним — тоже умереть, но уже иначе.

В «Убить Дракона» Абдулов исполнял роль уже иного плана — положительную. Это был храбрый рыцарь Ланцелот, который бросал вызов злому и ужасному злодею — Дракону в исполнении коллеги Абдулова по Ленкому Олега Янковского.

Что касается театральных работ Абдулова, то самыми запоминающимися ролями в Ленкоме во второй половине 80-х у него оказались две: в «Поминальной молитве» и

«Оптимистической трагедии». Причем если в первой он сыграл чудаковатого еврея, то во второй — душегуба-анархиста Сиплого. По словам Марка Захарова:

«Какое-то время Абдулов оставался просто милым-обаятельным-красивым, пока дело не дошло до постановки «Оптимистической трагедии». И вот тут-то мы впервые по-настоящему разглядели артиста Абдулова: эту новую, невиданную энергетику, он наносил поистине гипнотические удары по зрителям, овладевая залом! И с этих пор эта энергия сопровождала его буквально в каждой роли…»

До момента распада СССР в декабре 1991 года Абдулов добавил в свой послужной список еще несколько кинолей в таких фильмах, как: «За прекрасных дам!» (Гена), «Леди Макбет Мценского уезда» (главная роль — Сергей), «Руанская дева по прозвищу Пышка» (прусский офицер) (все — 1990), «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» (Владимир), «Анекдоты» (главная роль — рассказчик анекдотов В. Кутузов), «Сукины дети» (главная роль — актер Игорь Гордынский), «Униженные и оскорбленные» (Маслобоев) (все — 1991).

В начале 90-х Абдулова охватила невероятная доселе деловая активность. В родном театре он организовал благотворительные вечера под названием «Задворки», затеял возрождение церкви в Путинках, создал театрально-концертное объединение «Ленком». Когда ему задали вопрос, зачем он это делает, Абдулов ответил: «Наша задача заставить людей снова поверить в благое дело. На Руси всегда были богатые купцы, для которых вложить деньги в культуру не просто престижно. Это вопрос долга. Чести, если хотите. Так вот, я за возрождение такой чести. А не той, что долгие годы проповедовала коммунистическая партия со своей коммунистической моралью… Я же не обком собираюсь строить, а церковь возрождать!..»

Какая мораль пришла на смену коммунистической, люди некогда великой страны под названием СССР увидели достаточно скоро. И многие тогда подумали: лучше бы старая мораль никуда не уходила, поскольку пришедшая ей на смену новая мораль никакого отношения к морали вообще не имела. Выражаясь словами самого Абдулова, это было за гранью добра и зла.

Буквально накануне распада СССР советская власть сочла возможным отметить заслуги Александра Абдулова: 28 ноября 1991 года ему присвоили звание народного артиста СССР. То есть он успел вскочить на подножку уходящего поезда. Впрочем, таким образом повезло не только ему, но и еще нескольким известным артистам: его коллеге по Ленкому Олегу Янковскому, певице Алле Пугачевой. Именно им в итоге и суждено будет стать

последними «народными артистами СССР».

В начале 90-х, когда гласность в российской печати сменила так называемая свобода слова, на смену политическим скандалам, от которых народ порядком устал, пришли скандалы из мира искусства. И в одном из самых громких скандалов того времени оказался замешан Абдулов. Случилось это в декабре 1992 года, когда газета «Собеседник» опубликовала отрывок из книги журналистки Дарьи Асламовой «Записки дрянной девчонки». В этом отрывке она довольно подробно описала, как четыре года назад умудрилась соблазнить двух известных российских мужчин — Руслана Хасбулатова и Александра Абдулова.

Хорошо помню тот эффект, который произвела эта статья на рядовых читателей. Во-первых, по тем временам это была очень редкая публикация, так как в основном российская пресса топталась на сексуальной жизни западных «звезд». Во-вторых, имена «соблазненных» были выбраны очень удачно — Хасбулатов в те годы был яркой «звездой» на политическом небосклоне России, а Абдулов — в искусстве. Короче, статья стала сенсацией. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу ту часть публикации, где речь шла о герое нашего рассказа:

«Одно печальное любовное приключение навсегда отучило меня от связей со знаменитыми людьми. Было это три года назад (в 1989 году. — *Ф. Р.*). Я и моя подруга Жанна работали тогда на телевидении в программе «Монтаж» у талантливых ребят Димы Диброва и Андрея Столярова… Как-то мы решили снять сюжет о Чебурашке — сделать смешное интервью с большеухим актером, якобы бывшим прототипом мультгероя. Для этой цели известный ныне художник Боря Краснов привел меня в Театр Ленинского комсомола и познакомил в баре с Александром Абдуловым. Я проходила под кодовым названием Чебурашка.

Абдулов пригласил меня в свой кабинет, куда как раз нагрянула компания каких-то коммерсантов, заключающих договор с театром. Из шкафчика извлекли коньяк и рюмки, в буфете купили бутербродов, и началась спонтанная шумная пьянка.

Александр Абдулов, очаровательный циник и гениальный актер, обладает даром увлекать людей по своей собственной колее. Его умная безнравственность обезоруживает даже самых застенчивых. Трудно хоть сколько-нибудь продвинуться в сердце этого человека. Он видел уже столько хорошего и дурного, что его невозможно ничем удивить. Во всяком случае, не 19-летней девочке пытаться его покорить.

Все мы были воспитаны на «Обыкновенном чуде» и грезили о

юном принце. Какой разительный контраст между мечтою детства и тем человеком, который со вкусом пьет коньяк, рассказывает похабные анекдоты, да еще и делает это так соблазнительно. Впрочем, вполне возможно, что цинизм — лишь одна из его привычных ролей, которая наиболее ему удается. Женщины идут за ним слепо, как будто слыша звуки волшебной флейты.

В тот вечер, не смущаясь присутствия большой компании, Абдулов умело ласкал под столом мои колени. Дальнейшее помню смутно, так как уснула на диванчике в его кабинете.

Очнулась я в час ночи, услышав поворот ключа в двери. Шумная компания уже покинула кабинет, на столе валялись объедки пиршества. В комнату вошел Абдулов, такой элегантный и выдержанный, как будто это не он провел несколько часов в обществе бутылки коньяка. Не хочу скрывать: через некоторое время я подчинилась его опытным рукам и деликатным губам.

Возвращаясь домой в темной пещерке такси, я переваривала подробности вечера и дала себе зарок не допускать больше случайных животных сопряжений. Но случилось так, что спустя полгода по каким-то телевизионным делам мне понадобилось увидеть Абдулова. Для надежности я прихватила свою подругу Жанну.

Вежливо обсудив с нами дела, Абдулов вдруг обратился к моей подруге: «Вы, наверное, хотите посмотреть спектакль. Пойдемте, я вас провожу». Растерявшаяся Жанна что-то промычала в ответ и подчинилась настойчивому предложению. Когда мы остались вдвоем, Абдулов запер дверь на ключ. Я пыталась лепетать что-то протестующее, но под первым поцелуем растаяло мое слабое сопротивление. Второй сексуальный опыт оказался менее удачным и принес и мне, и ему одно разочарование.

Во мне все бунтовало: мужчина, не заглянувший хотя бы из любезности в душу женщины, не имеет права на ее тело. Выставив наружу колючки своего цинизма, Абдулов берет женщин как случайную добычу. Не утруждая себя долгой прелюдией, он воспринимает прекрасное таинство как приятную забаву, пробу сил. И все же это не его вина — его избаловали женщины, подобно мне забывшие свое достоинство, пусть даже на короткий срок, и расплачивающиеся за свои миражи…»

После появления воспоминаний Асламовой упомянутые в них мужчины повели себя по-разному. Хасбулатов полностью проигнорировал ее появление, видимо, посчитав ниже своего достоинства отвечать на выпады молодой журналистки, а Абдулов справедливо возмутился. Он заявил, что все написанное — ложь, и добавил: «Хочу купить лицензию на отстрел

журналистов».

От себя замечу, что эта публикация совершенно не поколебала любовь зрителей к своему кумиру, да и не могла поколебать. Если бы, к примеру, в статье говорилось о том, что Абдулов ворует запчасти с завода, это заявление могло уронить реноме актера среди обывателей. Но то, что он соблазняет девушку, в глазах читателей было вполне обычным делом. Ведь большая часть экранных героев Абдулова только этим и занималась. Эта маска настолько сильно приросла к лицу этого актера, что сорвать ее ему так и не удалось, даже после исполнения характерных ролей в целом ряде замечательных картин.

Между тем куда больше разговоров и кривотолков вызвало в тот год другое событие, связанное с именем артиста, речь идет о телевизионном клипе, в котором партнершей певца Александра Серова была жена Александра Абдулова Ирина Алферова (кстати, у них с Серовым круглая астрологическая дисгармония). Они так проникновенно играли двух влюбленных, что зритель сразу сделал вывод — в семье знаменитых актеров не все ладно. И, как оказалось, эти слухи имели под собой основание — Абдулов и Алферова действительно были в разводе. Вскоре это подтвердилось печатно — в апреле 1993 года Алферова дала интервью газете «Неделя», где рассказала следующее:

«Есть такое расхожее выражение — «жить как за каменной стеной». У меня никогда не было такого ощущения. Я всегда рассчитывала только на себя. Все, чего я добилась в своей жизни, я добилась сама. Мне нередко доводилось сталкиваться с неподдельным удивлением людей, которые говорили: «Что же ваш муж, много играющий и снимающийся, не может замолвить за вас словечко знакомым режиссерам?» — «Не может!» — отвечала я. Мне не верили. А он действительно никогда мне не помогал. И объяснял это очень просто: «Ты и так талантлива, тебя должны заметить без протекции. Вот если б ты была бездарна, тогда, конечно, без блата не обойтись! Для тебя же любые мои хлопоты будут унижением». Не знаю, может, он и был прав, но мне всегда хотелось, чтобы за меня хоть раз похлопотали…

Вспоминаю такой случай. Однажды, когда мы играли «Карманный театр» на Малой сцене Ленкома, после спектакля ко мне подошел американец из Голливуда. Вцепился в меня как клещ: «Вы же звезда! Единственная в этой стране! Поедем! Я сделаю вас мировой знаменитостью!» Но Абдулов сказал: «Нет, мы едем домой!» И увез меня в общагу…»

И опять же все сказанное весьма характерно для человека, рожденного в год Змеи. Эти люди достаточно ревнивы и никогда

не станут помогать своим вторым половинам сделать карьеру, поскольку это, во-первых, задевает их самолюбие, и во-вторых, — возбуждает в них дикую ревность. Короче, люди-Змеи чаще всего нацелены на то, чтобы брать, а не отдавать.

Отмечу, что к этому времени в жизни Алферовой был уже другой мужчина — актер Сергей Мартынов (1952). Они познакомились в 1992 году на съемках фильма режиссера Николая Литуса «Звезда шерифа». Он играл врача-психиатра, она красавицу актрису, жену влиятельного мафиози, обратившуюся к нему за помощью. О своем новом избраннике И. Алферова рассказывает:

«Сегодняшний мой мужчина очень красивый. Огромные зеленые глаза, сложен как Бог. Он пытается как-то помочь мне выжить в этой жизни. Он пишет рассказы, у него абсолютный слух, и он поет так, что можно с ума сойти. Он прекрасно рисует, нарисовал мой портрет, там моя суть в идеальном варианте…»

Однако вернемся к герою нашего рассказа — Александру Абдулову.

В 90-е годы его жизнь оказалась чрезвычайно насыщенной как в творческом, так и в личном плане. Он сыграл несколько интересных ролей как в театре (например, Алексея Ивановича в пьесе по Ф. Достоевскому), так и в кино. В последнем это были следующие фильмы: «Гений» (главная роль — Сергей Ненашев), «Дело Сухово-Кобылина» (Кречинский), «Дом под звездным небом» (главная роль — Жора), «Осада Венеции» (граф Бадрицкий) (все — 1992), «Официант с золотым подносом» (главная роль — Алексей Удальцов), «Странные мужчины Семеновой Екатерины» (главная роль — Игорь), «Грех. История страсти» (главная роль — Сергей), «Сумасшедшая любовь» (главная роль — пациент сумасшедшего дома) (все — 1993), «Над темной водой» (главная роль), «Золото» (главная роль — Андреас), «Настя» (Владимир Тетерин), «Тюремный романс» (главная роль — Лев Артынов), «Я виноват» (главная роль — Виктор Иванович) (все — 1994), «Кофе с лимоном» (1995; главная роль — Валерий Островский).

Как видим, в большинстве перечисленных фильмов (в одиннадцати!) Абдулов исполнял главные роли. То есть он и в лихие 90-е, когда прежний советский кинематограф канул в Лету, а новый российский только вставал на ноги, оставался востребованным артистом. Однако эта востребованность ни о чем не говорила. Дело в том, что львиную долю этих картин сегодня уже никто не помнит в силу того, что настоящим кинематографом это было назвать трудно: то было типичное «скоропортящееся кино», которое создавалось исключительно

ради одной цели — по-быстрому срубить «бабло» и не париться по поводу дальнейших перспектив снятого произведения. Но сам Абдулов не считал этот опыт неудачным. По его же словам:

«Я уверен сегодня, что был совершенно прав, снимаясь очень много, к сожалению, не всегда удачно. Иначе что же я должен, сидеть дома сложа руки и ждать, когда меня пригласят Михалков, Рязанов или Данелия? А если бы не пригласили? Кем бы я был сегодня? (Кстати, в фильмах этих режиссеров Абдулов так ни разу и не снялся. — *Ф. Р.*) Я могу назвать фамилии сотен артистов, очень талантливых, которые так и остались невостребованными. Кинорежиссеры в театры не ходят, ассистенты тем более… Можно, конечно, уповать на его величество Случай. Но его никогда не будет в твоей жизни, если ты не борешься за него. Я люблю работать, мне нравится играть. Мне важен процесс. Я не видел больше половины своих фильмов. Для меня важна незаканчиваемость самого процесса. Снялся в фильме, надо сразу сниматься в следующем. Иначе возникает ощущение чудовищной пустоты…»

Из всех перечисленных выше картин лично мне нравится одна — «Гений» Виктора Сергеева. Это настоящее кино, которое с годами становится не хуже, а даже лучше. Смотря сегодня эту картину, я всякий раз поражаюсь, каким образом такой фильм мог появиться в те, в общем-то, малопримечательные с кинематографической (да и не только) точки зрения годы. Надеюсь, читатель тоже любит этот фильм, где Абдулов замечательно сыграл талантливого изобретателя, вынужденного применять свой талант на поприще не совсем законного бизнеса, из-за чего у него появляются проблемы во взаимоотношениях как с правоохранительными органами, так и с бандитами.

Во второй половине 90-х Абдулов создал собственную антрепризу, где поставил детский спектакль «Бременские музыканты» (чуть позже он его экранизирует). Кроме этого, наш герой являлся одним из организаторов Московского международного кинофестиваля. Он также написал сценарий и снялся в главной роли (Немой) в фильме Виктора Сергеева (это уже был четвертый их совместный фильм) «Шизофрения», вокруг которого разгорелись нешуточные страсти. Главным объектом этих страстей стал консультант фильма Александр Коржаков, который к моменту выхода «Шизофрении» на экран попал в немилость к кремлевскому руководству. По этому поводу Абдулов тогда заявил:

«Да, консультант картины — Коржаков. Но ведь фильм начали снимать, когда Коржаков был другом Бориса Николаевича. Я что, знал, что они расстанутся? Или я должен был

после этого выгнать его с картины?! Я же не идиот! Человек чудно работал на картине. Он смотрел весь материал, ездил для этого в Ленинград…»

Премьера «Шизофрении» состоялась 28 июля 1997 года в Москве. Увы, но эта картина не стала открытием, как пять лет назад это произошло с другой картиной Сергеева и Абдулова — «Гений».

Среди других фильмов конца 90-х с участием героя нашего рассказа значились следующие: «Черная вуаль» (главная роль — Рокшин), «Простодушный», «Первая любовь» (все — 1996), «Женская собственность» (1999; Сазонов).

В те годы Абдулов почти все свое свободное время проводил за городом — под Внуковом у него был прекрасный дом. С ним жили его тогдашняя жена Галина, мама Людмила Александровна. Иногда к ним в гости приезжал сводный старший брат Александра Роберт, который когда-то окончил Институт нефти и газа имени Губкина, а теперь был на пенсии.

Из интервью А. Абдулова конца 90-х: «Со мной тяжело. Я не могу ко всему подходить… правильно. Например, не могу дружить с нужными людьми только потому, что они нужные. Я вообще не меняю друзей. Со своими друзьями я дружен вот уже более 20–25 лет. Новых приобретений очень мало. Я ненавижу предательство. Кто однажды предал меня — а это произошло с несколькими людьми, тот для меня больше не существует…

Судьба ко мне всегда была благосклонна. Меня в одном доме маньяк рубил топором. В Севастополе я под водой уходил в грот, каким-то чудом там развернулся и, содрав кожу и плавки, выскочил оттуда. В другом случае я едва не разбился в авиакатастрофе, но вовремя пересел на другой самолет, а тот, который я покинул, в итоге потерпел крушение…

У меня 140 работ в кино — и ни одной премии. В театре за 20 лет работы я получил лишь однажды «Золотую маску». И вот сейчас за «Варвара и еретика» — «Хрустальную Турандот» и премию фонда Станиславского. Я допускаю, конечно, что я плохо играю. В конце концов, Бог даст — доживу до старости глубокой и получу что-нибудь «За честь и достоинство» или «За выслугу лет».

На тот момент собственных детей у Абдулова не было, зато у него был удочеренный ребенок — дочь его бывшей жены Ирины Алферовой от первого брака Ксения. Она одно время хотела пойти по стопам родителей и стать актрисой. В начале 90-х она сыграла главную роль в спектакле «Кентервильское привидение», поставленном на сцене театра «Современник», а также снялась в кино — в фильме «Высший класс» (1991; Ника). Однако затем она

выбрала иное поприще — поступила на юридический факультет МГУ. После его окончания устроилась юристом в английской фирме в Москве. И все же родительские гены в итоге возьмут свое и Ксения уйдет в актрисы. Но об этом чуть позже, а пока вернемся к Александру Абдулову — взглянем на его личную жизнь той поры.

После развода с Алферовой он снова женился: его избранницей стала девушка по имени Галина. В прошлом она была балериной, а на момент знакомства с Абдуловым училась на менеджера в Российской академии театрального искусства. На протяжении нескольких лет российская пресса называла эту пару одной из самых счастливых в богемной среде. Но в 2001 году Александр и Галина неожиданно развелись. Что послужило поводом к такому повороту событий, доподлинно неизвестно: то ли они просто устали друг от друга, то ли в дело вмешались куда более серьезные причины. Например, в начале третьего тысячелетия в СМИ появилось несколько публикаций о том, что Абдулов флиртует с девицами на различных тусовках. Сам актер категорически это отвергал, но молодая супруга могла ему просто не поверить…

В апреле 2000 года «Желтая газета» опубликовала на своих страницах интервью с Алиной Менцовой, которая некоторое время была телохранителем Абдулова. Об этих днях она вспоминает так:

«Абдулов был моим последним клиентом (перед этим Менцова охраняла Сергея Кириенко. — *Ф. Р.*). Александр обратился в спецслужбу, потому что ему кто-то угрожал: анонимные письма, частые звонки по телефону… В театр присылали вырезки из газет, на которых лицо Абдулова было перечеркнуто; иногда на стеклах машины артиста писали слово «смерть». Меня сняли с охраны Кириенко и приставили к Александру Гавриловичу. Очень обаятельный мужчина… Он, наверное, так и не поверил, что я могу ему помочь в случае чего. Воспринял меня как девушку легкого поведения — постоянно домогался, пытался ущипнуть за задницу. Я несколько раз ставила его на место, хотела даже уйти. Два месяца работала с Абдуловым без происшествий. Потом он отказался от наших услуг. Все-таки частная охрана — дорогое удовольствие: 900 долларов в месяц. Он очень возмущался: «За такие деньги телохранители могли бы и интимные услуги оказывать». После Абдулова я ушла «на пенсию».

Спустя несколько месяцев после выхода в свет этого интервью — осенью 2000 года — в жизни Абдулова появилась новая женщина. Это была журналистка Лариса Штейнман (1972).

Познакомились они на работе. Абдулов в те дни снимал мюзикл «Бременские музыканты», а Лариса приехала на съемочную площадку, чтобы взять у знаменитости интервью. Интервью девушка взяла и… влюбилась в Абдулова по уши. Он же никаких особых знаков внимания ей тогда не оказывал. Потом судьба снова свела их вместе: Лариса писала материал о сериале «Фаталист», где Абдулов играл главную роль.

Перелом в их отношениях произошел в конце апреля 2001 года. Причем поводом к этому послужил скандал, который случился с артистом в поезде Минск — Москва. 28 апреля Абдулов вместе со своим коллегой Сергеем Гармашом возвращались из столицы Белоруссии на родину и изрядно выпили. На этой почве они стали ночью задирать проводников, и те вызвали к месту происшествия наряд железнодорожной милиции (это случилось в Смоленске). Но, когда милиционеры попытались вывести разбушевавшихся актеров из вагона, те отказались подчиниться. В итоге началась рукопашная. В ней больше всего досталось Абдулову — стражи порядка здорово «разукрасили» ему лицо. Утром артисты предстали перед судом, который вынес им наказание — по 150 рублей штрафа с каждого.

Между тем 29 апреля в Москве проходила церемония вручения кинематографического приза «Ника», и Абдулов должен был на ней присутствовать. Но после случившегося в поезде он предпочел остаться дома. А поскольку сидеть одному ему было скучно, он позвонил Ларисе Штейнман (она в тот момент была на пути к Дому кино) и пригласил к себе в гости. Та немедленно развернула автомобиль в обратную сторону. Позже Лариса вспоминала: «В тот день я впервые перешагнула порог его квартиры. Абдулов с фингалом под глазом был грустен, в руке держал протокол об избиении. Александр казался абсолютно одиноким, заброшенным человеком. Я представляла жизнь человека такого масштаба иначе: личный врач, массажист, психолог и т. д. Никого! Он был предоставлен самому себе…»

С этого момента Абдулов и Лариса практически не расставались: вместе ездили на гастроли, на съемки, посещали различные светские тусовки. А спустя месяц-полтора Лариса и вовсе переехала жить к Александру. И первое, что сделала, — стала обставлять ему квартиру. Она купила новую мебель, барные стулья, кресла. Затем перешла на гардероб возлюбленного: подарила ему интересные брюки с лампасами, замшевые штаны, стильную обувь. До этого у Ларисы было несколько романов с состоятельными мужчинами, но всегда в качестве обожаемого объекта выступала она. Здесь же она полностью растворилась в Абдулове: перестала звонить своим подругам и друзьям,

практически не общалась с собственным 11-летним сыном. А когда актер удивлялся такому самопожертвованию, она то ли в шутку, то ли всерьез отвечала: «Абдулов, без тебя моя жизнь утратит героический смысл. Я делаю свой вклад в историю российского кинематографа, не лишай меня этой роли».

Вспоминает Лариса Штейнман: «Ревновать к Абдулову — все равно что плакаться: почему елка колючая? Абдулов и женщины — это вечная тема. Любая красивая женщина, которая оказывается на горизонте, тут же становится объектом его внимания. Александр в потрясающей физической форме, он гениальный любовник. И, я думаю, глупо было бы на моем месте бить себя в грудь, что я у него единственная, неповторимая на всю оставшуюся жизнь.

Он очень красиво ухаживает за дамами. У нас с первого момента знакомства на ревности была поставлена точка. Никаких претензий, никаких попыток контролировать его. Если ему нравится женщина — он будет обладать ею, какой бы ценой это ни измерялось. Мне было трудно делить Абдулова с другими женщинами. Самое обидное, что он не скрывал своих любовниц, устраивал на моих глазах настоящий разврат. В Абдулова постоянно влюблялись молодые девицы, а я страшно ревновала, переживала. Особенно доставала его Настя Волочкова, названивала по сто раз на дню. Роман у них был непродолжительный, Саше не нравилась ее навязчивость…

Все эти два года мы с ним жили как партизаны в землянке. Абдулов панически боялся, что нас сфотографируют папарацци. Он скрывал нашу личную жизнь как мог. Абдулов живет в придуманном мире, он построил свои воздушные замки, расставил всех людей, как на шахматной доске, и, когда я пыталась ему объяснить, что жизнь не такая, он отвечал: «Лариса, я построил себе замок на песке, я придумал себе мир, я хочу в этом мире жить. Не разрушай его, не мешай мне. Мне так удобно».

Роман Абдулова и Ларисы продолжался два года. По словам Ларисы, их разлучили друзья популярного актера, которые чуть ли не с первых же дней их знакомства стали строить козни против девушки. Началось все с неприятных высказываний в ее адрес, а закончилось откровенными угрозами. Когда она попыталась выяснить, в чем виновата, ей ответили вполне конкретно: «Ты внесла трещину в нашу мужскую дружбу».

Лариса Штейнман вспоминает: «Наверное, я переоценила свои возможности, оказалась слишком слабой, чтобы противостоять этому прессингу. Мне надо было расстаться с Абдуловым раньше — сразу после того, как люди, назвавшиеся

его друзьями, затолкали меня в «Мерседес» и увезли ночью в офис, где заставили под диктофон дать обещание, что я уйду от Саши и уеду из Москвы… Я тогда испугалась до чертиков, но любовь свою не предала…

Единственным человеком, который все это время относился ко мне с большой теплотой, была мама Саши — Людмила Александровна. Она видела, что я пытаюсь что-то сделать для ее сына, хотя, наверное, это и выглядело смешно. Похоже, она понимала меня чисто по-женски, когда говорила: «Бедная влюбленная девочка хочет сыграть какую-то роль в жизни великого артиста. Как она наивна». Кстати, его брат Роберт тоже ко мне хорошо относился. Они видели нашу жизнь изнутри и как-то пытались сгладить все острые моменты, которые возникали…»

Этот красиво начавшийся роман закончился в январе 2003 года. А спустя восемь месяцев вездесущие папарацци, которых так боялся Абдулов, обнаружили возле него новую избранницу. Артист объявился с ней в ночь на 3 сентября в саду «Эрмитаж», где отмечался юбилей актрисы Елены Прокловой. Как выяснилось, девушку звали Маша Попова, ей было 23 года, она работала тележурналисткой в Минске. В этом городе Абдулов оказался в конце августа на съемках очередного фильма, а Машу занесла туда служебная необходимость — она делала репортаж со съемочной площадки. Чем-то эта ситуация напоминала ту, что случилась три года назад с Ларисой Штейнман: та ведь тоже познакомилась с Абдуловым на съемках.

Однако прошло всего несколько месяцев, и осенью того же 2003 года Абдулов познакомился с очередной своей пассией — актрисой Викторией Лановской (1980). По ее словам:

«Мы с Сашей познакомились на дне рождения у моей подруги. Среди гостей я увидела Абдулова! Красавец мужчина шутил, пел… На меня произвело впечатление, что рядом оказался человек-легенда. Мы разговаривали, и мне не верилось, что все это наяву. Ведь еще четыре года назад я жила в Саратове и даже представить себе такого не могла. Но по-настоящему доверительные отношения сразу не завязались — я терялась при нем. Я рассказала Абдулову о своих ролях в кино и попросила посоветовать хорошего преподавателя актерского мастерства. Саша дал номер мобильника и предложил перезвонить через денек-другой. Так я и сделала, однако Абдулов, видимо, был занят и, извинившись, предложил связаться с ним через полчаса. Но я девушка гордая и решила не надоедать. Позвонила только через месяц. История повторилась. Потом опять и опять. Наши пустые созвоны длились полгода, пока в один прекрасный момент Саша сказал: «Я не понимаю, это тебе надо или мне?! Что ты

сейчас делаешь?» — «Только 11 часов утра — дома сижу», — ответила я. «Собирайся и приезжай ко мне на Гиляровского. И захвати с собой портфолио».

Мне стало страшно, ведь я слышала столько сплетен, что Абдулов жуткий бабник и бросается на женщин прямо с порога. Все же взяла альбом и поехала. Досужие разговоры оказались враньем! Саша вел себя очень галантно: помог в прихожей раздеться, проводил в гостиную, включил музыку, а сам отправился на кухню готовить обед, пошутив: «Поздний завтрак лучше раннего ужина!» Саша соорудил яичницу с колбасой и помидорами.

Он вел себя как радушный хозяин, никакой звездности и в помине. А я сижу в ступоре, рта открыть не могу… Саша тут же сориентировался и предложил: «Может, чего-нибудь покруче, чем яйца? Коньячку?» Я кивнула… После пары рюмок мы беседовали, как старинные друзья, и листали мое портфолио. Саше очень понравились снимки, и он тут же забрал себе два фото. Мы проговорили до вечера, и никаких даже самых легких намеков на приставания не случилось. В ночь ему нужно было улетать на съемки, он вызвал два такси: себе в аэропорт и мне до дома. Вернувшись в Москву, он тут же пригласил меня в ресторан. И пошло-поехало: казино, ленкомовское кафе, посиделки у друзей. Как-то мы приехали с компанией к нему домой: застолье затянулось за полночь. Потом гости разошлись, а мы остались вдвоем. Тут он проявил настойчивость, я не сопротивлялась, потому что уже давно влюбилась по уши…

Утром кофе в постель никто никому не подавал. Выпили по стакану холодной воды и снова занялись любовью! У нас никогда не было времени на завтрак. Саша вечно куда-то опаздывал. И мы предпочитали лишние полчаса поваляться в постели. Едва утолили жажду — и снова вперед! Все казалось волшебным…

Саша очень хотел, чтобы я родила ему сына. Буквально каждое утро просил об этом. Но постоянные гости, застолье… Еще Саша много курил, а ведь у него тромбо-флебит. Перед тем как делать детей, ему надо было отдохнуть. У Саши на это не находилось времени. Я готова была родить и очень просила его уехать на Валдай в его домик. На свежий воздух. Чтобы бросить курить — речи не было. Он однажды бросал и за две недели набрал чуть ли не 10 килограммов. Вся семья просила его отдохнуть и подлечиться, ведь он трудился день и ночь. Саша до 2–3 часов ночи сидел за столом с друзьями, а в шесть утра вставал. А потом целый день работал — приезжал никакой, а вечером снова застолье. И так каждый день в течение полутора лет нашей совместной жизни…

К сожалению, я так и не забеременела. Все как-то не получалось — все эти рестораны, презентации, спектакли. Мне в один прекрасный момент все это поднадоело. Потому что я тоже хотела делать карьеру. Но, учитывая, что была постоянно рядом с Сашей, на себя махнула рукой…»

Однако и эта связь Абдулова распалась. Почему? Послушаем саму В. Лановскую:

«Как мы расстались? Видимо, я что-то сказала, а Саша — человек ранимый. Без скандала стало ясно, что отношения сошли на нет. Жила я тогда во Внуково, но у меня ведь есть квартира — туда и переехала. Я очень серьезно подошла к теме «семья». Саша к ней тоже серьезно подошел. Просто на тот момент он не мог остановиться и заняться собой…»

И вновь вернемся на творческую «кухню» героя нашего рассказа.

Еще в 2000 году он дебютировал в роли режиссера полнометражного кино, экранизировав свой спектакль «Бременские музыканты» (сыграл в нем две роли: Шута и Сказочника). Скажем прямо, это было кино из разряда одноразовых — посмотрел и забыл. Кстати, так думаю не только я. Например, исполнительница роли Атаманши в этом фильме, актриса Анастасия Вертинская вспоминает по этому поводу следующее:

«Уже в процессе съемок я поняла, что шедевра не будет. Саша (Абдулов. — *Ф. Р.*) фонтанировал, врывался ко мне рано утром, будил: «Насть, Насть!» — «Что?» — «Я придумал! Ты выходишь, а у тебя удав на плече». Я говорю: «Иди спать, я не выйду ни с каким удавом, Саша». Потом он опять подбегает, глаза горят: «Придумал, с тобой будет орел». Я говорю: «Тебя что, мама в зоопарк не водила в детстве? Что ты мне все то удава, то орла, то лилипутов подсовываешь!» Но так оно и вышло — орел там сидит в кадре. В фильме животных участвовало больше, чем актеров. Но Саша был таким открытым человеком, так был этим фильмом заражен, что отказать ему было невозможно…»

Среди других фильмов первой половины 90-х, в которых снялся Абдулов, значились следующие: «Рождественская мистерия» (2000; кукольных дел мастер), «Тихие омуты» (главная роль — Антон Павлович Каштанов), «Хорошие и плохие» (оба — 2001), «Next» (главная роль — вор в законе Федор Павлович Лавриков), «Ледниковый период» (главная роль — подполковник милиции Игорь Клепко), «Желтый карлик» (главная роль — писатель Жаровский), «Фаталисты» (главная роль — бывший сотрудник КГБ), «Я виноват-2» (главная роль — Виктор Иванович) (все — 2002), «О'кэй, или Дело в шляпе» (главная роль —

Аркадий Синихин), «Next-2» (главная роль — вор в законе Федор Павлович Лавриков) (все — 2003), «А поутру они проснулись» (пациент вытрезвителя), «О любви» (главная роль — Григорий Степанович Смирнов), «Тартарен из Тараскона» (господин Безюке), «Next-3» (главная роль — вор в законе Федор Павлович Лавриков) (все — 2004), «Фабрика грез» (главная роль — актер-звезда Авшаров), «Я тебя люблю» (главная роль — Александр), «Адъютанты любви» (адмирал Нельсон) (все — 2005).

Громче всех из перечисленных фильмов прогремел сериал «Next». Хотя по большому счету назвать его полноценной удачей на сериальном фронте было бы преувеличением. Фильм снял бывший актер, а ныне режиссер Олег Фомин (всего свет увидят целых три сезона «Next'а»).

Кстати, в фильме у героя Абдулова двое преданных ему людей: сын Федя (Александр Лойе) и друг Санчо (Сергей Степанченко). Между тем сын у Абдулова был только в кино, а в реальной жизни, как мы помним, у него была дочь Ксения, да и то не своя, а удочеренная. Как уже говорилось выше, девушка поначалу не хотела следовать по стопам родителей и пошла в юристы. Но в 2001 году гены все-таки взяли свое и она начала сниматься в сериалах. Первыми из них стали два: «Московские окна» (Нелли Морозова) и «Новогоднее приключение» (Надя). Затем пришел черед и главных ролей в фильмах: «Вкус убийства» (Таня), «Экспресс Санкт-Петербург — Канны» (Анна) (оба — 2003).

В конце 2001 года Ксения вышла замуж за молодого актера Егора Бероева (1977) — внука популярного советского актера Вадима Бероева, известного по фильму «Майор Вихрь». Рассказывает Александр Абдулов:

«Когда Ксения вышла замуж, я чуть с ума не сошел. Я не думал, что буду так переживать. Я никогда не переживал за другие свадьбы, потому что у нас с Ирой настоящей свадьбы практически не было. Но жених Ксении Егор мне понравился. Он чудный малый, просто замечательный, но я с трудом перенес ситуацию, когда у меня как будто забирали дочь…»

Между тем сам Абдулов в 2004 году встретил свою очередную (и, как оказалось, последнюю) любовь. Его избранницей стала Юлия Мешина (1975). Она родилась в украинском городе Николаеве, потом жила в Ухте. Получив профессию юриста, она перебралась в Москву, где вышла замуж за сына гендиректора агентства ИТАР-ТАСС Алексея Игнатенко. Этот брак продлился около трех лет. Однажды на одном из кинофестивалей Игнатенко представил жену своему приятелю, Александру Абдулову, и эта встреча оказалась судьбоносной для

всех троих. Вскоре после этой встречи Абдулов стал встречаться с Викторией Лановской, но, когда они расстались, Абдулов вспомнил про Юлию. По словам Лановской:

«Саша познакомился с Юлей до меня. Помню, когда мы жили во Внуково, Юля звонила ему, надоедала. В очередной раз Саша дал трубку Алле, жене старшего брата Роберта, и попросил передать Юле, что он уехал на Валдай. На тот момент они фактически не общались. А когда мы разошлись, он возобновил отношения с ней…»

Мешина в ту пору работала секретарем у известного бизнесмена Шабтая Калмановича и находилась в разводе с Игнатенко. Поэтому очень скоро она приняла предложение Абдулова стать его женой. По словам Юлии:

«Случайностей вообще не бывает. Мы же с Сашей не случайно встретились. Когда мы познакомились и начали общаться, я прекрасно знала, что я выйду замуж, у меня будет семья, ребенок. Была абсолютная уверенность, что это когда-то уже случалось с нами. Абсолютное дежавю — это когда-то было. Вот откуда у меня была такая уверенность? Мы абсолютно родственные души с ним. Без ощущений дискомфорта, бытовых проблем. Такое ощущение, что откуда-то сверху тебя накрыло какой-то благодатью — и ты растворился в абсолютном комфорте. Как с Сашей было легко — не было никогда и ни с кем. Кто-то сказал из друзей: «Вы настолько растворились друг в друге, у вас был такой эмоциональный перебор — так не бывает».

Как-то мы сидели на диване, и Саша сказал: «Я так счастлив, что мне страшно». Такое же ощущение страха было и у меня. Страшно оттого, что ты думаешь, будто это можешь потерять…»

21 марта 2007 года у Александра и Юлии родился ребенок — дочь Женя. Оба родителя были на седьмом небе от счастья, но особенно это касается Абдулова, который буквально души не чаял в дочери. Он ласково называл ее «Тапочки» (при рождении она была ростом всего 51 см — меньше двух его домашних шлепанцев). Кстати, тогда же Абдулов стал дедушкой: его приемная дочь Ксения Алферова спустя две недели после рождения Жени тоже стала мамой — родила дочь Дуняшу. Короче, у Абдулова тогда случилось двойное счастье. Увы, оно длилось недолго…

Именно тогда у актера резко пошатнулось здоровье. То ли от пережитых волнений, то ли от бешеного ритма работы, поскольку Абдулову теперь надо было прилагать еще больше усилий, чтобы содержать свою семью.

Заметим, что в актерской среде Абдулов считался трудоголиком и почти не заботился о своем здоровье. Вспомним

воспоминания В. Лановской: «Вся семья просила его отдохнуть и подлечиться, ведь он трудился день и ночь. Саша до 2–3 часов ночи сидел за столом с друзьями, а в шесть утра вставал. А потом целый день работал — приезжал никакой, а вечером снова застолье. И так каждый день в течение полутора лет нашей совместной жизни…»

В последние годы жизни Абдулов не сбавлял оборотов в съемочном процессе. С 2005 по 2008 год он снялся в 10 фильмах и сериалах. Среди них: «Мастер и Маргарита» (2005; Коровьев), «Из пламя и света» (2006; дедушка Лермонтова), «Парк советского периода» (2007; приятель Олега), «Артистка» (Саша Босякин), «Капкан» (главная роль — Михаил Волобуев), «Ленинград. Город живых» (комиссар Чигасов), «Лузер» (Абдулов здесь выступил как режиссер фильма вместе с Владимиром Ферапонтовым, а также исполнил главную роль — Дмитрий), «Маршрут» (главная роль — Тембот), «Анна Каренина» (Стива Облонский), «Ниоткуда с любовью, или Веселые похороны» (главная роль — художник Алик) (все — 2008).

В последнем фильме Абдулов сыграл художника, который… умирает от рака. Эта роль оказалась пророческой — именно от рака вскоре суждено было умереть самому Абдулову.

К тому времени у него уже был целый букет заболеваний: тромбофлебит, больное сердце, легкие. Одна из его возлюбленных, Л. Штейнман, вспоминает следующее:

«…Лодыжки у него (Абдулова. — *Ф. Р.*) были обмотаны эластичными бинтами. Он разбинтовал их и уставился. Я присмотрелась: ноги до середины икр были черные, и сквозь язвы сочился гной.

— Что это? — спросила я в ужасе.

— Тромбофлебит, — ответил он. — Это не лечится. С этим просто живут.

— Но ты пробовал хоть что-то сделать?

— Объездил весь мир, — усмехнулся он. — Все врачи говорят одно и то же. Иногда колю себе в живот фроксепарин — разжижаю кровь…»

Однако уйти из жизни Абдулову было суждено из-за другой болезни — рака легких. Он дымил как паровоз, выкуривая в день по нескольку пачек сигарет. Послушаем по этому поводу рассказ коллеги Абдулова актера Г. Мартиросяна:

«Саша не берег себя. Я ему всегда говорил: «Что ты делаешь?» Он только отмахивался: «Что делаю, то делаю. Сколько отпущено, столько и отпущено». Я сам не курю 13 лет и его постоянно умолял бросить. И он послушался, бросил на «Бременских музыкантах» (фильм Абдулова, где он был режиссером. — *Ф. Р.*).

Не курил два года. За это время наел лица немного. А как только бросаешь, жрать хочется неимоверно. Сашка как-то увидел себя, тут же сказал: «Нет-нет, только не это». И начал курить еще больше. Потом уже пытался бросить, но ничего не получилось…»

Отметим, что еще в конце 90-х Абдулов подозревал, что у него могут быть серьезные проблемы с легкими. Но от обследования отказался, то ли испугавшись, то ли решив: будь что будет. А у него тем временем начался рак легких.

В начале июня 2007 года Абдулов вместе с группой актеров отправился в Израиль со спектаклем «Пролетая над гнездом кукушки». Однако прямо в аэропорту у него прихватило сердце. Абдулова тут же отправили в клинику. Самое интересное, что тамошние врачи обследовали его, но никакого рака не обнаружили. Посоветовали только сердце поберечь, отдохнуть. Но последнего Абдулов делать не умел. Да и жизненные и творческие обстоятельства складывались таким образом, что ни о каком отдыхе речи идти не могло. Во-первых, 21 марта того же 2007-го у него родилась дочь Женя и надо было думать о ее содержании. Во-вторых, Абдулов тогда только приступил к съемкам своего очередного режиссерского фильма — «Гиперболоид инженера Гарина», и предполагалось, что все лето будут идти съемки. Поэтому, вернувшись из Израиля на родину, Абдулов уже в начале августа вновь покинул дом — отправился на съемки «Гиперболоида» в Севастополь. Однако работа длилась недолго.

18 августа, в Балаклаве, Абдулова так скрутило, что он вновь вынужден был обратиться к врачам. На этот раз те обнаружили у актера язву желудка (потом появится версия, что ее спровоцировали сильнодействующие лекарства, которые актер принимал по совету врачей) и отправили его в Севастополь, где актеру сделали срочную операцию (она длилась 4 часа). Об этом 21 августа оповестили общественность центральные СМИ. Именно с этого момента и берет отсчет своеобразный «бюллетень здоровья» Александра Абдулова, когда СМИ в течение полугода станут регулярно оповещать общественность о состоянии его здоровья.

«Московский комсомолец» (21 августа, авторы — О. Базак, Н. Карцев): «Абдулова оперировал Юрий Сещенко, один из лучших в городе хирургов. Пока состояние Александра Гавриловича стабильно тяжелое. Первое, что он сделал, придя в себя от наркоза, — попросил сигарету. Персонал не отказал в просьбе: ведь для скорейшей реабилитации прооперированного его общий настрой куда важней, нежели соблюдение правил внутреннего больничного распорядка.

…По словам севастопольских медиков, хотя бы получасовое промедление с госпитализацией могло окончиться плачевно…»

«Комсомольская правда» (22 августа, авторы — Н. Дремова, С. Трафедлюк): «…Возле Александра Абдулова по-прежнему много времени проводит его жена Юлия. Незадолго до поездки в Крым в одном из интервью актер обмолвился, что на съемки в Балаклаву его будет сопровождать семья — дочке Евгении (ей сейчас пять месяцев) он хочет показать море. Впрочем, с ребенком в больнице Юлию никто не видел. По сведениям «КП», маленькую дочку отвезли к бабушке — маме актера. Поддержал больного и его друг Леонид Ярмольник, его тоже видели в больнице…»

Кстати, мама Абдулова, Людмила Александровна, узнала об операции сына одной из последних, да и то случайно. В интервью газете «Жизнь за неделю» (номер от 29 августа, автор — Е. Зорина) она рассказала следующее:

«Мне долго ничего не говорили. Но я все равно почувствовала беду. Рядом с сыном была его жена Юля. Я ей звонила, спрашивала: «А где же Саша? Почему он трубку не берет? Дай мне его…» А она мне отвечала: «Людмила Александровна, он в горах. Спустится — и позвонит вам!» Но звонков не было. Вдруг звонит Саша Збруев и спрашивает меня, как там сын чувствует себя после операции. Я так и обмерла…

Я понимаю, что меня берегли. Но я мать и имею право знать, что происходит с моим сыном!!! Позже он мне несколько раз звонил. «Мама, у меня все нормально», — вот и все, что от него слышала. Мне ведь никто не говорил правды…»

Однако самую страшную правду родным Абдулова еще предстояло только узнать.

24 августа Абдулов вернулся в Москву, но не домой — он лег в Бакулевскую больницу. И именно тамошние врачи, судя по всему, и установили окончательный диагноз — рак легких. Когда актер услышал этот вердикт, он решил продолжить лечение в Израиле. И 31 августа покинул Москву. Все та же газета «Жизнь за неделю» (номер от 3 сентября, автор — И. Диденко) сообщала:

«…Скромная машина «Скорой помощи» подъехала на стоянку Центра деловой авиации аэропорта Домодедово около трех часов дня. Никто из пассажиров и предположить не мог, что в ней находится великий актер-конспиратор.

Пока машина стояла на стоянке, врач «Скорой» оформлял необходимые для вылета Абдулова документы. Жена и пара врачей неотступно дежурили рядом с актером…

Машина медленно направилась со стороны взлетной полосы к зданию терминала и остановилась в 100 метрах от него. К этому времени у самолета в ожидании именитого актера выстроился

экипаж — несколько работников аэропорта, таможенники и девушка-пограничник.

Сначала из машины «Скорой» выбралась жена Абдулова, потом из передней двери вышел врач, лишь после этого открылись задние двери «Скорой», и оттуда врач и женщина-пилот под руки вывели самого артиста. На Александра Гавриловича страшно было смотреть. Бледный, изможденный актер еле передвигался. Ему понадобилось больше пятнадцати минут, чтобы пройти 10 метров до самолета. Проходя мимо экипажа, Александр Гаврилович, забыв о «звездности», лично поздоровался с каждым за руку. Жена и медики усадили его в самолет, который уже через несколько минут взмыл в небо».

В Израиле Абдулов лег в медицинский центр в пригороде Тель-Авива Герцле, который считается одним из лучших в Европе и имеет репутацию ведущего израильского частного госпиталя. Как сообщали российские СМИ, обследование «от» и «до» стоит там около 5 тысяч долларов.

4 сентября в «Комсомольской правде» было опубликовано короткое интервью с мамой Абдулова, которая ни о чем страшном не догадывается и полна оптимизма. Вот ее слова:

«Сын звонил днем, было плохо слышно. Но голос был веселый. Когда он звонил мне из Севастополя, вот тогда он был очень подавленный… Лечение только началось. Ну ничего, главное, чтобы сын здоровье там поправил…»

Увы, но поправлять, собственно, было уже нечего: как установили израильские врачи, у Абдулова рак уже съел одно легкое и метастазы стремительно двигались дальше.

Естественно, за тем, как шло лечение в Израиле, российские СМИ следили не менее внимательно, чем на родине. 7 сентября газета «Твой день» первой сообщила своим читателям страшный диагноз Абдулова: «Рак легкого, четвертая стадия». Другое издание — «Комсомольская правда» — сообщало следующее:

«Почти неделю актер Александр Абдулов находится в израильской больнице «Ихилов» в Тель-Авиве. Когда он приехал в клинику, его состояние, по словам врачей, было стабильным. Сейчас же они отмечают некоторое ухудшение. Заключительные результаты обследования будут готовы со дня на день. Но и без них понятно, что болезнь довольно тяжелая. В израильских клиниках принято помечать палаты буквами: чем серьезнее состояние больного, тем дальше буква от начала алфавита. Сейчас Абдулов лежит в отделении внутренних болезней internal medicine «v» — эта буква предпоследняя в иврите.

В больнице у актера имеется все необходимое. Но главное, что рядом с ним его жена Юлия. По ее просьбе врачи разрешили

Александру Гавриловичу немного прогуляться и съездить в гостиницу, где они остановились. Чтобы он не перенапрягался, Юлия вывезла его на коляске.

— Чувствую я себя нормально, — сказал «КП» по телефону актер. — Слухи сейчас ходят всякие, скажу одно: в Москву я вернусь скоро, вы увидите меня на премьере «Женитьбы» в Ленкоме 20 сентября…»

Увы, последнее заявление Абдулова не подтвердилось — в «Женитьбе» он сыграть так и не смог. Для этого к нему в Израиль специально прилетал главный режиссер Ленкома Марк Захаров и на месте убедился, что актер не сможет участвовать в премьерном показе. Режиссер заявил об этом на сборе труппы театра 9 сентября, а также в интервью российским СМИ. Цитирую:

«Диагноз подтвердился, Саша знает об этом, да, он сильно похудел, на 20 килограммов, но он не лежит и не умирает. Он чувствует себя хорошо, у него яростный, веселый, бесшабашный взгляд. Он знает о болезни и относится к этому очень мужественно. Во всяком случае, я ожидал увидеть что-то другое по рассказам и по некоторым газетам. А увидел жизнерадостного человека…»

Однако были и другие публикации. Так, 18 сентября в еженедельнике «Мир новостей» появилась заметка с весьма недвусмысленным названием: «Александр Абдулов неоперабелен» (автор — М. Соловьева). В ней сообщалось следующее:

«После визита Марка Захарова Александр Абдулов не покидал больничной палаты, выходить ему запретили даже в сопровождении жены Юлии, родившей ему весной этого года дочку. Впрочем, ходить у него сил уже нет — его перевозят только на инвалидной коляске. Александр Гаврилович не раз повторял, что торопится вернуться в Россию, и, похоже, его желание скоро исполнится. Но, увы, возвращение это будет не из веселых. Потому что особых надежд доктора не питают. Сначала актеру предполагалось провести два курса химиотерапии, но после серии исследований и анализов врачи пришли к выводу, что помочь прославленному россиянину они уже не могут…»

Заканчивалась заметка описанием той страшной болезни, которая была у Абдулова, — рака легких. Там сообщалось:

«Рак легких — наиболее частое среди злокачественных образований заболевание в мире. Уровень заболеваемости постоянно растет. В России рак легких занимает первое место среди онкологических заболеваний. Риску заболеть больше подвержены мужчины, чем женщины, у которых болезнь выявляется в 10 раз реже. Причем чем старше мужчины, тем выше риск. Самый опасный возраст — 60–69 лет.

Рак легких развивается из клеток слизистой оболочки бронхов. Опухоль очень быстро растет и дает многочисленные метастазы, которые чаще всего поражают печень, почки, кости, головной мозг.

Различают четыре стадии рака, с самой тяжелой — четвертой. На начальных стадиях рак легких очень трудно выявить, поэтому к врачам больные обращаются уже на той стадии, когда лечение практически не может помочь. По статистике, еще год после страшного диагноза проживают всего 20–30 %.

Специалисты Института онкологии им. Герцена считают, что вылечить рак на четвертой стадии невозможно. Но сколько может прожить человек после такого диагноза, зависит от многих причин, включая его иммунную систему».

Два дня спустя уже другая российская газета — «Твой день» — вынесла Абдулову тот же неутешительный приговор: «… Лечащие врачи именитого пациента считают, что шансы на излечение крайне малы…»

Отметим, что хоронили актера не все. 22 сентября в Москве проходил очередной матч чемпионата России по футболу между столичными командами «Спартак» и «Локомотив». Игроки обеих команд вышли на поле в майках с фотографией… Александра Абдулова. Таким образом они решили поддержать актера, борющегося с тяжелой болезнью.

Как оказалось, Абдулов видел этот матч. Поддержка футболистов произвела на него такое впечатление, что актер понял: он должен совершить нечто подобное по отношению к миллионам своих поклонников, кто желает ему добра и верит в его исцеление. И Абдулов решил дать интервью одному из российских информационных телеканалов — «Вести». В нем актер сказал следующее:

«Знаете, за последнее время скопилось такое количество космической информации о моей судьбе, что я вообще не хотел ничего говорить, потому что и так на вас выливается такое количество проблем, негативной информации, еще лишнюю каплю кидать на вас негатива не хотелось. Потому что я так устроен, что я весь негатив переживаю сам с собой в лучшем случае, и в худшем случае — когда со мной близкие, мои родные. Вот сейчас то самое время, когда со мной самые близкие, самые любимые, люди, которые со мной выросли, живут, и надеюсь, мы вместе будем жить. Но, помимо негатива, такое количество позитивной информации, такая волна любви, я не ожидал, дорогие мои, клянусь, я не ожидал! Я надеялся, я верил в то, что я нужен этой стране, что я что-то значу в этой стране, но что столько людей искренне желают мне добра, я не ожидал. Я хочу

сказать, и я не стыжусь этого, я хочу сказать публично: спасибо вам, спасибо вам, ваше величество зритель! Я всю жизнь работал для вас, и, поверьте, работал честно. Спасибо за вашу заботу, за ваше отношение ко мне. Ну а последнее, то, что меня добило и вынудило обратиться к вам, я хочу просто поклониться нашим ребятам-футболистам, моей любимой команде «Спартак», которые при переполненном стадионе вышли в футболках, на которых была моя мордочка, и пожелали мне удачи, и пожелали, чтобы я был с ними. Это ничем не оценить. Спасибо вам. И вы знаете, я думаю, все будет хорошо. Я верю в это. Как говорил Юрий Владимирович Никулин, мой любимый клоун, когда его спрашивали про Мухтара: «Он постарается». Я постараюсь!»

Скажем прямо, этот эфир произвел на людей двоякое впечатление. Практически все его видевшие оценили мужество Абдулова. И в то же время было больно смотреть на изменившийся облик актера — он был похож на глубокого старика. Вот как чуть позже опишет свои впечатления от увиденного одноклассница Абдулова Наталья Несмеянова (у них была школьная любовь с 6-го по 10-й класс):

«Четыре года назад у меня на руках умирала мама от рака легкого. Представляете, как сложилась судьба: тот же недуг погубил и Сашу. Когда его показывали по телевизору после лечения в Израиле, я впервые увидела его больным. У него глаза были совершенно чужие, не абдуловские… Но точно такие же были глаза у моей мамы перед смертью. По этим глазам было видно, что Саша обречен. И все-таки, я думаю, болезнь не пришла к нему в одночасье. Два года назад, когда мы встречались с Сашей в последний раз на его дне рождения, было уже заметно, что он изменился. Но, как всегда, Саша списывал это на усталость и занятость работой…»

Лечение в израильской клинике «Ихилов» так и не принесло положительного результата. Тамошние хирурги так и не решились оперировать Абдулова, считая, что болезнь зашла слишком далеко и пациент может умереть прямо во время операции. Однако, едва Абдулов вернулся на родину, вопрос об операции возник снова. Причем в СМИ прошла информация, что делать ее согласился известный американский хирург Ричард Клаузнер (он одно время возглавлял в США национальный институт по борьбе с раком).

Тем временем российские СМИ буквально отслеживают каждый шаг Абдулова. Вообще можно было смело сказать, что в те дни актер превратился в самый раскрученный персонаж ежедневной хроники. Даже по ТВ Абдулова было слишком много: например, на канале РЕН ТВ запустили старое ток-шоу (записи

2004–2005 годов) с его участием — «Естественный отбор», а другие каналы постоянно крутили фильмы с его участием. У зрителей невольно складывалось впечатление, что таким образом СМИ… заранее прощаются с актером. Сам Абдулов по этому поводу с возмущением заявил:

«Программу «Естественный отбор» начали повторять без моего спроса. Никто даже не поинтересовался, как к этому отнесусь я и моя семья.

Предполагается, что это сродни повторам старых фильмов. Меня возмущает и это — такое ощущение, что меня уже все похоронили. Ясное дело, каналы повышают свои рейтинги. Это некрасиво! Они пытаются нажиться на моей болезни!»

Между тем лечь под нож хирурга Абдулов так и не решился. Видимо, испугался умереть прямо на операционном столе. Вместо этого он решил обратить свой взор на нетрадиционную медицину. И в первой половине октября отбыл в Киргизию и Тибет, чтобы встретиться там с медиками-«нетрадиционалистами». Отметим, что этот визит должен был носить тайный характер, но таковым не стал — журналисты узнали об этом еще до отъезда актера из Москвы. Вот как это было описано в еженедельнике «Мир новостей» (номер от 30 октября 2007-го):

«Российские папарацци, чуть ли не круглосуточно следящие за жизнью Абдулова, настигли знаменитость в аэропорту. Журналисты даже сделали пару снимков, на которых артист выглядел очень исхудавшим. Родные актера возмущены подобным поведением прессы, а сам Александр Гаврилович заявил в интервью, что интерес журналистов к его личной жизни переходит всякие границы. «В попытке сделать кадр в моей палате некоторые репортеры перелезали через трехметровый забор клиники, в которой я находился», — заявил Абдулов.

Родные звезды рассказали, что в Киргизию Александр Гаврилович ездил не для лечения, а по работе: выступал со спектаклем для одного местного олигарха. Тот, правда, узнав о болезни столичного гостя, все-таки вызвал актеру шамана. Адбулов настоятельно просит поклонников не верить тому, что пишут о нем в желтой прессе. «Никакого козьего дерьма я не ем! — протестует артист. — И грязью не лечусь. Обидно, что все эти методы некоторые нерадивые журналисты выдают за «советы от Абдулова». Все это чушь. Есть современная медицина, и я верю в нее!»…»

Как выяснится позже, история со спектаклем для некоего киргизского олигарха была всего лишь прикрытием — на самом деле Абдулов ездил в Киргизию и Тибет, чтобы лечиться у тамошних нетрадиционных медиков. Самое интересное, но это

десятидневное пребывание (он вернулся в Москву 18 октября) самым благотворным образом сказалось на здоровье актера — он почувствовал себя лучше. Медик предложил ему оставить на какое-то время Москву и переехать жить к нему, с тем чтобы он продолжил свое лечение. Но Абдулов, после некоторого раздумья, отказался — у него в Москве было слишком много работы. Хотя его жена Юлия была обеими руками за то, чтобы они остались в Киргизии. Но в итоге они вернулись домой. Там, окрыленный результатами поездки, актер закатил у себя на даче пир горой для своих друзей. Всем тогда казалось, что страшную болезнь удалось победить. Тем более что в дни, когда Абдулов был в Киргизии, по ТВ был показан сериал «Капкан», где Абдулов играл главную роль: в нем актер выглядел совершенно здоровым человеком. Поэтому многим тогда показалось, что страшную болезнь удастся перехитрить.

25 октября в «Комсомольской правде» появилось короткое интервью с одним из друзей Абдулова, который рассказал следующее:

«Саша сейчас отлично себя чувствует, и голос бодрый, и настроение хорошее. Курить он не бросил — ему, наоборот, полезно курить. Врачи запрещают ему резко бросать, что может быть дополнительным стрессом для организма».

В тот же день другое издание — «Твой день» — сообщило читателям новость, что из поездки в Киргизию Абдулов привез некое чудодейственное снадобье — креолин, которое местные целители приготовили специально для него. И теперь якобы страдающий от рака артист убежден, что это народное лекарство способно остановить рост опухоли.

Многие люди, читающие подобные публикации, стали верить, что Абдулов и в самом деле начал вставать на путь выздоровления. Тем более что и сам актер демонстрировал наглядные примеры подобного выздоровления. Так, в конце октября Абдулов отправился с тремя друзьями на рыбалку в Камызякский район Астраханской области (долетели они туда на частном самолете). Пробыли они там три дня.

В самом конце октября СМИ сообщили, что Абдулов планирует сделать операцию в Германии. Однако в итоге актер никуда не поехал, предпочтя остаться дома. Говорят, периодически актер впадал в депрессию и в такие моменты никого не хотел видеть, кроме близких. Он даже обрезал провод у домашнего телефона, поскольку не хотел ни с кем общаться. Однако и быть затворником он тоже долго не мог — надо было зарабатывать средства как на свое лечение (только одно пребывание в израильской клинике стоило 270 тысяч долларов),

так и на помощь родным (маме, жене и маленькой дочери). Поэтому Абдулов использовал любой шанс, чтобы заработать лишние деньги: например, взять у него интервью стоило тогда порядка 20–25 тысяч долларов. Только этим можно было объяснить, что Абдулов снимался, будучи уже совершенно немощным. Так было, например, в самом начале ноября, когда он дал интервью для документального фильма о себе (он выйдет в эфир 19 ноября под названием «Александр Абдулов. Самый обаятельный и привлекательный»). Вот как это описано в журнале «Тайны звезд» (номер от 16 января 2008 года):

«Когда друг Абдулова привез телевизионщиков к актеру домой, то на пороге он шокировал их:

— Подождите, я посмотрю, как Саша сейчас. А то, может, уже поздно интервью брать…

Абдулова на руках вынесли из комнаты два человека и усадили в кресло. Это был маленький, с потухшим взглядом старик, которому было уже все равно, что вокруг происходит. А перед интервью актера целых два часа гримировали. Полностью «рисовали» ему лицо: глаза, губы, нос, волосы… Он еле говорил. А на вопрос, почему он до сих пор курит, тихо ответил:

— Уже поздно, коль все уже сгнило…»

В середине ноября появилась обнадеживающая информация о том, что Абдулову стало лучше. Он даже собирался лететь в Израиль, чтобы присутствовать на футбольном матче между сборными России и Израиля. Но резкое ухудшение здоровья не позволило ему это сделать: 19 ноября Абдулов вновь оказался в больнице из-за проблем с сердцем. Пробыл он там около двух дней, после чего был отпущен домой.

23 ноября «Комсомольская правда» (автор — Е. Шереметова) опубликовала заметку под заголовком «Александр Абдулов набрал вес». В ней сообщалось:

«Самочувствие Александра Абдулова, похоже, понемногу приходит в норму… Несколько дней назад Александра Гавриловича срочно положили в одну из столичных клиник — подвело сердце… В больнице с радостью заметили, что в последнее время Александр Гаврилович выглядит намного лучше.

— Он посвежел и даже поправился, — довольны медики. — Почти десять килограммов набрал, а это — хороший признак. Мы все надеемся, что он справится с болезнью, и желаем ему здоровья…»

Страна в последний раз увидела Абдулова 13 декабря, когда по ТВ прошел сюжет о награждении его в компании целой группы других именитых людей высокими наградами в Кремле. Актеру тогда вручили орден «За заслуги перед Отечеством IV степени».

Скажем прямо, награду эту Абдулов заслужил по праву. Однако то, в каком виде он предстал перед телекамерами, по-настоящему шокировало всех людей, кто еще совсем недавно помнил другого Абдулова — подтянутого и энергичного красавца. Здесь же перед публикой предстал фактически старик — изможденный и сильно полысевший. Как заметил приятель и коллега Абдулова Г. Мартиросян:

«Саша до последнего и вида не показывал, что ему сложно. Общался с друзьями, с прессой. Даже нашел в себе силы получить орден из рук президента. Меня не было в Москве в то время, я церемонии не видел, но, думаю, выглядело это странно. Конечно, Саша заслужил эту награду. Сколько было сделано, сколько он еще мог сделать… Другой вопрос — какой от нее уже тогда был прок…»

17 декабря Абдулов был на очередной консультации у врачей. И якобы именно там ему сообщили, что он обречен. Спустя несколько дней актера на дому консультировал заведующий отделением химиотерапии этой же больницы (его вызвали близкие Абдулова), но и он только развел руками. Жить актеру оставалось считаные дни…

20 декабря газета «Твой день» сообщила читателям об очередном приступе у Абдулова, после которого к нему домой примчалась бригада медиков. Ничего обнадеживающего в этой публикации не содержалось. Цитирую:

«…По словам ведущих специалистов онкологической клиники, состояние известного артиста можно назвать тяжелым. Метастазы уже поразили практически все жизненно важные органы. Ослабленный недугом организм не способен бороться с раковыми новообразованиями. Нестабильно функционируют печень, почки и сердце актера. Столичные медики только разводят руками — помочь Абдулову они уже не в силах.

Медики даже не могут определиться с методикой лечения. По их словам, операцию делать уже слишком поздно.

— Единственное, что можно, — это колоть сильнейшие обезболивающие, — говорят врачи. — Другого лечения в данной ситуации просто нет.

Боли настолько сильные, что Александру Гавриловичу не помогают простые обезболивающие. Ему вводят сильнодействующие наркосодержащие препараты, но и они облегчают страдания актера лишь на некоторое время.

После осмотра лечащий врач попросил супругу актера выйти в коридор. Скрывать правду от Юлии он не стал и рассказал шокированной женщине все о состоянии здоровья любимого супруга.

— Ситуация критическая, но госпитализировать его мы не будем — к сожалению это уже не даст результатов, — тихо произнес медик. — Увы, но мы, боюсь, уже бессильны ему помочь.

Уезжая, врачи прописали актеру мощный обезболивающий препарат, который необходимо колоть несколько раз в день».

22 декабря Абдулов вновь почувствовал сильные боли в сердце, и родные вызвали ему «Скорую помощь». Та отвезла его в больницу, но он пробыл там несколько дней, после чего вернулся домой. Однако 28 декабря Абдулову снова стало плохо, и его поместили в уже знакомый ему сердечно-сосудистый центр имени Бакулева. Как писала газета «Твой день» (авторы — Е. Заболотских, О. Щекина, К. Болдеско):

«Около 12 часов дня супруга актера вызвала «Скорую».

— У Абдулова была очень высокая температура, — рассказали медики. — Налицо было обострение бронхита, сильнейший кашель. Кроме того, пациента измучила аритмия сердца.

В течение полутора часов бригада врачей отчаянно пыталась стабилизировать состояние больного актера. В конце концов ритм установился, и врачи приняли решение немедленно везти звездного пациента в стационар.

— Александра Гавриловича, к сожалению, совсем не узнать, — рассказывает «Твоему дню» один из медиков. — Он очень сильно похудел, лицо стало болезненно бледным. По дороге в клинику он был в сознании. Даже пошутил что-то о смерти с косой за плечом, дескать, пусть проваливает, потому что он лично умирать еще не собирается.

Стоило карете «Скорой помощи» въехать во двор больницы, как Абдулов вновь потерял сознание.

Больного сразу же поместили в отдельную палату, где подключили к аппарату искусственной вентиляции легких. Осматривать пациента были вызваны лучшие доктора центра во главе с заведующим отделением Юрием Бузиашвили.

— Состояние Александра Гавриловича крайне тяжелое, — рассказывает один из помощников завотделением, — но медики делают все возможное, чтобы продлить ему жизнь. Увы, пока улучшений нет. Но мы не отходим от Абдулова ни на шаг. Борьба с болезнью вышла на самый страшный и тяжелый участок…

— Никогда не мог представить, что когда-нибудь жизнь моего любимого актера будет висеть на волоске и многое будет зависеть в том числе и от меня, — тяжело вздыхает уважаемый врач, настоящий мужчина, чей авторитет среди коллег непререкаем. — Я мог бы солгать, что все у Александра Гавриловича хорошо и он идет на поправку, но… В общем, могу сказать за себя и своих

коллег: мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы спасти жизнь Абдулову!»

В больнице рядом с Абдуловым постоянно находилась его жена Юлия. И почти ежедневно туда приезжали его друзья. Актер Г. Мартиросян вспоминает:

«В последний раз я видел Сашу вечером 31 декабря. У него были живые глаза, полные энергии, но телом был очень слаб. Передо мной лежал очень уставший человек. Промелькнула мысль: «Как же он плохо выглядит!»…»

Несмотря на слабость, Абдулов в тот вечер попросил врачей отпустить его на пару часов домой, чтобы провести это время в кругу семьи. Медики возражать не стали. И свой последний в жизни год Абдулов проводил вместе с мамой, женой и дочкой. Затем вернулся в больницу. Оттуда позвонил Марку Захарову, поздравил его с Новым годом и пообещал в феврале вернуться в театр — сыграть Кочкарева в «Женитьбе». Но, думается, он уже сам не верил в подобную перспективу.

Днем 1 января 2008 года к Абдулову пришла жена и несколько его друзей. Актер общался с ними, лежа на кровати, хотя излучал оптимизм. Говорил: «Я впервые в жизни понял, что такое дом, любимая жена, ребенок. И мне совсем не хочется уходить из дома. Я наконец-то понял, что в этом счастье. Я очень хочу увидеть, как Женечка сделает первые шаги, услышать, как она скажет первое слово…»

После этих слов его жена Юля вышла из палаты. Вот тогда Абдулов произнес: «Четыре месяца боли. Я просто устал…» Но затем он успокоился и попросил подать ему сухарики, очки и сценарий фильма «Гиперболоид инженера Гарина», над которым он, как мы помним, работал. Однако чтение длилось недолго. Спустя какое-то время Абдулову стало плохо, и он потерял сознание. И в таком состоянии провел сутки. За это время российское ТВ несколько раз показало фильм «Чародеи» с его участием (на разных каналах), а на РЕН-ТВ прошла демонстрация празднования 25-летия этого же фильма. Утром 3 января режиссер картины Константин Бромберг хотел позвонить в больницу и поздравить Абдулова с юбилеем «Чародеев». Сказать ему, сколько лет живет фильм, и тебе, Саша, тоже надо жить! Но не успел. Ранним утром 3 января Александр Абдулов скончался. Как вспоминает его жена Юлия:

«В последний вечер к нам пришел товарищ его, выпили. «Я так благодарен всем ребятам», — сказал Саша. И он, правда, их любил. Было два часа ночи. А потом — сердце. Спазм дыхания…»

А вот как описала последние минуты жизни Абдулова в «Комсомольской правде» А. Велигжанина:

«По словам медиков, умер Абдулов тихо — сказал, что хочет отдохнуть, закрыл глаза и спокойно уснул. А в шесть утра датчик показал остановку сердца. Доктора пытались «завести» сердце, не получилось. На лице актера не было следов мучений, отчаяния, скорее легкая улыбка. Он просто уснул. Насовсем. Говорят, так умирают очень добрые, сердечные, хорошие люди. Накануне его ухода многие вспоминали о нем только хорошее. Смотрели фильмы с его участием и желали ему добра. И, быть может, эта позитивная энергия миллионов любящих его людей избавила его от предсмертных мучений?..»

4 января гроб с телом А. Абдулова привезли в храм Рождества Пресвятой Богородицы рядом с Театром Ленинского комсомола, где он проработал 33 года. Кстати, эту церковь Абдулов когда-то помогал восстанавливать, здесь же прошло крещение его дочки Евгении. О том, как столица прощалась с прославленным актером, сообщили практически все российские СМИ — как электронные, так и печатные. Полистаем последние.

«Комсомольская правда» (авторы — М. Ремизова, А. Фирсова, Ш. Джемакулов, Е. Шереметова): «В церковь приехали близкие Абдулова. Леонид Ярмольник вместе с женой покойного Юлией первыми вошли в храм. Супруга актера во время литургии вела себя очень мужественно.

Через пару часов к храму подъехала машина, из которой вышла помощница Абдуловых по дому с маленькой дочкой актера на руках…

К вечеру проститься с Сашей приехала мама актера. Ее поддерживал под локоть старший сын Роберт. Приемная дочь Александра Гавриловича Ксения Алферова вошла в храм вместе с мужем Егором Бероевым и мамой актрисы Ириной Алферовой».

«Твой день» (авторы — К. Ледовой, О. Столбина): «Толпа из самых разных людей — от худощавых студентов до солидных бизнесменов — перегородила улицу Малая Дмитровка, подходящую к театру Ленком…

Отпевание актера прошло рано утром в небольшой старинной церкви… Маленькая дочь Абдулова Евгения тоже присутствовала на церемонии прощания. В этом храме Женечка уже во второй раз в своей жизни — в первый раз, меньше года назад, ее крестили, а во второй — она провожала папу в последний путь. Малышка, не понимая, что происходит, протянула ручки к любимому отцу, который почему-то не открывал глаза и никак не хотел ей улыбнуться. Девочка почти вырвалась из рук няни, дотянулась до папиного галстука и попыталась потащить его к себе поближе. Папа спит. С вопросом в своих больших глазах малютка оглянулась на маму. Стоявшая рядом Юлия, боясь разреветься в

голос, молча глотала слезы. Женя еще раз взглянула на отца. Ее ангельское личико насупилось… Вот-вот заревет. Няня поспешила отнести девочку в сторонку.

86-летняя мама Александра Людмила Александровна крепилась из последних сил. Пожилую женщину постоянно держал под руки кто-то из самых близких друзей актера. Кто-то из провожающих сказал, что пришлось делать не один укол, чтобы поддержать самочувствие Людмилы Александровны…»

Гражданская панихида и похороны А. Абдулова прошли 5 января. Панихида состоялась в помещении театра Ленком.

«Мир новостей» (автор — М. Алексеева): «Первое, что бросается в глаза уже у метро: огромное количество заплаканных людей. С цветами, завернутыми в газеты. В трауре. У цветочных палаток у метро — огромные очереди. У театра — несколько машин «Скорой помощи». Толпа народа, оттесненная милицией на тротуары перекрытой улицы, даже не ропщет. Все ждут Его. Александра Абдулова. Только уже не со спектакля. А чтобы проститься в последний раз. На 11 утра назначена гражданская панихида.

Очень тихо. И очень холодно. Летит снег.

— Девушка, сюда нельзя, — оттесняет меня милиционер, когда я пытаюсь подойти поближе к дверям театра.

— Почему? Там же тоже стоят люди!

— Это те, кто пришел в восемь утра. Видите, здесь очередь.

Только теперь я понимаю, почему толпа народа растянута на несколько десятков метров. Я становлюсь в хвост…»

«Комсомольская правда»: «Тысячи поклонников несли ему (Абдулову. — *Ф. Р.*) цветы — очередь в театр растянулась до кинотеатра «Пушкинский».

— Он был солнцем нашего театра, — сказал худрук Ленкома Марк Захаров. А поэт Андрей Вознесенский прочел такие строки: «Он мир спасал красотою — себя не успел спасти».

На прощальной панихиде вспомнили о любимой истории Абдулова: как один журналист незадолго до смерти знаменитого спортсмена проводил с ним дни напролет. Но когда спортсмен умер, единственное, что сказал корреспондент: «Он прекрасно играл. Он был замечательный человек».

— Я считаю, что легенда должна оставаться легендой, — обычно завершал рассказ Александр Абдулов. — И я тоже хочу остаться легендой.

Похоронили Александра Абдулова на Ваганьковском кладбище».

На 11 января выпали девятины с момента смерти А. Абдулова. Вот как их описывала «Комсомольская правда» (авторы

— М. Ремизова, В. Петрова, Е. Лаптева):

«Поминальная служба прошла в храме Рождества Богородицы в Путинках, что недалеко от театра Ленком…

Склонив головы, у алтаря стояли самые близкие: вдова Юлия, приемная дочь актера Ксения Алферова с мужем Егором Бероевым, Александр Збруев. Режиссер Сергей Соловьев смахивал слезы. В одиночестве чуть поодаль стояла Ирина Алферова. О чем-то тихо разговаривали Леонид Ярмольник и каскадер Александр Иншаков.

— Как хорошо, что все вы нашли время оторваться от мирских дел, — сказал батюшка в конце службы, — и подарить ему вашу любовь.

Вечером в Центральном доме литераторов накрыли поминальный стол. В маленький зал пришли Андрей Макаревич, Игорь Бутман, Станислав Говорухин, Сергей Никоненко, Иосиф Кобзон…

Ксения Алферова взяла слово первой. Попросила вспоминать о папе только смешное. Леонид Ярмольник тут же подал пример и рассказал про то, каким неуправляемым был Абдулов, как шел напролом и мог даже наврать, лишь бы добиться правды. Как мечтал перед Новым годом увидеть маму и проститься с дочкой Женечкой.

Мама Александра Гавриловича все время благодарила его жену Юлию за то, что она скрасила последние годы жизни Саши и трогательно заботилась о нем. Юлия же открыла друзьям тайну: они с Александром мечтали еще об одном ребенке».

В конце мая 2009 года на могиле А. Абдулова был открыт памятник — гранитная глыба белого цвета весом 10 тонн, которую привезли из Карелии. На памятнике высечено имя народного любимца в виде ступенек, уходящих вверх, а также имеется его портрет. Автор надгробия — скульптор Владимир Матюхин. Как сказал Л. Ярмольник:

«Решили сделать памятник из монолитного камня, чтобы передать мощь таланта и личности Саши. Цельный кусок, скала, метеорит, упавший с неба, — это все самые первые ассоциации, которые возникают при воспоминании о Саше. Но породы, похожей на метеорит, не нашлось. Пришлось ограничиться гранитным камнем».

Блондин-гардемарин

Дмитрий Харатьян родился в городе Алмалыке Узбекской ССР 21 января 1960 года. Его отец — Вадим Михайлович Харатьян — преподавал в техническом вузе, мать — Светлана Олеговна Тизенко — работала инженером-строителем. В 1963 году Харатьяны из солнечной Средней Азии перебрались в подмосковный город Красногорск.

Как рассказывает мама Дмитрия, поселились они тогда в типичной коммуналке на несколько семей и жили трудно. Пока мать была на работе, Дима целыми днями пропадал во дворе с мальчишками.

Д. Харатьян вспоминает: «В детстве я несколько раз застревал в трубах. Мне было годика три, мы с соседским мальчиком Вовочкой отправились гулять на близлежащую стройку. В руках у нас были одинаковые свирельки. Я случайно выронил свою свирельку, и мне показалось, что она попала в трубу. Я залез вовнутрь, но вылезти обратно не смог: меня охватил страх, я начал истошно орать, чем насмерть перепугал Вовочку — он убежал, позвал родителей, и те уже помогли мне выбраться.

В другой раз я забрался в бочку на стройке, а когда попытался выбраться, застрял в ней. Бочка повалилась, я начал в ней кататься и опять же истошно орать. Пацаны, игравшие со мной, с перепугу все разбежались. А я вдруг увидел, что ко мне бежит взрослый мужчина. Когда он приблизился к бочке, я так испугался, что он будет ругать меня, что вылетел как пробка из бутылки. С тех пор, видимо, у меня появились зачатки клаустрофобии (боязнь замкнутого пространства)…

В шесть лет я влюбился. По телевизору показывали польский фильм «Четыре танкиста и собака». Мы были ужасно увлечены картиной. Смотрели ее утром и вечером, играли в персонажей. Поскольку я был единственным блондином в детском саду, то изображал Янека, который по сюжету был влюблен в Марусю. А роль Маруси досталась девочке по имени Аня Худинова…

Аня мне очень нравилась, но окончательно я понял, что влюблен, в такой ситуации. Дело в том, что в детстве у меня очень болели уши. И вот представьте: раннее утро, сижу дома с перевязанными ушами, родители собираются на работу, и вдруг — звонок в дверь. Папа пошел открывать, вернулся и сказал: «Дима, к тебе пришла девочка». Девочки прежде никогда ко мне не приходили, тем более в такую рань, и я, потрясенный, пошел к двери. На пороге стояла Аня, которая сказала: «Дима, мы все очень ждем твоего выздоровления. Без тебя мы даже не играем в

«Четырех танкистов». Мы тебя очень любим и помним. А вот эту коробочку я хочу подарить тебе от себя. — И Аня протянула мне коробочку с конфетами. — Здесь витамины, надеюсь, они помогут тебе встать на ноги».

Тут мне стало совершенно очевидно, что я влюблен по уши. Я принял эту коробочку и понял, что без Ани Худиновой жизни у меня больше не будет. Потом я выздоровел, вернулся в детский сад, случайно залепил Ане валенком в нос, она обиделась… Потом мы помирились.

А через месяц ее родители переехали из нашего Подмосковья в Москву, и с тех пор я Аню больше не видел. Но она навсегда осталась в моей памяти как первая, чистая, трогательная любовь…»

В 1967 году родители Димы развелись. В том же году Харатьян пошел в красногорскую школу № 9. Поначалу учился на одни двойки, но затем выровнялся. В третьем классе впервые угодил в больницу. Получил сотрясение мозга, когда неудачно упал с велосипеда. Одновременно с ним в ту же больницу угодил его ровесник — ученик той же школы (но из параллельного класса) Леша Малинин (у него был перелом шейных позвонков после того, как его сбила машина). Ему нельзя было вставать, поэтому навещал его Харатьян. С тех пор они подружатся и пронесут эту дружбу через многие десятилетия (в наши дни А. Малинин занимает пост председателя Российских телерадиосетей).

В старших классах Харатьян стал заниматься спортом — играл в хоккей, волейбол. В пятом классе увлекся музыкой и стал играть на гитаре в школьном ансамбле. Летом обычно отдыхал в пионерском лагере «Метеор», что в Непецино под Коломной, путевки в который доставала мама. Именно из этого лагеря он и шагнул в большой кинематограф.

Летом 1975 года, окончив восьмой класс, Дима в очередной раз отправился в «Метеор». В этом же лагере отдыхала и девочка Галя Ставбунская с Мосфильмовской улицы, которая уже с трех лет часто пробовалась в кино. А тем летом ее пригласили на пробы в фильм Владимира Меньшова «Розыгрыш», который рассказывал о десятиклассниках. Главным героем в нем должен был стать симпатичный десятиклассник, играющий на гитаре. Актера на эту роль искали очень долго, но найти никак не могли. Именно в этот момент Галя и вспомнила про мальчика, который к тому времени стал руководителем ансамбля в пионерлагере и имел большой успех у публики. Когда смена в лагере закончилась и все школьники разъехались по домам, Галя позвонила Харатьяну домой и сообщила: «На «Мосфильме» снимают фильм

про десятиклассников. Нужен парень, который поет. Так что бери гитару, и завтра с утра поедем на студию. Вдруг это твоя судьба».

Отправляясь на эту пробу, Харатьян не сильно верил, что именно его кандидатура заинтересует режиссера. Просто хотелось хоть раз в жизни побывать на съемочной площадке, увидеть настоящих киношников. Однако судьба распорядилась по-своему: проба Димы оказалась самой удачной, и именно его Меньшов утвердил на роль Игоря Грушко.

Съемки фильма начались в первые же дни 1976 года. В разгар их — 21 января — Харатьян отметил свое 16-летие. Причем произошло это прямо в киношных декорациях. В тот день снимали эпизод на уроке химии (это там звучит ироничная эпиграмма: «Выпьем, няня, где же… Грушко?»), и сразу после окончания съемок Владимир Меньшов внезапно объявил собравшимся о дне рождения Харатьяна. Все, естественно, бросились поздравлять именинника. А Зиновий Гердт (он играл роль учителя химии) подарил Дмитрию гигантский портрет — снимок Харатьяна, увеличенный с фотопроб (он до сих пор хранится дома у актера).

Между тем начало съемочного процесса выдалось весьма напряженным — спустя пару недель после начала съемок они были остановлены, поскольку дирекцию студии не устраивала исполнительница роли учительницы Девятовой актриса Евгения Ханаева. Ее потребовали заменить и взять более маститую и титулованную исполнительницу — Лидию Смирнову. Но Меньшов категорически отказался это делать и в итоге выиграл спор, что вполне объяснимо — все еще продолжался его «именной» год Кота (он закончится 31 января). Потом наступил год Дракона, про который в гороскопе нашего героя, Харатьяна, сказано следующее: «Слишком яркий блеск этого года несколько смущает скромную Свинью…»

Д. Харатьян вспоминает: «В этом фильме я совсем не был актером как таковым. Просто все, что происходило во время съемок, было очень похоже на настоящую жизнь. Мне был понятен и близок сценарий, ребята, с которыми я снимался. Была приятна сама царившая там атмосфера, и я очень органично вписался во все это…»

Поскольку в фильме снимались в основном школьники (целых 32 человека), то работа велась во вторую смену — после того как они заканчивали учиться в школе. Съемки длились допоздна — до двенадцати ночи, как в павильонах «Мосфильма», так и на натуре: на улицах Москвы и в средней школе № 59, что в Староконюшенном переулке (район Арбата). По домам ребят развозили студийные автобусы.

Фильм «Розыгрыш» вышел на широкий экран 10 января 1977 года и получил очень теплый прием у публики. В прокате он занял 10-е место, собрав на своих сеансах 33,8 млн. зрителей. Песня композитора А. Флярковского (кстати, в ту пору он был заместителем министра культуры РСФСР) «Когда уйдем со школьного двора», прозвучавшая в финале картины в исполнении ВИА «Добры молодцы», мгновенно стала шлягером в молодежной среде.

«После этого фильма я «проснулся знаменитым», — рассказывает Дмитрий. — Пачками стали приходить письма, меня узнавали на улицах, пальцем показывали в зависимости от воспитания. Стерегли у подъезда, приезжали иногородние, присылали посылки. Я даже не мог себе представить, что такое возможно. То есть гипотетически представлял, что вот есть Алла Пугачева, которой толпы поклонников просто не дают жить, но думал, что это здорово, классно. Но когда дело коснулось меня самого… Первое время, конечно, было приятно, но затем это внимание стало досаждать, даже злить. Пришлось даже поменять номер телефона, но это не спасло. За многими звонками, письмами скрывались не только добрые побуждения, но очень часто и злые, хамские. Письма, например, матерные получал…»

За свою роль в «Розыгрыше» Харатьян был удостоен самого крупного гонорара из всех актеров-школьников — 600 рублей (например, его партнеры — Наталья Вавилова и Андрей Гусев — получили по 450 рублей).

А теперь о любви. В том же 77-м Харатьян лишился… девственности. Причем произошло это отнюдь не с одной из его поклонниц. На это дело его подбил приятель, который давно уже жил со своей любимой девушкой «по-взрослому». Он-то и предложил Харатьяну поехать в гости к подруге своей девушки. По словам Дмитрия, подруга особой красотой не отличалась: «Мы приехали туда, выпили вина, я жутко смущался, и все вышло как-то убогонько. Я заставил себя это сделать. Просто потому, что время пришло, и надо было галочку поставить. И очень жалею об этом. У меня остался неприятный осадок на всю жизнь. Потом я очень долго не получал удовольствия от секса…»

До конца 10-го класса Харатьяну оставалось буквально несколько месяцев, когда он влюбился вдруг в женщину старше себя. Это была известная актриса, с которой Дмитрий познакомился благодаря все тому же «Розыгрышу». Страстный роман продолжался несколько месяцев. Потом артистка оставила пылкого юношу. Видимо, чтобы забыть о ней как можно быстрее, Харатьян решил на время покинуть родные пенаты. Тем более что дома его почти ничего не держало — он провалился на

вступительных экзаменах в театральный институт. В итоге тем же летом 77-го Дмитрий отправился в геологическую экспедицию в Центральные Кызыл-Кумы искать золото и серебро. Причем задача у молодого геолога была достаточно ответственной — он шел последним в группе, измерял радиацию и записывал показания.

Вернувшись из пустыни через год (1978), Дмитрий подал документы во все театральные учебные заведения столицы, однако прошел только в одно — в Театральное училище имени Щепкина. Причем, по его же словам, экзамены он сдавал не очень блестяще. Басню «Волк на псарне» ему оборвали на полуслове, то же самое произошло со стихотворением А. Блока. Затем дело дошло до этюда, и его попросили изобразить канатоходца. Он изобразил, но в конце показа не удержался на воображаемом канате и упал. В приемной комиссии все рассмеялись. Выйдя из кабинета, Харатьян был уверен, что опять провалился (в прошлом году он «срезался» на втором туре). Однако все вышло наоборот. Из десяти абитуриентов, сдававших экзамены вместе с ним, прошел только он.

В те же летние дни 78-го в жизнь Дмитрия вошла девушка, которая вскоре стала его первой женой. Девушку звали Марина, она была на несколько лет старше Дмитрия. Судьба свела их на пороге училища имени Щукина, в котором училась Марина. А познакомил их общий друг. При первой встрече с Мариной в сердце Харатьяна ничего не шевельнулось (внешне она была не очень привлекательна), и он даже мысли не мог допустить, что в скором будущем их ждет визит в ЗАГС. Но Марине Дмитрий сразу понравился, и она взяла инициативу в свои руки: стала всячески добиваться расположения молодого, но уже чрезвычайно популярного артиста. И первое, что она сделала, — склонила его к сексу.

Вспоминает сам актер: «Марина пошла на близость не потому, что влюбилась в меня, а из спортивного интереса. И это предопределило наши дальнейшие отношения. Она была опытной женщиной, и постепенно я стал испытывать к ней сильную страсть. Вскоре она из общежития переехала ко мне…»

Но вернемся в лето 78-го. Именно тогда Харатьян снялся в своей второй картине — двухсерийном телефильме Одесской киностудии «Фотографии на стене», который снял Анатолий Васильев.

В 1980 году Харатьян женился. Причем вопреки своей воле. По его словам:

«Я женился в двадцать лет. Рано, конечно. Не случайно, что из этого брака ничего хорошего не получилось. Причем по моей

вине. Я ведь не хотел жениться. Понимал, что еще пацан, никакой не глава семьи, не муж. Да и страсти безумной, скажу прямо, не было. Но Марина училище уже окончила (она старше меня), ей из Москвы надо было уезжать, а она не хотела — нужна была московская прописка. И она стала намекать, что неплохо бы нам расписаться. Такая откровенная корысть разозлила меня, и мы поссорились.

Но совесть не позволила бросить женщину на произвол судьбы: через две недели мы все-таки подали заявление в ЗАГС. Все было формально, никакой свадьбы…»

И вновь вернемся на творческую «кухню» Харатьяна.

В период 1979–1982 годов он снялся еще в нескольких фильмах, но везде это были роли второго плана или эпизоды. Речь идет о таких лентах, как: «Охота на лис» (1980; Костя Стрижак), «Плывут моржи» (Ленька), «Школа» (кадет Ваальд) (оба — 1981), «Полесская хроника» (1982; Степан Глушак).

А вот третью главную роль в своей киношной карьере Харатьян сыграл в 1982 году, когда его утвердили на роль молодого изобретателя и гонщика Григория Яковлева в фильме «Скорость» режиссера Дмитрия Светозарова.

Заметим, что в том же 82-м у Харатьяна могла состояться еще одна главная роль — в фильме Марлена Хуциева «Пушкин», где молодому актеру предназначалась роль великого русского поэта. Однако его кандидатуру завернул худсовет, усомнившись в том, что такой молодой исполнитель сможет потянуть столь ответственную роль. Харатьян не слишком расстроился такому повороту, поскольку и сам не сильно верил в свои возможности для такой роли.

В 1983 году у него «нарисовалась» четвертая главная роль в кино — в картине режиссера Одесской киностудии Александра Павловского «Зеленый фургон» ему выпало сыграть молодого милиционера Володю Патрикеева. Рассказывает А. Павловский:

«На главную роль — юного сыщика Володи Патрикеева — артиста Дмитрия Харатьяна нашли не сразу. На эту роль пробовалось немало артистов, в том числе и тех, которые стали потом очень известными. Первоначально я вроде бы уже собрался утвердить в качестве исполнителя этой роли Сергея Иванова. Это тогда уже был достаточно популярный артист, помните его трогательного летчика по прозвищу Кузнечик в фильме режиссера Леонида Быкова «В бой идут одни «старики», неловкого кузена Лариосика в телефильме «Дни Турбиных» режиссера Владимира Басова? Но что-то не устраивало меня. Сережа был моим другом, он снимался у меня ранее в картине «Ар-хи-ме-ды!», и он здорово изображал необходимое для роли

Володи Патрикеева озорное мальчишество, но не было главного — романтики, которая пронизывает всю книгу Козачинского.

Тогда я решил позвонить режиссеру Владимиру Меньшову (напомним, что тот тоже Кот. — *Ф. Р.*), с которым я раньше вместе учился, и с тех пор мы с ним дружили. Я позвонил ему и попросил порекомендовать мне молодого актера для исполнения главной роли в своей картине. Меньшов спросил: «Ты не помнишь Диму Харатьяна — того самого парня, который несколько лет снимался у меня в картине «Розыгрыш»?» Конечно, картину эту я в свое время видел, но думал, что за прошедшие годы Дима успел изрядно повзрослеть, может быть даже, возмужать — все-таки он уже был выпускником театрального училища. Я связался с ним и пригласил его на кинопробы. Когда он приехал и показался, я понял, что далее никаких других вариантов с Володей Патрикеевым не будет, и дал распоряжение вызовы остальных актеров-претендентов на кинопробы прекратить. Дима Харатьян был утвержден на главную роль в моем фильме…»

Вспоминает Е. Дурова (исполнила в фильме лихую налетчицу Катьку Верцинскую):

«Мне запомнилось одно событие, которое произошло во время съемок, и Дима был виновником того, что оно получилось таким замечательным. 25 июля 1983 года у меня был день рождения. И вдруг как раз в этот день все мы оказались на финансовой мели — как-то так произошло, что нам не выдали денег, сидели просто без копейки.

Напомню только, где было место съемок фильма — Одесса, море, пляж, волшебная природа и так далее. Тогда мы с Димой проанализировали ситуацию и решили поплыть к волнорезу, который уходил далеко в море. Мы вплавь добрались до конца этого волнореза и начали срезать с него наросшие гроздья съедобных ракушек-мидий. Набрали мы этих мидий целый пакет, принесли в гостиницу, раздобыли где морковку, где — немного риса и в результате сварили великолепный плов! Это блюдо стало настоящим гвоздем моего праздничного стола.

А тут еще откуда-то явился к нам актер Сергей Маковецкий — он то ли снимался где-то неподалеку, то ли на пробы приехал. Сергей пришел с целой охапкой бутылок сухого вина. Мы отлично отпраздновали мой день рождения, а потом Сергей в одиночку сыграл перед нами все роли знаменитого старого фильма «Цирк» режиссера Григория Александрова. Помню, он просто потряс всех нас своим многообразием, то изображая главную трагедию фильма — «У белой женщины — черный ребенок!», то прыгая, словно Любовь Орлова на пушке — «Диги-диги-ду, я из пушки в небо уйду!»

В общем, Дима придумал стратегическое решение, как выйти из безнадежной ситуации, а дальше к его идее прибавилось еще много разных обстоятельств, и дорогой моему сердцу праздник удался на славу».

Фильм «Зеленый фургон» вышел на телеэкраны в новогодние дни 1983 года и был тепло принят зрителем. Он, кстати, и сегодня неплохо смотрится, свидетельством чему может служить его частый показ по российскому ТВ. Но вернемся в середину 80-х.

21 января 1984 года Дмитрий Харатьян справил свой 24-й день рождения. Подарков в тот день друзья надарили ему много, но главный сделала жена — она родила ему дочку Александру.

Однако именно тогда у актера появилась эпистолярная «любовь» — девушка Ирина Примак, с которой он вступил в переписку в мае 84-го, и этот «почтовый роман» продлился более 8 (!) лет (только в конце этого срока они наконец увидятся).

Однако в момент возникновения этой «любви» Харатьяна призвали в армию (21 мая). Призыва он особо не испугался, поскольку рассчитывал служить в музкоманде поближе к дому — в Одинцове. Но человек, который ему это устройство обещал, внезапно не приехал на призывной пункт. И перед Харатьяном реально маячила отправка в войсковую часть где-то за Уралом. Он уже подходил к кабинету военкома, чтобы получить это распределение, как вдруг удача ему все же улыбнулась в лице некоего молодого лейтенанта, который выспрашивал у призывников: нет ли среди них музыкантов. Харатьян ответил: «Я — актер, окончил театральное училище». Лейтенант заглянул в его личное дело, увидел там послужной актерский список Харатьяна (а он уже составлял 9 фильмов) и тут же забрал его к себе (выменял у военкома на два огнетушителя). Так наш герой оказался в рядах военизированной пожарной охраны, располагавшейся на Ярославском шоссе (рукой подать до дома актера).

Удачное распределение позволило Харатьяну продолжить свою актерскую биографию. Будучи военнослужащим, он снимался на телевидении (например, вел передачу «Салют, фестиваль!», посвященную фестивалю молодежи и студентов, проходившему в Москве в июле 1985 года), сыграл роль в кино (в фильме «Подвиг Одессы», роль Льва Руднева). А осенью 1985 года Харатьян благополучно дембельнулся. А спустя несколько месяцев начался год Тигра (с 9 февраля 1986 года) — один из сложных в жизни людей-Свиней, поскольку в нем ее ждут самые неожиданные потрясения. Что же случилось в тот год с Харатьяном?

С творческой точки зрения все выглядело неплохо — он снялся сразу в четырех фильмах: «Была не была» (роль мелкого преступника Лехи Кудрявцева), «Летние впечатления о планете Z» (вожатый Эндрю/Андрей), «На острие меча» (эпизод), «Таинственный узник» (главная роль — Серж Русанин). Более того, именно тогда его утвердили на роль в картину, которая сделает его имя суперпопулярным.

Речь идет о фильме Светланы Дружининой «Гардемарины, вперед!», где Харатьяну досталась одна из главных ролей — Алеши Корсака. Причем поначалу в этой роли должен был сниматься другой актер — Юрий Мороз. Но его в последний момент с роли сняли. Однако съемки фильма застопорились почти на год из-за досадного случая — в начале работы Дружинина сломала себе ногу, неудачно спрыгивая с коня. Режиссер получила сложнейший перелом ноги, который вывел ее из строя почти на полгода. Но вернемся к Харатьяну, для которого тот год тоже выдался напряженным.

Именно тогда в актере проснулось пристрастие к Бахусу. Заметим, что вкус алкоголя актер впервые познал, еще будучи старшеклассником (после «Розыгрыша»), и постепенно, что называется, втянулся. В период обучения в театральном училище начались регулярные выпивки, которые достаточно быстро привели Харатьяна к алкогольной зависимости. Не помогали ни постоянные увещевания жены, ни рождение на свет дочери. В итоге во многом из-за этого распалась его первая семья. Самое печальное, что даже это событие не отрезвило Харатьяна — пить он не бросил. А с 1986 года у него начались регулярные запои.

В паузах между уходами в «пике» Харатьян умудрялся сниматься в кино. Так было, к примеру, с уже упоминавшимся фильмом «Гардемарины, вперед!», съемки которого все же начались в первой половине 1987 года.

Как мы помним, речь там шла о событиях в России начала XVIII века. Главными героями были трое молодых воспитанников школы навигационно-математических наук, основанной Петром I в 1701 году. Одного из этих учащихся играл Харатьян (Алеша Корсак). На роли двух других (Никита Оленев и Александр Белов) были утверждены Владимир Шевельков (1961) и Сергей Жигунов (1963). В фильме они играли преданных друзей, хотя в обычной жизни их отношения не были столь уж теплыми и близкими. А чуть позже с одним из своих киношных друзей — с Жигуновым — у Харатьяна даже выйдет серьезный конфликт, о котором мы обязательно расскажем чуть позже.

В фильме у Харатьяна была любовная линия — его возлюбленную, Софью, играла актриса Ольга Машная. Актеры

составили прекрасный любовный дуэт, причем не только киношный — у них случился настоящий роман за пределами съемочной площадки. Правда, он длился ровно столько, сколько шли съемки фильма.

Отметим, что чуть раньше Харатьяна угораздило влюбиться еще в одну актрису — Марину Зудину. Он даже собирался сделать Зудиной официальное предложение. Сама Марина об этом желании Дмитрия не знала, но симпатия к нему у нее тоже была. Однако в итоге Марина выбрала другого мужчину — более известного и состоятельного. Речь идет об Олеге Табакове, за которого Зудина вышла замуж и родила ему двух детей.

Но вернемся к Харатьяну.

Он давно страдает боязнью лошадей, а в «Гардемаринах» ему непосредственно приходилось иметь с ними дело — его герой частенько должен был гарцевать в седле. Можно себе представить его состояние в такие минуты — оно было не самым лучшим. А однажды дело и вовсе едва не завершилось трагедией, когда лошадь под Харатьяном на полном скаку внезапно споткнулась о камень и он вылетел из седла, как пушечное ядро. Только по счастливой случайности актер не пострадал — заработал только пару ушибов. Однако любви к лошадям этот случай, естественно, у него не прибавил, а даже наоборот.

И все же в целом съемки в этом фильме доставили Харатьяну больше положительных эмоций, чем отрицательных. Например, в «Гардемаринах» он вновь запел (впервые это случилось в «Зеленом фургоне»), исполнив заглавную песню «Не вешать нос, гардемарины!», которая вскоре стала всесоюзным шлягером. И вообще, тот фильм вознес его на новую, еще более высокую вершину популярности. Такого массового ажиотажа со стороны поклонниц Дмитрий не знал даже во времена «Розыгрыша». Когда он с концертами приезжал в какой-нибудь провинциальный городок, выйти на улицу не было никакой возможности, так как оголтелые фанатки готовы были в безумном восторге буквально растерзать своего кумира. Поэтому Харатьяну приходилось скрываться от них в номере гостиницы и пить… горькую. После чего мирно засыпал.

Д. Харатьян вспоминает: «Во время пития ничего жутко неординарного со мной не происходит. Я достаточно мирный. Когда сильно переберу, просто ложусь спать. Но морально тяжеловато. Стыд возникает, как у Горького в «На дне»: «Стыдно, а выпьешь — не стыдно…»

Именно в год премьеры «Гардемаринов» (в 1988-м) Харатьян развелся со своей первой женой Мариной, поскольку узнал, что та завела себе любовника. Хотя это обстоятельство нельзя назвать

решающим: они уже давно стали чужими друг другу и рано или поздно все равно бы развелись.

В 1989 году Харатьян «зашился», поскольку понял, что в противном случае может просто расстаться с жизнью. Понял он это после одного случая, который произошел с ним в Свердловске. Он выступал там с программой «Поет товарищ Кино» и после нескольких дней выступлений должен был вылететь в Москву, где его ждали съемки в новой картине. Но Харатьян внезапно запил. В итоге все артисты, участвовавшие в программе, улетели, а он «завис» на Урале. Когда в Свердловск из Москвы позвонили встревоженные киношники, добрые люди купили Харатьяну билет и посадили его на самолет. Но в самый последний момент он покинул борт и вновь пустился в загул. На следующий день его снова посадили, а он опять сбежал. В Москву он вылетел только на третий раз. Но… без денег, без вещей и документов. Прилетев в Москву, Харатьян почти сразу «зашился». И сразу после этого в его судьбе стали происходить разительные перемены к лучшему.

В 1988–1989 годах он сыграл сразу пять (!) главных ролей в кино: Генку в «Кладе», Петра Румянцева в «Филиале», Владимира Ольховского в «Эсперансе» (все — 1988), Андреаса Аршакяна в «Лицом к стене» и Диму Пузырева в «Частном детективе, или Операции «Кооперация» (оба — 1989). Поскольку самым заметным фильмом из всех перечисленных суждено было стать последнему, о нем и расскажем.

«Частный детектив» был комедией, а в этом жанре Харатьян прежде не снимался. Поэтому приглашение мэтра советской комедии Леонида Гайдая в свою картину именно Харатьяна выглядело странным. Но это только на первый взгляд. На второй все становилось понятным.

Во-первых, кое-какой опыт по части «комикованья» у Харатьяна был: например, в «Зеленом фургоне» у него были эпизоды, которые можно назвать комедийными, хотя сам фильм в целом был из другой «оперы» — романтического боевика (заметим, что этого «комикованья» не хватило, чтобы Харатьяна взяли в труппу Театра сатиры, куда он собирался поступать после театрального). Во-вторых, Гайдай конца 80-х это был уже несколько иной Гайдай — это был «Акела, который промахивался». В итоге все его последние комедии (период 1978–1992 годов) были бледной копией того, что он снимал до этого. Теперь все было гораздо слабее: и драматургия, и актерский состав. Например, если раньше Гайдай в каждом своем фильме открывал для советской комедии новых ярких звезд — взять ту же легендарную троицу Никулин — Вицин — Моргунов, а также

Сережу Тихонова, Александра Демьяненко, Алексея Смирнова, Наталью Селезневу, Наталью Варлей, Арчила Гомиашвили, — то в последующем все свелось к тому, что новые звезды в гайдаевских фильмах становились рангом все мельче и мельче и исчезали из поля зрения широкого зрителя практически сразу после участия в его картинах.

Поэтому, на мой взгляд, Харатьян был приглашен Гайдаем в свою картину «Частный детектив» не в силу яркости своего комедийного таланта (которого у него по большому счету нет), а исключительно в силу того, что они были близки на некоем кармическом уровне. Эту связь ощущали только они, а другие о ней даже не догадывались. Поэтому так сопротивлялись утверждению Харатьяна на главную роль. Взять хотя бы заседание худсовета «Мосфильма», которое состоялось 15 марта 1989 года. Приведу из него лишь несколько отрывков.

Наумов: «На роль Димы надо брать Стоцкого, а на роль Виктора — Харатьяна» (Виктор — друг Димы, который в итоге оказывается… главным злодеем в картине; актер Николай Стоцкий по типажу похож на Харатьяна, прославился главной ролью в фильме 85-го года «Валентин и Валентина». — *Ф. Р.*).

Лебедева: «Наумов точно определил, что Стоцкий — верная кандидатура на роль Димы».

Шитова: «Дима — Стоцкий».

Инин: «Стоцкий — да, но и Харатьян тоже хорош».

Швейцер: «Общий уровень актерского состава слабый. Мишулин (он должен был играть отца Димы. — *Ф. Р.*) намного слабее того, что было в нем раньше. В нем сейчас нет прошлого Мишулина. Рядом с другими актерами он выпадает по системе игры и подачи материала. Харатьян не раздражает, ведь сейчас лучше вряд ли мы найдем. И даже Стоцкий не того высокого актерского уровня, который бы хотелось. Но на уровне нашего зрителя, воспитанного на черном хлебе, эти актеры пройдут…»

Заметим, что сам Харатьян был не прочь сыграть роль второго плана — «мафиозо» Виктора, но в итоге ему отдали главную роль. Почему? За него горой стоял сам Гайдай, которому, повторимся, он больше нравился не столько как актер, а как человек. Причем эти теплые отношения установились у них буквально в первые же минуты их знакомства. Вот как это описывают биографы актера И. Агапова и М. Давыдова:

«Харатьян приехал на «Мосфильм» и явился в кабинет к главному режиссеру… До этого они никогда не встречались с ним, поэтому актер даже не сразу понял, что этот человек в кабинете и есть сам Гайдай. А поздоровавшись, Харатьян еще при этом подумал: «Да нет, наверное, это все-таки он, раз меня

пригласили в его кабинет».

Выяснилось, что действительно это оказался сам Леонид Иович. Он пригласил Дмитрия присесть, а потом спросил, как актера зовут. Харатьян ответил: «Дима». — «А отчество?» Харатьян возразил: «Да Дима просто». — «Ну, отчество все-таки», — вдруг настойчиво потребовал Леонид Иович. «Дмитрий Вадимович», — с трудом выговорил актер свое отчество, которое вообще до этого в разговорах с ним редко кто употреблял. Гайдай повторил: «Дмитрий Вадимович». И в этот момент от него повеяло чем-то вдруг таким теплым, словно это вдруг оказался перед актером какой-то родной и близкий ему человек, словно настоящий дедушка, которого уже тогда не было на свете. Харатьян утверждает, будто не знает, что произошло в тот самый момент, пробежал какой-то импульс, который трудно объянить. (В астрологии это называется *кармическая связь*. — *Ф. Р.*) Между ними возникла какая-то искра, как будто возникла какая-то мягкая, теплая волна, и молодому актеру сразу стало с этим человеком очень интересно.

Они стали запросто друг с другом разговаривать: «А что? А где? А вы что?» Из разговора стало ясно, что Гайдай Харатьяна до этой встречи вообще не знал. Потом сказал, что до этого видел какой-то фрагмент фильма «Зеленый фургон» — и все…»

Девушку, в которую оказывается влюбленным Дима — журналистку Лену, — сыграла актриса Ирина Феофанова. В процессе работы случился момент, когда Харатьян попытался продолжить киношную «любовь» с актрисой и вне съемочной площадки — он пару раз пригласил ее поужинать в ресторан. Но потом на его горизонте «нарисовалась» другая девушка — тираспольчанка Марина Майко (22 июля 1970 года).

Их знакомство произошло во время натурных съемок «Частного детектива», которые проходили в Одессе с 25 мая по 12 июля 1989 года. Марина в те же дни снималась там в фильме «Закат» по И. Бабелю и жила в той же гостинице, что и Харатьян. По его словам:

«Сначала я увидел ее ноги — Марина была в коротких штанишках. Обратил внимание: стройная, высокая блондинка с голубыми глазами — в общем, эталон. Спросил: «Кто?» Мне объяснили. Стали мы с ней гулять по пляжу, разговаривать. Оригинальность нашего знакомства — она вообще не знала, кто я. Чем гордится до сих пор. Если многие западали на «артиста известного», то она, как ни странно, кино не увлекалась и меня в нем не помнила. И она же была «Мисс Тирасполь», это с ней носились, а она на всех смотрела свысока…»

Стоит отметить, что роман Дмитрия, едва начавшись, чуть не

завершился трагедией. Дело было так. После съемок в Одессе Марина отправилась на досъемку в Евпаторию. Туда же вскоре приехал и Харатьян. Причем, чтобы совместить приятное с полезным, он решил приобрести на местном автомобильном рынке первый в своей жизни автомобиль. Им оказался подержанный «Nissan».

Послушаем рассказ самого Дмитрия: «Вместе с Мариной и парнем, который помогал нам перегонять машину, мы поехали в Москву. Мы уже подъезжали к дому, Марина сидела рядом, парень спал сзади. Было раннее утро, чтобы не заснуть, я купил папиросы «Север» — по дороге невозможно было купить нормальных сигарет. И вот я стряхиваю пепел и вижу: сноп искр потоком ветра заносит обратно в салон, и они попадают Марине на волосы. Я начал тушить ее волосы, отвлекся от дороги, а когда повернулся к рулю, машина уже наполовину была в кювете и двигалась прямо на деревья. Я успел вывернуть и некоторое время ехал между деревьями по обочине. И тут я совершил ошибку: вместо того чтобы просто остановиться, я решил выехать обратно на дорогу.

Дорога значительно выше, машина перевернулась, упала на крышу и продавила ее настолько, что она оказалась где-то на уровне лба. Тут же откуда-то появились люди, перевернули машину, вытащили нас. К счастью, никто не пострадал. Потом машину отремонтировали, но я на ней больше никогда не ездил. И с тех пор я за рулем никогда не курю…»

Начало 90-х годов оказалось для Харатьяна в творческом отношении на редкость плодотворным. В те годы на экраны страны вышли сразу несколько фильмов с его участием, причем в большинстве из них он играл главные роли. Что это за фильмы?

В 1990 году это была «Мордашка» режиссера Андрея Разумовского — легковесная комедия про красавца-плейбоя Гену, который считает, что, кроме смазливой мордашки, у нет никаких талантов, поэтому надо подыскивать себе состоятельную невесту. В роли последней снялась актриса Мария Зубарева. К сожалению, эта роль оказалась одной из последних в жизни актрисы — в ноябре 1993 года она скончалась на 31-м году жизни.

В 1991–1992 годах Харатьян снялся в продолжении истории про гардемаринов — «Виват, гардемарины!» и «Гардемарины-III». Причем из прежней славной троицы (Харатьян — Шевельков — Жигунов) он остался только один, поскольку двое остальных исполнителей в фильм не попали. Вместо них были приглашены другие актеры: Александр Домогаров и Михаил Мамаев.

Но вернемся к Харатьяну.

В 1991 году по опросу читателей журнала «Советский экран»

он был назван лучшим актером года.

В следующем году вышли сразу два фильма, где он сыграл главные роли. Первый — детектив «Черный квадрат» режиссера Юрия Мороза, где наш герой сыграл молодого следователя прокуратуры брежневских времен Александра Турецкого. С Морозом Харатьян подружился еще в конце 80-х, когда перебежал ему дорогу в «Гардемаринах» (как мы помним, именно Юрий должен был сначала играть Алешу Корсака, но не случилось).

Второй фильм — последняя комедия Леонида Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди», где Харатьян сыграл еще одну главную роль — кагэбэшника Федора Соколова. Правда, пришла она к нему не сразу. Дело в том, что сразу после завершения работы над «Частным детективом» Гайдай пообещал Харатьяну, что вскоре снимет продолжение этой истории и, значит, опять пригласит его на главную роль. Но 31 декабря 1990 года режиссер внезапно позвонил актеру и буквально огорошил его сообщением: дескать, извините, Дмитрий Вадимович, но мой новый фильм будет про другое и герой там будет уже не частный детектив, а сотрудник КГБ. Харатьян рассчитывал, что Гайдай пригласит на эту роль именно его, но режиссер тогда этого не сказал. На том они и расстались.

Надо отдать должное Дмитрию — он не обиделся на Гайдая и, когда начался отбор исполнителей на роли (весной 91-го), даже помогал ему советами. В итоге именно он посоветовал режиссеру обратить внимание на актера Александра Кузнецова (прославился главной ролью в фильме «Джек Восьмеркин — американец»). Его и решил снимать Гайдай. Но вмешались непредвиденные обстоятельства.

Съемки фильма должны были происходить в США, а Кузнецов давно собирался туда уехать навсегда, да все не было удобного случая. А тут он сам шел ему в руки благодаря фильму Гайдая. Но если бы такое случилось, фильм вряд ли бы удалось доснять. Видимо, все это дошло до ушей и разума Гайдая, и он отказался от услуг Кузнецова. И предложил роль Харатьяну, которую тот с удовольствием принял.

Между тем тогда Харатьян едва не развелся со своей женой Мариной Майко. И виной всему было его питие, с которым он никак не мог развязаться. И ведь работы у него тогда было достаточно, и поездок по стране масса — ан нет, все равно без алкоголя жизнь казалась пресной. Д. Харатьян вспоминает:

«У меня тогда появился синдром Олега Меньшикова — не давать интервью. Все достало — залезли во все доступные и недоступные места. Я был выхолощен насквозь. Еще я ездил с

концертами — 200–300 раз одно и то же. Кошмар! Это продолжалось около двух лет. После этого мне было все равно. Я был абсолютно безразличный, потухший человек. Глаза у меня были потухшие. Мне ничего не нужно было в этой жизни, абсолютно. Ничего меня не радовало, ничего не интересовало, даже женщины…»

В алкогольном угаре Харатьян попадал в самые разные неприятные истории. Так, в Ялте он выпил лишнего и прямо на улице его раздели неизвестные — сняли с него дубленку, шарф, часы. В другой раз он «под градусом» сел за руль автомобиля и едва не погиб — врезался в бордюр.

Устав от этих «художеств», жена поставила вопрос ребром: либо я, либо водка. Харатьян выбрал первое — он вновь «зашился». В итоге семью от развала он тогда сберег.

В период 1993–1995 годов Харатьян добавил в свой послужной список роли еще в нескольких фильмах. Среди них: Северцев (главная роль) в «Новом Одеоне», Александр Бахметьев в «Доброй ночи!», лейтенант Парсонс в «Сердцах трех-2», Людовик XIV и Филипп Марчиали в «Тайне королевы Анны, или Мушкетеры двадцать лет спустя» (все — 1993), Саша в «Тараканьих бегах» (1994).

В 1995 году Харатьян надумал податься в рестораторы. Вместе со своими друзьями — актрисой Мариной Левтовой и ее мужем режиссером Юрием Морозом — он открыл клуб «Кино», который довольно быстро стал одним из любимых мест проведения досуга людей самых разных профессий. Среди них: Михаил Жванецкий, Юрий Башмет, Гедеон Кремер, Андрей Макаревич, известные спортсмены, бизнесмены.

В том же 1995-м Харатьян снялся в телевизионном сериале «Королева Марго» в роли графа де Ла Моля. Продюсером этого фильма выступил давний знакомый Харатьяна Сергей Жигунов, с которым Дмитрия связывали давние партнерские отношения. Они вместе играли в первых «Гардемаринах», затем Жигунов продюсировал фильм «Черный квадрат» с Харатьяном в главной роли, и, наконец, Харатьян записал компакт-диск «Склонность к дождю», на котором исполнил песни на стихи Жигунова. Для большинства зрителей их союз выглядел безупречным и нерушимым. Но это оказалось не так. Рассказывает Д. Харатьян:

«Я не хотел играть роль де Ла Моля. Мне казалось, что это повторение того, что я уже делал, и вообще романтический образ уже отработан. Я хотел играть Генриха Наваррского или Карла. Это мощные драматические роли. Но Сергей Жигунов меня уговорил. У меня же были большие сомнения. И они затем подтвердились. Так получилось, что эту роль я так и не озвучил.

И другие актеры, занятые в нем, — Миша Ефремов, Женя Добровольская, Вера Сотникова — тоже себя не озвучивали.

Первой Жигунов снял с озвучания Женю Добровольскую. Сказал, что она не подходит ему по голосу. Женя играет королеву Марго, я — де Ла Моля. У меня вся роль завязана на ней. Мне очень важно, кто будет говорить вместо «моей возлюбленной». Я попросил второго режиссера в отсутствие Жигунова показать пробы актрисы, которая будет ее озвучивать. Жигунов приехал и распорядился и меня снять. И взял Лешу Иващенко из дуэта бардов «Иващенко и Васильев». Поэтому я не могу полноценно отвечать за свою работу в «Королеве Марго». Вообще стоял вопрос суда. Насколько знаю, только Сотникова подала иск…

Позднее Жигунов зашел в наш клуб «Кино». Он всем тут хамил, и я перестал с ним общаться. Правда, он извинился потом, но не сразу. А после в прессу просочилась информация о нашей ссоре «из-за еды». На самом деле… мы разные люди. Я очень терпимый. Я практически был последним, кого он потерял…»

В 1996 году в жизни Дмитрия произошло сразу несколько событий, о которых необходимо упомянуть. Так, в августе он наконец-то официально оформил свои отношения с Мариной Майко. Это событие молодые отметили в клубе «Кино», где по этому случаю собрался чуть ли не весь столичный бомонд.

Жили молодые в подмосковном Красногорске в отдельном коттедже (мама Харатьяна жила в доме напротив). Вместе с супругами тогда жили ирландский сеттер Форрест, кошка Ксюша и ее сын-котенок Федя. Разъезжал Харатьян в ту пору на синем «Мерседесе-190».

Осенью того же 96-го Харатьян впервые в своей творческой карьере стал выступать на театральных подмостках — на сцене «Под крышей» Театра Моссовета он играл в спектакле о мышах и людях Джона Стейнбека.

Что касается кино, то в 1996 году он снялся в фильме своего друга Гарика Сукачева «Кризис среднего возраста», а в 1997-м приступил к съемкам в очередной картине Светланы Дружининой «Тайны дворцовых переворотов». Причем в последнем фильме у него отрицательная роль — наставник юного Петра II Иван Долгорукий.

Отметим, что в этом же фильме дебютировала и дочь Харатьяна от первого брака Александра. Несмотря на то что она по образованию экономист, однако кино увлекается. А тут отец взял ее с собой на съемки «Дворцовых переворотов», и Дружинина благосклонно предложила ей сыграть девушку в массовке — румяную крестьянку. Чуть позже Александра снялась и в следующем фильме о «дворцовых переворотах» — на этот раз в

роли девушки-дворянки.

А в 1998 году Харатьян вновь пережил радость отцовства — 9 марта жена родила ему сына Ивана.

Из интервью Д. Харатьяна конца 90-х: «Я понял, характер с возрастом осложняется. Марине и моей маме памятник нужно ставить, потому что я жуткий зануда — придирчивый, въедливый. Я их в черном теле держу. А результат нулевой — меня никто не слушается…

Моя дочь от первого брака, Александра, очень скромный ребенок и, наверное, больше похожа на свою мать: чисто внешне и по характеру. Бывшая жена сейчас уже не актриса, а педагог по английскому языку. Кстати, обе мои жены Марины Владимировны. Роковое совпадение…

Я отдаю себе отчет, что по большому счету ничего серьезного, значительного в кино не сделал. Мне просто достался счастливый лотерейный билет. Ты тянешь его — и в выигрыше. А рядом с тобой человек более достойный, заслуженный стоит, он тянет — и пусто. Да, я попал, меня занесло в любимый зрителями жанр приключенческого фильма, в амплуа романтического героя. И неважно, войду ли я в историю кинематографа, но в память людей с чем-то добрым, чистым, светлым я уже, смею надеяться, вошел. Ребята, которые сегодня «балдеют» от «Гардемаринов», понесут в сердцах наших героев, как понес я через годы романтику, отвагу «Неуловимых мстителей». А это не так уж и мало…»

В начале нового тысячелетия, когда в моду на российском ТВ вошли «мыльные оперы» (сериалы), Харатьян подался туда. И начал сниматься в одном сериале за другим: «Каменская» (брат Насти Каменской Саша), «Маросейка, 12» (главная роль), «Тайны дворцовых переворотов», фильмы 2-й и 3-й (Иван Долгорукий) (все — 2000), «Курортный роман» (2001), «Каменская-3» (брат Каменской Саша), «Огнеборцы» (главная роль — Митрохин), «Тайны дворцовых переворотов», фильмы 5-й и 6-й (все — 2003), «Московская сага» (охранник в лагере Леонид Шевчук), «Виола Тараканова» (Семен Попов) (оба — 2004) и др.

Снимался он и в полнометражных фильмах: «Атлантида» (2003; главная роль — Александр; Харатьян выступил также продюсером картины), «Другая жизнь» (главная роль — Феликс), «Супертеща для неудачника» (главная роль — Леонид) (оба — 2004) и др.

Играл Харатьян и на театральной сцене — например, в спектакле «Люди и мыши» по пьесе Д. Стейнбека «О людях и мышах». Премьера этой постановки случилась еще в августе 1998 года, но продержалась тогда недолго — в августе грянул дефолт,

и спектакль закрылся. Но в январе 2004 года его возобновили. Харатьян играл в нем американского батрака Джорджа Ньютона, а роль его экстравагантного друга исполнял Александр Балуев. Заметим, что они и по жизни очень дружат — встречаются семьями, играют вместе в теннис.

И еще несколько слов о друзьях героя нашего рассказа.

В 1990 году, давая интервью «Московскому комсомольцу», актер заявил следующее: «Рядом со мной преданные друзья. Марина Левтова с Юрой Морозом, Гарик Сукачев, Паша Каплевич. Не могу не назвать Олега Меньшикова, несмотря на то что мало общаемся. До сих пор поддерживаю близкие отношения со школьным другом Лешей Малининым, с которым еще в школьном ансамбле играли. Продюсер Анатолий Воропаев, который стал моим очень хорошим другом. Благодаря ему я получил возможность сыграть в одном спектакле, сняться в «Кризисе среднего возраста», выпустить два сольных альбома — «Склонность к дождю» на стихи Сергея Жигунова и «Здравствуй, если ты далеко».

Спустя десятилетие из всех перечисленных друзей Харатьян поддерживает отношения почти со всеми. Почему почти? Из перечисленных выпали Марина Левтова (она погибла 27 февраля 2000 года, катаясь на снегоходе) и Олег Меньшиков. Про последнего Харатьян сказал следующее:

«В своем давнем интервью я сказал про Меньшикова, что «не могу не назвать его в числе своих друзей», а сегодня скажу «не могу назвать». Наши пути разошлись. Так случилось, это нормально. Хорошо, что раньше Олег занимал часть моей жизни…»

В 2002 году в российских СМИ неоднократно появлялась информация о новых проблемах Харатьяна с алкоголем. Писали, что он опять «развязал» и что на этой почве его брак с Майко на грани разрыва. Газеты сообщали, что разногласия между супругами начались еще в начале лета 2002 года. Якобы Дмитрий стал все реже появляться дома, оставаясь ночевать у друзей в Москве (Марина с сыном жила в Красногорске). На фестивале «Кинотавр» в Сочи Харатьян открыто флиртовал с симпатичными девушками, а чтобы прокатиться в компании одной из них по морю, Дмитрий, по слухам, даже арендовал роскошную яхту. Вернувшись в Москву, актер продолжил разгульную жизнь — постоянно зависал с друзьями в клубе «Кино». Марина неоднократно пыталась образумить мужа, уговаривала прекратить эти ночные посиделки с обильными возлияниями. Но Харатьян ее не слушал. В итоге однажды они сильно поругались, после чего Дмитрий собрал вещи и ушел из дома, хлопнув

дверью.

Слухи о неладах в семье актера распространялись в прессе со скоростью пожара. И первым изданием, которое решило проверить их подлинность, стала газета «Московский комсомолец». 28 сентября там появилась заметка А. Тумаркина под выразительным названием «Дмитрий Харатьян не развелся с женой».

Цитирую:

«Репортеры «МК» просто позвонили Харатьяну домой.

— Да слышал я, слышал! — ответил нам Дмитрий. — Эту информацию обо мне кто-то выложил в Интернете. А люди подхватили, в том числе и некоторые журналисты…

У меня сейчас очень много работы, и я действительно редко появляюсь дома. Буквально на днях состоялся премьерный показ пьесы Юрия Полякова «Халам-Бунду», где у меня одна из главных ролей. Закончились съемки в картине «Карьера, или Другая жизнь» у режиссера Елены Райской. Еще снимаюсь в небольших ролях у Дмитрия Барщевского — в «Московской саге» и в «Каменской-3».

Что еще? Летал в Казань в составе футбольной команды «Старко», где у нас был матч с командой МВД Татарии. Дома у меня вот-вот закончится ремонт. Дел выше крыши, одним словом. А вы говорите — запой… Где ж время-то взять?!»

Однако в начале ноября 2003 года имя Харатьяна снова оказалось в эпицентре внимания. «Экспресс-газета» опубликовала интервью с женщиной, которая сообщила, что в течение нескольких лет была… любовницей Харатьяна и имеет от него сына Алешу. Имя женщины — Любовь Сафонова, живет она в станице Кабардинка Краснодарского края. Вот ее рассказ:

«С Димой мы встречались, с небольшими перерывами, в течение пяти лет — с 1992 года. Обычно, когда его жена Марина Майко уезжала к родителям после очередной ссоры, я оставалась на ночь в красногорской квартире Харатьяна на Ильинском шоссе, в доме № 6. Они частенько тогда ругались из-за его постоянных пьянок. Мы с Димой проводили время или на черном кожаном диване в гостиной, или в спальне, где на коричневом пианино стояли старинные часы. Иногда он возил меня на свою дачу в подмосковное Павшино. Красивый такой бревенчатый дом с розовыми шторами и почти без мебели. Я была готова на все, чтобы побыть с Димой лишний часок наедине. А он — то ли из-за непрерывного пьянства, то ли еще из-за чего — в постели почти ничего уже не мог. Я подолгу мучилась, чтобы привести в боевую готовность его «морковку». В рабочем состоянии она у него сантиметров 14. Презервативы Дима не любил. В результате 6

марта 1997 года я родила Алешу. Очень хотела ребенка от любимого человека. Кстати, назвала сыночка Алешенькой в честь героя Харатьяна в «Гардемаринах» Алеши Корсака…

На алименты я подавать не собираюсь. Хотя Дима и получает за один съемочный день 700 баксов, мне от него ни копейки не надо. При желании я могла бы найти свидетелей наших близких отношений. Тот же актер Сергей Петрович Никоненко знал об этом. Мы же встречались с Димой вплоть до 2001 года…»

Надо отдать должное журналистам «Экспресс-газеты» — они не ограничились рассказом одной Сафоновой и предоставили место для комментария самому Харатьяну. Вот что он заявил: «Ах, еще и сын, оказывается, у меня от Любы?! Эта полногрудая девушка преследует меня уже несколько лет. Начиналось все замечательно. Она подарила мне цветы после спектакля. Смотрю, вроде взрослая женщина, все нормально… А потом Люба стала досаждать мне звонками, говорить какие-то сальности. Много раз приглашала к себе на квартиру, навязывала близкие отношения. Вообще мне про нее неприятно говорить. Она обещала навести порчу на мою семью. Теперь боюсь за здоровье близких и свое тоже. Думаю, пора обращаться в милицию».

Как ни странно, но история на этом не закончилась. Харатьян позвонил в редакцию «ЭГ» и сказал, что готов немедленно пройти все необходимые процедуры, чтобы доказать, что ребенок у Сафоновой не от него. Экспертиза ДНК была проведена в Медико-генетическом научном центре Российской академии медицинских наук в середине ноября. Кровь взяли у трех фигурантов: Харатьяна, Сафоновой и ее сына Алексея. Спустя две недели был получен ответ: Харатьян никакого отношения к сыну Сафоновой не имеет. Узнав об этом, Харатьян заявил: «Что и требовалось доказать! Люба — это трагедия всей моей жизни. Она преследовала меня на протяжении пяти лет. И теперь, если она не извинится передо мной, я подам на нее в суд. Зачем порочить мое честное имя?»

Сафонова извинилась. Вот ее слова, опубликованные в той же «Экспресс-газете»: «Харатьян сам настаивал на анализе ДНК. Я и не собиралась подавать на алименты! Если уж Димочка хочет, чтобы я извинилась за свою любовь к нему, я извиняюсь. Прости, Дима, за мою прежнюю страсть к тебе. Ничего плохого в отношении тебя и твоей семьи я не делала и не собираюсь. Живи, Димочка, спокойно…»

В 2006 году состоялся дебют в кино Харатьяна-младшего — Иван сыграл небольшую роль юного Андерсена в фильме самого Эльдара Рязанова «Андерсен». Как он попал в эту картину? Дело в том, что Харатьян-старший часто берет своего сына на различные

кинофестивали, вот Рязанов его однажды и увидел на «Кинотавре». Мальчик ему понравился лицом и волосами — они у него светлые, как у скандинава. В свое время другой режиссер, Рустам Хамдамов, летом 2008 года, увидев Харатьяна-младшего, воскликнул: «Ой, какой немчик!»

Отметим, что свою роль юный актер учил с мамой, она же отвозила его на съемки. А его отец в интервью «Аргументам и фактам» (номер от 21 декабря 2006-го, автор — Н. Журавлева) сказал о сыне следующее:

«У сына несколько сцен с текстом. Есть в этом какой-то знак, по-моему: в детстве сыграть одного из любимейших детских сказочников.

Рязанов сказал, что очень все достойно, и я ему, честно говоря, верю. Ванька у нас парень такой органичный, есть в кого, гены все-таки. Но мы не хотим специально акцентировать его внимание на актерской деятельности — будет и будет, а уж там как Бог решит».

Летом 2008 года Харатьян-младший впервые был отправлен родителями в летний лагерь, в отряд «Штормовой». Для того, чтобы учиться самостоятельности. Как сказал его отец:

«Ваня, конечно, избалованный мальчик, но очень общительный. Думаю, справится. Пионерский лагерь — это прототип армии, команды, отряда — форма подчинения и дисциплина».

В октябре 2008 года, отвечая на вопросы «Экспресс-газеты», Харатьян-старший так отозвался о своих отношениях с женой Мариной Майко, с которой он живет уже более двух десятилетий:

«Произошло чудо. Нам хорошо вместе, вообще это удача — найти человека, с которым тебе комфортно».

Что касается творчества Харатьяна, то оно во второй половине 2000-х развивалось не менее активно, чем раньше. Наш герой активно снимался, причем опять же в сериалах. Каких? Перечисляю: «Мальчишник, или Большой секс в маленьком городе» (2005; писатель Нюховский), «Аврора, или Что снится спящей красавице» (главная роль — Ник Астахов), «Иван Подушкин. Джентльмен сыска-1» (главная роль — Иван Подушкин), «Об этом лучше не знать» (главная роль — телезвезда Аркадий), «Страсти по кино: сумасшедший день» (популярный артист Влад) (все — 2006), «Валерий Харламов. Дополнительное время» (отец Харламова Борис Сергеевич), «Виола Тараканова. В мире преступных сетей-3» (муж Томы), «Иван Подушкин. Джентльмен сыска-2» (главная роль — Иван Подушкин), «Лера» (отец Леры Виктор Николаевич Мещеряков) (все — 2007), «Тяжелый песок» (летчик, Герой Советского Союза Вадим

Соколов), «Встречная полоса» (главная роль — капитан милиции, старший инспектор ГИБДД Павел Волков), «Каникулы любви» (главная роль — художник Роман Святозаров), «Розыгрыш» (отец Олега Сергей Владимирович Комаров), «Тайны дворцовых переворотов», фильм 7-й — «Виват, Анна Иоанновна!» (главная роль — Иван Долгорукий) (все — 2008), «Возвращение мушкетеров» (король Людовик XIV), «Генеральская внучка — 1 и 2» (врач Евгений) (оба — 2009), «Золотая рыбка» (американец Сэм), «Иго любви», «Вера, Надежда, Любовь» (главная роль — хирург Виктор Павлович Строев), «Самый лучший фильм-3» (все — 2010).

2000-е было временем так называемой путинской стабильности, когда шальных нефтяных денег было немерено и почти все они спускались в «трубу» — особенно в кино, где снимались разного рода одноразовые поделки, которые забывались после первого же просмотра. У Харатьяна таких фильмов тоже хватает. Цитирую его же собственные слова:

«И на старуху бывает проруха. Фильм «Мальчишник, или Большой секс в маленьком городе» — позор. Сплошной обман просто. Такая была идея интересная, и так ее извратили и опошлили… безвкусие, дурновкусие. Очень неприятные ощущения у меня остались от участия в этом и от самого фильма. Я был уверен, что его никто никогда не купит и нигде не покажет, а на РЕН ТВ вообще с ума сошли…»

Заметим, что за подобные поделки (а их в те годы выпускали пачками) и гонорары актерам выплачивались огромные. На эти деньги российский бомонд, что называется, «разжирел» — обулся, оделся, понастроил себе особняков в несколько этажей. Не стал исключением и Харатьян. Еще в начале 2000-х он купил себе новое жилье — 100-метровую квартиру. А также начал строить за городом просторный дом. Да и как не построить, если деньги на него сыпались золотым дождем, иной раз даже за просто так. Цитирую самого актера:

«Я однажды получил гонорар за то, что не снялся в рекламе. Мне предложили рекламировать зубную пасту. Прошло время, и поменялась концепция. Меня не сняли. Но при этом заплатили довольно крупную неустойку. Можно сказать, я ловко устроился. Почаще бы так!..»

Этого «золотого дождя» актерам хватает не только на особняки, но и на разного рода развлечения — например, на казино. В семье Харатьянов этим делом одно время увлекалась Марина Майко. И вновь послушаем его собственный рассказ:

«Когда в казино начинаю проигрывать — ухожу. Даже если сначала немного выигрываю, потом все спускаю. Вот жена у меня

выигрывает, причем по моей наводке. Мы плавали на теплоходе, там было мини-казино, а Марина ночи напролет играла — очень азартная девушка. Придет в каюту, разбудит меня и спрашивает: «На что мне поставить?» Я ей спросонья отвечаю: «9, 13, 21» — и дальше спать. Она уходила и выигрывала, один раз даже очень много…»

Кульминацией путинского правления для Харатьяна стало награждение его званием народного артиста России — это случилось 29 апреля 2008 года. Символично, что это было последнее награждение, проведенное Владимиром Путиным в Кремле в качестве действующего президента.

Грянувший в 2008 году мировой финансовый кризис заметно сказался на заработках российских актеров. Однако есть среди них группа артистов, которые в этом отношении пострадали меньше всего. Среди них — Дмитрий Харатьян. Говорят, что он даже… «вырос» в цене. Во всяком случае, так об этом сообщали СМИ. Вот лишь одна из таких публикаций — в еженедельнике «Мир новостей» (автор — А. Князев):

«Один из организаторов фестивалей рассказывал, что у него никогда не бывает проколов в организации и все артисты, которые заявлены предварительно, приезжают, не сказываясь больными… А все дело в гонорарах, половину из которых актерам выплачивают заранее, а вторую отдают после приезда. Случаются, правда, и проколы, когда некоторые артисты, получив причитающуюся им половину, просто пропивают деньги и не могут доехать до места проведения фестиваля физически. Такой не очень надежный фестивальный человек — Михаил Ефремов. Раньше, как рассказывали, водился такой грех и за Дмитрием Харатьяном, но в последние лет пять-семь он не только стал очень ответственным, но и «вырос» в цене. Не случайно на Чебоксарском кинофестивале в 2009 году организаторы шушукались, что он обошелся им едва ли не дороже Эльдара Рязанова, Дарьи Мороз и Ирины Муравьевой, вместе взятых…»

В январе 2010 года Харатьян отметил юбилей — 50 лет. Скажем прямо, выпал он не на самое удачное время: во-первых, на дворе был мировой финансовый кризис, во-вторых — с февраля наступал год Тигра, не самый удачный для людей-Свиней. Как написано в их гороскопе: «В этот год Свинье не помешает запастись терпением — обстоятельства будут меняться, как картинки в калейдоскопе».

Во многих центральных СМИ в те юбилейные дни вышли интервью с Харатьяном, из которых я приведу несколько отрывков:

«Моя дочь от первого брака очень скромный ребенок и,

наверное, больше похожа на свою мать: чисто внешне и по характеру. Саша окончила Московский экономический институт, занимается подбором кадров. Сейчас еще и второе образование получает — хочет стать музыкальным продюсером. А бывшая жена сейчас уже не актриса, а педагог по английскому языку. Кстати, обе мои жены — Марины Владимировны. Роковое совпадение…

К сыну у меня необыкновенно нежное отношение, с возрастом иначе воспринимаешь рождение детей. Сашу я как-то не ощущал своим ребенком: головой понимал, но настоящего отцовского чувства не было. С Ваней это чувство возникло сразу. Ваня — поздний ребенок. Он родился, когда мне было 38 лет. Поэтому я его балую. Я считаю, что мой собственный пример и дает нужный воспитательный эффект. Мать и отец делают то, что потом повторяет их ребенок. Дети ведь как губка, впитывают ту среду, в которой находятся. Я не могу быть тем педагогом, который, как в школе, изо дня в день занимается постепенным воспитанием. Это в нашей семье скорее мамины обязанности. А я, наоборот, как отдушина. Добрый папа, к счастью, пока еще не воскресный, которому просто жалко тратить редкие минуты с сыном на морализаторство и назидание. Поэтому мы чаще играем и развлекаемся. Это как известная история с «хорошим» следователем и «плохим» следователем. Я — пряник, мама — кнут… (Отметим, что мама и сын по гороскопу идеально подходят друг другу, будучи из одних команд: Собака и Тигр — одна команда, Рак и Рыбы — одна стихия Воды. — *Ф. Р.*)

Дома я люблю командовать. У меня знойный армянский темперамент, я очень требовательный человек и жуткий чистоплюй. Всегда борюсь за идеальный порядок, но, к сожалению, моя жена не всегда его поддерживает. Поэтому завели домработницу. Но сам я тоже много делаю по дому: недавно закончил ремонт в новой квартире…

Я очень оптимистично настроен на перемены в нашей стране, на ее будущее. Мне далеко не безразлично, что здесь происходит. Я никуда не хотел бы уезжать отсюда. Но мне бы хотелось, чтобы можно было достойно жить в достойной России…»

Были в этих интервью и странные заявления, впрочем, весьма распространенные в среде российского бомонда. Например, такое: «Нам лет семьдесят нечего было передавать, кроме постельного белья ну и квартиры в лучшем случае…»

Это откровенный камень в огород почившей в бозе советской власти. Но самое интересное, что власть-покойница тому же Харатьяну передала бесценное сокровище — его славу популярного артиста. Чтобы это понять, достаточно сравнить его

роли в кино в период с 1977 по 1991 год и роли при нынешнем режиме — это же небо и земля. Заметим, что наш герой по гороскопу родился в год Свиньи, а это знак по большей части безыдейный, и ей хорошо там, где она сытно кормится. Однако иной раз все-таки не стоит забывать о своих истоках. В противном случае Свинья может превратиться в Свинтуса.

А вот что рассказала в одном из своих интервью («Комсомольская правда», 21 января 2010) Марина Майко:

«Я считаю, что в нормальной семье должны быть взрывы эмоций. Не скандалы — мы же воспитаны в интеллигентных семьях. Но мы люди творческие — и Дима, и я, и даже наш ребенок Ваня. У нас все происходит эмоционально шумно… Так что мы не идеальная семья. Главное — умение выслушать своего мужа, любимого человека. И попытаться его понять, учесть его желания. Люди проявляются в экстремальные моменты. Для меня Дима — еще и друг. К нему можно пойти в тяжелую минуту за советом. И он поможет, выслушает, поддержит и будет всегда на твоей стороне.

Я часто Диму хвалю. И не только его, но и нашего ребенка, и Димину дочь от первого брака. В жизни столько негатива. А хорошие слова стимулируют людей… Мне даже мама говорит: «В кого ты такая мудрая?»…»

В мае 2010 года на российском ТВ состоялась премьера сериала «Вера, Надежда, Любовь», где Харатьян впервые в своей киношной карьере играл… 84-летнего старика. Причем играть своего героя актер начинал в 30 лет, а дальше на глазах телезрителей он старел до указанных выше лет. На грим актера каждый раз уходило по часу. На него накладывали усы, парик, латекс, от которого лицо сжимается и меняется до неузнаваемости. По словам Харатьяна:

«Когда наносят латекс, это очень неприятно, но без него не получится киношного взросления. Из-за особенных деталей в одежде, стариковских очков и грима я действительно чувствовал себя стариком. Никогда раньше мне не доводилось сниматься в возрастных ролях, но опыт работы в сложном гриме у меня уже был. Мое лицо меняли до неузнаваемости, когда я пробовался на роль Пушкина в фильме Марлена Хуциева в 1981 году. Тогда в кресле гримера я проводил по пять часов. Еще с моим лицом экспериментировала Екатерина Рождественская, когда снимала меня в образе Тургенева, Пушкина, Гоголя и Достоевского…»

В эти же дни Харатьян сыграл премьеру и на театральной сцене. В мюзикле Максима Дунаевского под названием «Любовь и шпионаж» он исполнил сразу… шесть ролей: капитана британской королевской армии, капитана французской разведки,

раненого русского офицера Орлова, режиссера-сценариста, газетного репортера и торговца кокаином. Во время спектакля ему неоднократно приходилось переодеваться, заодно полностью меняя характер и поведение. Главную женскую роль в этом мюзикле (знаменитую разведчицу Мату Хари) играет известная эстрадная певица Лариса Долина.

Что касается кино, то и здесь наш герой не дает маху — снимается регулярно, правда, в основном все в том же «мыле» (в сериалах), которое, как уже говорилось, нельзя назвать полноценным кинематографом. Так, в 2011–2012 годах Харатьян записал на свой счет несколько ролей в сериалах: «Золотая рыбка в городе N» (2011; американец Сэм), «Лесное озеро» (2011; Иван), «Тайна снежной королевы» (2012; король). Честно признаюсь, ни один из этих фильмов не смотрел. Может быть, это вполне добротное кино. Хотя интуиция мне подсказывает, что данную продукцию также можно смело записать в разряд «одноразовых» — вряд ли спустя несколько лет кто-то о ней вообще вспомнит. Но с другой стороны, работать-то надо. Ведь чем длиннее сериал, тем и гонорары покруче. Особенно у таких артистов, как герой нашего рассказа.

Российский мачо

Владимир Машков родился в Туле 27 ноября 1963 года. Его отец — Лев Петрович Машков (1923) — был актером в кукольном театре, мать — Наталья Ивановна Никифорова (1924) — имела три высших образования, окончив ВГИК, режиссерский и театроведческий факультеты ГИТИСа, — работала там же режиссером. Отметим, что для матери это был второй брак — в первом она тоже родила сына, Виталия. Владимир же был поздним ребенком: он родился, когда его отцу было 40 лет, а матери — 39. Стоит отметить, что мать Машкова была наполовину итальянкой (ее мать приехала в Россию еще до революции и работала преподавателем), поэтому наравне с русским именем нарекла сына и итальянским — Леон.

До четырех лет Владимир жил с родителями в Туле, после чего в середине 60-х Машковы переехали в Новокузнецк. Там Владимир пошел в школу.

Учился он средне, предпочитая все свободное время проводить с приятелями на улице. В среде сверстников Машков слыл заводилой и носил весьма характерное прозвище — Доминас. Получил он его в честь героя западногерманского фильма «Банда Доминаса», который демонстрировался на советских экранах в начале 70-х годов.

Новокузнецк всегда считался городом хулиганским, 30 процентов жителей составляли ссыльные. Работали они на двух крупнейших предприятиях — Кузнецком металлургическом и Западно-Сибирском комбинатах. Работа отнимала у взрослых все силы, поэтому на детей времени практически не оставалось. И те вкушали все прелести свободного времяпрепровождения в хулиганской вольнице: курили, пили портвейн, слонялись по местному «Бродвею» — проспекту Металлургов. По нескольку раз в день приходили к городской тюрьме, где общались с зэками — кидали им продукты, курево, а те взамен перебрасывали на волю самодельные наборные мундштуки, авторучки, ножи и браслеты. Один из таких браслетов до сих пор хранится в домашней коллекции Машкова.

Любимым развлечением в компании Машкова были прыжки с подъемного крана на 16-й этаж недостроенного дома. Этот дом возвели на болоте, в результате чего он стал постепенно оседать. Строители были вынуждены ждать, пока усадка не закончится. И вот, пока они ждали, местные подростки во главе с Машковым изобрели игру — поднимались по крану наверх, проходили по стреле и прыгали на крышу дома. Причем особым шиком

считалось не проползти по крану на карачках, а пройти в полный рост (до земли было метров 50). Несмотря на то что милиция регулярно устраивала облавы на смельчаков, прыжки с крана продолжались в течение нескольких месяцев. К счастью, ни один из этих прыжков не завершился трагически.

Не закончился трагедией и случай, который произошел с Машковым в 16-летнем возрасте. Он тогда упал из окна третьего этажа, но не получил ни единой (!) травмы — как ни в чем не бывало встал с земли, отряхнулся и поднялся обратно в комнату, из которой минуту назад выпал.

Еще одним любимым развлечением Машкова в те годы был угон чужого автотранспорта. За короткое время он с приятелями умудрился угнать у честных граждан 15 мотоциклов и один автомобиль. И ни разу не попался в руки милиции. Когда же году в 78-м его все-таки схватили, это уже была другая история, намного серьезнее, чем угоны. Что же тогда произошло?

Однажды вечером Машков и трое его друзей коротали время во дворе, распивали портвейн. В разгар мероприятия мимо них прошел некий молодой человек, который считался очередным воздыхателем местной красотки, жившей в машковском дворе. Машкову и его приятелям захотелось его окликнуть, однако ничего путного из разговора не получилось — молодые люди едва не подрались. В конце концов воздыхатель удалился, а машковская компания продолжила начатое — стала допивать портвейн. Однако, когда он кончился и перед парнями встала проблема дальнейшего досуга, один из ребят предложил поквитаться с заносчивым воздыхателем дворовой шалавы. Предложение пришлось всем по душе, и ребята приступили к его осуществлению. По водосточной трубе они залезли на третий этаж дома, где жила девушка, открыли балконную дверь и один за другим проникли в квартиру. Однако вместо своего обидчика они увидели внутри нечто ужасное: на полу в одной из комнат, завернутая в одеяло, лежала хозяйка квартиры. Она была мертва.

Увидев это, подростки бросились назад и покинули квартиру тем же путем, которым пришли, — через балкон. Но приключение на этом не кончилось.

Ночью того же дня Машкова и трех его приятелей, побывавших в злосчастной квартире, подняли с постелей милиционеры и увезли в КПЗ. Там их здорово отметелили и сообщили, что им инкриминируется ни много ни мало — убийство девушки. Все заверения ребят в том, что они к этому преступлению непричастны, отскакивали от следователей как горох от стенки — им не верили. Так продолжалось целую неделю. А затем сыщики напали на след настоящего убийцы и в

течение последующих трех недель выслеживали его по всему городу. И все время, пока длилась эта погоня, Машкова и его приятелей продолжали держать в КПЗ, опасаясь, что их освобождение спугнет убийцу. В конце концов все завершилось благополучно: преступника взяли, а ребят освободили. Однако синяки, заработанные Машковым в предвариловке, после этого долго давали о себе знать.

Естественно, такая бурная жизнь не могла не сказаться на его учебе — учился Машков из рук вон плохо, являясь круглым двоечником. Но в девятом классе внезапно одумался и к экзаменам практически нагнал программу. Он тогда с родителями уже жил в Новосибирске (переехали туда в конце 70-х) и после окончания школы поступил на биологический факультет местного института. Отметим, что страсть к биологии проснулась в нем еще в детстве, и он держал дома сразу нескольких зверьков: четырех крыс, белку, черепаху, хомяка, кролика, двух собак и даже… ворону. Держал не просто так, а изучал их жизнь, повадки. Поэтому на биологический факультет он шел осознанно. Однако биолога из него в итоге так и не получилось: проучившись на него всего лишь год, Машков затем поступил в Новосибирское театральное училище (видимо, родительские гены взяли верх). Там, как и положено, стал студенческой достопримечательностью: любимцем девушек (он создал квартет «Каламбур», где играл на гитаре и пел «под Боярского») и головной болью для преподавателей (многие из них называли его творчески наглым и актерски циничным). Впрочем, его наглость распространялась не только на творчество. Однажды Машков придумал хитроумную аферу: прикинулся администратором училища и под видом ремонта его здания собрал со студентов по рублю и всю сумму потом пропивал в течение трех дней со своими одногруппниками. За это его хотели отчислить из училища, но группа сумела его отстоять — взяла на поруки.

Во время учебы в училище Машков познакомился со своей первой женой — 17-летней Еленой Шевченко (1964).

Шевченко поступила в училище сразу после окончания школы вопреки желанию родителей — те работали в Аэрофлоте и мечтали, чтобы их дочь стала бортпроводницей. С Машковым Елена впервые встретилась во время вступительных экзаменов, однако дальше шапочного знакомства дело тогда не пошло. Так продолжалось до третьего курса. А потом на дне рождения общего друга (он впоследствии трагически погибнет) Елена и Владимир оказались рядом за столом, и совместно распитая бутылка «Агдама» стала поводом к близкому знакомству. А через

несколько недель Машков познакомился с отцом Елены, однако тогда это знакомство не принесло обоим большой радости.

В те дни Елене и Владимиру предстоял экзамен по изобразительному искусству, и они усиленно готовились к нему. Шевченко занималась дома, а Машкову, не имеющему собственного угла (общежития училище не имело), приходилось слоняться по друзьям. В конце концов Елена сжалилась над Машковым и пригласила его к себе.

Оказавшись в цивильном доме, Машков первым делом попросил разрешения принять душ. Елена, естественно, разрешила. Затем он стал бриться, и в это время домой из рейса внезапно вернулся отец девушки. Думаю, не надо объяснять, какие мысли пришли ему в голову, когда он увидел в собственной ванной молодого человека, благоухающего одеколоном «Орфей», да еще бреющегося. Короче, вспыхнул скандал, и отец выставил Машкова за дверь. Так закончилось их первое знакомство.

Однако на взаимоотношениях молодых людей этот случай никак не отразился — они продолжали встречаться. При этом многие их поступки по отношению друг к другу выглядели романтично. Вот, например, как повела себя однажды Елена. Летом родители устроили ее бортпроводницей по маршруту Новосибирск — Новокузнецк — Ташкент, чтобы Елена немного подработала. Отлетав положенное, Елена дала телеграмму Владимиру, чтобы он в определенный день встречал ее в аэропорту. Однако рейс задержали, и самолет прилетел в Новосибирск на несколько часов позже положенного. Владимир не дождался невесты и уехал домой. И что сделала Елена? Несмотря на то что была ночь, она отправилась домой к своему суженому. Зная, что его родители уже спят и не желая будить их, она постучала в окно комнаты, где жил Машков (это был первый этаж), и проникла к нему таким вот оригинальным способом. Утром следующего дня родители были поставлены перед фактом, что у их сына есть девушка.

Между тем даже после этого случая Машков не торопился сделать Елене предложение руки и сердца. А летом 1983 года они и вовсе поссорились и все лето провели вдали друг от друга. Вполне вероятно, что на этом бы их отношения и закончились, однако Елена первая сделала шаг к примирению (Весам это свойственно — они везде стараются найти гармонию). 1 сентября, встретив Машкова в коридоре училища, она поздоровалась с ним и внезапно сказала: «Вова, женись на мне…» Тот на несколько секунд оторопел и попросил повторить сказанное. Елена повторила. Через некоторое время они поженились.

Вспоминает З. Терехова: «Вова и Лена изначально не могли

быть вместе: оба были чересчур импульсивные, взрывные. Мы даже частушку им на свадьбу придумали: «Пропадай Европа! Пропадай Америка! Гуляет Толмачево — женятся два холерика!» Они в первую же брачную ночь диван умудрились сломать!..»

По словам многих, кто знал молодоженов в те годы, семейная жизнь у них складывалась весьма непросто. Причем на это влияли разные обстоятельства: и несхожие характеры супругов, и сложные бытовые условия. Поэтому ссоры по пустякам в векторной семье были не редкостью. Например, однажды Елена, совершенно того не желая, едва не сделала своего мужа инвалидом. В тот злополучный день они проспали время ухода в институт. Елена вскочила первая, а Владимир так и остался лежать в постели, всем своим видом показывая, что он вставать не собирается. Тогда Елена, чтобы окончательно разбудить его, решила устроить ему холодный душ. Взяла с плиты чайник и вылила его содержимое на мужа. Однако вместо холодного душа получился горячий, поскольку в чайнике оказался… кипяток. Каким образом реагировал на это Машков, история умалчивает.

Молодая семья Машковых несколько раз даже оказывалась в милиции. Когда супруги шли по улице, Машков обычно уходил далеко вперед, совершенно забывая о жене. Елена на это сильно обижалась и выражала свою обиду весьма оригинальным способом — садилась в сугроб и отказывалась подниматься. Машков сначала уговаривал ее по-хорошему, затем начинал нервничать и применял силу. Елена в ответ начинала истошно кричать. Эти крики слышал милицейский патруль, и обоих нарушителей спокойствия доставляли в милицию.

Как признается однажды сам Машков: «Я психованный, со мной очень сложно». Это заявление имеет под собой основания, поскольку в молодости наш герой частенько попадал в сложные ситуации из-за своей неуравновешенности. Например, в 1984 году Машкова исключили из Новосибирского театрального училища за хулиганскую выходку. Что же случилось?

Шли репетиции «Гамлета», где Машков играл принца датского, а его жена Елена, которая в ту пору была уже беременной, исполняла роль Офелии. И вот в процессе репетиции жена-партнерша настолько вывела нашего героя из себя, что он не сдержался и сильно ударил Елену по лицу. Та бросилась к руководителю их курса и постановщику спектакля Владимиру Гранату. По его словам:

«Лена Шевченко прибежала ко мне с разбитой губой. Она рыдала, ее голос срывался, девушка никак не могла успокоиться. Затем Леночка рассказала чудовищную историю. Я узнал, что Машков регулярно ее избивает. Я и раньше видел у нее синяки и

ссадины, но даже подумать не мог, откуда они. Хотя определенные мысли на этот счет приходили. Володя тогда много пил. Я не раз замечал его во дворе с бутылками какой-то бодяги в компании молодых людей вороватого вида. Мне было известно о приступах ярости, которые случались у Вовы, когда он выпивал. Иногда он попадал в вытрезвитель. Был даже случай, когда он ночью разбивал фонари на Красном проспекте.

И еще, мне кажется, там была замешана ревность. До того как Лена связалась с Володей, она дружила с очень хорошим мальчиком, Андрюшей Фоминым. Их дружба продолжалась и после того, как она разошлась с Машковым. Кроме того, у Володи постоянно были пьяные истерики…

Короче, после того случая на репетиции чаша моего терпения по отношению к Машкову переполнилась. Я просто пришел в ярость. Мужчина не имеет права бить женщину, это низко! Лишь потом я узнал, что в это время Леночка была уже беременна Машей. Я потребовал объяснений от Машкова. А он заявил: «Вас наша личная жизнь не касается. Лена — моя жена, и я буду вести себя с ней так, как захочу!»

Я отправился к директору нашего училища, чтобы поставить вопрос об отчислении Машкова. И узнал, что Володя там уже побывал до меня и успел пожаловаться директору на… мое предвзятое отношение к нему. Но директор принял мою сторону…»

Поведение директора понятно — к тому времени «грешков» за студентом Машковым числилось уже немало. В итоге был собран педсовет, где было принято решение больше не давать спуску нерадивому студенту и исключить его из училища. Как вспоминает свидетельница тех событий Н. Никулькова:

«Гранат мастерски обрисовал жуткую картину, как Гамлет с размаху бьет бедную тоненькую Офелию по лицу. Я хорошо помню пафос Граната: «Человек, который бьет беременную жену, не может играть Гамлета!» Помню, я тогда спросила: «А простого советского человека он может играть?» — «Нет, — отрезал Гранат. — Только пьяницу и дебошира, ему нет места не только в моем спектакле, но и в театре вообще».

Как мне кажется, это был их личный конфликт — Граната и Володи. Но и ребята, которые сейчас грудью стоят за Машкова и приходят на все встречи с ним, тогда вели себя по-другому. Я была поражена, что никто из них не вступился за Володю. Можно ведь было взять его на поруки, как тогда было модно. Но никто этого не сделал…»

Смириться с тем, что теперь на его актерской карьере поставлен крест, Машков не мог и отправился покорять столицу.

По его словам:

«Я приехал в Москву с бело-красной сумкой с надписью «СССР». Иду в Школу-студию МХАТ. И вдруг меня со всех сторон оцепляют менты. Спрашивают: «Куда?» Я тыкаю в сторону школы-студии и говорю: «Туда. Я студент. Хочу прослушаться». — «Зачем? Что в сумке?» Обыскали, а потом говорят: «Ты знаешь, что произошло? Умер один человек!» Оказалось, скончался Андропов (это случилось 9 февраля 1984 года. — *Ф. Р.*). И почему-то в центре Москвы решили выставить оцепление, из которого некоторое время не выпускали. Я просидел в подъезде 5 часов, курил.

Я приехал зимой, когда никого не принимают. Педагоги со мной поговорили и посоветовали вернуться летом. Тогда я рванул в Питер. У меня было 30 рублей, и я на попутках туда добирался. В Питере меня прослушивали в Театре Ленсовета Игорь Владимиров и Михаил Боярский. Миша пришел то ли выпивши, то ли еще какой, короче, ему было хорошо. Послушал меня и говорит: «Очень хорошо. Летом приезжайте!» Тогда я рванул в Новокузнецк, где жили мои родители. Я держал от них в тайне, что отовсюду меня повыперли. Там я работал в театре кукол. Сначала монтировщиком, машинистом сцены. Потом даже что-то играл. Ездил на гастроли по пионерским лагерям…»

Летом Машков вернулся в Москву и поступил в Школу-студию МХАТ на курс к Тарханову. Однако и здесь ему не всегда удавалось обуздать свой буйный нрав. Однажды он подрался с сыном известной актерской пары — Александром Лазаревым-младшим. Вот как об этом вспоминает его однокурсник — Антон Корольков (сын знаменитого актера Геннадия Королькова):

«Мы, москвичи, очень цинично относились к людям приезжим. Вовка Машков одевался хуже всех: постоянно ходил в старых потертых джинсах и в одной и той же рубашке. Однажды на занятиях по сценической речи из-за одежды Машкова произошла стычка между ним и Лазаревым. Шурик стал передразнивать Володю. Их выгнали в коридор, и они там подрались. Не прав был Лазарев, но Володьку тут же выперли из школы-студии…»

Последнее понятно: выгонять «блатного», сына знаменитых родителей, даже если он тысячу раз не прав, никто бы не посмел. Другое дело провинциал Владимир Машков, за которого заступиться было некому. Как вспоминает сам Владимир:

«Тут меня уже всем курсом выгоняли. Они такую проявили сознательность, такой комсомольский задор — вон Машкова! Не место в наших рядах Машкову! А я больше дружил со старшими курсами и в это время отлеживался в общежитии, в комнате у

старшекурсников, — просто лежал на диване в полном отчаянии и курил, курил… Наконец судьба моя решилась: меня отправили в ссылку — работать декоратором во МХАТ…

Хотя меня пообещали восстановить на том же курсе, но летом предложили поступать снова. Я подал документы во все театральные вузы. И когда я приходил в другие институты на прослушивание, мне тут же говорили: «Это Машков? Он конченый хулиган! Его брать нельзя!» И меня никуда не пропускали. В конце концов я снова пошел в Школу-студию МХАТ, где первый курс набирал Олег Табаков.

Большинство педагогов там меня ненавидели, и они были в шоке от того, что я решил вернуться. И когда я выходил из аудитории после прослушивания, кто-то из преподавателей крикнул мне вслед: «Его нельзя брать! Он — убийца!» Но меня все-таки взяли. И те педагоги, которые меня раньше ненавидели, в конце концов вручили мне красный диплом…».

Тем временем Машков стал папой: 19 апреля 1985 года Елена Шевченко родила девочку, которую назвали Машей. Однако Владимир, живущий в Москве, сумел увидеть ее только через девять месяцев — когда приехал на каникулы в Новосибирск. К тому времени отношения между супругами стали прохладными, и они были близки к разрыву (сказалось-таки наличие пресловутого «вектора»). Поэтому, когда Елена сообщила мужу, что тоже собирается остаться в Москве и поступить в ГИТИС, Машков встретил ее слова без особого энтузиазма. Он тогда сказал: «Раз ты сама все решила, я тебе помогать не буду!» И Елена совершила чудо — самостоятельно поступила на курс Андрея Гончарова. Во время учебы в институте познакомилась со студентом режиссерского факультета Игорем Лебедевым и вскоре вышла за него замуж. Родила сына Никиту. После окончания института Шевченко попала в труппу Театра имени Маяковского, которым руководил ее учитель.

Спустя год после поступления Машкова в Школу-студию МХАТ (в мае 1986 года) в его семье случилась трагедия: от сердечного приступа умерла мама. А вскоре после этого скончался и его отец.

Отметим, что к моменту смерти родителей его отношения с ними были более чем прохладными. Почему? Дело в том, что те скандалы, которые сопровождали Владимира на протяжении нескольких лет (те же драки с женой и отчисление из училища), больно ранили его родителей и увеличивали стену непонимания между ними и сыном. Особенно сильным это непонимание было между ним и матерью, что закономерно с точки зрения астрологии: Крыса и Кот часто не ладят друг с другом. Поэтому в

последнее время сын старался не встречаться с родителями и контакт с ними поддерживал только через сводного брата Виталия. И, когда умерла мать Владимира, его на похороны не позвали: отец позднее объяснит это тем, что у сына на носу была сессия и он не хотел его беспокоить. Да и с деньгами у Владимира в ту пору было туго.

Однако спустя несколько месяцев из жизни ушел сам Лев Петрович, и Владимир приехал в Новокузнецк. На похоронах плакал, как ребенок. Он так и не успел сказать родителям, как же сильно он их любит. Гордыня оказалась сильнее.

Между тем к своему кинематографическому триумфу Машков шел с завидным упорством, невзирая ни на какие препятствия. Его бывшая жена Елена Шевченко рассказывала, что во всех его письмах к ней была обязательная приписка: «Я всегда буду первым!» И его пророчество сбылось.

Сначала он ярко дебютировал на театральной сцене, сыграв в 1988 году в «Табакерке» главную роль в спектакле по книге Александра Галича «Матросская тишина» — еврея Абрама Шварца. Здесь напомним, что в жилах Машкова текло сразу несколько кровей: русско-итальянская по материнской линии, а также, видимо, и русско-еврейская по отцовской. Так что играть еврея нашему герою было не трудно (потом он поставит такие роли на поток). А поскольку еврейская тема стала особенно актуальна в горбачевские годы (многие даже называют либеральную «революцию сверху», осуществленную в те годы М. Горбачевым, *проеврейской*), то этот спектакль привлек к себе пристальное внимание со стороны либеральной общественности. И, не умаляя талантливой игры Машкова (сам Табаков провозгласил: «Сегодня на свет родился Актер»), отметим: именно это сделало данный спектакль «гвоздем» сезона. После этой роли Машков смело шагнул и в кинематограф.

Свои первые роли в кино он сыграл в 1989 году, снявшись сразу в трех фильмах, причем в двух у него были главные роли. Это были фильмы: «Зеленый огонь козы» (главная роль — Никита), «Делай — раз!» (главная роль — армейский «дед» Анатолий Шишлов), «Ха-би-ассы» (Ха-би-асс).

Громче всех из названных фильмов прогремела картина «Делай — раз!» Андрея Малюкова, которая была посвящена теме, весьма активно обсуждаемой в перестроечном советском обществе, — «дедовщине» в Советской армии. Машков играл роль крутого «деда», который пытается сломить волю новобранца Алексея (Евгений Миронов).

После этого фильма актера Владимира Машкова заметили, и началось его стремительное восхождение на вершину уже

постсоветского кинематографа. Великая страна вместе с ее киноиндустрией канет в Лету, но Машкова это абсолютно не затронет — он окажется одним из самых востребованных актеров нового времени. Однако трамплином для его восхождения, конечно же, станет советская закваска. И в последний год существования СССР (1991) Машков снимется еще в трех фильмах, причем везде он будет играть главные роли: «Казус импровизус» (Толя), «Любовь на острове смерти» (Стив) и «Аляска, сэр?» (Андрей Львов).

После развала СССР Машков на какое-то время отойдет от кинематографа, целиком сосредоточившись на театральной работе. Он дебютирует на театральной сцене как режиссер, поставив во МХАТе три разных по жанру спектакля: «Звездный час по местному времени» (1992), «Страсти по Бумбарашу» (1993) и «Смертельный номер» (1994).

В 1993 году Машков вернулся в кинематограф, снявшись в двух фильмах, один из которых стал первой ступенькой на его пути уже к постсоветской славе. Итак, это были фильмы: «Я — Иван, ты — Абрам», второй — «Лимита». В первом Машков вновь сыграл еврея — Аарона, во втором — уже русского бизнесмена по имени Иван. Именно второй фильм и станет «звездным» (он выйдет 1 июня 1994 года). Снял его представитель нового постсоветского поколения режиссеров, сын «хозяйки» театра «Современник» Галины Волчек и популярного актера Евгения Евстигнеева Денис Евстигнеев. Речь в фильме шла о том, как два преуспевающих провинциала «делают карьеру» в Москве. Одного из этих провинциалов и играл Машков, а роль второго исполнил все тот же Евгений Миронов, с которым наш герой к тому времени близко сошелся и творчески: например, поставил с ним спектакль «Страсти по Бумбарашу». Как писала после выхода фильма в прокат критик Лилия Шитенбург:

«Евстигнеев снимает картину на тему «что такое хорошо и что такое круто» — и первому, некрасивому, грязно-коричневому, не победить второе — глянцево-гламурное. Как не пройти бывшей лимите сквозь игольное ушко. Круто: завязать узлом телевизионную антенну на крыше, расколошматить монитор от компьютера (здесь Владимир Машков много убедительнее, чем за клавиатурой), купить заброшенный водный стадион, оприходовать пьяную в хлам рыжую «мочалку» в дворовой беседке. Круто: наутро назначить ее своей «прекрасной дамой», катать на катере, покупать мебеля и орать ей в лицо грязные оскорбления в преддверии нового романтического приступа. Любовная сцена между Иваном (Машковым) и Катей (Кристина Орбакайте, чье участие — «знаковая» акция фильма) — одна из

самых фальшивых «восьмерок» в отечественном кино. Собственно, подобными внеэстетическими «поговорками» фильм Евстигнеева и ценен…»

Конечно, этот фильм являл собой типичное кино эпохи ельцинского «бандитского капитализма», но все же несколько выделялся своим качеством на фоне остального тогдашнего масскульта. Поэтому на награды для него киношные деятели не скупились: он взял «Нику-94», был отмечен на «Кинотавре» в Сочи, Сан-Рафаэле, «Кинофоруме» в Суздале, на кинофестивалях в Анже и Женеве. С этого момента имя Владимира Машкова постоянно пропишется на первых полосах новоявленных российских таблоидов.

До середины 90-х Машков снимется еще в двух фильмах (везде — в главных ролях), которые станут новыми ступеньками на его пути к киношному Олимпу. Речь идет о лентах: «Подмосковные вечера» (роль — Сергей) Петра Тодоровского и «Американская дочь» (роль — Алексей) Карена Шахназарова.

Это были два разных по жанру фильма. В первом в центре сюжета была современная «леди Макбет Мценского уезда» — тридцатилетняя Катерина, которая ради охватившей ее страсти к мужчине (именно его и играл Машков) готова была даже на убийство. Как писала критик Е. Плахова:

«Роман, проживаемый Катей, больше напоминает игру ее больного воображения. Реальны же — кровь, убийство, суицид. Все предопределено с самого начала. Катя, в судорожном ритме стучащая по клавишам старенького «Ундервуда», а потом распластывающая свой позвоночник на деревянном полу, — это глубоко травмированная, загнанная на задворки жизни Красота, способная только на саморазрушение…»

Когда «Подмосковные вечера» вышли в прокат, их удостоили двух призов: «Ника-94» и «Зеленое яблоко — золотой листок-95».

В основу второго фильма — «Американской дочери» — был положен реальный эпизод из жизни режиссера картины Карена Шахназарова: в 80-х он имел несчастье жениться на женщине (Алена Зандер), которая родила ему дочь, но потом, разведясь с ним, увезла ее в Америку и запретила видеться с отцом. Вот несчастный родитель и решил посредством кино донести свою драму до миллионов людей, сочинив историю про то, как некий папа, лишенный возможности видеться со своим ребенком, пытается его похитить прямо из Америки. На роль этого папы Дракон-Шахназаров выбрал своего векторного «служку» — Кота (Машкова).

И этот фильм тоже был удостоен двух наград: «Кинотавр-95» и «Шанхай-95».

После этих работ Машков стал культовой фигурой в российском кинематографе, «секс-символом» новой волны со всей положенной атрибутикой: шикарным «Шевроле», дорогой и стильной одеждой, двухкомнатной квартирой в районе Мещанских улиц. В 1994 году с фильмом «Лимита» Машков побывал на кинофестивале в Каннах. Вот как он вспоминает об этом:

«Настоящую славу я испытал один раз в жизни. В Каннах. У меня было шесть секунд славы. Назначен банкет в «Карлтоне», общий. Меня подвозит такси — черный лимузин. Я открываю дверцу… и о-бал-де-ваю! В моей жизни никогда такого не было. Снопы света, ликующие толпы! Я ме-е-едленно выхожу из машины, делаю три шага навстречу этому восторгу… Только что слезы не подступили, честное слово! Ну, думаю… И тут за моей спиной стремительно вырастает кто-то в желтой рубашечке. И быстро, пригнувшись, бежит в «Карлтон». И вся толпа ему вслед: а-а-а! Это был Микки Рурк. Они ждали его…»

Стоит отметить, что тогда же на Машкова обратили внимание и западные кинематографисты. Он получил два приглашения сниматься — от американцев и французов, однако ни одно из них по разным причинам так и не осуществилось.

Продолжались режиссерские эксперименты Машкова на театральной сцене. В 1995 году он поставил на сцене театра «Сатирикон» один из самых дорогостоящих спектаклей в России — «Трехгрошовую оперу» Б. Брехта (на нее ушло полмиллиона долларов). Критика встретила эту работу неоднозначно, некоторые даже разглядели в ней «гимн нынешней братве». Кстати, представители последней одно время составляли если не значительную, то весьма внушительную часть публики, посещающей этот спектакль. Что касается ее взаимоотношений с Машковым, то «братва» относилась к нему с уважением, впрочем, как и он к ней, памятуя о том, что в далекие 70-е он и сам «братковал» в криминализированном Новокузнецке.

Отметим, что, несмотря на свои определенные симпатии к «братве», Машков до того момента ни разу не сыграл их представителя в кино. Было либо недосуг, либо как-то несолидно популяризировать людей, которые всю первую половину 90-х вели кровавые войны друг с другом и служили для большей части населения поводом пугать своих детей «плохими дядями в малиновых пиджаках». Однако во второй половине 90-х «братва» постепенно остепенилась и активно пошла во власть, пытаясь тем самым легализоваться — из «братвы» превратиться в цивильных депутатов и бизнесменов. С этого момента популяризировать ее стало даже модно. Появилась соответствующая радиостанция,

крутившая с утра до вечера блатные песни, начало сниматься кино, где воры главные персонажи фильмов, а играли их самые раскрученные «звезды» из разряда брутальных. Одним из таких актеров стал Владимир Машков, сыгравший послевоенного вора-домушника Толяна в фильме Павла Чухрая с характерным названием «Вор» (1997).

У персонажа, сыгранного Машковым, был реальный прототип. Дело в том, что в начале 60-х некий вор ходил по квартирам москвичей в военной одежде, с мальчиком и как бы с женой. Снимал комнату, но сразу не платил и не прописывался. Потом покупал всем жильцам билеты в цирк, в кино и т. д. и, пока они отсутствовали, грабил их квартиры. Вот такого человека пришлось сыграть в картине Машкову.

Две другие роли — жены и приемного сына Толяна — сыграли Екатерина Редникова и Миша Филипчук. По сюжету Толян испытывает определенные симпатии к обоим, хотя по-настоящему глубокими его чувства к этим людям назвать нельзя, поскольку Толян — это волк-одиночка.

Фильм стал заметным явлением в российском кинематографе. Он вышел на широкий экран в октябре 1997 года и имел большой успех у зрителей и критики, причем не только на родине (три приза на фестивале «Киношок» в Анапе), но и за рубежом: на 54-м Венецианском фестивале он был удостоен сразу трех наград. В 1998 году он выдвигался и на «Оскара» как лучший зарубежный фильм, однако проиграл голландской картине «Характеры».

Касаясь работы Машкова в этом фильме, критик Е. Ямпольская выразилась следующим образом:

«Когда пишут о «Воре», а пишут о нем очень много, неизменно отмечают две замечательные актерские работы: Владимира Машкова и Миши Филипчука. Если быть совсем точными, надо говорить не об актерских работах, а о присутствии в кадре двух потрясающе интересных людей. Машков явно не хочет сдавать позиции отечественного секс-символа. Да и что тут спорить: хорош. Литой, смуглый, с обветренными чувственными губами и совершенно бессовестным взглядом. И идет ему все, что должно, в нашем понимании, идти настоящему мужчине: тугая гимнастерка, татуировка над левой лопаткой, майка на голое тело, приблатненная гундосость… Чувствуется, что Машков сам балдеет от своей суровой, мужественной простоты. То, что он демонстрирует в «Воре», — это не игра, а наигрыш. Но суперэффектный. Забыть невозможно на протяжении нескольких дней…»

В премьерные дни «Вора» Машков уже снимался в новом

фильме — на этот раз из современной жизни. Речь идет о фильме «Сочинение ко Дню Победы» режиссера Сергея Урсуляка. Чуть позже именно он снимет Машкова в одной из лучших его киношных ролей — в сериале «Ликвидация». Впрочем, об этом речь пойдет чуть позже, а пока вернемся к их первому опыту.

В тот раз Урсуляк предложил Машкову небольшую роль — сына одного из трех героев фильма (это были трое ветеранов, которые задумали… угнать самолет, чтобы обратить внимание общества на свои проблемы). Отметим, что из трех героев двое были русскими и один еврей — Лев Маргулис. Именно роль его сына и выпала честь сыграть Машкову.

Параллельно с этой работой наш герой снимал и собственное кино — комедию «Сирота казанская» по сценарию Олега Антонова. Отметим, что ради съемок этого фильма наш герой отказался от выгодного предложения — ставить оперу «Жизнь за царя» в Берлинском театре. «Сирота» — это камерное кино об одинокой сельской учительнице Насте, у которой в новогоднюю ночь внезапно объявляются сразу несколько отцов. Роль Насти Машков отдал своей бывшей жене Елене Шевченко, а сам сыграл эпизодическую роль грузина-ларечника. В других ролях снялись: Николай Фоменко, Олег Табаков, Валентин Гафт, Лев Дуров. Фильм по своим затратам получился недорогой: всего лишь 700 тысяч долларов (например, на «Вора» было затрачено 2, 5 млн. долларов).

Не менее удачно в творческом плане складывалась для Машкова и первая половина 1998 года. В середине апреля на широкий экран вышел очередной фильм с его участием — «Две луны, три солнца» Романа Балаяна. На этот раз Машков сыграл роль благополучного ученого-археолога Алексея, который волею судьбы должен мстить за своего погибшего в Чечне брата-чеченца. Отмечу, что сам Балаян хотел снимать в этой роли другую российскую звезду — Олега Меньшикова, однако продюсер фильма из компании «НТВ-Профит» потребовал снимать Машкова. А на роль любимой девушки героя была утверждена… его бывшая супруга Елена Шевченко.

Р. Балаян рассказывает: «На том, чтобы отдать роль Елене Шевченко, очень настаивала сценаристка. Но я посмотрел ее работы по видео, и она мне страшно не понравилась. Как я и планировал, роль получила Евгения Добровольская. И вдруг мне звонит Шевченко и просит меня «посмотреть» ее. Я не мог отказать женщине и из вежливости пригласил на репетицию. Так сложились обстоятельства, что мне пришлось отдать ей эту роль. Позвонил Машкову и предупредил, что ему придется играть «в любовь» с бывшей женой. Он ответил, что претензий не имеет».

Одновременно с работой в этом фильме он снимался еще в двух: у Александра Прошкина в «Российском бунте» он сыграл Пугачева и у Дениса Евстигнеева в «Маме» — одного из братьев-музыкантов Овечкиных (в 1988 году они захватили самолет, пытаясь сбежать на Запад). Скажем прямо, это были достаточно неожиданные роли в творческой биографии героя нашего рассказа.

Столь активное участие Машкова сразу в нескольких проектах известных режиссеров вызвало неоднозначную реакцию критики. Например, журналист Арсений Суховерхов в «Московском комсомольце» так отозвался на этот счет:

«Сейчас какой более-менее заметный российский кинопроект ни возьми — везде сплошной Машков. По крайней мере, «НТВ-Профит» уже превратила его в свое боевое знамя — чуть ли не все картины здесь в последнее время делаются под Машкова. Ладно — во Франции Делон с Бельмондо по миллиону ролей в кино переиграли. Ну так там какие объемы кинопроизводства! А при наших нынешних полутора заметных картинах в сезон столь чрезмерное пристрастие кинопроизводителей к актерским талантам г-на Машкова пахнет серьезным продюсерским просчетом. Не перекормили бы несчастную публику…»

А вот о чем говорил в своих тогдашних интервью сам Машков:

«Я думаю, что мы очень быстро себя сожжем. Сегодняшние тридцатилетние не доживут до семидесяти — зато теперь наше время. Время, когда можно кем-то стать, быстро перемещаться, быстро чувствовать. Страшно думать, что когда-нибудь это кончится. Я безумно боюсь старости, немощи, боли. Меня передергивает, когда врачи (я названиваю своим друзьям-медикам, как только у меня что-то заколет) говорят: привыкай, придет время — будешь болеть. Я боюсь разрушиться до того, как успею сделать что-то настоящееее…»

Но отвлечемся от творческих дел нашего героя и поговорим о его личной жизни. В ту пору Машков жил в двухкомнатной квартире на Сухаревке в окружении двух собак — Груши и Пестицида — и попугая. Официально он тогда не был женат. Когда позволяло время, он приезжал к себе на родину — в Новокузнецк. По его словам, встречать его сбегалось чуть ли не полгорода. Причем не потому, чтобы посмотреть на знаменитость, а просто чтобы встретиться со старым знакомым. Особенно тепло привечали Машкова его бывшие приятели из тех, с кем он когда-то угонял мотоциклы и лазил по подъемному крану. Некоторых из них называли тогда «братвой», однако для Машкова они прежде всего друзья детства. По его словам: «Всякое

во мне есть, но я не предатель. Нет на земле человека, который может сказать, что Машков его предал».

Здесь на память приходят отношения Машкова с его родителями, которые в последние годы нельзя было назвать идеальными. Как мы помним, они скончались в 1986 году, и Машков долгое время не посещал их могилы на кладбище (об этом сообщали СМИ). То есть с друзьями встречался, а к родителям на погост не заходил. И снова вспомним гороскоп: «Коты нежны и предупредительны к тем, кого любят, но к ближайшим родственникам редко привязаны. Для Кота друзья часто бывают важнее, чем близкие».

И еще о родственниках Машкова. Его дочь Маша решила пойти по стопам родителей и стала актрисой. В конце 90-х на ее счету были два фильма: «Маленькая принцесса» Владимира Грамматикова и «Мама, не горюй!» Максима Пижемского.

Но вернемся к Владимиру Машкову.

Будучи в разводе, он отнюдь не монашествовал и периодически заводил романы с разными женщинами. Так, в 1994 году, когда труппа «Табакерки» гастролировала в Новосибирске, он познакомился со Светланой Бобровой — костюмером местного театра. Их встреча произошла при забавных обстоятельствах. Машков с товарищами пришел в театр, чтобы посмотреть какой-то местный спектакль, а вахтерша отказалась их пропускать — не было билетов. Назревал скандал, свидетелем которого и стала Светлана. Внезапно она заступилась за москвичей и принялась стыдить вахтершу: «Да вы что, это же будущее нашего кинематографа и театра!..» В итоге актеров пропустили. А на следующий день Машков и Светлана случайно встретились в ложе другого театра. Владимир узнал вчерашнюю заступницу и стал говорить в ее адрес комплименты. Для большей убедительности «возмутился», почему это она до сих пор не назначила ему свидание. В шутку стал даже головой об стену биться. В итоге спустя пару дней они уже оказались в гостиничном номере наедине…

Вспоминает С. Боброва: «Дружки Володи с Первомайки (один из самых криминальных районов Новосибирска) все время пытались помешать нашим встречам. Один из них позвонил мне как-то и предложил потрахаться с ним за большие деньги, но я, разумеется, его отшила. Уже тогда понимала, что Машков — моя самая большая любовь в жизни. Он с этими типами до сих пор любит в местных кабаках зависать, а вся эта театральная тусовка местного разлива для него — так, отголосок молодости. Первомайские прямо у трапа самолета Машкова встречают и увозят куда-то на своих черных тонированных «мерсах». Говорят,

они и в Москве его дела «разводят»…

Машков никогда не предлагал мне выйти за него замуж. Лишь однажды сказал: «Роди мне сына. Будешь самой богатой матерью-одиночкой». Он вообще шутник. Вместо автографов писал на билетиках поклонниц: «Жрать хочу!» А про Шевченко, свою первую жену, часто говорил: «Она первая дура и главный предатель в моей жизни». Вообще-то, мне кажется, что женщин он только использует и унижает. В Новосибирске у него еще одна такая, как я, любовь есть. Некая журналистка Элла. Она про него даже фильм сняла. Так вот, эта Элла однажды пьяная к нему в номер завалилась, а он в тот момент в душе был. Ну, она не стала ему мешать и села в кресло. Володя выходит — она спит, а в руке сигарета тлеет. Машков подходит, грубо ей говорит: «Девушка, перед сном сигареты тушить надо!» — и за шкирку ее из номера.

Со мной он так хамски не поступал, но унижал не меньше. Я за ним как-то в Красноярск поехала, где он гастролировал. Встретил меня холодно. Потом вместе пошли в ночной клуб. Он меня там бросил, а сам пошел с какими-то проститутками обжиматься-целоваться. Я как дура сидела одна за столиком и за всем этим развратом наблюдала…

Володя все время презервативами пользуется. Называет их средством защиты от детей. Да и вообще, в постели он не сильно-то нежен. Любит все делать по-быстрому: никакого петтинга, поцелуев — снял штаны, надел презерватив, повернул девочку задом и… раз-два — готово! Даже почувствовать ничего не успеваешь. Может, он только со мной таким был?

А в последние наши встречи вообще смотрел на меня ненавидящим взглядом. Он так быстро может вспылить! Мы тогда в Красноярске с ним поругались из-за чего-то, так он мне орет: «Я сейчас тебе пиз…лей навешаю, если не заткнешься!» И руку уже вскинул. Если бы я не замолчала и не ушла, точно бы ударил. Он же и Шевченко, говорят, бил…

Но я думаю, что на самом деле он человек добрый. Табаков про него как-то сказал: «За его крутизной прячется скрытая нежность». Но мне он всю жизнь испортил! Я теперь к другим мужчинам нормально относиться не могу: всех с ним сравниваю. Да и он меня, наверное, не забудет никогда…»

Во второй половине 90-х Машков женился во второй раз. Его супругой стала актриса МХАТа Алена Хованская (1965). Однако и этот брак оказался недолговечным — он продлился меньше двух лет.

Между тем со своей бывшей женой Еленой Шевченко Машков всегда поддерживал хорошие отношения. Как мы помним, в 1997 году даже снял ее в своем фильме «Сирота казанская». А еще

через год они сыграли влюбленных молодых людей в картине «Две луны, три солнца».

В самом конце 90-х в доме Машкова появилась новая хозяйка — третья жена, модельер Ксения Терентьева (дочь известной актрисы Нонны Терентьевой). Познакомились они банально: на фестивале «Кинотавр» в Сочи девушка пришла брать у актера интервью, и он, узнав, что она хорошо говорит по-английски, уговорил ее дать ему несколько уроков (Машков тогда собирался делать карьеру в Голливуде). Эти уроки вылились в роман. Свадьбу молодые сыграли 31 декабря 1999 года. С тех пор Ксения стала для Машкова не только женой, но и помощником в работе. Для спектаклей мужа она подбирала ткань для сценических костюмов героев, а когда Владимир уехал в Голливуд «за карьерой», проектировала форму для военных летчиков-истребителей одной из баз США. Однако их звездный брак продлился ровно четыре года: в конце 2003-го они развелись.

Но вернемся на творческую «кухню» Владимира Машкова.

В новом тысячелетии он взялся покорять Мекку мирового кинематографа — Голливуд. Впрочем, первые шаги в этом направлении Машков сделал еще в конце 90-х, когда снялся в двух американских фильмах, правда, в крошечных ролях. Речь идет о фильмах «Танцы в «Голубой игуане» (Саша) и «Американская рапсодия» (Фрэнк) (оба — 2000). Эти роли обратили на себя внимание западных кинобоссов, и в 2001 году на мировые экраны вышли сразу три американских фильма с участием Машкова, причем в одном он сыграл главную роль. Это были: уже упоминавшийся выше «Давай сделаем это по-быстрому» (главная роль — Олег Волков), «15 минут славы» (Милош Карлова) и «В тылу врага» (русский наемник Саша). Особенно много нареканий на родине артиста вызвала последняя работа, которую можно смело отнести к разряду пропагандистского кино, оправдывающего злодеяния войск США и НАТО в Югославии в середине 90-х. Машков же в этом фильме играл «злодея-славянина», который противостоит правильным американцам. Естественно, что никаких симпатий у зрителей такой герой вызвать не мог. Вот почему многие россияне, увидев этот фильм, возмущались: на кой ляд Машков согласился сниматься в таком фильме? Ответ был на поверхности: ради денег и славы, которая позарез нужна была ему, чтобы покорить Голливуд.

Между тем, «закинув удочку» в Штатах, Машков главную карьеру делал все же у себя на родине. И в 2002 году вновь вернулся к исполнению «еврейских» ролей: в фильме режиссера-еврея Павла Лунгина «Олигарх» Машков сыграл бизнесмена

Платона Маковского, прототипом которого был олигарх-еврей Борис Березовский.

Следующей ролью Машкова в кино стала телевизионная. Речь идет о сериале Владимира Бортко «Идиот» по Ф. М. Достоевскому, где наш герой сыграл купца Парфена Рогожина. Как мы помним, он страстно влюблен в красавицу Настасью Филипповну, но та не отвечает ему взаимностью, пленяясь другим мужчиной — князем Мышкиным (в сериале роль Настасьи Филипповны исполняла Лидия Вележева).

В 2004 году Машков вновь исполнил роль очередного еврея в фильме «Папа» (он же был там режиссером). Впрочем, эту роль однажды он уже играл на театральной сцене — в 1988 году, на сцене «Табакерки». Речь идет о пьесе «Матросская тишина» Александра Галича, где Машков играл роль Абрама Шварца, который в одиночку воспитывает сына-скрипача Давида, надеясь сделать из него знаменитость. Однако сыну, чтобы стать этой самой знаменитостью, предстоит сделать выбор: либо отказаться от отца-еврея, либо поставить крест на своей карьере. Как заявил сам Машков, этим фильмом он просил запоздалое прощение у своих собственных покойных родителей, с которыми он долгое время не общался. Работа над фильмом подвигла Машкова на то, чтобы приехать в Новокузнецк и разыскать могилу своих родителей (в этом ему помогли учительница Ирина Балтина и его одноклассники). В июне 2008-го Машков поставит памятник на могиле своих родителей и в своем кратком слове скажет: «Мама, папа, как же я тоскую без вас, простите за все».

Как написала журналист Л. Максименко: «Сочиняя эскиз памятника, Владимир Машков попросил у брата Виталия их самую любимую семейную фотографию — счастливая мама сидит на коленях у отца, родители нежно смотрят друг другу в глаза. Это фото выбито теперь на мраморе в сердечке. Без дат рождения и смерти, что означает жизнь вечную. В окружении выбитых слов «Люби меня, как я тебя».

Каждая деталь памятника от души, от сердца связана с самыми сокровенными уголками памяти сыновей Владимира и Виталия. Кто знаком с семьей, сможет без труда расшифровать тайные знаки любви и признания, которые по эскизу Володи воплотили мастера. Столбики, на которых держится ограждающая могилку цепочка, сделаны в виде поленьев, на макушке которых как будто руками папы Карло уже вырезана голова Буратино. Ведь самым любимым семейным спектаклем Машковых был «Буратино». Мама была режиссером кукольного театра, а папа — актером. Причем отец играл в «Буратино» без куклы, а сам, живьем. Он брал на себя несколько ролей и перевоплощался то в

Карабаса-Барабаса, то в папу Карло…»

В 2005 году Машков записал на свой счет еще две киноролиː авторитетного вора Козыря в «Статском советнике» и Мило Крадича в «Шпионке». Самой заметной была первая роль, где герою была уготована печальная участь — быть убитым в схватке с террористом Григорием Гринбергом (последнего играл Константин Хабенский).

Однако в 2006 году Машков из блатного «урки» перевоплотился на экране в бравого полковника ФСБ Кирилла Мазура в фильме Андрея Кавуна «Охота на пиранью». Там его герою предстояла сложнейшая задача — чуть ли не в одиночку противостоять вооруженной до зубов банде во главе с отъявленным отморозком Прохором. В этой роли выступил старый знакомый нашего героя — Евгений Миронов. Как мы помним, еще почти двадцать лет назад киношная судьба свела их в похожем противостоянии (в фильме «Делай — раз!»), только там Миронов играл положительного героя, а Машков — отрицательного. Здесь позиции поменялись. И если в первом фильме победа доставалась герою Миронова, то теперь — уже герою Машкова.

Тем временем в декабре 2007 года Машков пережил такой взлет популярности, какого у него не было уже давно — чуть ли не с 90-х. И все благодаря сериалу «Ликвидация», где он сыграл роль смелого и ловкого сыщика послевоенного одесского угро Давида Марковича Гоцмана (очередной герой-еврей в его исполнении). Снял сериал режиссер, который однажды уже имел дело с Машковым-актером, — Сергей Урсуляк (автор фильма «Сочинение ко Дню Победы», 1998).

В «Ликвидации», которая имела поистине феноменальный успех у зрителей, едва недотянувший до успеха похожего на него советского сериала «Место встречи изменить нельзя» (1979), речь шла о противостоянии одесского уголовного розыска и окопавшихся в городе уголовников и фашистских недобитков. Последних возглавлял фашистский агент, ловко выдающий себя за советского офицера Виталия Кречетова. Эту роль исполнял Михаил Пореченков.

Итак, премьера «Ликвидации» прошла в декабре 2007 года и вызвала самый широкий резонанс в обществе. Редкое печатное издание не откликнулось на него, причем отклики были разные — как восторженные, так и зубодробительные. Приведу некоторые из этих отзывов.

С. Беднов («Труд»): «Кое-что в «Ликвидации» не может не вызвать усмешки. Иногда — ехидной. Когда, например, в первых сериях несколько раз возникает разговор о «лесных братьях» —

повстанцах, скрывающихся в лесах под Одессой. Беда в том, что под Одессой — степь да степь кругом. А в небольших перелесках, которые все же имеются, не то что полчища повстанцев — горстка малолеток-беспризорников не чувствовала бы себя в безопасности.

Забавно выглядит и «мачистая» щетина Машкова. Ну, ладно, промолчим, что офицер, в отличие от своих подчиненных, не бреется, и никто из вышестоящих товарищей, включая того же Жукова, не делает ему замечания. Но по законам физиологии за время действия сюжета щетина должна была превратиться во вполне приличную бородку! Но она остается неизменной, словно каждое утро начальник УГРО Давид Гоцман пользуется электробритвой со специальной насадкой.

Но усмешка может быть и горькой. Например, по отношению к еврейско-одесскому жаргону, на котором во многом построена атмосфера сериала. Он полностью позаимствован из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля: «Передайте тете Хане, Беня знает за облаву». Увы, от той колоритной Одессы, что описал Бабель, в послевоенные годы уже мало что осталось. Тысячи и тысячи евреев, не успевших покинуть город у моря до оккупации или уйти в катакомбы, были угнаны или уничтожены. И после освобождения национальный состав Одессы оказался совершенно иным…»

Т. Москвина («Аргументы недели»): «Фильм «Ликвидация», посвященный непростой жизни силовых структур в Одессе 1946 года, — занимательный, любопытный, профессионально сделанный. Тем не менее, на мой вкус, это далеко не высший сорт кинопродукции. С картиной «Место встречи изменить нельзя» Говорухина не стоит и сравнивать, как не стоит сравнивать антикварную мебель с пластиковым стулом. Речь даже не о качестве режиссуры и актерской игры, но об идейных основаниях.

В «Месте встречи…» враги мирной жизни, бандиты, были обезврежены хитроумно и с полным моральным правом. Герои сияли нравственной чистотой, а любые отступления от высоких законов карались пафосным осуждающим словом. В «Ликвидации» **враги мирной жизни просто раздавлены по праву наибольшей силы**, а сделавшие это силовые структуры никакой нравственностью не сияли. Просто один гад уничтожил другую гадину. С применением огромного количества голого, отвратительного насилия. Конечно, это вполне современный взгляд на вещи, но на нем нет отпечатка высшей правды, отблеска подлинной человечности, который всегда есть в лучших явлениях искусства…

Говорят: лихо закручен сюжет. Вправду лихо — не разберешь,

что и происходит. Когда же это наши силовики умудрились внедриться во все вражеские структуры так, что штурм Одессы диверсантами был пресечен чуть ли не в полчаса? Оказалось, главные подручные «академика» — засланные казачки. Значит, начальники все знали обо всем, в том числе и о том, кто главная гнида, только Гоцману не говорили? Значит, герой геройствовал на ровном месте, по недоразумению? И без него бы разобрались прекрасно. Если контрразведка расстреливает ночью бандитов без суда и следствия, а потом таким же макаром без труда ликвидирует и диверсантов, для чего тут вообще герой с попытками самостоятельного расследования? Это уже не герой, а фикция. Вот Машков и играет такую фикцую, энергичную и обаятельную.

Но зритель, конечно, взбодрился. В темном декабре, на фоне скудного политического ландшафта картина «Ликвидация» закачивает все-таки в него порцию энергии, кормит глаз привлекательными лицами. Но выдержит ли эта лента испытание временем — для меня большой вопрос».

П. Садков («Комсомольская правда»): «Господи! Да сколько можно оценивать каждый фильм с высоты Каннского фестиваля?

Напоминаю: это сериал, развлекательный, детективный и очень забавный. Мне было интересно. И еще — всей стране, если не ошибаюсь. А я, судя по рейтингам, не ошибаюсь.

Почему никто не ищет исторические ляпы в «Чапаеве» или в «Подвиге разведчика»? Нормально, когда актер Кадочников в одиночку рушит всю гитлеровскую Германию? А мне опять же нравится.

Для начала — актеры в «Ликвидации» выложились на всю катушку. И актеры отличные. На художественное оформление денег явно не жалели. Придираться к сценаристам — последнее дело. Они придумали свое — авторское произведение…

Главное достоинство фильма, на мой взгляд, — начни его показывать снова, его снова и посмотрят. Все остальное — вкусовщина…»

Ю. Богомолов («Российская газета»): «Пресса не осталась равнодушной к сериалу, но и не оказалась единодушной. Восторгов было превеликое множество. Они в основном адресовались артисту Владимиру Машкову, сыгравшему главного героя. На долю других актеров досталось тоже немало комплиментов. Но и претензии, недоумения, обвинения по ходу показа сыпались на картину и ее авторов обильно и густо. Больше всего нареканий вызвала историческая сторона «картины маслом».

Всех замеченных несоответствий не перечислю. Но вот

парочка из них. Нам говорят: не было столько евреев в послевоенной Одессе. И не мог тогда еврей возглавлять милицию. Еще одна невероятность — маршал Жуков в исполнении Владимира Меньшова…

Могу себе представить, как много находили неточностей участники и свидетели Троянской войны в дошедшем до нас мифе о ней. Кто-то негодовал по поводу Елены — мол, выдумка это. И то, что она якобы была прекрасной. И деревянный конь — небылица. На что другой древний грек, видимо, клялся и божился, что он сам просидел в этой душной деревянной темнице.

Но разве теперь нам не наплевать на то, имеют или не имеют под собой фактические основания перипетии Троянской войны? Пускай не имеют, но уж больно красивая история. Красивые истории, как и красивые формулы, почти всегда достоверны…

Был ли и каким был в действительности начальник одесского угро — не суть важно, коли есть Давид Гоцман. Особо наблюдательные критики разглядели его прототип в фильме Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Это Жеглов Высоцкого. Иные увидели и нечто большее: «Ликвидация» просто-напросто ремейк говорухинского сериала. (Отметим, что продюсеры «Ликвидации» предлагали Станиславу Говорухину снять эту ленту, но он отказался — ему не понравился сценарий. — *Ф. Р.*)

За сходным чаще всего таится несходное. Если уж на то пошло, «Ликвидация» не повторяет «Место встречи…», а спорит с ним. У Говорухина заявлена, проброшена тема противостояния Шарапова и Глеба Жеглова, то есть законности и справедливости, а затем и заброшена. А здесь, у Сергея Урсуляка, она — лейтмотив, звучание которого нарастает по ходу повествования. И особо трагичен он в силу того, что живет и рвет душу и сердце одного героя — Гоцмана, который плоть от плоти блатной Одессы, который поднимается в своей правоте и над ней, и над правдой маршала Великой Победы.

Стало быть, сюжет организован таким образом: детективная интрига со всеми ее сложными поворотами, обманными ходами, неожиданными метаморфозами — не хребет сериала, а его оболочка, его покров, прошитый мелодраматическими отношениями главных героев с женщинами, с усыновленным мальчишкой.

Под ним тяжело дышит, истерикует, отчаивается и рвется к своему разрешению коллизия противостояния правды Гоцмана и правда Жеглова, которую в незамутненном виде представляет на экране маршал Жуков».

А. Проханов («Завтра»): «Телефильм «Ликвидация» — режиссер Урсуляк — не только о ликвидации бандеровского подполья в Одессе, но также — о ликвидации «мыльных опер», пошлых сериалов, паточного гламура, глумливого постмодернизма, от которого захлебнулась культура. Появился черно-белый, аскетичный, сталинский фильм. Он перечеркивает неутомимую работу Сванидзе, который, как мусоропровод, забрасывает отбросами советский период истории. Взорвался гигантский завод, производящий ложь и ненависть. Ликвидированы стратегические запасы кислоты, которой либеральные культуртрегеры выжигали из народного сознания ценности «красной империи». Появление «Ликвидации» — знак времени. Указывает на то, что русская история вынырнула из либерального болота и вновь двинулась исконным имперским руслом…

Сталин в фильме «Ликвидация» смотрит из каждого кадра, и не только с портретов. Впервые за двадцать лет показана безупречная, отточенная в своей имперской красоте сталинская военно-государственная машина. Эстетика силы, геральдика служения, всепобеждающая мощь государства. То, что в «Семнадцати мгновениях весны» было достоянием германского «орднунга», в «Ликвидации» стало образом советской системы. Эпический героизм в сочетании с виртуозным интеллектуализмом. Духовная красота и идейная одержимость. Черты поколения, которое, истекая кровью, под грохот «тысяч батарей за слезы наших матерей», прошагало по пепелищам Родины, ворвалось в поверженные столицы Европы. Вернувшись домой и не давая себе передышки, взялось строить университеты и космодромы. Сталинская мегамашина Победы включала в себя дух народа и мощь государства, насилие и подвижничество. Об этом фильм, который, казалось бы, всего лишь — остросюжетный сериал.

Этот фильм с острейшим интересом и упоением смотрело сразу несколько поколений. Словно в дом вернулся родной человек, которого считали убитым. Вернулся дух СССР после «похоронки» 91-го года.

Этот фильм смотрели евреи. Ибо главный герой: советский еврей, патриот СССР, умница, благородный и жертвенный, — напоминает о великом братстве народов. Это братство было разрушено либералами, расколовшими интернациональную страну на истерические национальные республики, где все народы воюют и отрицают друг друга. Теперь же, в фильме, это утраченное братство воспринимается как драгоценное достояние…

Фильм «Ликвидация», снятый среди облупленных стен, убогих трущоб, черно-белых ландшафтов, — фильм о Победе. Той, 45-го года, и той, что нам еще предстоит одержать.

Почему этот скупой черно-белый фильм порождает ощущение радуги, драгоценного стоцветного мира? Потому что в нем есть волшебство воскрешения. Предчувствие Русского Чуда».

Вот такие совершенно полярные мнения родил на свет этот сериал, ставший и в самом деле событием в культурной жизни постсоветской России. Лично я, когда смотрел этот сериал, тоже ловил себя на мысли: вроде бы и недотягивает он по своим художественным достоинствам до лучших работ советского телевизионного кино (до того же «Места встречи изменить нельзя»), но все равно смотрится с интересом. Есть в нем какая-то харизма, которая заставляет не переключать кнопку на пульте, а смотреть до конца. И одна из причин этого — его несомненная *просоветскость*. На фоне тех сериалов про советскую историю и про злодеев-энкавэдэшников, которые в том же 2007-м буквально оккупировали российский телеэкран, «Ликвидация» смотрелась белой вороной и уже этим удивляла. А ведь речь в фильме шла о временах сталинского правления. Будь авторами сценария этого фильма какие-нибудь Сванидзе или Млечин, наверняка бы нашпиговали его разного рода «ужасами тоталитаризма». Кстати, в обоих течет еврейская кровь, как и Давиде Гоцмане. Только он еврей из того поколения, которое жизни своей не щадило за страну, предоставившую его соплеменникам возможность «выйти в люди», а млечины и сванидзе принадлежат уже к другому поколению евреев — антисоветскому, в словаре которых слово «советское» исчезло, сменившись словом «совок».

Но оставим в стороне большую политику и поговорим о приземленном — о личной жизни Владимира Машкова.

В 2005 году он женился в четвертый раз — на этот раз на миниатюрной брюнетке, 24-летней актрисе Оксане Шелест (1981). С ней он познакомился на съемках фильма с весьма выразительным названием «Давай сделаем это по-быстрому!». Вот они и сделали — поженились. Причем в России об этом браке мало кто знал. Чуть позже сам Машков признается: «Где-то внутри себя я понимал, что это снова не любовь на всю жизнь, но чувства держали…»

Однако и этот брак угас достаточно быстро. Спустя три года, в декабре 2008 года, супруги подали на развод. Причем инициативу проявила Оксана, которая внезапно узнала о том, что у ее благоверного появилась пассия — некая француженка. Вместе с разводом Оксана потребовала от бывшего мужа 300 тысяч долларов. Говорят, Машков был потрясен — ведь до этого

женщин всегда бросал он, а тут случилось обратное. Кстати, в векторных браках «слуги» обычно редко бросают своих «хозяев» — для этого нужна большая сила воля. У Ольги, видимо, она нашлась. Впрочем, на то она и Петух — а это птица боевитая.

Но самое интересное, спустя полгода после развода, весной 2009-го, в СМИ появилась информация, что Машков и Шелест… снова вместе. Якобы девушка объявила своему бывшему мужу, что на момент развода была беременна от него и не собирается отказываться от ребенка. В итоге Машков возобновил свои отношения с Шелест. То есть векторное кольцо опять дало о себе знать, поскольку разорвать его удается не каждому. Однако есть большие сомнения по поводу того, что Ольге удастся удержать такого мачо, как Машков, подле себя. Как выразилась однажды бывшая возлюбленная актера — журналистка Светлана Боброва:

«Нормальная женщина разве согласится выйти замуж за такого мужчину, как Машков? Очевидно же, что единственной для него стать нереально. Вот поэтому у него семейная жизнь и не складывается. Думаю, никогда и не сложится. И никакие венчания или клятвы верности не помогут».

А вот как это описано в гороскопе Кота: «Он флиртует направо и налево, легко и непринужденно меняя партнеров, но при этом сам требует верности и честности. Иногда со стороны его слишком влюбчивое поведение может выглядеть как заранее продуманный коварный план, но на самом деле таким способом Кот лишь убеждается в собственной привлекательности и неотразимости. Поэтому его поведение в любовных делах можно объяснить несколькими словами: Кот всегда гуляет сам по себе».

Дочка Машкова Мария в декабре 2006 года вышла замуж за актера Артема Семакина. По ее же словам, сказанным в интервью еженедельнику «Аргументы недели» (номер от 11 октября 2007 года, автор — А. Колобаев):

«Мне очень повезло с мужем, он делает для меня все: стирает, холит и лелеет. Больше того, я практически не готовлю. В 99 % случаев готовит Артем…

Мой муж — абсолютная противоположность моего отца, но я же выходила замуж не за идеал, а за любимого мужчину. И сейчас, когда я стала взрослой, понимаю, что с таким мужчиной, как отец, не смогла бы создать семью по простой причине: я очень на него похожа по характеру (в самом деле: Овен и Стрелец принадлежат к одной стихии Огня. — *Ф. Р.*). Если две такие фурии окажутся под одной крышей, нормальной жизни не получится…

Так что счастье у меня теперь есть. Я уже все нашла из того, что хотела. Другое дело, что теперь мне все это надо удержать…»

И вновь вернемся к творчеству Владимира Машкова.

Во второй половине 2007 года он снялся в роли киллера Домового в психологическом боевике «Домовой» (2009). Его оппонентом по фильму был известный писатель Антон Праченко, роль которого исполнил Константин Хабенский. Как мы помним, однажды они уже встречались в совместном фильме — в «Статском советнике» (2005), причем опять же играли там непримиримых антагонистов. В том фильме победа оставалась за героем Хабенского. В этом случилось почти то же самое, хотя финал у фильма получился открытым.

В 2008–2009 годах Машков снялся еще в двух фильмах: «Кандагар» и «Поезд» (оба вышли в прокат в 2010-м).

В основу первого фильма были положены реальные события, когда группа российских летчиков была захвачена афганскими талибами и в течение полутора лет удерживалась ими в плену. Фильм этот можно назвать чисто мужским — в нем снимались сплошь актеры-мужчины. Роли пятерых летчиков исполняли: Владимир Машков (Серега), Александр Балуев (Карпатов), Андрей Панин (Готов), Александр Голубев (Витек), Богдан Бенюк (Вакуленко). Самые непростые отношения у героя Машкова сложились с героем Балуева.

В «Поезде» Машков вновь сыграл главную роль — фронтовика Игната, который, вернувшись с войны, устраивается на работу машинистом поезда. Фильм снял Алексей Учитель. О своей работе в этой картине (натуру снимали в поселке Большая Ижора под Санкт-Петербургом с лета 2008-го по начало 2009-го) Машков вспоминает следующим образом:

«Актеру необходимо все трюки выполнять самому, чтобы добиться правды, достоверности образа. Если бы я не научился водить паровоз, то зритель бы сразу увидел мою никчемность и искусственность. В нашем мире и так много фальши, а когда и в кино все ненастоящее и придуманное, то это нагоняет еще большую апатию. Если Игнат в фильме «Поезд» живет в бараке и ест скудную похлебку, то я тоже, вернувшись со съемок, не могу питаться деликатесами. Вот и стараюсь придерживаться его меню, разумеется, не рискуя здоровьем. На время всего съемочного процесса я перестаю быть Владимиром Машковым, а становлюсь Игнатом. В течение шести месяцев до начала съемок фильма «Поезд» я худел, занимался спортом, знакомился с машинистами поездов. В моей актерской биографии нет ни одного героя, азы профессии которого я бы не постиг…»

Отдадим должное нашему герою: он и в самом деле в каждой своей роли выкладывается по-настоящему, являя собой пример актера-профессионала. Во многом благодаря этому в июне 2010

года В. Машкову было присвоено звание народного артиста России. В этом статусе он достаточно быстро снялся в двух разных по характеру ролях: в «Миссии невыполнима: Протокол фантом» (2012) перевоплотился в офицера ФСБ, а в «Распутине» (2012) облачился в одежды последнего российского императора Николая II.

Однако отнюдь не этими ролями суждено было потрясти Машкову нашу либеральную тусовку. В конце сентября 2011 года актер приехал в Москву, чтобы участвовать в XII съезде партии «Единая Россия». И там наш герой произнес 35-секундную речь во славу как России, так и «Единой России». Приведу небольшой отрывок из этого выступления:

«Мне кажется, в наших силах сделать так, чтобы нам завидовали, что мы живем в России. Россия мне дала все, и я должен своей стране отдать долг. Это мой долг, это наш долг — сделать так, чтобы наши дети и внуки были счастливы в этой стране».

Либералами этот спич Машкова был встречен с негодованием. Возмущенными комментариями были переполнены многие российские СМИ, а также интернет-пространство. Так, известный сатирик Виктор Шендерович разродился следующим комментарием (привожу в сокращении):

«Куда его понесло?.. Тут о мотивации даже страшно фантазировать, потому что вариантов, по большому счету, всего два: вошел в долю или сошел с ума.

Уж и не знаю, какой из них ему пожелать.

Не уберегли Володю, и сам не уберегся. Жалко».

Кто именно не уберег Машкова, сатирик не объясняет, но определенные выводы напрашиваются. Когда актер раз за разом играл в кино хороших евреев (как мы помним, редкий наш актер сыграл столько положительных евреев, чем Машков), последние его всячески превозносили (не секрет, что среди кинематографистов всегда было особенно много представителей именно этой нации). Но стоило Машкову выступить на съезде «Единой России» со словами любви к своей Родине, как его тут же причислили к стану провластных лизоблюдов. Дескать, не тех ты теперь лижешь, Володя.

Что касается реакции самого Машкова на эти обвинения, то она не последовала. Видимо, актер счел ниже своего достоинства дискутировать с этой публикой.